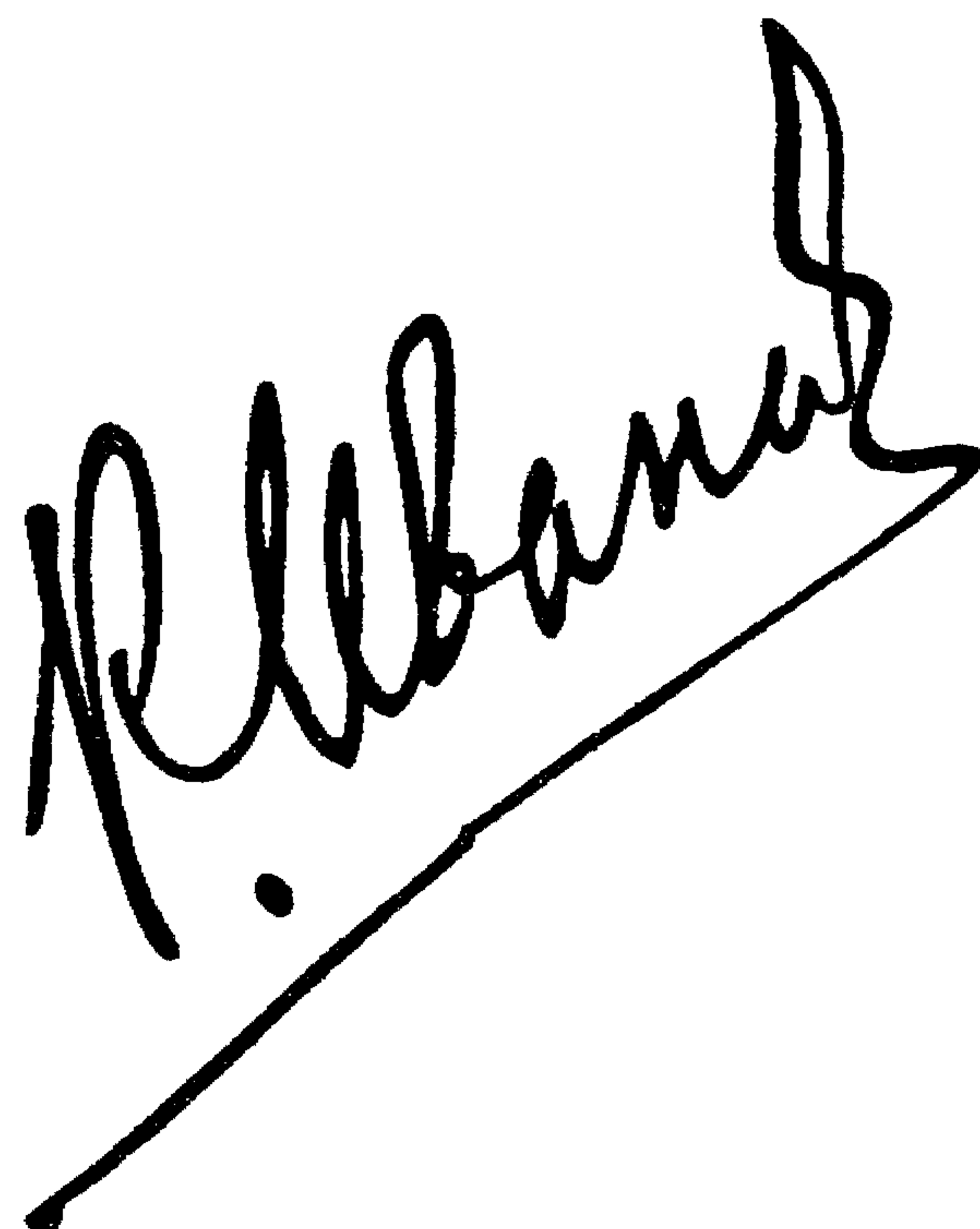

Встреча с эмиграцией

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

ИВАНОВА-РАЗУМНИКА

1942—1946 ГОДОВ

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'R. Ivanov', is written diagonally across the bottom right of the page. The signature is stylized and cursive, with a long horizontal stroke extending from the bottom of the name.

3/11/50/12

Встреча с эмиграцией

*ИЗ ПЕРЕПИСКИ
ИВАНОВА-РАЗУМНИКА
1942—1946 ГОДОВ*

*Публикация,
вступительная статья,
подготовка текста
и комментарии
Ольги Раевской-Хьюз*

*МОСКВА — ПАРИЖ
РУССКИЙ ПУТЬ — YMCA-PRESS
2001*

ББК 83.3(2Рос)6
В 85

ISBN 5-85887-103-8

Федеральная программа книгоиздания России

Дизайн Ирины Антоновой

© О. Раевская-Хьюз, составление,
вступительная статья, комментарии, 2001
© И. Антонова, дизайн, 2001
© Русский путь, 2001
© YMCA-Press, 2001

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В основу книги положен частично сохранившийся архив Разумника Васильевича Иванова (1878–1946), историка русской общественной мысли и литературы, публициста и литературного критика, писавшего под псевдонимом Иванов-Разумник. Эти материалы были переданы архиепископу Иоанну Сан-Францисскому (в миру кн. Дмитрий Алексеевич Шаховской) Мариной Георгиевной Янковской, дочерью Георгия Платоновича Янковского (двоюродного племянника Иванова-Разумника), в чьей семье в послевоенном Мюнхене Разумник Васильевич окончил свои дни. Передавая архив, Марина Георгиевна выразила пожелание, чтобы находящиеся в нем письма русских писателей 1942–1946 годов были опубликованы. Это подтвердил архиепископ Иоанн, предоставляя материалы публикатору. Во исполнение воли Владыки, после публикации письма будут присоединены к архиву архиепископа, хранящемуся в Центре русской культуры в Амхерсте (Amherst Center for Russian Culture). Передачу документов именно архиепископу Иоанну, вероятно, можно объяснить тем, что он был одним из корреспондентов Иванова-Разумника в 1942 году — между прочим, единственным, кто смог встретиться с ним в Конице и кто был позднее широко известен своими многолетними выступлениями по «Голосу Америки».

Эта работа посвящается памяти архиепископа Иоанна, а в его лице — той эмиграции, кому судьбы России оставались близкими до конца дней. Письма к Иванову-Разумнику — еще одно свидетельство любви Владыки Иоанна к русским людям и русской культуре.

* * *

В приложениях помещены очерки Иванова-Разумника, впервые опубликованные в берлинской газете «Новое слово» (впоследствии по ним была составлена книга «Писательские судьбы», здесь печатаются по газетной публикации), а также воспоминания о нем коницких солагерников.

Выражаю глубокую благодарность за помощь в подготовке этой публикации и за предоставление использованных в ней материалов И. Н. Бушман, М. Р. Гизетти, А. М. Грачевой, С. С. Давыдову, Ричарду Дэйвису, Джону Ма-

льмстаду, (†) Г. В. Михнюк, Стэнли Рабиновицу, Р. Д. Тименчику, А. Б. Устинову, Л. С. Флейшману, Т. Чеботаревой и У. Шамшула; особая благодарность А. В. Лаврову и Роберту Хьюзу.

За финансовую поддержку благодарю Комитет по научным исследованиям (Committee on Research) Калифорнийского университета в Беркли.

* * *

Авторские выделения текста передаются курсивом, в угловых скобках раскрываются сокращения и даются редакторские конъектуры и добавления. Исправления явных описок и опечаток не оговариваются.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИШ — собрание Иванова-Разумника в архиве архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского), хранящемся в Центре русской культуры в Амхерсте.

ЗК — записная книжка Иванова-Разумника на 1942 г. (собрание *АИШ*).

Записки РАГ — «Записки Русской Академической Группы в США» (Нью-Йорк).

ИМЛИ — Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук (Москва).

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РЗИА — Русский зарубежный исторический архив в Праге.

РСХД — Русское студенческое христианское движение.

СП — список полученных и отправленных писем с 15 июля по 30 декабря 1942 г., составленный Ивановым-Разумником (собрание *АИШ*).

ВСТРЕЧА С ЭМИГРАЦИЕЙ

Ваше письмо для меня было большой радостью: произошла духовная встреча, кот<орая> меня убедила, что есть все же области, где время не властно и где общий язык находится сразу, как будто между нами и не легли эти страшные десятилетия.

...Мы здесь все эти годы изгнания живем в теснейшем общении со всем, что делалось в культурной жизни России, и не теряли ни на минуту связи с нашим культурным прошлым.

А. Л. Бем. Из писем Иванову-Разумнику

Наше разногласие было частью обнаружившегося в те годы общего разногласия между «старой» уже эмиграцией, сразу покинувшей Россию, и нашей группой писателей и мыслителей, присоединившейся к эмиграции только в 1922 г., после нашей высылки из России.

С. Л. Франк. Из книги «Биография П. Б. Струве»

Цитаты из писем А. Л. Бема можно рассматривать как выражение отношения определенных интеллектуальных кругов эмиграции — не отрывавшихся от жизни — к России и русской культуре. Неприятие советской системы и отказ отождествлять Советский Союз с Россией сочетались с верой в то, что Россия жива, с верой в ее освобождение и возрождение. Боль за русский народ и вера в то, что он жив, принимала в эмиграции разные формы, что отражалось и на отношении к русской советской литературе. Встреча Иванова-Разумника с писателями-эмигрантами — это раннее предвестие того, что произойдет в послесталинскую эпоху, то есть размытия границ между русской эмигрантской и русской советской литературой — процесс, ускорявшийся с годами. Эта встреча — первая и символическая брешь в той почти непроницаемой стене, которой окружил Россию коммунизм¹. В период перестройки имя Иванова-Разумника начало возвращаться из забвения, и его наследие снова начинает занимать должное место².

С. Л. Франк, говоря о своем временном и частичном расхождении с П. Б. Струве, с кем его связывала долгая и крепкая дружба, дает очень точное определение одного постоянно присутствовавшего ис-

точника разногласий в эмиграции: различие в понимании революции, а затем и советской России, в зависимости от времени, прожитого на родине после 1917 г. Каждый уносил с собой ту Россию, которую он оставил. Это наблюдение объясняет многое во взаимном непонимании «старых» и «новых» эмигрантов, то есть тех, кто ранее или позднее покинул Россию. Чем дольше русские люди жили по разные стороны границы, тем труднее становилось им передать друг другу свой опыт. В 1942 г. Иванов-Разумник заочно «встречается» с писателями-эмигрантами после 25 лет жизни в СССР.

До революции Иванов-Разумник был известен как историк русской общественной мысли и влиятельный литературный критик. Его первая книга «История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века» вышла в 1907 г. и до революции выдержала пять изданий. Эта книга вызвала широкий отклик и сразу определила репутацию автора как серьезного мыслителя и критика. Среди отзывов на книгу была и рецензия Е. А. Ляцкого, одного из корреспондентов Иванова-Разумника в 1942 г. Ляцкий между прочим писал: «Автор обладает огромной эрудицией, необыкновенной ясностью и прямолинейностью взгляда»³. В 1949 г. в предисловии к публикации отрывков из книги «Тюрьмы и ссылки» Виктор Чернов писал об Иванове-Разумнике: «Для людей моего поколения, следивших за развитием русской общественной мысли, личность Иванова-Разумника не нуждается в рекомендации. Но для читателей, выросших в условиях оторванности от всего того, чем жила русская общественность до большевистского переворота, отмечу, что Иванов-Разумник был одним из ярких представителей русской народнической интеллигенции. По мировоззрению он ближе всего примыкал к партии социалистов-революционеров. Но по всему складу своей натуры он не был человеком политическим. <...> Писал он не столько на политические, сколько на литературные темы. <...> С Ивановым-Разумником можно было соглашаться или не соглашаться. Пишущему эти строки часто приходилось спорить с ним и даже бороться, в 1917 году, против некоторых его крайних увлечений. Но я не встречал человека, знавшего его и следившего за его работой, кто не признавал бы его светлого ума, его литературной одаренности и, главное, его глубокой беззаветной преданности тем идеалам свободы и человечности, защите которых он посвятил свою жизнь»⁴.

В годы перед Первой мировой войной имя Иванова-Разумника было тесно связано с журналом эсеровского направления «Заветы», выходившим в 1912–1914 гг. в Петербурге. С «Заветами» были связаны и его корреспонденты (Постниковы и Ремизов), и многие из упоминаемых в письмах писателей (Замятин, Пришвин, Ключев, Балтрушайтис) и эсеровских деятелей (В. М. Чернов, О. Е. Колбасина-Чернова, С. Д. Мстиславский и др.). Для участников журнала период «Заветов» — это открытие молодых писателей, совместная работа, дружба и расхождения⁵.

Во время Первой мировой войны Иванов-Разумник был непоколебимым пораженцем. К началу революции он стал фактическим главой вдохновлявшей его идеями группы «Скифы», выпустившей в 1917 и начале 1918 г. два сборника под этим названием⁶. Следующим и последним взлетом деятельности «вечного скифа» в послереволюционные годы была организация и активное участие в работе Вольной философской ассоциации (Вольфилы), существовавшей в Петрограде в 1919–1924 гг.⁷

Иванов-Разумник, друг Белого и Блока⁸, после неоднократных арестов, тюремного заключения, ссылки и запрещения жить в Царском Селе (с 1918 г. — Детское Село, с 1937 г. — город Пушкин), в июне 1941 г., а также в момент оккупации города немецкими войсками находился именно там⁹. В феврале 1942 г. Ивановы, Разумник Васильевич и Варвара Николаевна, были вывезены немцами в город Кониц в Западной Пруссии и помещены в лагерь для *Volksdeutsche*¹⁰, значительную часть которых составляли немецкие колонисты из оккупированных областей, расселение которых предполагалось в восточных областях, в частности в Польше. Когда Иванову-Разумнику попала на глаза выходившая в Берлине газета «Новое слово», в объявлениях о лекциях в Праге он нашел адреса, по которым сделал попытку связаться с научными и литературными кругами в эмиграции, а также дал объявление в газете со своим адресом¹¹. Ответом на это были публикуемые здесь письма.

Эпистолярная встреча Иванова-Разумника с русскими писателями в эмиграции не имела precedентов. При всем внимании и интересе писателей-эмигрантов к России и к русской советской литературе, все встречи довоенного периода были ограничены цензурой и оглядкой на НКВД, что обычно вело к анонимным публикациям материалов,

попадавших на Запад (см., например, «Письма оттуда», подписанные «Х» и публиковавшиеся в «Современных записках»). Писатели же, выезжавшие за границу в командировки или по личным делам (на лечение), в силу обстоятельств вынуждены были быть крайне осторожными в своих высказываниях, вне зависимости от того, собирались ли они возвращаться в СССР, так как у всех там оставались заложники, то есть близкие родственники, которые оказывались под угрозой репрессий. О трудностях получения информации из России и о России подробно пишет редактор берлинского «Руля» И. В. Гессен в своих воспоминаниях «Годы изгнания»: «Страстная погоня за сведениями из России — по закону: спрос родит предложение — часто наталкивалась на недобросовестность, а то, конечно, и на злостное намеренное введение в заблуждение»¹².

Иванов-Разумник — единственный из его поколения известный писатель такого уровня и авторитета, проживший послереволюционные годы в СССР, оказавшийся за границей во время войны и наладивший связь с русскими писателями в эмиграции¹³. Словам Иванова-Разумника нельзя было не верить. В своих письмах все корреспонденты откликаются на его очерки, печатавшиеся в «Новом слове». Вопрос правомерности публикации в «Новом слове» поднимается в письмах неоднократно, особенно обеспокоены этим Постников и Бем. Объясняет Иванов-Разумник свои действия незнанием обстановки и неосведомленностью о пронацистском направлении газеты¹⁴. За годы войны и пребывания в Германии (1942–1943, 1944–1946) и Литве (август 1943 — март 1944) он закончил четыре книги, из которых только две — «Писательские судьбы», составленная из очерков, напечатанных в «Новом слове», и «Тюрьмы и ссылки», книга, в которой детально и точно описаны аресты, допросы и ссылка автора¹⁵ — были посмертно опубликованы. Рукописи остальных книг погибли в конце войны, по-видимому, по пути из Коница в Рендсбург, где Ивановых застало окончание войны¹⁶.

Среди корреспондентов Иванова-Разумника были люди его поколения, в том числе старые партийные и литературные друзья и единомышленники, а также более молодые, лично не знакомые и только знавшие его имя. Характерно, что все откликнувшиеся писатели встретили известие о появлении Иванова-Разумника вне границ СССР с радостью и интересом, все, в той или иной мере, были озабочены его

судьбой и устройством. Хотя для всех, исключая архимандрита Иоанна Шаховского, эта встреча была только эпистолярной, можно утверждать, что переписка была взаимно обогащающей. При отправлении и получении первых писем, преодолевая двадцатилетний разрыв в общении, Иванов-Разумник не раз записывает в ЗК: «все это такой *plus-quamperfectum*». Однако он быстро втягивается в переписку, нетерпеливо ждет писем, с жадностью читает эмигрантскую литературу (см. многочисленные упоминания в публикуемых письмах) и фактически, хоть и ненадолго, сам включается в эмигрантскую критику. Очерки «Пролетарская литература и социалистический реализм» и «Советская литература. Поэзия. Проза», напечатанные в «Новом слове», во многом являются ответом на вопросы его корреспондентов о новых писателях, а также его реакцией на эмигрантскую критику. Свою позицию Иванов-Разумник определяет, отталкиваясь от эмигрантского отношения к русской советской литературе: «Когда более года тому назад мне довелось из-за китайской стены Советского Союза попасть в преддверье Европы, передо мной развернулись страницы сотен томов, недоступных ранее, и я жадно принялся за пополнение своего литературного образования. <...> Мне удалось за этот год ознакомиться с некоторой частью того, что создала “русская эмигрантская литература” за четверть века своего существования. Конечно, судить о ней в целом я еще не могу, слишком многого я еще не знаю, но кое-что уже стало ясным, а кое-что, наоборот, еще вызывает недоумение. Недоумение вызывает прежде всего эмигрантская литературная критика своим отношением к советской художественной литературе. И не то удивительно, что некоторая часть критики считает эту литературу несуществующей, ибо — что доброго из Назарета? Гораздо удивительнее для меня то приподнятое отношение к ряду советских писателей, которое проявляется в другой части этой критики» (наст. изд., приложение I, 12, с. 357). Со здравым выводом Иванова-Разумника не приходится спорить и пятьдесят с лишним лет спустя: «Я считаю, что и презрительное, и приподнятое отношение разных лагерей эмигрантской критики к советской литературе — одинаково несправедливо: она и не так ничтожна, как об этом писали критики типа Антона Крайнего, и не так замечательна, как об этом говорят критики другого лагеря» (там же, с. 359–360). Воздерживаясь от суждения об эмигрантской литературе, Иванов-Разумник заканчивает последний очерк

утверждением, что «все ценное в советской художественной литературе дано писателями старого поколения» (наст. изд., приложение I, 14, с. 369).

Не случайно, что единственный критик-эмигрант, чье имя Иванов-Разумник упоминает в своих очерках, — это Антон Крайний. Гиппиус и Мережковский — давние идейные и литературные антагонисты Иванова-Разумника. В публикуемых письмах имя Гиппиус упоминается неоднократно в связи с ее очерком-воспоминаниями о Блоке «Мой лунный друг». В очерке, говоря о Блоке и Белом во время революции, она весьма нелестно отзывается об Иванове-Разумнике («Оба писали и работали в “Скифах” — издательстве этого переметчика — не то левого эсера, не то уж партийного большевика — Ив<анова->Разумника»)¹⁷. Как и написанная в Конице статья Иванова-Разумника о Гиппиус и Блоке, это высказывание Гиппиус было концом многолетней полемики. Poleмика Иванова-Разумника с Мережковскими велась с ними как представителями и вдохновителями так называемого «нового религиозного сознания», в частности, как организаторами Религиозно-философских собраний, а также как с литераторами. Имена Мережковских встречаются на страницах фактически каждого номера «Заветов». В большой (70 страниц) статье 1911 г. «Мертвое мастерство» Иванов-Разумник дал детальную и уничтожающую критику творчества Мережковского, отчасти отражая нападки на Белинского и Толстого, но в основном разбирая собственно художественную прозу Мережковского¹⁸. Ценя Гиппиус как поэта, Иванов-Разумник подчеркивал ее декадентское «духовное бесплодие» («Бесплодие это ясно у всех “декадентов”, быть может ярче других — у З. Гиппиус»¹⁹), отвергал ее как прозаика и ожесточенно полемизировал с ней как критиком Антоном Крайним, отрицавшим значение современной литературы²⁰.

Прочитав очерк Гиппиус «Мой лунный друг», Иванов-Разумник пишет ответную статью о Блоке, которую читает в Конице в доме своего нового друга О. Ф. Вельдинга²¹. Но продолжения полемики уже не последовало: Мережковский умер в декабре 1941 г., и, хотя после его смерти Гиппиус писала о нем книгу, для нее уже начало войны было концом. Ее дневник 1940 г. заканчивается словами: «Да, я ничего не понимаю»²². Статья Иванова-Разумника — это попытка вхождения в эмигрантскую литературу, хоть и с двадцатилетним

опозданием. Судя по опубликованным отрывкам из писем Иванова-Разумника к А. Л. Бему, последний, имея возможность ознакомиться со статьей Иванова-Разумника о Гиппиус (или составив представление о ней по пересказу автора), упрекал его в «сведении старых счетов»²³. Однако не следует забывать, что в 1942 г. Иванов-Разумник уже не был тем, кем Гиппиус запомнила его в 1917, вспомним хотя бы его поздние разногласия с Андреем Белым, а затем опыт «Тюрем и ссылок»²⁴.

Письма писателей Иванову-Разумнику — свидетельство того, как обе стороны пытались наверстать упущенное за прошедшие двадцать лет: эмигрантские писатели — узнать о судьбе писателей в России, а Иванов-Разумник — познакомиться с ранее недоступной ему эмигрантской литературой, а также с историей и обстоятельствами эмигрантской жизни. Отказываясь судить об этой литературе, Иванов-Разумник не сомневается в том, что русская литература по обе стороны границы — едина: «О русской “европейской” литературе не говорю, ибо еще слишком мало ее знаю: надо еще много прочесть, чтобы иметь право сравнить эти два русла единой русской литературы, отделенных друг от друга китайской стеной вот уже четверть века» (наст. изд., приложение I, 12, с. 360).

В письмах старых друзей и сотрудников, таких, как Ремизовы и Постниковы, помимо радости избавления от опасности и заботы о друге в тяжелых обстоятельствах, очевидны воспоминания периода совместной работы и старой дружбы; с более молодыми, как Нина Берберова и архимандрит Иоанн, или лично не знакомыми до эмиграции, как Зайцев и Бем, переписка завязывает новые отношения. Творческие личности менялись и в советской России и за границей, хотя было немало тех, кто остался на своих позициях 1917 г.²⁵ Хотя принципиальная непримиримость Иванова-Разумника с тотальным контролем над свободным словом и свободной мыслью в СССР перекликается с непримиримым отношением к большевикам Мережковских, трудно представить себе сближение старых антагонистов. И, тем не менее, «*plusquamperfectum*» Иванова-Разумника, отнесение к «давнопрошедшему» первых десятилетий века, подчеркивает иные обстоятельства военных лет и непреходящее значение послереволюционного опыта.

¹ Об отсутствии информации об эмигрантской литературе даже среди ученых-литературоведов и в более поздний период свидетельствуют письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. В ответ и с благодарностью за присланную книгу Струве «Русская литература в изгнании» Оксман писал: «Передо мною открылся новый мир, так как примерно с 1922–1923 гг. до нас доходили лишь самые смутные сведения о том, что делается в рус<ской> лит<ературе> за рубежом. Сначала все это не переходило железный занавес, а затем и мы сами стали столь лояльные и дисциплинированные, что и сами не домогались книг и журналов, находившихся за семью печатями», и далее: «Впервые я узнал из Вашей книги и о судьбе А. Л. Бема, моего старого (и старшего) петербургского приятеля, так неожиданно широко развернувшегося на чужбине» (Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публ. Л. Флейшмана // *Stanford Slavic Studies*. 1987. Vol. 1. С. 34–35 (далее: «Письма Оксмана к Струве»)). Об Оксмане см. примеч. 4 к письму 4 Берберовой.

² Наиболее ранняя работа, с которой началось изучение Иванова-Разумника в наши дни: *Петрова М. Г. Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в.* М., 1975. С. 156–169. Далее следует назвать имена А. В. Лаврова и В. Г. Белоуса, чьи работы «вернули» Иванова-Разумника русской литературе. О жизни и творчестве Иванова-Разумника см. работы А. В. Лаврова: вступ. ст. к «Переписке <Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником» в: Александр Блок: Новые материалы и ис-

следования. 1981. (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2). С. 366–391; Иванов-Разумник // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 385–389 (далее: «Русские писатели. 1800–1917»); см. также предисловие А. В. Лаврова к публикации глав из книги «Писательские судьбы» (Нью-Йорк: Литературный фонд, 1951) в сборнике «Возвращение» (М., 1991. Вып. 1. С. 303–308); опуская более ранние публикации писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику, укажем на капитальный труд А. В. Лаврова и Джона Мальмстада «Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка» (СПб., 1998). Следует также упомянуть публикации Лаврова: *Иванов-Разумник. Заговор левых эсеров: Из книги «Тюрьмы и ссылки»* <Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953, далее все цитаты по этому изданию> // Досье: Приложение к «Литературной газете». 1991. № 9: Музы за решеткой. С. 6, и *Иванов-Разумник. Несколько слов о самом себе: Из книги «Писательские судьбы»* // Там же. С. 7. Работы В. Г. Белоуса: *Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки / Вступ. заметка, публ. и коммент. В. Г. Белоуса* // *Вопр. лит.* 1991. № 11/12. С. 252–277 (архивный вариант начала главы «Юбилей», отрывки из кн. «Тюрьмы и ссылки» и протоколы показаний Иванова-Разумника на допросах в 1933 г.); публ. полного текста книги «Тюрьмы и ссылки» (коммент. В. Г. Белоуса и Я. В. Леонтьева // *Мера*. 1994. № 1, 2, 4; 1995. № 1); *Белоус В. Г., Леонтьев Я. В. «Совесть русской литературы»* // *Библиография*. 1993. № 3 (259). С. 58–73 (прил. к ст.: Р. В. Иванов-Разумник: Биобиблиография / Сост. Я. В. Леонтьев); см. также: Основные даты жизни и твор-

чества Иванова-Разумника / Сост. Я. В. Леонтьев // Лит. обозрение. 1993. № 5. С. 38–40; сборники под ред. В. Г. Белоуса: Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. Вып. 1. 1998. Вып. 2 (далее: «Иванов-Разумник: Личность»). См. также ниже примеч. 6 и 7.

³ Цит. по: Лавров А. В. Иванов-Разумник // Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. С. 381.

⁴ Социалистический вестник. 1949. № 8/9. С. 158. В журнале были опубликованы отрывки из последней части книги «Тюрьмы и ссылки» «Повторение пройденного» об аресте и допросах 1937 г. Публикация озаглавлена «Ежовщина» (1949. № 8/9, 10, 11, 12; 1950. № 1).

⁵ История организации журнала «Заветы» детально изложена во вступительной статье Б. Н. Капелюш к публикации писем Ю. К. Балтрушайтиса к В. С. Миролубову и Иванову-Разумнику в связи с работой Балтрушайтиса в «Заветах», где он заведовал отделом переводов (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 г. Л., 1979. С. 159–177). Издателем журнала был А. И. Иванчин-Писарев, Иванов-Разумник вел отдел «Литература и общественность», С. Д. Мстиславский — отдел публицистики «Свое и чужое», а С. П. Постников был секретарем редакции. Между редакторами В. С. Миролубовым и В. М. Черновым, находившимися в то время за границей, и петербургской частью редакции произошли разногласия, так как Иванов-Разумник не посылал все рукописи заграничным редакторам. Миролубов в конце концов вышел из редакции журнала. Упоминаемые в пи-

сьмах Постниковых «заветовские горести» по всей вероятности связаны с последствиями этих неприятностей. И. М. Юдина (Архив А. И. Иванчина-Писарева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 3–24) приводит выдержку из письма В. М. Чернова (январь 1914 г.) с критикой некоторых высказываний Иванова-Разумника на страницах журнала: «Я <...> сам полемист <...> Но, думается мне, Раз<умник> Вас<ильевич> как раз поднимает на дыбы людей вовсе без всякого специального намерения и, быть может, даже вопреки намерению. Так к юбилею Бунина он проронил совсем ненужные слова о “дворянском околыше”, так он поднял на дыбы Айхенвальда, так, совсем напрасно, он столкнулся с Гиппиус и Философовым на вопросе о словах, произнесенных Карташевым в закрытом собрании <...> так, наконец, в последней книжке “Заветов”, как мне кажется, он неумерен в выражениях по поводу акмеистов; ведь то же самое по существу можно сказать гораздо мягче по форме; да и в мимоходном его упоминании о Куприне есть тот же грешок». Заканчивается цитата об Иванове-Разумнике так: «Ведь Раз<умник> Вас<ильевич> по природе, по темпераменту совсем не полемист; так лучше ему и держаться своего жанра, а то опять наживет лишь таких же нежданных-негаданных неприятностей» (с. 21–22). Представляется, что Чернов переносит характеристику Иванова-Разумника-человека на Иванова-Разумника-критика. При личной мягкости и доброжелательности (см. приложения в наст. изд., а также воспоминания в сб.: Иванов-Разумник: Личность. Вып. 1) критиком он

был острым и беспощадным. Журнал «Заветы» был запрещен Главным управлением по делам печати в сентябре 1914 г.; последний вышедший номер — 7-й за 1914 г.

⁶ В невышедшем 3-м сборнике Иванов-Разумник предполагал напечатать стихотворение Блока «Скифы» и поэму «Двенадцать». Они были опубликованы заботами Иванова-Разумника в газете левых эсеров «Знамя труда», затем в левозсеровском журнале «Наш путь» и в 1918 же году отдельным изданием со статьей Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре» (см.: Переписка <Блока> с Р. В. Ивановым-Разумником. С. 377–378). О роли Иванова-Разумника как вдохновителя Блока в революционный период в связи с поэмой «Двенадцать» см.: *Hackel S. The Poet and the Revolution: Aleksander Blok's «The Twelve»*. Oxford: Clarendon Press, 1975; о влиянии Иванова-Разумника на писателей его круга в период революции см. в книге Е. Лундберг «Записки писателя» (Берлин, 1922): «Вечерами у Иванова-Разумника литература не только подается, она творится — особенно долгими ночами, когда один из гостей остается с глазу на глаз с хозяином» (с. 117). См. о «Скифах»: *Дьякова Е. А. Христианство и революция в миросозерцании «Скифов» (1917–1919 гг.)* // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50, вып. 5. С. 414–425; *Белоус В. Г. «Скифское», или трагедия «мировоззрительного отношения» к действительности* // Звезда. 1991. № 10. С. 158–166; *Белоус В. Г. Испытание духовным максимализмом: О мировоззрении и судьбе Р. В. Иванова-Разумника* // Лит. обозрение. 1993. № 5. С. 25–37; Бело-

ус В. Г. Духовное завещание Скифа // Звезда. 1996. № 3. С. 105–108 (предисловие к публикации писем Иванова-Разумника к Л. Л. Слонимской (публ. и примеч. В. Г. Белоуса) и Б. К. Зайцеву (публ. и примеч. В. Г. Белоуса, Я. В. Леонтьева и Ж. Шерона)); см. также: *Белоус В. Г. Реконструкция «Антроподицеи», или Самооправдание Иванова-Разумника* // Русская мысль. 1995. 23–29 нояб. № 4102; 1995. 30 нояб. – 6 дек. № 4103. См. также: *Dobringer E. Der Literaturkritiker R. V. Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Skythentums*. München, 1991.

⁷ О Вольфиле см. воспоминания ее ученого секретаря, А. Штейнберга, «Друзья моих ранних лет (1911–1928)» (Париж: Синтаксис, 1991); см. также: Р. В. Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле. 1921–1923 гг. / Публ. и коммент. Я. В. Леонтьева // Вопр. философии. 1993. № 12. С. 69–77 (письмо Иванова-Разумника Андрею Белому от 7 декабря 1923 г.); *Эрберг К. Вольфила* / Публ., примеч. В. Г. Белоуса // Лит. обозрение. 1995. № 4/5. С. 105–111; *Иванова Е. В. Вольная философская ассоциация: Труды и дни* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 3–77, эта публикация включает хронику открытых заседаний, список кружков, работавших при Вольфиле (названия, руководители, отделы, расписание), а также протоколы двух заседаний; *Белоус В. Г. Андрей Белый — председатель Вольной философской ассоциации (Вольфилы)* // Вопр. философии. 1996. № 10. С. 113–122; Из протоколов Вольфилы: Заседание «Памяти Вл. Соловьева» / Публ. и примеч. В. Г. Белоуса // Вопр.

философии. 1997. № 1. С. 138–149; *Он же*. Петроградская Вольная философская ассоциация (1919–1924): Антиталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997; см. также воспоминания: *Гаген-Торн Н.И.* Вольфила: Вольно <так!> философская Ассоциация в Ленинграде <так!> в 1920–1922 гг. / Публ. Г. Ю. Гаген-Торн // *Вопр. философии*. 1990. № 4. С. 88–104. О продолжении Вольфилы за границей: *Обатнина Е. Р., Белоус В. Г.* Берлинская Вольфила (1921–1922): Хроника // *Вопр. философии*. 1997. № 7. С. 141–155.

⁸ См.: *Лавров А. В.* Иванов-Разумник // *Русские писатели. 1800–1917*. Т. 2. С. 385–389, а также письмо 1 Берберовой в наст. изд.

⁹ Эти обстоятельства подробно описаны в книгах Иванова-Разумника «Тюрьмы и ссылки» и «Писательские судьбы», см. также примечания к публикации в журнале «Мера» и приложение I, 1 в наст. изд.

¹⁰ В. Г. Белоус дал максимально полный обзор жизни Иванова-Разумника за 1941–1946 гг. в статье «Изгнание Скифа» (*Вестник РХД*. 1997. № 175. С. 151–172); см. также: *Раевская-Хьюз О.* Иванов-Разумник в 1942 году // *Блоковский сб. XIII. Русская культура XX века: Метрополия и диаспора*. Тарту, 1996. С. 214–232.

¹¹ 26 марта Иванов-Разумник записывает в *ЗК*: «Прочел номер “Нового слова” от 1 марта и из объявлений о лекциях узнал адреса: Прага. Мысликовская ул., 6. Историческое Общество. Проф. И. И. Лапшину. Прага. Ул. Радецкого, 29. Русский свободный университет. Проф. А. Л. Бем. Напишу обоим. Какое все это — plusquamperfectum!» В газете «Новое сло-

во» (№ 30) от 15 апреля 1942 г., в отделе «Розыски» (с. 7), было напечатано следующее объявление: «Писатель Иванов-Разумник, приехавший из освобожденных областей, просит всех друзей и знакомых откликнуться по адресу: Iwanow-Rasumnik, Barackenlager, Baracke “Essen”, Zimmer 8, Konitz (Westpr.)».

¹² *Гессен И. В.* Годы изгнания. Париж, 1979. С. 124 и далее.

¹³ Другим представителем его поколения был философ *Сергей Алексеевич Аскольдов* (1871–1945), автор книг «Основные проблемы теории познания и онтологии» (1900) и «Мысль и действительность» (1914), после ссылки жил в Новгороде, где попал в оккупацию и был вывезен в Берлин. Вследствие припадков сердечной астмы не мог покинуть Берлин до занятия его советскими войсками, был арестован, вскорости освобожден, но скончался через несколько дней (23 мая 1945 г.). См. о нем воспоминания Бориса Филиппова «Всплывшее в памяти: Рассказы. Очерки. Воспоминания» (Лондон, 1990. С. 153–158). Филиппов упоминает работу Аскольдова «Четыре разговора». Эта работа опубликована А. В. Лавровым в сб. «Пути и миражи русской культуры» (СПб., 1994. С. 383–508): «Четыре разговора. Мысленный образ Христа», с преамбулой публикатора и воспоминаниями Д. С. Лихачева об Аскольдове.

Иванов-Разумник был исключением в так называемой «второй эмиграции». В отличие от первой послереволюционной эмиграции, включавшей большое число дореволюционной интеллигенции, эмиграцию военных лет составляли главным образом военнопленные и так называемые «остов-

цы» (Ostarbeitern), то есть молодежь, люди, выросшие, а часто и родившиеся уже после революции. (О встрече с этой молодежью см.: *Иоанн (Шаховской), еп.* Город в огне // Письма о вечном и временном. Нью-Йорк, 1960.) Третью значительную группу в эмиграции военных лет составили беженцы из оккупированных областей, беженцы не только от сталинских лагерей, но и от фронта. Следует отметить, что нередко люди из оккупированных областей оказывались в немецкой форме на дорожных и других вспомогательных работах. См., напр., воспоминания Аркадия Бормана о русских пекарях в немецкой форме в Гренобле: *Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс* по ее записям и воспоминаниям сына. Лу-вэн — Вашингтон, 1964. С. 288. См. также воспоминания военных лет Ольги Андреевой-Карлайл: *Carlisle O. Island in Time: A Memoir of Childhood (Daily Life during the Nazi Occupation)*. New York, 1980.

¹⁴ Как видно из публикуемых писем, хотя к «Новому слову» корреспонденты Иванова-Разумника относились отрицательно, газету читали все. Нина Берберова записывает в ноябре 1942 г.: «Достаточно прочесть два номера берлинской газеты “Новое слово”, чтобы понять всю ничтожность, лакейство, продажность, всю подлость русской души, когда она хочет выслужиться, отличиться» (Курсив мой. Мюнхен, 1972. С. 497; далее все ссылки на это издание). Ср. также отзыв И. В. Гессена: «Когда <...> было создано “Новое слово”, на пост редактора удалось найти лишь бывшего владельца ресторана, прибегнувшего после неудачи на этом поприще к мелкому репортажу и тщетно старавшего-

ся ввести в заблуждение публику усвоением внешнего облика “Руля”. Не ошибусь, сказав, что ни один заправский литератор не предоставил своего имени этому бездарному листку — все это были, под стать редактору, плавающие и путешествующие в поисках заработка» (Годы изгнания. С. 243). Еженедельная (позднее издававшаяся два раза в неделю) газета «Новое слово» начала выходить в 1933 г. и прекратилась в конце 1944 г. Редактором ее был *Владимир Михайлович Деспотули* (р. 1885, печатался также под псевдонимом *Влад. Неллин*), журналист, участник Гражданской войны, связанный с военными кругами эмиграции, он регулярно печатал свои фельетоны в газете «Руль», был берлинским корреспондентом парижского «Возрождения», также принимал участие в газете «Наш век». Наиболее полную информацию о газете и ее редакторе можно найти в работе, написанной по архивным материалам: *Hufen Ch. Die Zeitung Novoe Slovo: Eine Russische Zeitung in Nationalsozialismus // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hg. Karl Schlögel*. Berlin: Akademie Verlag, 1995. С. 459–467. По сведениям автора, Деспотули был смещен с поста редактора летом 1944 г. по рекомендации министерства, ведавшего оккупированными областями (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete), за повторные нарушения запрещения использовать в публикуемых статьях так называемую «вражескую информацию». Причиной отставки Деспотули якобы явилась его статья «Приказы Сталина» (16 июля 1944 г.), где он высказал мнение, что в СССР коммунизм изгоняется русским национализмом. Иную вер-

сию смещения Деспотули сообщает Б. Прянишников, работавший корректором в типографии, выпускавшей «Новое слово», в книге «Новопоколенцы» (1996). Описывая берлинское подполье НТС (партия Национально-трудового союза нового поколения, НТСНП), Прянишников пишет: «В. М. Деспотули, после встречи с одним из помощников Розенберга, Рудольфом Адамовичем Лейбрандом, не разделявшим взглядов Гитлера и начальника *Ostministerium*, Розенберга на (восточную) политику по отношению к русским и их культуре, организовал при редакции “Нового слова” редакционное совещание, куда помимо самого редактора и его помощника Н. И. Перова вошло шесть членов НТСНП» (с. 163). Это «редакционное совещание» (члены НТСНП: Байдалаков, Вергун, Брунст, Поремский, Казанцев и Рождественский) было негласным русским комитетом. За членами НТС велась слежка Гестапо и летом 1944 г. в Берлине было арестовано руководство Союза, что и повело к смещению Деспотули. (Robert C. Williams в своей книге «*Culture in Exile: Russian Emigres in Germany. 1881–1941*» (Cornell Univ. Press, 1972) ошибочно считает, что «Новое слово» было закрыто в 1939 г. после заключения пакта Молотова-Риббентропа. См. также: *Stephan J.-L. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945*. New York, 1978.) В связи с этим небезынтересен обзор газеты за 1942 г., данный С. Шварцем в «Социалистическом вестнике» (Центральный орган РСДРП. Нью-Йорк, 1943. № 1/2). Публиковавший во время войны очерки под заглавием «В оккупированной России», Шварц отмечает

заметную перемену в ориентировке газеты с началом войны. Если до войны она обращалась к прогитлеровским кругам эмиграции и пыталась привлечь к нацизму молодежь, то во время войны в ней исчезла пропаганда нацизма и, по мнению Шварца, сократился антисемитизм: «Общий характер огромного количества сообщений газеты из оккупированных областей, выдержанных в подавляющем большинстве случаев в тонах неполитической информации (без тени антисемитизма), характерной для многих провинциальных газет далекого прошлого, с каким-то легким прогрессивным и, странно сказать, гуманитарным оттенком» (с. 10). Шварц считает, что во время войны «Новое слово» в какой-то мере стало «главной, “направляющей” газетой на русском языке для всей “оккупированной зоны” СССР». Добавим, что до того еженедельная, в 1942 г. газета стала выходить два раза в неделю, а ее тираж с 3 500 (в 1935 г.) увеличился летом 1943 г. до 50 000 (данные по Ch. Hufen). Хотя Шварц без сомнения прав в том, что в годы войны газета действительно давала большое количество информации из оккупированных областей, однако антисемитизм с ее страниц не исчез. См., напр., статью И. Горского «Евреи и русская литература» (Новое слово. 1942. 24 мая; см. примеч. 6 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизову в наст. изд.). Деспотули был арестован в Берлине после прихода советской армии и после 10 лет лагерей в СССР вернулся в Германию в рамках Аденауэровского возвращения немецких пленных и арестованных. Он содержался в том же лагере, что и Л. П. Карсавин (по сообщению их односидельца Ю. К. Ге-

расимова, ныне — руководителя Блоковской группы в Пушкинском Доме и заместителя главного редактора академического «Полного собрания сочинений» Блока).

¹⁵ Хотя работа над этой книгой неоднократно прерывалась, обладая феноменальной памятью, Иванов-Разумник детально воспроизвел свой тюремный опыт 1930-х гг. Солженицын подчеркивает значение описания Ивановым-Разумником тюремного быта 1937–1938 гг. (см.: Архипелаг Гулаг. Париж, 1973. С. 135, примеч.).

¹⁶ Заметка в нью-йоркском «Новом русском слове» (1949. 14 авг.) «К судьбе Иванова-Разумника», ссылающаяся на «Известия Литературного фонда» (№ 2), сообщает о работах Иванова-Разумника, написанных за годы войны в Германии и Литве: «...Им были написаны книги “Писательские судьбы” (часть была напечатана в “Новом слове”, остальное пропало), “Холодные наблюдения и горестные заметы” (о большевицких и немецких зверствах — эта работа была закончена и уже набиралась в типографии, когда в нее попала бомба — набор и рукопись сгорели), “Письма без адресов” — большая книга, собрание статей на разные темы, рукопись была переслана в Прагу, судьба ее неизвестна. Сохранились и вывезены в Америку две рукописи: “По тюрьмам на родине” — около 500 страниц на пиш. машинке и “Оправдание человека, или Антроподицея” — построение новой религии человечества, работа культурно-философского характера» (с. 4). В письме А. Л. Бему от 5 фев. 1944 г. Иванов-Разумник дает подробное описание этих четырех книг, см.: Шерон Ж. Из военной переписки Иванова-

ва-Разумника с А. Л. Бемом: Суждения о литературе русской эмиграции // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 150–152.

¹⁷ Гиппиус З. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 246. Об отношениях Блока с Мережковскими см.: Минц З. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // Блоковский сборник. Тарту, 1980. Вып. 4. С. 116–222; а также: Лавров А. В. «Рожденные в года глухие...»: Александр Блок и З. Н. Гиппиус // Рус. литература. 1995. № 4. С. 126–131.

¹⁸ Творчество и критика. Пб., 1912. Ср. высказывание Бердяева 1916 г. о Мережковском и Гиппиус в статье «Новое христианство: Д. Мережковский» (Собр. соч. Париж, 1989. Т. 3. С. 490); там же о Гиппиус (с. 514); статья вошла в двухтомник «Философия творчества, культуры и искусства» (М., 1994. Т. 2).

¹⁹ Русская литература XX века (1890–1915 гг.). Пг.: Колос, 1920. С. 17. (Переиздание главы из: История русской общественной мысли. 5-е изд. Пг., 1918.)

²⁰ См., напр.: Русская литература в 1912 г. // Заветное. Пг., 1922. С. 32.

²¹ 19 июня он записывает в ЗК: «Начал статью о воспоминаниях З. Гиппиус про Блока», 24 июня и 9 июля снова упоминает работу над статьей, получившей название «Старушка убивается...», а 14 сентября записывает о чтении статьи у Вельдигов (о О. Ф. Вельдинге см. наст. изд., «Эпилог»). По-видимому, статья не сохранилась.

²² Серое с красным: Дневник 1940 г. // Новый журнал. 1953. № 33. С. 225. О смерти Гиппиус (1945) и Мережковского см.: Злобин В. Тяжелая

душа. Вашингтон, 1970. См. также письма Гиппиус 1942–1943 гг. к А. Л. Бему (публ. и примеч. Ж. Шерона // Новый журнал. 1997. № 209. С. 206–215), в связи с его помощью в получении гонораров Мережковского от чешских издателей.

²³ Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 152.

²⁴ В «Тюрьмах и ссылках» Иванов-Разумник описывает спор о свободе творчества с несколькими писателями у себя дома в декабре 1930 г. Его точка зрения сводится к следующему: «“Индустриализация” лицевая сторона медали, “коллективизация” и миллионы ее жертв — сторона обратная. Ты ничего не смеешь сказать о последней? Молчи же и о первой: бывают эпохи, когда писатель обязан не быть публицистом» (с. 128). В описании этого же спора он упоминает свои разногласия с Андреем Белым: «Давняя дружба соединяла нас, но за последнее время стали омрачать ее непримиримые политические разногласия; не то, чтобы черная кошка пробежала между нами, но черный котенок не один раз уже пробовал просунуться, — с тех пор, как в книге “Ветер с Кавказа” Андрей Белый сделал попытку провозгласить “осанну” строительству новой жизни, умалчивая о методах ее» (с. 127). О расхождении Белого с Ивановым-Разумником см. вступ. заметку Дж. Мальмстада к его публикации «Письма Андрея Белого Д. М. Пинесу» (Новое литературное обозрение. 1995. № 12). Мальмстад отмечает окончание многолетней переписки Белого с Ивановым-Разумником (4 сент. 1932 г.), ссылаясь на цитированные выше слова из «Тюрем и ссылок» о «непримиримых политических раз-

ногласиях» и приводит значительную выдержку из черновика письма Белого Пинесу о расхождении с Ивановым-Разумником, но считает причины расхождения невыясненными (с. 86–87).

²⁵ Приводим текст сохранившейся в собрании АИШ открытки родственника Иванова-Разумника С. Д. Окулича, посланной в ответ на объявление в «Новом слове» о его приезде: «Позорный конец позорной жизни! Быть одним из первых большевистствующих <так в тексте>, соратником Горького; жить и работать с большевиками во время их торжества и владычества, не думая о том, что большинство лучших людей гибнет от голода, духовного и физического, в советском “раю” или от пули ЧК и ГПУ; пожимать руки жидам; славословить “достижения”, а, когда приходит конец этим, Вашим, господам, не делить с ними судьбу, хотя бы из последовательности, а, как крыса с тонущего корабля, “прибыть” из *освобожденных* (от кого?) краев в германский лагерь и, очевидно, бесплатную комнату № 8, в страну, которая смертельным боем бьется с Вашими четверть-вековыми господами — это ли не наивысшая подлость и доказательство, что идеалов у Вас никогда и не было, а все шло по формуле “*ôtes-toi, que je m’y mette!* <убирайся и дай мне место! — *Фр.*>”. А может быть “прибыли”, чтобы *теперь* писать против Ваших господ? Вот и отозвался один из Вами призываемых». Открытка датирована 17.IV.42. Рукой Иванова-Разумника сделана приписка: «Сергей Данилович Окулич, сын моего дяди, Даниила Осиповича Окулича; около 1910 года (кажется) выпустил книгу стихов под фамилией Оку-

лич-Окша (тоже кажется). Очень характерное письмо. 21.IV.42. ИР». Это письмо характерно не только своим тоном и политической позицией, но также полной неосведомленностью о жизни и взглядах Иванова-Разумника не только после революции, что более извинительно, но и в более ранний период («соратник Горького»; об отношениях Иванова-Разумника с Горьким см. публикацию Е. В. Ивановой и А. В. Лаврова их переписки, а также

ранней статьи Иванова-Разумника о Горьком в: Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. (Литературное наследство. Т. 95). С. 706–743). Характерно оно и своим огульным отрицанием всего советского, что станет отношением некоторых правых кругов первой к так называемой новой или второй эмиграции. Ср.: *Димитрий Константинов, прот.* Через туннель XX столетия. М., 1997.

Георгий ИВАНОВ

Георгий Владимирович Иванов (1894–1958) — поэт, член гумилевского «Цеха поэтов» (1912), печатался в «Гиперборее» и «Аполлоне». Друг Гумилева. После расстрела Гумилева подготовил к печати его «Письма о русской поэзии» (Пг., 1923) и «Стихотворения: Посмертный сборник» (Пг., 1922, 1923), под его редакцией вышел также сборник «Чужое небо» (Берлин, 1936). Мемуарная проза Георгия Иванова, составившая книгу «Петербургские зимы» (Париж, 1928; переизд.: Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952), ярко воспроизводит атмосферу литературного Петербурга предреволюционных лет, книгу, однако, подвергали суровой критике за фактическую недостоверность. Из петербургского поэта-акмеиста второго ряда, писавшего стихи в линии Кузмина и Гумилева, в эмиграции Георгий Иванов становится большим поэтом вне литературных школ и направлений («Розы», 1931; «Отплытие на остров Цитеру», 1937; «Портрет без сходства», 1950; «Стихи: 1943–1958», 1958). Для одних критиков он «нигилист» и «циник» (Глеб Струве), для других — поэт-экзистенциалист (Роман Гуль). Исключительно высоко оценивает Георгия Иванова Владимир Марков, считающий его первым поэтом эмиграции, выше Ходасевича и Цветаевой (см.: *Марков В. О поэзии Георгия Иванова // Опыты. 1957. № 8. С. 83–92; см. также: Markov V. Georgy Ivanov: Nihilist as Light-Bearer // Bitter Air of Exile: Russian Writers in the West: 1922–1972 / Ed. by Simon Karlinsky and Alfred Appel, Jr. Berkeley: UC Press, 1977. P. 139–163 (1-е изд.: Russian Literature and Culture in the West: 1922–1972 // Triquarterly. 1973. Vol. 27); Ivanov G., Odojeveva I. Briefe an Vladimir Markov: 1955–1958. Köln: Böhlau Verlag, 1994).* Популярным поэтом в эмиграции быть он не мог. Его поздние стихи, неизменно краткие и ясные словесно и синтаксически, слишком откровенно и беспощадно говорили о жизни и смерти, о потерянной России и эмиграции. В его стихах ирония и саркастическая насмешка над самим собой переводят эмигрантскую ностальгию на другой уровень, если не в иное измерение. Он говорит об общеэмиг-

рантском опыте утраты России и потери надежды на возвращение без сожаления и сентиментальности: «Ничего не вернуть. И зачем возвращать? / Разучились любить, разучились прощать, / Забывать никогда не научимся...» (Портрет без сходства. С. 19). Как предел отрицания и нигилизма Иванова обычно приводится стихотворение, где Иванов выступает «ниспровергателем»:

Хорошо, что нет царя.
Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
Только желтая заря,
Только звезды ледяные,
Только миллионы лет.
Хорошо — что никого.
Хорошо — что ничего.
Так черно и так мертво,
Что мертвее быть не может
И чернее не бывать,
Что никто нам не поможет
И не надо помогать.
(Розы. С. 31)

Роман Гуль, написавший большую вступительную статью к последнему сборнику «Стихи: 1943–1958», приводит в противовес этому стихотворению его восьмистишие, написанное по известной фотографии, где Иванов поэтически безупречно передает сущность трагедии царской семьи. Его «легкое прикосновение» (сам император не назван, а дан метонимически) оказывается глубже и точнее многословных описаний:

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

(1-я публ. в цикле: Стихи 1950 года // Новый журнал. 1951. № 25. С. 133).

В 1975 г. вышло «Собрание стихотворений» Георгия Иванова под ред. В. Сечкарева и М. Дальтон в серии «Colloquium slavicum: Beiträge zur Slavistik» (Band 7. Würzburg). Наиболее полное издание: *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. / Сост., подгот. текста и вступ. ст. Е. В. Витковского. М., 1994. См. также: *Иванов Г.* Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени / Сост., послесл. и коммент. Н. А. Богомолова. М., 1989.

Георгий Иванов был бессменным председателем на собраниях «Зеленой лампы» (1927–1939), общества, организованного в Париже по инициативе Мережковского и Гиппиус. (См.: *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж — Нью-Йорк, 1987 и *Он же.* Встречи. Нью-Йорк, 1953; см. также примеч. 16 к письму 9 Постниковой.)

В 1933 г. в «Числах» (№ 7–8. С. 184–194; см. примеч. 8 к письму 3) был напечатан очерк Г. Иванова «О новых русских людях», отражавший неубывающий в эмиграции интерес к России и Советскому Союзу. Его статья остра и иронична. Открывается она характеристикой русского Парижа: «Еще два-три года тому назад в общественно-литературных эмигрантских кругах Парижа все было более-менее ясно. Всякий, к этим кругам принадлежащий, знал существующий порядок вещей, установившийся, по-видимому, “всерьез” и “надолго”. Ясно было — где “правое”, где “левое”, где “реакция”, где “прогресс”, в чем “верность традициям” и в чем “подрывание устоев”, кто сохраняет “живую связь с действительностью” и “кто ничего не забыл и ничему не научился”» (с. 184). Невзирая на острые разделения и борьбу «левых» и «правых», эмиграция была едина в своем отвержении большевизма, но появление людей «пореволюционного сознания» радикально меняет картину, так как этих людей нельзя назвать эмигрантами или большевиками. Далее следует описание выступлений и программы П. С. Боранецкого, фигурирующего у Иванова под своим именем и отчеством — Петр Степанович — с прямой отсылкой к «Бесам» Достоевского. П. С. Боранецкий, организатор и редактор журнала «Третья Россия» (вышло 9 номеров в 1932–1939 гг.), был одним из первых «новых эмигрантов» — беглецов из Советского Союза. По словам Варшавского, выступления Боранецкого в Париже «произвели на эмиграцию ошеломляющее впечатление», в нем старались угадать «облик нового массового советского интеллигента» (*Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк: Изд-во

им. Чехова, 1956. С. 268). Иванов воспринимает Боранецкого не как личность, а как тип нового человека, сформированного советской системой, и в этом видит опасность его одержимости утопической идеей «титанизма». Г. П. Федотов, характеризуя журнал Боранецкого как «ярко антибольшевистский, пореволюционный <...>, ярко антихристианский», заключает: «Редко приходилось читать что-нибудь более страшное, чем этот призрак грядущей России» (Пореволюционная пресса // Федотов Г. П. Тяжба о России. Париж: УМСА-Press, 1982. С. 100–101; 1-я публ.: Новый град. 1933. № 6). И на Георгия Иванова редактор «Третьей России» наводит страх: «Выросши на отравленной почве, в разреженном воздухе “социалистического опыта”, в искаженных перспективах прошлого и будущего, сдобренное, как дрожжами, врожденным русским “максимализмом”, — это новое... уродливо и внушает страх» (О новых русских людях. С. 193). Самое примечательное в реакции на эти выступления, громившие и демократов и большевиков, выдвигавшие свою программу «пореволюционного синтеза», включавшую и техническое воскрешение мертвых, было восприятие Боранецкого, как представителя «нового человека»: «Как о темной стороне луны — о Советской России мы достоверно знаем, собственно, только то, что она существует. Все остальное — спорно <...>. И вот <...> новый русский человек стоит перед нами. У него славный мужицкий выговор, славный открытый взгляд. Если он улыбается, улыбка у него детская. Но по большей части он серьезен, каменно серьезен. От лица миллионов, таких же, как он, каменно серьезным голосом он говорит миру: “Мы достроим Вавилонскую башню. Мы хотим могущества”» (О новых русских людях. С. 189–190). Помимо неугасающего интереса к «новым русским людям», характерно желание в новом и чуждом, вопреки очевидности, найти знакомые черты.

* * *

В собрании *АИШ* сохранилось два письма Георгия Иванова к Иванову-Разумнику, а также одна открытка Иванова-Разумника, возвращенная почтой для доплаты и второй раз не отправленная адресату. По-видимому, переписка не продолжалась: в *СП* Иванов-Разумник имя Георгия Иванова не упоминает.

1. Г. В. Иванов — Иванову-Разумнику

<18.IV.1942>

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Я прочел Ваше объявление в «Новом Слове»¹. Очень рад, что Вам удалось бежать из советского ада. Мы с Вами мало знакомы, однако Вы, вероятно, помните мое имя — ругали меня когда-то за акмеизм². Я не совсем понимаю, где Вы находитесь, что это за лагерь? Если мое письмо дойдет до Вас, и Вы мне ответите, я в свою очередь, с радостью, напишу Вам обо всем, что Вас интересует.

Я в эмиграции с 1922 года. Вы все время были «там». Оба можем сообщить друг другу много, много. Меня, например, очень интересует судьба Ахматовой, Мандельштама, М. Л. Лозинского³. Услышать от Вас о той России, к которой принадлежите и Вы и я, и которая двадцать пять лет была в небытии, очень бы хотел. Что-то потустороннее есть в этом письме к Вам: оба мы как призраки, вдруг столкнувшиеся в каких-то стратосферах. То, что Вы спаслись, самое главное, и я был очень взволнован и обрадован, прочтя Ваше имя и адрес. Хотя мы почти не знаем лично друг друга, я думаю уместно сказать, что я крепко целую Вас.

Ваш *Георгий Иванов*.
(Владимирович)

Письмо. Автограф по старой орфографии. Почтовая бумага с напечатанным адресом (две строчки): «Villa Parnasse, Anglet (B.P.)», рукою Г. Иванова приписано сбоку: «Monsieur Georges Ivanoff» и «это адрес»; дата по почтовому штемпелю (Biarritz).

¹ См. примеч. 11 к вступ. статье. Подобные объявления с указанием адреса были обычной практикой в годы войны. Для попадавших на Запад из оккупированных областей Советского Союза это был фактически единственный способ установления связи с родственниками и знакомыми. О газете «Новое слово» см. вступ. статью.

² В № 5 «Заветов» за 1913 г., где были напечатаны стихотворения Ахматовой, Городецкого, Гумилева, Зенкевича и Мандельштама, отдел «Текущая жизнь» открывался редакторской заметкой, предварявшей статью А. Долинина «Акмеизм». Заметка ограничивалась редакторским мнением по поводу теоретических

установок акмеизма: «“Акмеисты” — детски беспомощны в области философии, и все-таки пытаются слепить эстетическую теорийку. Это безнадежно. “Акмеисты” не видят для себя преимущества в русской литературе, они считают своими по духу “Шекспира (!), Рабле, Виллона, Теофиля Готье”... Это еще более безнадежно, это крест над всей их теорией. <...> От теории “акмеизма” в ее теперешнем виде мы отгораживаемся самым решительным образом, а стихи охотно будем и впредь помещать на страницах “Заветов”» (Заветы. 1913. № 5. Отд. II. С. 153). Позднее Иванов-Разумник замечает мимоходом: «<Акмеизм,> несомненно, “реалистическое” течение, но теоретическое обоснование его так детски беспомощно, что говорить о нем подробно было бы лишь ненужной тратой времени» (Вечные пути: Реализм и романтизм // Заветы. 1914. № 3. Отд. II. С. 108).

³ Как петербургский поэт, близкий акмеизму, друг Гумилева, Георгий Иванов в первую очередь интересуется судьбой петербургских поэтов. Поэт и переводчик *М. Л. Лозинский* (1886–1955) был тесно связан с акме-

истами (участник «Цеха поэтов»; редактор-издатель акмеистического журнала «Гиперборей»; в 1913–1917 гг. секретарь журнала «Аполлон»), дружил с Гумилевым, Ахматовой и Мандельштамом. Сборник его стихов «Горный ключ» вышел в 1916 г.; с середины 1920-х гг. занимался почти исключительно переводами. По словам Ахматовой, Лозинский «сочетал в себе сказочную выносливость, самое изящное остроумие, благородство и верность дружбе» (Ахматова А. Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 189). Лозинский был автором рецензии на первый сборник стихов Г. Иванова «Отплытие на остров Цитеру». См.: *Богомолов Н. А.* Талант двойного зренья // Иванов Г. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. С. 504. См. также: «Я петербуржец»: Переписка А. А. Блока и М. Л. Лозинского / Предисл., публ. и коммент. А. Лаврова и Р. Тищенко // Лит. обозрение. 1986. № 7. С. 109–112. О Лозинском см. статью И. В. Платоновой-Лозинской и К. М. Поливанова в: Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 382–384.

2. Иванов-Разумник — Г. В. Иванову

25.IV.1942

Многоуважаемый Георгий Владимирович,

только что получил Ваше письмо (от 18.IV — как видите, шло недолго), на которое отвечаю лишь открыткой, так как с недоверием отношусь к Вашему адресу (на обороте конверта он заклеен бандеролькой цензуры и не поддается прочтению). Но если эта открытка дойдет

до Вас, и Вы ответите мне на нее, то в следующий раз напишу Вам подробнее. Во всяком случае — очень и очень был рад Вашему отклику и благодарю за теплое письмо. Я пока нахожусь «в карантине», который (по-видимому) продлится еще месяца полтора-два, после чего судьба наша — вывезенных из оккупированных частей России Volksdeutsch'ей — будет выяснена.

В чаянии, что открытка эта все же дойдет до Вас — отвечаю на Ваш вопрос об Ахматовой, Лозинском и Мандельштаме. Последний — погиб в ссылке (в Воронеже, в сумасшедшем доме) еще в 1937–<193>8 году¹. Ахматова в 1940-м году процвела — издали том старых и новых ее стихов, но вскоре изъяли из обращения². М. Л. Лозинский — наиболее процветающий³, стоит во главе переводчиков всего СССР. Не знаю, успели ли Ахматова и Лозинский вовремя эвакуироваться из Петербурга, или переносят там тяжелую осаду⁴. — В следующем письме — буде таковое последует — сообщу Вам, что знаю, о других лицах, фамилии которых Вы мне назовете. В свою очередь хотел бы узнать от Вас — кто из русского писательского круга уцелел и находится теперь во Франции?

Искренний привет и спасибо за поцелуй, который возвращаю Вам обратно: ведь это нечто вроде «Христос воскрес!», когда люди встречаются так невероятно, как мы с Вами.

Ваш Р. Иванов.

P.S. Очень хотел бы получать *книги*, от кого только можно, т<ак> к<ак> изголодался по литературе.

Открытка. Автограф. Эта открытка была возвращена для почтовой оплаты. В конце приписка рукой Иванова-Разумника: «Обратно получено 4/V». В ответ Г. Иванову, как видно, была послана новая открытка (см. письмо 3).

¹ О судьбе и смерти Мандельштама (умер 26 декабря 1938 г. в транзитном лагере во Владивостоке) долгое время не было точных сведений. Еще в 1953 г. Г. Иванов повторял эту версию смерти Мандельштама, сообщенную Ивановым-Разумником: «О его трагической смерти известно только, что

он выбросился из окна, чтобы избежать “окончательной ликвидации”» (Иванов Г. Закат над Петербургом // Возрождение. 1953. № 27. С. 174). См. обзор Л. Флейшмана в публикации: Письма Оксмана к Струве; Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970; а также статью: Полянов-

ский Эд. Смерть Мандельштама // Известия. 1992. 25–29 мая. (По следственным делам 1934 и 1938 гг.).

² Из шести книг. Л., 1940.

³ За перевод «Божественной Комедии» Данте в 1946 г. Лозинский был награжден Сталинской премией.

⁴ Об эвакуации из Ленинграда Ахматова пишет в своей автобиографии: «Отечественная война застала меня в Ленинграде. Во время блокады в конце сентября (28-го) я вылетела на самолете в Москву, а из Москвы в дни паники — 10-го <октября> поехала в Чистополь, а оттуда в Ташкент, где прожила два с половиной года, и пер-

вого июня 1944 года вернулась в Ленинград» (Ахматова А. Моя биография // Памяти Анны Ахматовой: Стихи, письма, воспоминания. Париж, 1974. С. 35). См. дневник-хронологию эвакуации Ахматовой с семьей Л. К. Чуковской от Чистополя (октябрь 1941 г.) до Ташкента (ноябрь 1941 г.): Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Париж, 1976. Т. 1. С. 201–208. Об Ахматовой в Ташкенте см. также воспоминания Н. Я. Мандельштам (попавшей в Ташкент благодаря Ахматовой): Вторая книга. Париж, 1972. Гл. «Пролог». С. 395–401 и 669.

3. Г. В. Иванов — Иванову-Разумнику

26 мая 1942

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Получил Вашу открытку. Немного задержался с ответом, т<ак> к<ак> был я в Париже.

Еще раз испытал чувство большой радости, что Вы спаслись так чудесно. Читал обе Ваши статьи в «Нов<ом> Слове»¹. О калифе этом правильно сказано — четверть века кошмара, «а спал-то он две минуты». Но калиф-то вынул голову из воды, стал опять калифом? А мы? А миллионы погибших? А вообще Россия?

Как ужасно, что Вы мне сообщили о Манд<ельштаме>. Я всегда надеялся еще увидеть его. Это был упоительный, тихий, никем неоцененный. Знали ли Вы его лично? Напишите, пожалуйста, все, что знаете о его жизни в <С>С.С.Р. и обстоятельствах смерти. И что же какой-нибудь Пастернак или «орденоносец»² Лозинский не могли своему другу никак помочь?³

Где жена Гумилева и его дети?⁴ Зоргенфрей?⁵ Скалдин?⁶ (ученик В. Иванова). Вообще назовите мне имена, какие вспомните, мне все

интересно. Официальную сов<етскую> литературу я отлично знаю по всяким «Литер<атурным> Совр<еменникам>» и «Звездам», — но там ведь ни слова о «нашей» литературе, выброшенной так основательно за борт.

Здесь во Франции был одно время «расцвет» эмигрантской поэзии. Критики «богоискательства»⁷. Беру, конечно, в кавычки, но все-таки было подчас в нек<оторых> областях очень недурно. Если Вы можете доставать книги, перечтите первые три-четыре номера «Чисел»⁸ — интересно Ваше впечатление. Ну и «Совр<еменные> Записки»⁹, «Звено»¹⁰. Но «Числа» любопытны особенно потому, что это эмигрантские «Весы» — и в хронике отчеты, и следы кипевшей и бурлившей, хотя и искусственно, как содовая вода, но все-таки высокого плана литературной жизни.

Мережковский недавно умер¹¹. Зинаида¹² жива. Бунин¹³ в неоккупированной<анной> зоне. Там же Адамович¹⁴, сделавший здесь большую карьеру критика. Ирина Одоевцева¹⁵ здесь. Сирин¹⁶, Алданов¹⁷ в Америке. Бердяев, впадавший перед войной в непозволительное большевизанство, не знаю где, но жив¹⁸. Вы вообще неверно ставите вопрос: кто уцелел? Более-менее, кроме умерших естественной смертью, уцелели все. Одни жили хуже, другие лучше, но почти каждый сколько-нибудь даровитый писатель мог печатать книги, читать доклады и, конечно, ничего похожего на то, что пережили Вы, никто не видел. Года за два, за три до войны все стало как-то киснуть, снижаться — на собрания, на которые приходило прежде 200 человек, стало приходиться 50. Это была смена скоростей, неизбежная вне своей страны и при варке в собственном соку без аудитории в течение четверти века. Несмотря на физически сносную для большинства жизнь — стало мучительно недоставать России. Насчет того, что такое Россия и что там происходит, шли бесконечные споры. Повторяю, постарайтесь достать эмигрантские журналы — получите большое умственное развлечение, вроде путешествия на Марс.

Что Вы думаете делать, когда Вас выпустят из карантина? К тому времени, даст Бог, возьмут Москву, а м<ожет> б<ыть> и много дальше. Не верю, что большевики могут еще долго держаться. А когда рухнут, то на диком пожарище русской культуры, выискивать черепки и тушить головешки, показывать — вот тут было то-то, а здесь то-то — кто же это может сделать кроме нас — не погибших в сумас-

шедшем доме, но не ставших и орденоносцами? Вот этого я уже годы как жду. Шлю Вам самый сердечный привет и буду ждать ответа.

Ваш Г. И.

P.S. Правильно ли я пишу Ваше имя <и> отчество?

Письмо. Автограф.

¹ Первые очерки Иванова-Разумника, появившиеся в «Новом слове», были напечатаны 10 и 17 мая. См. наст. изд., приложение I, 1 и 2.

² М. Л. Лозинский был награжден орденом «Знак почета». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1939 г. 172 советских писателя были награждены «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» — орденом Ленина (21), орденом Трудового Красного Знамени (49) и орденом «Знак почета» (102). (Указ со списком награжденных опубликован в «Литературной газете» от 5 февраля 1939 г., № 7 (786), с. 1.) Это награждение воспринималось многими писателями, в том числе и Ивановым-Разумником, как нечто одиозное (см. наст. изд., приложение I, 11, а также многочисленные упоминания «орденосцев» в его письмах).

По поводу премии Н. Я. Мандельштам пишет: «В сущности, эти <Лозинский и Мандельштам> с самого начала казались обречёнными, и все обрадовались, прочтя фамилию Лозинского в списке первых писателей, награжденных орденами. В этом списке он был белой вороной, но и белой разрешили жить среди других, чуж-

дых ей птиц» (Воспоминания. С. 326–327).

³ Вероятно, Георгий Иванов называет имена Пастернака и Лозинского случайно, но, как известно, именно имя Пастернака связано с попытками помощи Мандельштаму. Наиболее полный обзор сведений о знаменитом телефонном разговоре Пастернака со Сталиным, а также библиографию дает Л. Флейшман в книге «Борис Пастернак в тридцатые годы» (Иерусалим, 1984) в главе «Арест Мандельштама». Анализ Флейшмана этого эпизода представляется наиболее убедительным. О помощи Лозинского до ареста Мандельштама см.: *Мандельштам Н. Я.* Воспоминания. С. 325.

⁴ После развода с Ахматовой в 1918 г. Гумилев женился на *Анне Николаевне Энгельгардт* (1894/5–1942), погибшей, как и их дочь Елена (1919–1942), во время блокады Ленинграда. См. о них: *Лавров А. В., Азадовский К. М.* Анна Энгельгардт — жена Гумилева: По материалам архива Д. Е. Максимова // *Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография.* СПб., 1994. С. 358–397; Письма Оксмана к Струве. С. 28 и 32; а также: *Лукницкая В.* Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.

С. 204–211 и *Лукницкий П. Н.* Встречи с Анной Ахматовой. Париж, 1991. Т. 1. 1924–1925 гг. С. 266–267.

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) — историк-востоковед, сын Гумилева и Ахматовой; в 1935 г. был арестован, освобожден через несколько дней после письма Ахматовой к Сталину; повторно арестован в 1938 г.; в 1944 г. из ссылки в Туруханском крае ушел добровольцем на фронт. Снова арестован в 1949 г., освобожден и реабилитирован в 1956 г. См. хронологию арестов, а также библиографию Л. Н. Гумилева в: *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. Гл. «Книги и тюрьмы». С. 209–210. См. также: *Герштейн Э. Г.* Мемуары и факты: Об освобождении Льва Гумилева // Анна Ахматова: Стихи. Переписка. Воспоминания. Иконография. Анн Арбор, 1977. С. 103–114; и ее же воспоминания: Лишняя любовь: Сцены из московской жизни // Новый мир. 1993. № 11. С. 151–185; № 12. С. 139–174; там же (№ 11. С. 181) о сыне Гумилева и Ольги Высоцкой Оресте Высоцком; отд. изд.: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998.

⁵ *Вильгельм Александрович Зоргенфрей* (1882–1938) — поэт и переводчик, друг А. Блока. Книга его стихов «Страстная суббота» (Пг., 1922) посвящена памяти Блока. Арестован в 1937 г. О его деле и расстреле см.: *Шнейдерман Э. Бенедикт Лившиц:* Арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1. С. 82–126.

⁶ *Алексей Дмитриевич Скалдин* (1889–1943) — писатель, автор книги «Стихотворения 1911–1912» (1912). С Г. Ивановым Скалдина связывали общие литературные интересы. Пер-

вое издание «Петербургских зим» Г. Иванова включало главку о Скалдине (16), опущенную во втором издании (см.: Георгий Иванов. М., 1989. (Из литературного наследия). С. 413–420), где Г. Иванов описывает последнюю встречу со Скалдиным в 1918 г. См. также: Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее. 1992. № 10. С. 121–141; а также: *Маковский С.* Вяч. Иванов в России // Новый журнал. 1952. № 30. С. 135–151. После освобождения из тюрьмы в Саратове, где он жил в 1918–1922 гг., в 1920-е гг. Скалдин жил в Детском Селе. См.: *Царькова Т. С.* «Скалдиновщина»: Саратовский период жизни А. Д. Скалдина // Лица. 1994. № 5. С. 460–486. Арестован в 1933 г. по делу народнического центра и выслан на 5 лет в Казахстан (см.: Тюрьмы и ссылки. С. 137–138), в 1941 г. приговорен к 8 годам лагерей, умер в 1943 г. в Карлаге. См. вступ. статью Т. Царьковой к ее публикации главы «Рассказ о Господине Просто» из романа Скалдина «Вечера у Мастера Ха» (1919–1924) в журнале «Аврора» (1993. № 10/12 (данные по обзору в «De Visu» (1994. № 5/6. С. 132))), а также статью-вступление В. Крейда «О Скалдине и его романе» к переизданию романа «Странствия и приключения Никодима-старшего» (1989).

⁷ Вероятно, Г. Иванов имеет в виду такие издания, как «Путь» (см. ниже примеч. 18) и «Новый град», выходивший в Париже в 1930-е гг. под редакцией И. И. Бунакова, Ф. А. Степуна и Г. П. Федотова. См. о «Новом граде»: *Raeff M.* «Novyi Grad» and Germany: A Chapter in the Intellectual History of the Russian Emigration of the

1930s // *Felder und Vorfelder russischer Geschichte*. Freiburg, 1985; а также: *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение; *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд. Париж — М., 1996. С. 154 (здесь и далее цит. по этому изд.; др. изд.: Нью-Йорк, 1956; Париж, 1983).

⁸ Сборники «Числа» (№ 1–10), выходившие в Париже в 1930–1934 гг., включали высокого качества репродукции картин и графики. Глеб Струве сравнивал «Числа» с «Аполлоном» (см.: *Русская литература в изгнании*. С. 148). См. номер «Литературного обозрения» (1996. № 2 [254]), посвященный «Числам» (материалы подготовлены М. Васильевой). Г. Иванов был активным участником журнала, его стихи печатались в № 1, 4 и 7–8, в № 2–3 напечатан его неоконченный роман «Третий Рим»; в № 5 — статья «Без читателя», а в № 7–8, кроме стихов, очерк «О новых русских людях» (см. вступ. заметку к письмам Г. Иванова).

⁹ «Современные записки» (1920–1940) — самый значительный «толстый» журнал в эмиграции в период между двух войн. Члены редакционной коллегии (Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, М. В. Вишняк, А. И. Гукковский и В. В. Руднев) избегали называть себя редакторами журнала, избрав вместо этого формулу «при ближайшем участии» перед перечислением фамилий. Последний номер вышел в начале 1940 г., незадолго до оккупации Парижа. См.: *Вишняк М. В.* «Современные записки»: Воспоминания редактора. Indiana University Publications, 1957. (Slavic and East European Series. Vol. 7); переизд.: СПб.: Логос,

1993; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993.

¹⁰ «Звено» — вначале газета, впоследствии ежемесячный журнал литературы и искусства, издававшийся в Париже в 1923–1928 гг. Редактор М. Л. Кантор.

¹¹ О смерти *Д. С. Мережковского* (1865–1941): Ю. Терапиано в своей книге «Встречи» начинает главу о Мережковском описанием его похорон: «“Мережковского хоронили сегодня (10-го, среда), — писал мне в Медон из Парижа поэт Юрий Мандельштам <...>. — Благодаря заметке в “Пари Суар” на Дарю (русская церковь на улице Дарю) было... человек сорок, все больше “старшие”. Из наших — Фельзен, Ставров, Ладинский, Мамченко, Берберова. “Пышная” обстановка — служил Евлогий со всем причтом — при почти пустой церкви. Впечатление жуткое. З. Н. (Гиппиус) — окаменелая совсем. Многие люди — совершенно изможденные <...>. Впечатление, что дышат на ладан. Речь — именно не проповедь, а речь Евлогия: “Великий писатель, у которого были разногласия с Церковью, но он искал и т. д.” Потом М. повезли в Сент-Женевьев (русское кладбище под Парижем) — никто не мог поехать на кладбище...”

Привожу полностью этот документ эпохи, характеризующий нашу тогдашнюю жизнь. В 1941 году, в голодном Париже, оккупированном немцами, во время необыкновенно холодной зимы, когда в России бои шли под самой Москвой, русские литературные круги были разобщены и подавлены заботами материальной жизни. Русских газет в Париже тогда не было. О событиях в эмигрантской

жизни узнавали случайно, от знакомых, изредка — из французских газет, часто с большим опозданием. Смерть Мережковского в другой обстановке вызвала бы иное отношение и со стороны русских и со стороны французов, среди которых у Мережковского было много почитателей» (Встречи. С. 22–23). См. также: *Зайцев Б.* Дни. М. — Париж, 1995. С. 52–54 (запись от 11 декабря 1941 г.) и *Берберова Н.* Курсив мой. С. 485. Иванов-Разумник узнал о смерти Мережковского из «Нового слова». На Пасху, 5 апреля 1942 г. он записал в ЗК: «Получил “Новое слово” — 10 номеров с 1-го марта по 5 апреля (с “Христос Воскрес”!). Занятно было почитать и кое о чем узнать (об адресе Н. О. Лосского, о смерти Мережковского и т. п.)».

¹² *З. Н. Гиппиус* (1869–1945) — об отношениях с Ивановым-Разумником см. вступ. статью к наст. изд.

¹³ *И. А. Бунин* (1870–1953) провел годы войны в Грассе, в неоккупированной зоне на юге Франции. См. об этом: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 687, и *Там же*. Кн. 2, воспоминания Т. Д. Муравьевой-Логиновой. О Бунине см. примеч. 12 к письму 1 Зайцева в наст. изд.

¹⁴ *Георгий Викторович Адамович* (1892–1972) — поэт, ведущий критик газеты «Последние новости». Автор нескольких книг стихов и статей, в том числе сборника статей о русских эмигрантских писателях «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. Переизд.: СПб., 1993) и книги «Комментарии» (Вашингтон, 1967), включающей статьи «Поэзия в эмиграции» и «Невозможность поэзии»; новые издания критики Адамовича: Критическая проза. М., 1996;

Литературные беседы: В 2 кн. СПб., 1998. Кн. 1: «Звено» (1923–1926). Кн. 2: «Звено» (1926–1928). Во время войны пошел добровольцем во французскую армию. Антагонист В. Ходасевича в так называемом споре о русской поэзии. См. об этом, а также о роли Г. Иванова в этом споре, вступ. заметку к письмам А. Л. Бема в наст. изд.

¹⁵ *Ирина Одоевцева* (Ираида Густавовна Гейнике, 1895–1990) — поэт, жена Георгия Иванова, во время перестройки вернулась в Ленинград, где и скончалась. Автор двух книг мемуаров: «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967) и «На берегах Сены» (Париж, 1983).

¹⁶ *Сири* (Владимир Набоков, 1899–1977) — см. о нем примеч. 1 к письму 3 Берберовой, а также письмо 4 Бема.

¹⁷ *Марк Александрович Алданов* (Ландау, 1889–1957) — в эмиграции автор исторических романов, переводившихся на иностранные языки; редактор литературного отдела газеты «Дни» (Берлин и Париж), постоянный сотрудник «Современных записок». Во время войны уехал в США, где вместе с М. О. Цетлиным основал «Новый журнал», вернулся во Францию в 1947 г. В 1943 г. его роман «Начало конца» («The Fifth Seal») был выбран американской организацией «Book of the Month Club», а в 1948 г. роман «Истоки» («Before the Deluge») британским «Book Society». Библиография: *Cristesco D. et H.* Bibliographie des oeuvres de Marc Aldanov. Paris, 1976.

¹⁸ *Н. А. Бердяев* (1874–1948) был выслан за границу в 1922 г., в 1924 г. переехал из Берлина в Париж, где сразу поселился в предместье Кламар

(Clamart). Редактор религиозно-философского журнала «Путь», выходившего в Париже с 1925 по 1940 г. (№ 1–61); участник «Утверждений» и «Нового града»; был близок к «Православному делу» матери Марии (Скобцовой, см. о ней примеч. 20 к письму 6 Постникова). Бердяевы оставили Париж перед самой оккупацией и провели три месяца у друзей в Pilat (около Arcachon), который был также оккупирован, а в сентябре вернулись в Клармар. См. об этом: *Lowrie D.-A. Rebel-*

lious Prophet: A Life of Nicolai Berdyaev. New York, 1960. О последнем «воскресенье» у Бердяева в Клармаре (традиционные воскресные встречи, возобновившиеся по возвращении Бердяевых) см.: *Бахрах А.* Клармарский мудрец // По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980. С. 72–76. О «непозволительном большевизанстве» Бердяева см.: *Иоанн (Шаховской), еп.* Последний Бердяев // Письма о вечном и временном. С. 193–201.

Нина БЕРБЕРОВА

Нина Николаевна Берберова (1901–1993) — писательница и журналистка. Выехала на Запад вместе с В. Ф. Ходасевичем в 1922 г.; была его гражданской женой до 1932 г. Свою профессиональную карьеру сама Берберова описывает в биобиблиографической справке антологии «Содружество» (Вашингтон: Виктор Камкин, 1966): «В феврале 1922 г. в первый раз напечаталась в сборнике “Ушкуйники” <...>. С 1925 по 1950 жила в Париже и участвовала в русской периодической прессе (журнал “Современные Записки”, газета “Последние Новости” и др.). В 1926 г. была соредактором молодого эмигрантского журнала “Новый Дом”. В 1948–1950 гг. была редактором литературной страницы парижской русской газеты “Русская Мысль”. За годы парижской жизни Берберова издала около десяти книг: три романа, биографию Чайковского, биографию Бородина, книгу повестей “Облегчение участи” (Париж, 1949, шесть повестей 1934–1942 гг.), репортаж судебного процесса Кравченко, и др. Биография Чайковского была переведена на шесть языков. В 1938 в русском театре была поставлена пьеса Берберовой “Мадам”» (с. 509). Другие произведения Берберовой: Последние и первые: Роман из эмигрантской жизни. Париж, 1930; Повелительница: Роман. Париж, 1932; Без заката: Роман. Париж, 1938; а также цикл рассказов «Биянкурские праздники» (1928–1940). О «деле Кравченко» Берберова рассказывает подробно в своей автобиографии: «Дело было шумное, в то время — важное, и личность самого Кравченко, вчинившего иск французской коммунистической газете за диффамацию, довольно красочная. <...> Один из членов советской закупочной комиссии в США в 1943 году <...>, он порвал с Москвой и затем написал и издал книгу “Я выбрал свободу”, где рассказывал о причинах этого разрыва, <...> и о том, как Сталин проводит свою политику <...> Судьба книги Кравченко была необычна: ее перевели на двадцать два языка, и она читалась повсюду. Французский литературный еженедельник, который можно назвать “неофициально коммунистический”, начал кампанию против него,

понося его имя, оскорбляя его, доказывая, что книга написана не им и что сам автор — фашист, игравший в руку Гитлера. Но для многих, и в том числе для меня, корень всего дела находился в том факте, что советская система концлагерей получила наконец широкую огласку. О ней говорил Кравченко в своей книге, и свидетели, вызванные им, бывшие заключенные в Колыме и Караганде. <...> “Лэттр Франсэз” конечно отрицала существование лагерей, и свидетели, ею вызванные, утверждали, что всё это выдумки. Видеть собственными глазами, как бывший министр, или всемирно известный ученый, лауреат Нобелевской премии, или профессор Сорбонны с Почетным легионом в петличке, или известный писатель приносили присягу на суде и под присягой утверждали, что концлагерей в СССР никогда не было и нет, было одним из сильнейших впечатлений всей моей жизни» (Курсив мой: Автобиография. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. С. 537–538; 2-е изд., испр. и доп.: В 2 т. New York: Russica Publishers, 1983; 3-е изд.: М., 1996; здесь и далее цит. по 1-му изд.). Берберова присутствовала на процессе Кравченко в зале суда как корреспондент газеты «Русская мысль», где и печатались ее репортажи.

О жизни в 1930-е гг. и о расставании с Ходасевичем см.: Курсив мой. С. 381–448. В 1950 г. Берберова переехала в США, где зарабатывала на жизнь, работая канцелярской служащей, изучала английский язык на вечерних курсах, и начала новую карьеру. Сначала преподавала русскую литературу в Йельском университете (1958–1963 гг.), а с 1963 г. до выхода на пенсию в 1971 г. была профессором русской литературы Принстонского университета. Живя в США, печаталась в «Новом журнале», была членом редакционной коллегии альманахов «Мосты». Под ее редакцией вышел сборник «Литературные статьи и воспоминания В. Ф. Ходасевича» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954), а также его «Собрание стихов» (Мюнхен, 1961).

До своей поездки в Петербург и Москву в 1989 г. Берберова вернулась в Россию своей автобиографией «Курсив мой», книгой интересной, но не очень доброй по отношению к современникам. В конце жизни, в 1980-х гг., Берберова пережила новое признание как автор-прозаик. Началось это французскими переводами ее повестей 1930-х гг.; после успеха во Франции последовали переводы на другие европейские языки, в том числе и на английский (Three Novels. London: Chatto & Windus, 1990; The Tattered Cloak and Other Stories. New

York: Alfred A. Knopf, 1991 и др.). В 1980-е гг. вышла ее книга «Железная женщина: Рассказ о жизни М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях» (New York: Russica Publishers, 1981), книга о русских масонах «Люди и ложи: Русские масоны XX столетия» (New York: Russica Publishers, 1986) и собрание стихов «Стихи. 1921–1983» (New York: Russica Publishers, 1984). В последние годы большая часть книг Берберовой переиздана в России. Подробности последних лет ее жизни см. в некрологе А. Сумеркина «Я любила минуту жизни больше славы» (Новый журнал. 1993. № 192/193. С. 533–538).

* * *

В собрании *АИШ* сохранилось три письма и одна открытка Берберовой к Иванову-Разумнику. Два письма (от 30 апреля и 26 мая 1942 г.), написанных по-русски, и открытка (3 сентября 1942 г.) по-немецки были посланы в Кониц. Последнее письмо от 3 мая 1946 г. написано по-французски и отправлено через Великобританию в Рендсбург, откуда было переслано в Мюнхен (см. наст. изд., «Эпилог»). Письма публикуются с разрешения покойной Нины Николаевны Берберовой по фотокопиям с автографов, возвращенных архиепископом Иоанном автору. Три письма 1942 г. опубликованы Е. А. Голлербахом и Ж. Шероном, см.: Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2.

В нашу публикацию также включены письма Иванова-Разумника к Берберовой (два письма и девять открыток), хранящиеся в архиве библиотеки Beinecke Йельского университета (Berberova Papers. GEN MSS 182. Box 10. Folder 254). Приношу благодарность библиотеке Beinecke за предоставленную возможность ознакомиться с автографами писем. Эти письма опубликованы Ж. Шероном в: Literature, Culture and Society in the Modern Age: In Honor of Joseph Frank. Stanford, 1992. (Stanford Slavic Studies. Vol 4:2). С. 394–407. Здесь публикуются по автографам.

1. Н. Н. Берберова — Иванову-Разумнику

30.IV.42

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Ваше объявление в «Новом Слове» чрезвычайно удивило и взволновало меня: Вы ли это, автор статьи о «Двенадцати» и «Скифах»¹, друг Белого и Блока², сотрудник Вольфилы?³ Здесь, за границей, был, года три назад, слух о Вашей смерти.

Если это Вы, то буду рада получить от Вас ответ, узнать, каким образом Вы попали в Германию, не нуждаетесь ли в чем? Давно ли из Петербурга? Здесь, в Париже, находятся многие из Вам знакомых литераторов: Зайцев⁴, Шмелев⁵, Бердяев⁶, о. Булгаков⁷; Бунин на юге⁸. Бальмонт⁹, хоть и жив, но как бы уже и не жив. Вяч. Иванов в Италии¹⁰.

Сама я писательница, издала здесь немало книг, писала (пока они были) в здешних журналах и газетах. С 1922 по 1932 г. была женой В. Ф. Ходасевича, с которым уехала за границу. Теперь он умер¹¹.

С глубоким уважением,

Н. Берберова

(Нина Николаевна)

Письмо. Автограф. Берберова пишет по старой орфографии, но без твердых знаков. Над текстом приписки: «Mme N. Berberoff, Longchêne par Bonnelles, S. et O., France» и «Geschrieben in russischer Sprache».

¹ Работы Иванова-Разумника о Блоке: Испытание в грозе и буре // Наш путь. 1918. № 1. Отд. 1. С. 131–158; кн.: Испытание в грозе и буре. Берлин, <1920>; там же текст поэм «Двенадцать» и «Скифы»; кн.: Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1919; то же: Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. О дружбе с Белым и Блоком см. вступ. статью.

² Об отношениях с Андреем Белым см.: Андрей Белый и Иванов-

Разумник: Переписка. Спб., 1998. О дружбе с Блоком см. вступ. статью А. В. Лаврова к публикации переписки Блока с Ивановым-Разумником в кн.: Александр Блок: Новые материалы и исследования. М., 1981. (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2.) С. 366–414.

³ О Вольфиле см. вступ. статью к наст. изд.

⁴ Б. К. Зайцев — см. его письма в наст. изд.

⁵ Иван Сергеевич Шмелев (1875–1950) — прозаик. Его «Солнце мертвых» (1926) — художественно-документальная реконструкция большевистского террора в Крыму после разгрома Белой армии — было переведено на несколько иностранных языков. Кроме многочисленных рассказов и романов («История любовная» (Париж, 1929); «Няня из Москвы» (Париж, 1936); «Пути небесные» (Париж, 1937) и др.), особенно большой популярностью пользовались его очерки дореволюционного русского быта (церковных праздников, паломничеств) «Лето Господне» (1933) и «Богомолье» (1935). См. о нем: *Sorokin O. Moscoviana: The Life and Art of Ivan Shmelyov*. Oakland, CA, 1987; рус. изд.: *Сорокина О. Московiana: Жизнь и творчество Ивана Шмелева*. М., 1994. Библиография: *Ivan Chmelev: Bibliographie* / Сост. Д. М. Шаховской. Paris: Institut d'études slaves, 1980.

⁶ О Н. А. Бердяеве см. примеч. 18 к письму 3 Г. Иванова.

⁷ Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) — профессор и декан Св. Сергиевского православного богословского института в Париже, богослов. Социал-демократ, перешедший в начале века «от марксизма к идеализму» (От марксизма к идеализму. СПб., 1903; репринт. изд.: 1968), участник сб. «Вехи» (М., 1909) и «Из глубины», конфискованного в 1921 г. и затем опубликованного только в 1967 г. (Париж: YMCA-Press). Аннотир. изд.: Вехи. Из глубины / Сост. и подгот. текста А. А. Яковлева, примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова, А. Келли. М., 1991. В 1905 г. вместе с Бердяевым редактор журнала «Вопросы жизни»; в 1912 г. — доктор политической эконо-

мии («Философия хозяйства»). Член II Государственной думы; член Всероссийского Поместного Церковного Собора, представитель от мирян в Высшем Церковном Совете. В 1918 г. Булгаков принял священство, в 1919 г. уехал за семьей в Крым, где стал профессором Симферопольского университета, откуда уволен как священник в 1921 г.; арестован в 1922 г. и выслан с группой ученых за границу. См.: в рубрике «К 50-летию со дня кончины о. Сергия Булгакова»: Неизвестная крымская статья о. С. Булгакова / Публ. П. Николаенко // Вестник РХД. 1994. № 170. С. 24–27; Ялтинский дневник / Публ. и примеч. Н. А. Струве // Там же. С. 28–66; см. также публикации к 125-летию со дня рождения о. С. Булгакова в «Вестнике РХД» (1997. № 174). В 1923–1925 гг. Булгаков преподавал церковное право и богословие на юридическом факультете Русского института в Праге; летом 1923 г. был одним из организаторов и вдохновителей первого студенческого съезда в Пшерове (Чехословакия), положившего начало Русскому студенческому христианскому движению, с которым Булгаков остался связан до конца жизни. См. материалы к биографии, неизданные письма и статьи в публ.: К столетию со дня рождения прот. С. Булгакова // Вестник РСХД. 1971. № 101–102; см. также: Автобиографические заметки. Париж: YMCA-Press, 1946. Последние десятилетия жизни Булгакова были всецело посвящены богословскому творчеству, которое открыло новые пути в богословии и вызвало резкие нападки и осуждения. (См. об этом: *Игумен Геннадий (Эйкалович)*. Дело прот. Сергия Булгакова: Историческая канва спора о Софии. Сан-Франциско, 1980.)

⁸ О *И. А. Бунине* см. примеч. 13 к письму 3 Г. Иванова, а также примеч. 12 к письму 1 Зайцева.

⁹ О *К. Д. Бальмонте* см. примеч. 6 к письму 1 Зайцева.

¹⁰ О *Вячеславе Иванове* в Италии см. примеч. 14 к письму 3 Зайцева.

¹¹ *Владислав Фелицианович Ходасевич* (1886–1939) — поэт, литературный критик, пушкинист. Ходасевич умер 14 июня 1939 г. В № 69 «Современных записок» было напечатано три его неопубликованных стихотворения («из литературного наследия»): «Сквозь уютное солнце апреля» (21 апреля 1937), «Не ямбом ли четырехстопным» (1938) и «Памятник», а также статья Берберовой «Памяти Ходасевича» и некролог В. Сирина (Набокова) «О Ходасевиче». Берберова писала: «Примириться с тем, что мы здесь, а не там — невозможно, как невозможно примириться со смертью. И примириться с изгнанием никогда не мог Ходасевич, уважавший Европу, но так и не полюбивший ее, и любить ее нас не на-

учивший. Он любил Россию, которой был лишен» (с. 256). Не щедрый на похвалу Набоков, высоко ценивший Ходасевича, выделял его из всех поэтов-современников: «Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской поэзии, пока жива последняя память о ней. Его дар тем более разителен, что полностью развился в годы отупения нашей словесности, когда революция аккуратно разделила поэтов на штатных оптимистов и заштатных пессимистов, на тамошних здоровяков и здешних ипохондриков <...> Ходасевич для России спасен — да и сам он готов был признать, сквозь желчь и шипящую шутку, сквозь холод и мрак наставших дней, что положение он занимает особое: счастливое одиночество недоступной другим высоты» (с. 262). О последней болезни, смерти и похоронах Ходасевича см. дневниковую запись Берберовой, приведенную в ее автобиографии (Курсив мой. С. 423–430).

2. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

11 мая 1942

Кониц

Многоуважаемая Нина Николаевна,

Вы не ошиблись — я «тот самый»; и мы с Вами мельком встречались в Петербурге (по-видимому — в Вольфиле¹). Рад был получить Ваше письмо (вчера — т. е. на десятый день), так же как до него — письмо из Парижа от Ремизова² и из Биаррица от Георг<ия> Иванова³. Я им уже давно ответил — открытками, чтобы убедиться, доходят ли письма, но до сих пор не имею от них ответов. Поэтому же пишу сегодня открытку к Вам; если получу ответ — напишу пообстоятельнее. — Хотя я и

очень недавно здесь, но все же успел просмотреть несколько случайных томов «Совр<еменных> За<писок>» (L–LII), в одном из которых нашел и Ваш роман, и Ваши стихи⁴. — Был огорчен известием о смерти В. Ф. Ходасевича⁵, — это был острый и талантливый человек.

Спасибо за письмо; буду ждать продолжения — и тогда уже напишу Вам «настоящее» письмо. Искренний привет.

Р. Иванов.

Р. S. Заграничный слух о моей смерти, как и в случае с Марком Твеном, был сильно преувеличен; я, правда, много раз за эти годы умирал, но не физически, а граждански.

Вы спрашиваете — не нуждаюсь ли я в чем? Очень нуждаюсь в двух вещах, в одной из которых Вы можете помочь: нуждаюсь — в *книгах*. Буду благодарен, если вышлете мне свои, появившиеся за эти годы в заграничных изд<ательст>вах. — Вторую мою «нужду» вряд ли Вы можете удовлетворить: столь же остро нуждаюсь и в табаке (неисправимый «трубочник»), но отнюдь не надеюсь на Вашу помощь в этом отношении. А книги пришлите, какие можете.

Р. И.

Открытка. Автограф.

¹ О *Вольфиле* см. вступ. статью к наст. изд.

² См. письма Ремизова в наст. изд.

³ См. письма Г. Иванова в наст. изд.

⁴ Роман Берберовой «Повелительница» (Берлин: Парабола, 1932) был

опубликован в «Современных записках» в 1932 г., в № 49 и 50. В № 51 (1933) — стихотворный отрывок «Из книги “Наше сердце”».

⁵ О *В. Ф. Ходасевиче* см. примеч. 11 к письму 1 Берберовой.

3. Н. Н. Берберова — Иванову-Разумнику

26.V.42

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Вашу открытку я получила, спасибо. Завтра еду в Париж (40 верст) и наведу справки — как послать Вам книги — а кстати и та-

бак, — нужна ли цензура, дозволено ли это? Если дозволено, то вышлю Вам свои книги, а также Бунина, Сирина (прекрасный писатель, самый талантливый из новых наших здешних¹, сорока лет, сын кадета Набокова²), и еще, что достану. Уже из Ваших фельетонов в «Н^{овом} С^{лове}»³ я поняла, что Вы — Вы. Нечего говорить, как мне хотелось бы увидаться с Вами! Да и не мне одной...

Хочется задать Вам тысячу вопросов: о последних годах Белого⁴, о смерти Горького (правда ли официальная версия отравления?)⁵, об Ахматовой, о самоубийстве Цветаевой⁶, о моих сверстниках. Но все это Вы, вероятно, расскажете постепенно. Хочется Вас спросить и о нашем городе, где у меня остались отец и мать. Думаю, что и могил их не найду.

Июнь сорокового года, завоевание Франции, оказались пределом нашим. До этого — была одна жизнь, жизнь губернского русского города, с газетами, журналом, клубом, театром, церквями, и пр. и пр. После этого срока — настало совсем иное. Многие из наших уехали; живем сейчас в одиночку. Появились надежды — впервые за двадцать лет, и от них все перестроилось в своей внутренней основе. Что касается меня, то у меня редкое счастье: я живу у себя, т. е. в собственном маленьком деревенском доме, где сад, где огород, мною выхаживаемые, где подобие прочности — книги и возможность работы. Я замужем за человеком, кот^{орого} Вы, быть может, знаете — Н. В. Макеев⁷, Владимирской губернии эс-эр, в 17–18 гг. Вас он встречал и просит Вам передать поклон.

Останетесь ли Вы в Вашем лагере? Где Ваши близкие? Есть ли у Вас кто-нибудь поблизости, кто принимает в Вас участие? Каков был Ваш путь оттуда сюда?

Мы уже очень давно не видели никого, кто бы приехал по доброй воле из чумных мест. А вот уже скоро три года, как не видали ни газет, ни книг оттуда. Есть у меня кое-кто из друзей, кот^{орые} сражаются на восточном фронте сейчас. Вести от них — самое волнующее, что только может быть. Здешняя наша жизнь — одно ожидание.

Если Вас закинет в Берлин, Вы, вероятно, встретите там немало русских, полу-знакомых, а мож^{ет} быть и знакомых. Сознаюсь, — Ваша судьба удивительна. Вы мне кажетесь драгоценным сосудом, кот^{орый} наконец-то доставили на берег после двадцатилетней бури.

Жму Вашу руку.

Н. Берберова.

Письмо. Автограф. Над текстом приписка «Russisch», а также адрес: «Longchêne par Bonnelles, S. et O.».

¹ В своей автобиографии Берберова подробно описывает встречи с Набоковым и передает впечатления от открытия Набокова-прозаика: «Номер “Современных записок” с первыми главами “Защиты Лужина” вышел в 1929 году. Я села читать эти главы, прочла их два раза. Огромный, зрелый, сложный современный писатель был передо мной, огромный русский писатель, как Феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Всё мое поколение было оправдано. <...> Я стою на “пыльном перекрестке” и смотрю “на его царский поезд” с благодарностью и с сознанием, что мое поколение (а значит и я сама) будет жить в нем, не пропало, не растворилось между Биянкурским кладбищем, Шанхаем, Нью-Йорком, Прагой; мы все, всей нашей тяжестью, удачники (если таковые есть) и неудачники (целая дюжина) висим на нем. *Жив Набоков, значит жива и я!*» (Курсив мой. С. 373–374). См. также статью Берберовой «Набоков и его Лолита» (Новый журнал. 1959. № 57. С. 92–115).

² Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922) — об убийстве Набокова см. письмо 9 Постниковой.

³ См. наст. изд., приложение I, 1 и 2.

⁴ См. воспоминания К. Н. Бугаевой, спутницы и жены Белого в послед-

ние годы его жизни: *Бугаева К. Н.* Воспоминания о Белом / Под ред. и со вступ. статьей Джона Мальмстада. Berkeley, 1981. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 2).

⁵ О смерти Горького — см. сводку версий смерти и литературу вопроса в: *Никё М.* К вопросу о смерти М. Горького // Минувшее. 1988. № 5. С. 328–350; *Берберова Н.* Железная женщина. М., 1991. С. 237–247 (здесь же об увозе архива Горького в СССР). См. также: *Иванов Вяч. Вс.* Почему Сталин убил Горького? // Вопр. лит. 1993. № 1. С. 91–134; *Баранов В.* Горький без грима: Тайна смерти: Роман-исследование. М., 1996.

⁶ О самоубийстве Марины Цветаевой см. примеч. 12 к письму 4 Бема.

⁷ Николай Васильевич Макеев (1889–1975) — автор книги «Russia» (New York, 1925). Берберова пишет о нем: «Он был одним из самых младших делегатов в Учредительное Собрание в 1917 году, членом партии с. р., журналистом, автором книги о России (Лондон, 1919), считался сотрудником “Дней”, “Современных записок”, выставлял картины в Салоне в тридцатых годах» (Курсив мой. С. 442), но характеризует его как одного из тех, кто «остаются в конце концов тем, с чего начали, с возможностями, которые не осуществились, и с очарованием личным, которое дано им было со дня рождения, как благодать» (там же).

4. Н. Н. Берберова — Иванову-Разумнику

3.IX.<1942>

Sehr geehrter Herr Ivanov,

ich habe Ihre Postkarte im Mai bekommen und habe Ihnen einen langen Brief¹ geschrieben, habe aber keine Antwort erhalten. Ich las Ihren Brief zu Saitzeff². Dieser Brief hat uns sehr viel Freude gemacht — über 20 Jahre haben wir Sie wieder gefunden! Leider nachher haben wir wieder nichts erhalten. Jetzt habe ich zwei Artikel in der Berliner Zeitung von Ihnen gelesen³. Kann es Ihnen nicht sagen, wie die interessant waren und so viel mir über alles Neue gaben. Der arme Oxman⁴ und alle andere! Russische Bücher wollte ich Ihnen schicken, aber es ist nicht erlaubt. So muss man noch warten. Wie geht es Ihnen? Bleiben Sie in Konitz? Bitte antworten Sie mir.

Hochachtungsvoll,
N. B.

Перевод:

Глубокоуважаемый господин Иванов,

я получила Вашу открытку в мае и написала Вам длинное письмо¹, однако ответа не получила. Я прочитала Ваше письмо Зайцеву². Это письмо доставило нам очень большую радость — через 20 лет мы снова Вас нашли! К сожалению, после этого мы снова ничего не получали. Теперь я прочитала две Ваши статьи в берлинской газете³. Не могу Вам передать, насколько они были интересны и сколько нового они мне дали. Бедный Оксман⁴ и все остальные! Хотела послать Вам русские книги, но это не разрешается. Так что надо еще подождать. Как Ваши дела? Остаетесь ли Вы в Конице? Пожалуйста ответьте мне.

С глубоким уважением,
Н. Б.

Открытка с почтовым штемпелем 5.9.42 из Bonnelles, Seine-et-Oise. Автограф. (Здесь и далее перевод О. Раевской-Хьюз. — *Ред.*)

¹ Письмо от 26 мая, № 2 нашей публикации.

² Б. К. Зайцев — см. его письма в наст. изд.

³ К этому времени в «Новом слове» уже было напечатано шесть очерков Иванова-Разумника: 10, 17 и 31 мая, 7 июня, 26 и 30 августа.

⁴ *Бедный Оксман* — отклик Берберовой на последний напечатанный к тому времени очерк (1942. 30 авг. № 69), где, говоря о судьбе Д. П. Святополк-Мирского (см. о нем письмо 1 архим. Иоанна в наст. изд.), Иванов-Разумник заключает: «Умер — от голода, как сообщал из этого гиблого места <с Колымы> находившийся там в ссылке (если тоже уже не умер) другой писатель, известный пушкинист Юлий <так!> Оксман, — еще одна из жертв нелепого террора» (наст. изд., приложение I, 6, с. 329).

Юлиан Григорьевич Оксман (1895–1970) — историк литературы, специалист по истории литературы первой половины XIX века, истории декабристского движения, пушкинист. До ареста в 1936 г. был заместителем директора Пушкинского Дома и членом Пушкинской комиссии АН СССР. Арестован в ноябре 1936 г., с середины декабря 1937 до ноября 1946 г. был в лагере на Колыме. После освобождения — профессор Саратовского университета (1947–1957), затем старший научный сотрудник ИМЛИ в Москве (1958–1964). В послесталинский период Оксман устанавливал контакты с западными коллегами, в частности помогал Г. П. Струве с материалами для издания сочинений Мандельштама. В 1964 г., как результат этих контактов, он был отстранен от работы в ИМЛИ, редактирования многотомных научных изданий и исключен из Союза писателей. Включение справки о нем в пятый том «Краткой литературной энциклопедии» яви-

лось первым признаком возвращения Оксмана в официальную литературу. См. об этом исключительно ценную публикацию Л. Флейшмана «Из архива Гуверовского института. Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве» (Stanford Slavic Studies. 1987. Vol. 1. С. 15–70), а также публикации в кн. «Тыняновский сборник. Пятые тыняновские чтения» (Рига — М., 1994), объединенные заголовком «Еще раз о “деле” Оксмана» (Фойер Л.-С. О научно-культурном обмене в Советском Союзе в 1963 году и о том, как КГБ пытался терроризировать американских ученых. С. 347–357; Фойер-Миллер Р. Вместо некролога Кэтрин Фойер. С. 357–365; Чудакова М. О. По поводу воспоминаний Л. Фойера и Р. Фойер-Миллер. С. 366–374), и относящиеся к послесталинскому периоду жизни Оксмана воспоминания Е. Н. Дрыжаковой (Dryzhakova E. The Fifties in Transition: A. S. Dolinin and Yu. G. Oksman, Our Remarkable Teachers // Oxford Slavonic Papers [N.S.] 18. 1985. P. 120–149). См. также: Азадовский М., Оксман Ю. Переписка. 1944–1954 / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 1998.

В «Тюрьмах и ссылках», рассказывая о страхе общения с репрессированными в 1930-е гг., Иванов-Разумник упоминает, что в период его ссылки в Саратов только двое из его друзей не боялись поддерживать с ним отношения (А. Н. <Римский-Корсаков> и М. П. <Михаил Пришвин>), поведение же писателей, по его словам, «было как раз таким, какого и следовало ожидать». Как пример он пересказывает письмо «одного почтенного пушкиниста», выражавшего удовлетворение тем, что Иванов-Разумник отстранен от работы над примечаниями

к собранию сочинений Салтыкова-Щедрина. Это письмо было напечатано в «Литературном Ленинграде» 10 февраля 1934 г., то есть когда Иванов-Разумник уже год находился в тюрьме. В примечании 1936 г. к этому эпизоду он пишет: «Только что узнал из газет и из писем, что этот почтенный пушкинист и заместитель директора Пушкинского Дома, проф. Ю. Оксман, объявлен “врагом народа” и пребывает в том самом Лубянском изоляторе, в котором я был гостем три с половиной года тому назад» (Тюрьмы и ссылки. С. 212–213). Неприязнь между Ивановым-Разумником и Оксманом была взаимной. В письме к Струве от 2 июня 1963 г. Оксман пишет: «Я получил <...> брошюру Иванова-Разумника (очень ценную во многих отношениях, хотя самого Ив<анова>-Разумника я очень не люблю. О его двусмысленном поведении во время процесса эс-эров и во всех последующих дознаниях 1930–1937 гг. мне много рассказывал Е. Е. Колосов, с кот<орым> я случайно встретился в Омской тюрьме, где К. был потом расстрелян вместе с другими эс-эрами, привезенными из Тобольска в июле 1937 г.)» (Письма Оксмана к Струве. С. 62). Комментируя это письмо, Флейшман предполагает, что это выступление Оксмана связано со старой враждой формалистов с Ивановым-Разумником. Далее Флейшман сообщает: «С книгой “Тюрьмы и ссылки” Оксман познакомился позднее, в середине 60-х годов, и коснувшись (в беседе с нами) цитируемого пассажа <из «Тюрем и ссылок»>, признался: “Когда я прочел это, мне стало стыдно”» (там же. С. 66). Ссылка на двусмысленное поведение самого Иванова-Ра-

зумника на следствии, по сведениям Е. Е. Колосова, показаниями 1933 г. не подтверждается, см.: *Леонтьев Я. В.* Иванов-Разумник в показаниях («дела» 1933 и 1937 гг.) // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 228–237. В «Тюрьмах и ссылках» Колосов упоминается дважды. На следствии в 1933 г. Иванову-Разумнику напомнили, что Колосов вместе с А. В. Прибылевым был у него в Царском Селе в 1920-х гг. («С видным представителем “центрального” эсерства Е. Е. Колосовым я случайно встречался лишь несколько раз, в переписке с ним не состоял», с. 119). Второе упоминание относится ко второму аресту в 1937 г. Теперь это имя связывается с Ивановым-Разумником в протоколах Витязева-Седенко (с. 336; см. также наст. изд., приложение I, 6).

Говоря об Оксмани, следует различать раннего Оксмана, до ареста в 1936 г., от Оксмана после лагеря. Об этом пишут М. О. Чудакова и Е. А. Тоддес, публикаторы писем Оксмана к жене, во вступлении к этой публикации: «Он <Оксман> отдавал себе отчет в том, насколько пережитое изменило его, и даже склонен был толковать свои несчастья как возмездие за участие в системе 30-х годов, мало того — как единственное, хотя и жестокое средство к “излечению” <...> Со всем темпераментом отдаваясь в 30-е годы не только научной, но и организационно-административной деятельности, сам Оксман, конечно, хорошо знал цену компромиссов и вряд ли требовал тогда бескомпромиссности от других. В 60-е годы это был во многом иной человек, хорошо известный знавшим его едва ли не более всего бескомпромиссностью суждений и дейст-

вий» (Из переписки Ю. Г. Оксмана / Вступ. статья и примеч. М. О. Чудаковой и Е. А. Тоддеса // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 96–168. Приведенная цитата на с. 112). В связи с этим показателен разговор с Оксманом, записанный Лидией Чуковской 26 марта 1958 г. Оксман считал, что после десталинизации необходим открытый суд, Нюрнбергский процесс: «во имя очищения нации, иначе мы вперед не двинемся и останется то же беззаконие, тот же произвол <...> в меньших масштабах. Но наказывать смертью или тюрьмой следует лишь немногих, а всех остальных, причастных к злодеяниям, следует громко назвать по именам и отстранить от какой бы то ни было, малейшей, власти» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 223; см. также с. 553–554).

В статье и публикации Чудаковой и Тоддеса подробно освещена ситуация в Пушкинском Доме в то время, когда Оксман был его фактическим руководителем, а также дана информация о его первых арестах в 1930 и 1931 гг. и об аресте в 1936 г. Об Оксмане как заместителе директора Пушкинского Дома и его роли в работе комиссии по подготовке академического издания Пушкина благожелательно и детально пишет эмигрант второй волны и один из ближайших сотрудников Оксмана в подготовке академического издания Пушкина, Л. Домгер (*Domherr L. L.* Советское академическое издание Пушкина. Research Program on the USSR. East European Fund, Inc. New

York, 1953. Mimeographed Series, № 45). См. также: William Edgerton об Оксмане в «Russian Literature» (1973. № 5. Р. 5–34).

Не лишено интереса также, что в 1950–1960-е гг. исследовательские работы Оксмана во многом продолжали темы Иванова-Разумника, а именно изучение жизни и творчества Белинского и Герцена. Не пытаюсь дать исчерпывающий обзор работ двух ученых, упомянем следующие. Иванов-Разумник подготовил «Собрание сочинений: В 3 т.» В. Г. Белинского (СПб., 1911; 2-е изд. — СПб., 1913; и то же: Пг., 1919); два тома собрания его сочинений посвящены Белинскому: «Великие искания: Виссарион Григорьевич Белинский» (т. 3 [1912]) и «Пушкин и Белинский» (т. 5 [1916]), а в 1922 г. вышла его книга «А. И. Герцен. 1870–1920». Герценом вдохновлено название последней книги Иванова-Разумника (вторая часть «Былого и дум» озаглавлена «Тюрьма и ссылка»), и свою философию имманентного субъективизма он выводил из идей Герцена. После участия в составлении «Летописи жизни Белинского», вышедшей в 1924 г., в 1958 г. Оксман выпустил «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского», был фактически главным редактором 30-томного собрания сочинений Герцена (хотя обозначен как «заместитель главного редактора», а вначале не указывался даже как член редколлегии), а также редактировал сборник «Проблемы изучения Герцена» (1963).

5. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

30.IX.1942

Konitz

Sehr geehrte Frau Berberoff!

Mein Entschluss, keine Briefe bevor ich den Barackenlager verlasse und die Möglichkeit bekomme in russischer Sprache zu schreiben¹, — dient zur Erklärung meines langen Schweigens auf Ihren Brief und die vor kurzem erhaltene Postkarte. — Selbst schreibe ich nicht, doch freue mich sehr den erhaltenen Briefen, besonders, da sie zu mir auch in der russischen Sprache geschrieben sein können. Meine Adresse ist dieselbe, und wann sie sich ändern wird — weiss man nicht.

Wenn Sie A. Remisoff und B. Zajzeff² begegnen, denen ich wegen derselben Ursache nicht schreibe und es sogleich tun werde, wie unser Schicksal klar wird, — übergeben Sie bitte beiden meinen innigsten Gruss. Ich wäre unterdessen sehr froh, Ihre Briefe und auch von ihnen zu erhalten, denn ohne Briefe ist es sehr langweilig zu leben.

Mit vielen Grüssen

R. Iwanow.

Перевод:

Глубокоуважаемая госпожа Берберова!

Мое долгое молчание в ответ на Ваше письмо и незадолго до того полученную открытку объясняется моим решением не писать писем, пока я не выйду из лагеря и не получу возможность писать по-русски¹. — Сам я не пишу, но очень радуюсь получаемым письмам, особенно потому, что письма ко мне можно писать и по-русски. У меня адрес тот же, и когда переменится — неизвестно.

Когда встретитесь с А. Ремизовым и Б. Зайцевым², — кому я не пишу по той же причине, и напишу незамедлительно, как только выяснится наша судьба, — пожалуйста передайте обоим мой искренний привет. А пока я был бы очень рад получать письма от Вас и от них, потому что без писем очень скучно жить.

С сердечным приветом,

Р. Иванов.

Открытка. Автограф.

¹ 9 июня вышло запрещение коменданта лагеря писать письма из лагеря по-русски, запрещение продолжалось до октября.

² См. письма Зайцева в наст. изд.

6. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

23.XII.1942

Многоуважаемая Нина Николаевна,
перед Новым Годом решил заплатить все свои эпистолярные долги, а потому пишу и Вам, чтобы поздравить с наступающим Новым Годом и пожелать Вам всего доброго, и наипаче — бодрости душевной. Как видите — адрес мой остается прежним (вот уже 10 месяцев); всегда буду рад получить от Вас письмо.

С искренним приветом,
Р. Иванов.

Открытка. Автограф. Приписка: «In russischer Sprache» (как и на всех следующих письмах Иванова-Разумника Берберовой, на письмах 10 и 13 — сокращенно «Russisch»).

7. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

19.III.1943

Многоуважаемая Нина Николаевна,
больше месяца тому назад получил я Вашу открытку¹, теперь отвечаю открыткой же, чтобы сообщить о перемене своего адреса (он дан на обороте). Других новостей у меня нет.

Из парижан поддерживаю переписку только с А. М. Ремизовым. (Написал к Новому Году к Б. К. Зайцеву.) Недавно узнал, что якобы и Ю. К. Балтрушайтис² живет в Париже, — так ли это? И если так, то не знаете ли Вы его адреса? Это последний из могикан символизма (не счи-

тая Вячеслава Иванова³, если он жив), также как, за смертью Бальмонта⁴, последней из могижанш декадентства осталась Зинаида Гиппиус⁵.

В русскую берлинскую газету вот уже три месяца не посылал ничего и не знаю, когда пошлю и пошлю ли. Не такие времена, чтобы кого-нибудь интересовали «писательские судьбы»⁶, — сам я тому живой пример. Второй год пребываю в лагерях — и: «моей судьбою очень никто не озабочен»⁷.

Желаю всего доброго.

Ваш *Р. Иванов.*

Открытка. Автограф.

¹ В собрании *АИШ* не сохранилась.

² О *Ю. К. Балтрушайтисе* см. примеч. 4 к письму 15 Иванова-Разумника Ремизову.

³ О *Вяч. Иванове* см. примеч. 14 к письму 3 Зайцева.

⁴ О *К. Д. Бальмонте* см. примеч. 6 к письму 1 Зайцева.

⁵ О *З. Н. Гиппиус* см. вступ. статью.

⁶ См. наст. изд., приложение I.

⁷ Не совсем точная цитата из стихотворения Лермонтова «Завещание» (1840, «Наедине с тобою, брат...»): «...Моей судьбой, / Сказать по правде, очень / Никто не озабочен».

8. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

24.IV.1943

Старгард

Милая Нина Николаевна,

письмо пришло ко мне сегодня, в канун Светлого Праздника, с которым и поздравляю: Христос воскрес! Надеюсь, что воскреснет и человечество, пережив свою Страстную неделю; будем надеяться, что переживем ее и мы, — пусть это будет моим пожеланием Вам в эти страстные дни.

На Ваше письмо я отвечу в ближайшее время (досуга у меня много), а сегодня отвечаю так спешно лишь по одной причине: спешу написать Вам, чтобы Вы *ни в коем случае не высылали* мне те 1000 фр., о которых пишете. Мы с женой здесь ни в чем — в том числе и в деньгах — не нуждаемся, в то время как среди русских писателей в Париже

царит, насколько я знаю, большая нужда; свои деньги Вы всегда можете употребить более целесообразно, чем высылая их мне. Но за намерение — во всяком случае большое Вам спасибо; надеюсь только, что это мое письмо придет раньше. Вот если бы можно было получить от Вас книги — это было бы другое дело; но книги пока пересылать нельзя, так что подождем до лучших времен.

Спасибо за добрый отзыв о моих газетных очерках, которые пишу через силу, — чем и объясняется почти четырехмесячный перерыв в их появлении. Но недавно пересилил себя и послал сразу четыре статейки, три из которых связаны между собой одной темой: «Советская литература»¹. Я — человек не газетный, своими газетными очерками совсем недоволен, вот почему, вероятно, и пишу их с такой неохотой.

Кончаю, чтобы скорее отправить это письмо, — чтобы оно пришло раньше, чем Вы вышлете мне 1000 фр.: еще раз очень прошу — не высылайте! И еще раз искреннее Вам спасибо.

С сердечным приветом,
Р. Иванов.

Письмо. Автограф. Конверт не сохранился.

¹ См. наст. изд., приложение I, 11, 12, 13 и 14.

9. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

20.X.1943

Имение Данилишки

Милая Нина Николаевна,

сегодня пишу открытки Вам, А. М. Ремизову, Б. К. Зайцеву — всем, которые меня совсем забыли и не отвечают на мои письма. Вот уже три месяца как мы живем в имении родных на Литве, писал Вам — безответно. Чьи письма не доходят — мои или Ваши? Пишите заказным (по адресу на обороте).

Здесь я много работаю, кончил книгу («в письменный стол!»), на очереди вторая и третья¹. Но при нынешнем размахе мировых собы-

тий — не до книг. Так по крайней мере пусть не будет хоть «не до писем». Если получу от Вас письмо — отвечу уже не открыткой, а тоже заказным.

Искренний Вам привет,
Р. Иванов.

Открытка. Автограф синими чернилами. Обратный адрес: «Frau N. Jankauskaite (für I. R.). Ostland. Litauen. Kreis Kedahnen. Post Surviliški. Gut Daniliški».

¹ См. примеч. 16 к вступ. статье.

10. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

21.XII.1943

Данилишки

Дорогая Нина Николаевна, —

с Новым Годом, — и хотелось бы, чтобы исполнилось шаблонное: «с новым счастьем»! Авось когда-нибудь и дождемся его. А пока — хочу попенять Вам (или почте?), что Вы меня совсем забыли. Переехав в имение родственников на Литве (мы и поныне здесь, — адрес на обороте), я писал Вам, Б. К. Зайцеву, А. М. Ремизову еще в середине лета, — но безответно. 20/X послал всем вам троим по открытке — и месяца через полтора получил обстоятельный ответ от А. М. Ремизова¹; а от Вас и Б. К. Зайцева — ни отклика, ни слова. Пишу сегодня две открытки ему и Вам, чтобы напомнить о себе. Живем мы здесь тихо, до поры, до времени; много работаю, а что из этой работы выйдет — кто может предсказать по нынешним временам?

Сердечный Вам привет. Не забывайте!

Ваш *Р. Иванов.*

Открытка. Автограф синими чернилами. С обеих сторон наискосок перечеркнута цензурной полосой.

¹ Письмо Ремизова в собрании *АИШ* не сохранилось.

11. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

20 февраля 1944 г.

Данилишки

Милая Нина Николаевна,

в декабре месяце послал я открытки в Париж — Вам, А. М. Ремизову, Б. К. Зайцеву; от двух последних получил в ответ заказные письма¹, долго пробиравшиеся в нашу деревенскую глушь, а от Вас нет ни ответа, ни привета. Сегодня посылаю письма и Ремизову, и Зайцеву, а заодно пишу и Вам, так как не знаю, потому ли не получал я Ваших писем, что Вы не писали, или потому, что они до меня не доходили. Деревенская почта — фантастическое учреждение, наверняка доходят только заказные письма.

Так как Вы несомненно часто встречаетесь с Б. К. Зайцевым, то не буду повторять о себе того, что сообщил ему в довольно большом письме. Скажу только, что наше деревенское сиденье подходит к концу, так как мы предполагаем во второй половине марта стать уже городскими жителями. Пока это мое письмо дойдет до Вас, пока Вы напишете ответ — будет как раз вторая половина марта, так что сразу сообщаю Вам наш городской адрес:

An Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding (für IR)
Konitz (Westpr.). Denkmalsplatz, 2.
Allemagne. Deutschland

Долго ли мы пробудем в этом городе — неизвестно; вероятно нам суждены еще многие скитания; к корме какого большого корабля удастся нам привязать свой челнок — неведомо, но вероятно лишь с концом войны придет конец и нашим скитаниям. Очень завидуем всем вам, оседло живущим, и пожалуй предпочли бы жить под бомбами, но в своем углу, чем жить без бомб, не имея своего пристанища.

Имею к Вам небольшое дело. Париж всегда был центром художественной культуры, а у Вас, многолетней парижанки, вероятно есть связи не только с русскими, но и с французскими художественными кругами. А дело вот в чем: мне удалось увезти из России много лет висевший у нас на стене натюр-морт Петрова-Водкина «Яблоки» (масло, 80 x 60 сант.). В виду всяких предстоящих переездов, да и вообще для жизни нужны деньги; еще в прошлом году какой-то пражский коллекционер, узнав о существовании этой картины, предлагал за нее 1000 RM². Очень

не хотелось бы отдавать такую музейную вещь в частные, да к тому же и незнакомые руки. Если не ошибаюсь, в Люксембургском музее есть картина Петрова-Водкина; сомнительно однако, чтобы в настоящее время у музея были свободные средства для покупки картин. Нет ли у Вас возможности навести об этом справки, как в музее, так быть может и у частных коллекционеров? Приятнее было бы все же, чтобы картина такого большого художника нашла бы себе пристанище именно в Париже, где К. С. Петров-Водкин учился и жил многие годы.

Вот уже 7–8 месяцев, как мы живем в глухой деревенской усадьбе; за это время я много наработал, — авось когда-нибудь попадем в Париж и тогда можно будет в дружеском кругу поделиться кое-чем из написанного. Но это — Улита едет³, и прибудет вероятно не раньше конца войны.

А пока что — крепко жму Вашу руку и шлю дружеский привет.

Ваш *Р. Иванов.*

Письмо. Авторизованная машинопись. Приписка («In russischer Sprache»), заключительное приветствие (начиная со слов «А пока что») и подпись — автограф фиолетовыми чернилами.

¹ Письма Ремизова и Зайцева в собрании *АИШ* не сохранились.

² *РМ* — *RM* (Reichsmark), германская валюта.

³ Ссылка на поговорку «Улита едет, да когда-то будет».

12. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

26.II.1944

Данилишки

Дорогая Нина Николаевна,

С неделю тому назад я отправил Вам закрытое письмо — и через несколько дней после этого получил Вашу открытку от 30/I. Так как открытки доходят скорее и вернее «закрыток», то повторю содержание моего письма: я сообщал Вам, что наш деревенский *Urlaub* <отпуск. — *Нем.*> заканчивается, и что со второй половины марта адрес мой будет следующий:

An Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding (für IR).

5a Konitz (Westpr.). Denkmalsplatz, 2.

Одновременно написал я и А. М. Ремизову, и Б. К. Зайцеву, — и сегодня тоже одновременно с открыткой к Вам посылаю и им открытки. Рад за всех вас, что Вы благополучны, и тоже надеюсь, что когда-нибудь да увидимся. А пока — пишите.

Ваш *Р. Иванов.*

Открытка. Автограф фиолетовыми чернилами. Кроме обычной приписки «In russischer Sprache», добавлено «Ecrit en russe».

13. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

7.IV.1944

Кониц

Дорогая Нина Николаевна,

в середине февраля я писал Вам, всем троим парижанам (Вам, А. М. Ремизову, Б. К. Зайцеву) еще из литовской деревни большие письма, которые до вас очевидно не дошли, так как ответа на них не имею. Но в конце февраля я отправил опять-таки вам троим открытки с моим новым адресом, которые наверное дошли, так как на одну из них уже имею ответ — от А. М. Ремизова¹. Пишу сегодня и ему, и Вам, в чаянии получить ответ. Попробуйте писать заказным, — доходят и закрытые письма.

Проведя лето, осень и зиму в деревне, мы снова вернулись nach Westen <на Запад. — Нем.>, в этот городок, с которого начались наши скитания. У нас здесь — уютная комната, большая библиотека хозяйна, рояль — и возможность работать в тишине. В недошедшем до Вас письме я сообщил о своих книгах и о возможности их издания; если получу от Вас письмо, то отвечу заказным и более подробным, чем эта открытка. А пока — поздравляю с праздником Пасхи и желаю, чтобы мы хоть в будущем году могли сказать друг другу — Христос воскрес!

С искренним приветом,

Р. Иванов.

Открытка. Автограф.

¹ Ответ Ремизова в собрании *АИШ* не сохранился.

Борис ЗАЙЦЕВ

Борис Константинович Зайцев (1881–1972) — писатель-прозаик, печататься начал в 1901 г., первые три книги рассказов (1906, 1909, 1911) вышли в издательстве «Шиповник». Публиковался в «Новом пути», «Вопросах жизни» и др. В те же годы Зайцев встретился с П. П. Муратовым, с кем его связывала общая любовь к Италии. Автор «Образов Италии» (1911) посвятил Зайцеву свою знаменитую книгу, а Зайцев — памяти Муратова «Повесть о двух городах» (см. в кн.: Далекое. Вашингтон, 1965; см. также очерк Зайцева: П. П. Муратов // Дни. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 1995). В 1921 г. Зайцев — председатель Московского союза писателей; один из организаторов Книжной лавки писателей. В 1921 г. как член Всероссийского Комитета помощи голодающим (так называемого *Помгола*) арестован ЧК. После тяжелого тифа в 1922 г., получил разрешение на выезд за границу для лечения. Выехал в Берлин с женой и дочерью. Осень 1923 г. Зайцевы провели в Италии, где, по инициативе известного итальянского слависта Этторе Ло Гатто (см. о нем примеч. 9 к письму 3 Постникова), Институт Восточной Европы (Istituto per l'Europa Orientale) организовал специальные чтения в Риме, на которые были приглашены русские профессора и писатели, участники Комитета помощи голодающим и высланные за границу в 1922 г. В числе приглашенных был и Зайцев. См. вступительную заметку к публикации писем писателей к О. И. Ресневич-Синьорелли: *Garetto E. Materiali sull' emigrazione russa dall' archivio di Olga Resnevic Signorelli // Europa Orientalis. 1991. № 10. С. 383–428*; см. также об Италии в 1923 г. воспоминания Зайцева «Латинское небо» (Далекое. С. 164–178). В 1924 г. Зайцев поселился в Париже, где и жил до конца дней. Сотрудничал в газетах «Руль» и «Последние новости», а с 1927 г. — в «Возрождении». Войну пережил в Париже, во время оккупации нигде не печатался; работал над переводом Дантова «Ада» и вел дневник. (О жизни во время войны см. «Дневниковые записи 1939–1945» в кн. «Дни».) Как все писатели-эмигранты, Зайцев жил бедно. Нина Бербе-

рова в своих воспоминаниях упоминает черту, отличавшую Зайцевых: «У Зайцевых, <...> при бедности была не только гордость и легкость, но даже какая-то веселая сила» (Курсив мой. С. 307). Зайцев много путешествовал и, помимо романов и повестей, написал книги об Италии (Италия // Зайцев Б. Собр. соч. Т. 7. Берлин, 1923), Афоне (Афон. Париж, 1928) и Валааме (Валаам. Таллин, 1936), о жизни Сергия Радонежского (Преподобный Сергий Радонежский. Париж, 1925), а также литературные биографии: «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954). Очень доброжелательный человек, он оставил многочисленные воспоминания о современниках. Библиография — «Boris Zaitsev: Bibliographie» (Paris: Institut d'études slaves, 1982) со статьей составителя René Guerra и его же детальной хронологией жизни писателя.

О своем сорокалетнем литературном юбилее Зайцев записал в дневнике 14 августа 1941 г.: «Какая б ни была дальнейшая судьба моя, одно уж то, что сорок лет мог я свободно отдаваться своему труду в спокойствии, в ближайшем окружении любви — это великая милость. Милость и то, что я еще здоров, не расслаблен и люблю жизнь <...> И литературу люблю. Вообще ее люблю, и самому работать в ней. Не надоело. Как не благодарить?» (Дни. С. 49). Борис Зайцев пережил всех своих знаменитых современников.

* * *

В собрании АИШ сохранилось два письма Бориса Зайцева к Иванову-Разумнику — письма от 13 мая и 7 июня 1942 г. Мы также включаем в нашу публикацию письмо Иванова-Разумника к Зайцеву от 27 мая 1942 г., копия которого была предоставлена нам Н. Б. Зайцевой-Соллогуб, за что приносим Наталье Борисовне сердечную благодарность. Это письмо Иванова-Разумника и второе от 8 мая 1946 г. из Мюнхена были опубликованы В. Г. Белоусом, Я. В. Леонтьевым и Ж. Шероном в журнале «Звезда» (1996. № 3. С. 114–116). Переписка Иванова-Разумника с Зайцевым, по-видимому, продолжалась, так как в письме от 8 мая 1946 г. он пишет Зайцеву: «больше года прошло после последних наших письменных переключек» (Звезда. С. 115). В СП Иванов-Разумник отметил открытку, посланную Зайцеву 23 декабря 1942 г.

1. Б. К. Зайцев — Иванову-Разумнику

13.V.42

Многоуважаемый Разумник Васильевич, прочел вчера Вашу статью в «Нов<ом> Сл<ове>» — не без волнения¹. Двадцать лет! И вот, наконец, голос «оттуда». Голос литературы русской, уцелевшей, культуры нашей духовной...

Значит, здравствуйте, на чужой земле. Привет. Никогда в России не были мы близки, но теперь, по-моему, все вообще изменилось. Нас осталось — горсть! — буквально. (Как раз третьего дня скончался Г. Л. Лозинский², известный филолог, романист — то есть по ром<анским> языкам. Здесь, в Париже.) Думаю, что теперь мы должны быть ближе. Думаю, что главное, объединяющее нас сейчас, есть просвещенность. Она создает и язык общий. Чувствуешь, что находишься «в своем обществе». — Рад я и тому, что, прожив двадцать лет в Сов<етской> России, Вы остались противобольшевистски настроенным. Это большой козырь для нас.

Вы сидели в Кашире!³ Ведь это мой город. Имение отца в 30 в<ерстах> от Каширы, я много жил там, долгие годы.

Вчера мы обедали с Ниной Берберовой, она сказала мне, что написала Вам о здешних писателях. Но забыла самое важное, не упомянула о Ремизове⁴. Это для Вас, конечно, наиболее интересно. Вот его ад<рес>: 7, rue Voileau, Paris (16). Живется ему туго, Серафима Павл<овна> все хворает, он сам хозяйничает, стоит в очередях, и т. п. — Бунин в Грассе. Мережковского мы зимой похоронили. Он до последнего дня работал и сейчас еще вышла его франц<узская> книга «Кальвин»⁵. Скончался внезапно, от кровоизлияния в мозг. Знаете, как Флобер, «переходя с корректурой в руке от дивана к письменному столу». — Бальмонт совсем gamolli <одряхлевший. — Фр.>. Этот кончает по-другому. Был в психиатрич<еской> лечебнице, его вылечили от безумия... да жизни-то в нем не осталось. То, что называется «живой труп». Лежит целый день на постели — ужасно. Елена⁶ надрывается над ним. Вот тебе и «Будем как солнце»⁷ — навуходоносоровский конец⁸.

На днях мне подарили № 1 «Соврем<енных> Записок», у меня было 69 томов, теперь все 70 и это доставляет мне почти детское удо-

вольствие. Полный экземпляр! И некоторый паспорт литературный. Если спросят: «Что делали двадцать лет на чужбине?» — «Ну, жили, грешили, не героически жили, во многом и по-обывательски. А все-таки и работали». Тут вот можно подойти к книжной полке — там 70 томов. В 35 из них, начиная с 14-го (до 14-го я был в России, как Вы) — и мои писанья. Вадим Викторович Руднев⁹ редактировал эти книги, сначала сообща с другими, а последние годы один. Выпустил 70 кн<игу> и умер (в городе Рау, По, на юге Франции). Произошло это в 1940 году. А в 39<-м> скончался Ходасевич — об этом, думаю, Нина Вам напишет подробно.

Кажется, о главных смертях и все. Живы еще след<ующие> лица 1) Тэффи¹⁰ — здесь в Париже, тяжело больна грудной жабой; 2) Шмелев — такой же худой, как я; 3) Вячеслав Иванов — в Риме; 4) Бердяев — этому подарил кто-то дом в Кламаре, под Парижем¹¹; 5) про Ивана Бунина я уже упоминал. Грасс это прелестный городок на юге Франции, близ Канн и Ниццы. Знают ли в России, что в 33 году он получил Нобелевскую премию?¹² Ему сейчас 72-й год и пишет он все лучше и лучше.

При занятии германскими войсками Парижа в 1940 г. большинство писателей русских осталось здесь. Уехали и находятся в Америке Алданов¹³ и Сирин¹⁴. (Знаете ли Вы этих писателей?)

Теперь и к Вам вопрос, Разумник Васильевич: правда ли, что Марина Цветаева покончила с собой в Москве? И если да, то знаете ли что-ниб<удь> об этом? — Жива ли Ахматова? Вдова Георгия Чулкова — Надежда Григорьевна?¹⁵ Иван Алексеевич Новиков?¹⁶

О книгах Ваших погибших¹⁷ очень скорблю. У меня было их в России гораздо меньше, чем у Вас, все же главнейшие люди литературы начала века были, с автографами, много было хороших книг, и все тоже пропало. Здесь книги есть, но мало, неск<олько> сот. И тоже — вся почти эмигрантская литература с автографами и тоже, вероятно, пропадет. (3-го марта англичане так нас бомбардировали, что ухлопали неск<олько> сот на смерть, тысячи раненых. Три бомбы упало на нашей улице. У меня в столовой вылетели стекла.) Все-таки я продолжаю любить книги, и если бы не бедность, покупал бы их непрерывно.

Видите, какое длинное письмо я Вам написал! А между тем я довольно ленив¹⁸. Но случай показался необычным.

Желаю Вам всячески — получше устроиться на новом месте. Может быть, и увидимся? Всяко бывает. Я хотел бы Вас встретить, а удастся ли это, Бог весть.

Всего доброго.
Ваш Бор. Зайцев.

P.S. Меня зовут Борис Константинович. Если ошибаюсь в Вашем отчестве, прошу извинить — давно все было.

Да, еще забыл по «смертной» части: Шестов лежит на том же кладбище, что и Ходасевич. У меня из окон видно¹⁹.

Письмо. Автограф, по старой орфографии. Письмо отправлено по адресу газеты «Новое слово»: «Russische Zeitung "Novoje Slovo", Herrn D-r R. Ivanov-Razumnik. Magazinstrasse 15–16, Berlin (C 2)». Адрес над текстом: «110, rue Thiers, Boulogne S/S, France».

¹ Первая статья Иванова-Разумника в «Новом слове» была опубликована 10 мая 1942 г. (см. наст. изд., приложение I, 1).

² Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942) — младший брат М. Л. Лозинского (см. о нем примеч. 3 к письму 1 Г. Иванова), литературовед, специалист по средневековой французской литературе. Печатался в газете «Последние новости», в журнале «Звено» и др.

³ После ссылки в Саратов (1933–1936), не имея разрешения жить в столицах, Иванов-Разумник поселился в Кашире (сентябрь 1936 г.), где 29 сентября 1937 г. был снова арестован, а 17 июня 1939 г. освобожден из тюрьмы. См. письмо Иванова-Разумника к В. Д. Бонч-Бруевичу: Лавров А. В. О Блоке и Пушкине (Царском Селе) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 147.

⁴ См. переписку с А. М. и С. П. Ремизовыми в наст. изд.

⁵ Calvin. Paris, 1941. Перевод К. Андроникова. В русском оригинале впервые: Мережковский Д. С. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль / Под ред. и с предисл. Темиры Пахмусс. Брюссель, 1990.

⁶ Елена Константиновна (урожд. Цветковская, 1883<?>–1944) — третья жена Бальмонта. В эмиграции Бальмонт опубликовал несколько сборников стихов и переводов, среди них «Дар земле» (1921), «Сонеты солнца, меда и луны» (1923), «Мое — ей (Поэма о России)» (1924), «В раздвинутой дали (Поэма о России)» (1930), «Северное сияние» (1931) и др. Очень сочувственно о Бальмонте в эмиграции и о его кончине 26 декабря 1942 г. пишет Ю. Терапиано: «К. Д. Бальмонт» в кн. «Встречи» (с. 17–21).

⁷ «Будем как солнце» — книга стихов Бальмонта, вышедшая в изд-ве «Скорпион» в 1903 г.

⁸ Навуходоносоровский конец — с именем вавилонского царя Навуходо-

носора (ок. 605–562 до Р. Х.) связано разрушение Иерусалима в 586 г. и начало Вавилонского пленения иудеев. В кн. пророка Даниила (4:30) повествуется о его сумасшествии в конце жизни.

⁹ *Вадим Викторович Руднев* (1879–1940) — один из соредакторов журнала «Современные записки». По образованию врач, городской голова Москвы (1917); член Учредительного Собрания; во время Гражданской войны глава Союза городов на юге России (в Одессе). В третьей главе своих воспоминаний («“Современные записки”: Воспоминания редактора») М. В. Вишняк дает характеристику своих соредакторов.

¹⁰ *Надежда Александровна Тэффи* (урожд. Лохвицкая, по мужу Бучинская, 1875–1952) — писательница.

¹¹ *Дом в Кламаре* — см. примеч. 5 к письму 3 Зайцева.

¹² Присуждение Нобелевской премии Бунину в 1933 г. было значительным событием в жизни эмиграции. Редакция «Современных записок», где печатались многие произведения Бунина («Митина любовь», «Жизнь Арсеньева», «Дело корнета Елагина», «Солнечный удар» и др.), поздравляя лауреата, писала: «Присуждение Нобелевской премии Ивану Алексеевичу Бунину было воспринято русской эмиграцией, как праздник и великая радость. Торжественное увенчание творчества писателя-эмигранта подтвердило перед лицом всего мира, что нам есть за что бороться, во имя чего не примиряться с теми, кто искажает образ России. Это — признание ценности свободного эмигрантского слова». Далее утверждалось единство русской литературы *здесь и там*: «Не-

смотря на все, русская литература продолжает быть единой, по разному искать разрешения тех же проблем, отражать одну и ту же трагедию. <...> Для истинно высокого творчества необходима свобода, которую мы храним здесь. <...> Для литератора эмиграция означает отказ от читательской массы, от покровительства государства, от материальных благ и почестей» (Современные записки. 1934. № 54. С. 195–196). Об обстоятельствах присуждения премии см. воспоминания «И. А. Бунин» Андрея Седых, секретаря Бунина в то время, в кн. «Далекое, близкое» (3-е изд. 1979. С. 192–253), а также речь П. Б. Струве, произнесенную в Белграде 20 ноября и оглашенную на чествовании Бунина в Париже 29 ноября, в подборке: Статьи о русских писателях / Предисл. К. Ю. Лаппо-Данилевского; коммент. М. Д. Эльзона // Рус. литература. 1992. № 2. С. 81–104. Ср.: Последнее свидание: Материалы о посещении И. А. Буниным Прибалтийских государств в 1938 г. / Сост. Ю. Д. Шумаков. Изд. Эстонского культурного центра «Русская энциклопедия», 1992.

В последней главе своих воспоминаний «Нобелевские дни» Бунин записал о событиях того дня, когда пришло известие о присуждении премии: «Весь вечер “Бельведер” <вилла, где жили Бунины> полон звоном телефона <...>, оглашается звонками почтальонов, приносящих все новые и новые приветственные телеграммы чуть не из всех стран мира, — отовсюду, кроме России!» (Воспоминания. Париж: Лев, 1981. С. 262; Окаянные дни. М., 1990. С. 330). На вопрос Зайцева, знали ли в России о Нобелевской премии Бунину, следует ответить отрица-

тельно: на первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. присуждение Бунину Нобелевской премии не упоминалось. См.: *Гордиенко Т. В.* К истории награждения И. А. Бунина Нобелевской премией // И. А. Бунин и русская литература XX века: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И. А. Бунина. 23–24 октября 1995 г. М., 1995. С. 221–226.

Присуждению премии Бунину предшествовала довольно продолжительная предыстория, хорошо отраженная в переписке писателей начала 1930-х гг.: *Струве Г.* Историко-литературные заметки: К истории получения И. А. Буниным Нобелевской премии // Записки РАГ. 1967. № 1. С. 140–146; *Он же.* Из истории русской зарубежной литературы: Переписка И. А. Бунина и П. Б. Струве // Записки РАГ. 1968. № 2. С. 61–109; Письма Буниных Струве / Публ. и коммент. Р. М. Янгирова // *De Visu*. 1994. № 3/4 (15). С. 34–46; Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным / Публ. Милицы Грин // Новый журнал. 1965. № 80. С. 267–273; № 81. С. 110–116; *Олонова Е.* К предыстории присуждения Нобелевской премии 1933 года: Письма П. Б. Струве и И. А. Бунина к В. А. Францеву, 1930–1933 гг. // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя войнами. Прага, 1995. С. 321–329. Ср. также: «Вы — друг старый и верный...»: Письма И. А. Бунина к А. В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // *Минувшее*. 1994. № 15. С. 165–192. См. также примеч. 1 к письму 8 Постникова.

¹³ См. о нем примеч. 17 к письму 3 Г. Иванова.

¹⁴ См. о нем примеч. 16 к письму 3 Г. Иванова.

¹⁵ *Надежда Григорьевна* (урожд. Степанова, 1874–1961) — переводчица, автор мемуаров (опубликованы отдельные главы). См.: *Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гугеровском институте* / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза и О. Раевской-Хьюз. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 246 (далее: «Русский Берлин»). Жена писателя и критика, теоретика «мистического анархизма», *Георгия Чулкова* (1879–1939). См. его мемуары: *Годы странствий*. М., 1930.

¹⁶ *И. А. Новиков* — см. примеч. 13 к письму 2 Иванова-Разумника Зайцеву.

¹⁷ *О книгах погибших* Иванов-Разумник писал в первом очерке, опубликованном в «Новом слове» (см. наст. изд., приложение I, 1). О судьбе архива Иванова-Разумника см.: *Максимов Д. Е.* Спасенный архив // *Огонек*. 1982. Дек. № 49. С. 19.

¹⁸ Нина Берберова писала о лени Зайцева: «Как писатель он во многих отношениях тоньше Бунина, но ему всю жизнь мешала его инертность, его умственная лень <...> Мысль о движении, об усилении, о трате энергии была ему не только чужда, но и враждебна» (Курсив мой. С. 308–309). И о многолетней переписке с Зайцевым: «...И почти в каждом <письме> он сам себе удивляется: как это ему удалось написать <...> четыре страницы (или две)?» (там же. С. 309).

¹⁹ *О могиле Ходасевича* — В дневнике апреля 1942 г. Берберова записала: «Ночью 3-го марта, когда англичане и американцы бомбардировали Бьянкур, несколько бомб упало на Бьянкурское кладбище <...> Еще

теперь видны зияющие дыры, сломанные кресты, треснувшие памятники, мраморные ангелы с отбитыми крыльями. Кости убраны, их убрали в первые четыре дня, когда кладбище было закрыто. Могила Ходасевича не пострадала, но теперь он оказался окружен могилами убитых во время мартовской бомбардировки — около тридцати могил окружили его, целые

семьи так и идут кругами <...> Среди всего этого его серый крест» (Курсив мой. С. 492–493). После бомбардировок в сентябре — октябре 1943 г. Зайцевы оставили свою квартиру, жили в квартирах друзей и знакомых и вернулись в Булонь только в 1945 г. См. дневник Зайцева военных лет в кн. «Дни». О Льве Шестове см. примеч. 6 к письму 1 Ремизовых.

2. Иванов-Разумник — Б. К. Зайцеву

27 мая 1942 г.

Дорогой Борис Константинович, —

не удивляйтесь такому неожиданному обращению: Ваше письмо, дошедшее до меня на Троицу и Духов день¹, так порадовало, что не могу и не хочу начинать письма шаблонным «многоуважаемым». Вы правы: никогда в России мы не были близки², но теперь — мы немногие уцелевшие обломки разных пластов одной и той же геологической формации (простите за кудреватое выражение, так уж написалось) — отходящей в прошлое незабываемой полосы русской культуры. Очень одиноко чувствую теперь себя я, выброшенный волною войны в тихую заводь Barackenlager'a, — и сердечное письмо Ваше особенно порадовало возможностью в будущем избавиться от этого одиночества. За письмо — большое Вам спасибо.

С середины февраля пребываю в лагере города Коница, эвакуированный в числе Volksdeutsch'ей из Царского Села и прочих пригородов Петербурга; в Volksdeutsch'и я попал по жене («geboren Ottenberg»). Здесь нас за проволочным ограждением живет до 8 000 человек, «в карантине»; ждем прибытия «Комиссии» из Берлина, которая должна решить нашу судьбу. Улита едет вот уже три месяца³.

За это время списался с несколькими друзьями из Праги⁴ и получил от них ряд посылок с книгами, — жадно читаю их и «ликвидирую безграмотность», накопившуюся за минувшие двадцать лет. Среди других книг получил и Ваш «Золотой узор»⁵, и тома L–LIV «Совре-

менных Записок», где с удовольствием читаю «Дом в Пасси»⁶. Получил целую пачку «евразийской» литературы⁷, ряд отдельных номеров разных журналов; но вижу, что еще долго придется быть на положении полуграмотного.

Получил два письма от А. М. Ремизова, и сегодня отвечаю ему; писала мне и Н. Н. Берберова, но на мой ответ (еще 11 апреля) отклика не имею и не знаю — дошло ли мое письмо?⁸ — Все, что Вы сообщаете о судьбе русских писателей за границей, было для меня полно захватывающего интереса и новизны. (Ведь мы там, в России, давно уже похоронили Вяч. Иванова, — а он, оказывается, жив, чему я очень порадовался; многое бы мог рассказать ему о последних годах жизни Андрея Белого, о Сереже Соловьеве⁹ и др.) А на Ваши вопросы могу ответить лишь кратко, чтобы письмо не обратилось в целую брошюру: 1. Марина Цветаева покончила с собой как раз в то время, когда я был «изъят из списка живых» (сидел в Бутырках)¹⁰, а потому никаких подробностей не знаю. 2. Ахматова в 1940-м году выпустила сборник старых и новых стихов, «Шестикнижие»¹¹, вскоре, однако, изъятый из обращения. 3. Над<ежда> Гр<игорьевна> Чулкова¹² жила в Москве до войны. 4. Ив<ан> Ал<ексеевич> Новиков — тоже до войны — благоденствовал в Москве; «орденоносец»; прошумел романом «Пушкин в селе Михайловском»¹³; входит в правление Союза писателей, и вообще — «у власти».

Не хочу переходить на второй лист и круто обрываю письмо — с тем, чтоб (если оно дойдет) написать Вам вдвое больше и не так разбросанно, как это первое послание, вышедшее «комом». Еще раз искреннее спасибо за Ваше хорошее письмо. Не забывайте и впредь.

Ваш Р. Иванов.

Письмо. Автограф. Над текстом письма: «*Адрес: Barackenlager, Baracke "Essen", Zimmer № 8, Konitz (Westpr.)*» и приписка: «*In russischer Sprache*».

¹ Пасха в 1942 г. приходилась на 5 апреля (по обоим календарям), а Троица и Духов День, соответственно, на 24 и 25 мая.

² Иванов-Разумник писал о Зайцеве: «Большое произведение — роман «Дальний край» — впервые дал в ми-

нувшем году милый художник-«импрессионист» Борис Зайцев <...>. Автор ничем не обрадовал, но и ничем не огорчил. Это все тот же Борис Зайцев, автор милых «импрессионистических» рассказов <...> Конечно, «романа» нет никакого, здесь автора постигла полная

неудача <...> Это писатель слишком определившийся, слишком выявленный, новых путей от него ждать нельзя; но на старых своих путях он может еще не один раз порадовать тихими и милыми повествованиями о милых и тихих людях» (Русская литература в 1913 году // Заветное. Пг.: Эпоха, 1922. С. 44–45; первая публикация: Заветы. 1914. № 1. Отд. 2. С. 87–99). В отдельной статье «Дальний край: О романе и рассказах Бориса Зайцева» (Заветы. 1913. № 6. Отд. 2. С. 222–233) критика Иванова-Разумника была резче, хотя он признавал, что «сладкая грусть» имеет свое место в жизни и литературе и сравнивал Зайцева с Борисовым-Мусатовым. Цитируем начало статьи: «Борис Зайцев — милый художник. Он весь какой-то розовый, “сладостно-грустный”, старомодно-модернистский, слегка жантильный и не стыдящийся быть сентиментальным» (с. 222).

³ Комиссия прибыла в лагерь только 25 июля.

⁴ См. переписку с Е. А. Ляцким, А. Л. Бемом и С. П. и Е. В. Постниковыми в наст. изд.

⁵ *Золотой узор*: Роман. Прага: Пламя, 1926. Переведен на чешский (1928), итальянский (1930), французский (1933) и испанский (1959) языки.

⁶ *Дом в Пасси*: Роман. Берлин: Парабола, 1935. Публиковался в «Современных записках» в 1933 г. (№ 51–54) за исключением двух глав «Вверх и вниз» и «Праздник», опубликованных в «Возрождении» (1933. 1 янв. № 2770). В 1950 г. вышел в итальянском переводе.

⁷ См. примеч. 44 к письму 6 Постникова.

⁸ См. письма Берберовой в наст. изд.

⁹ *Сергей Михайлович Соловьев* (1885–1942) — племянник Вл. Соловьева, поэт и критик, друг Белого и Блока. До 1916 г. выпустил пять сборников стихов. Был женат на Татьяне Алексеевне Тургеневой, сестре жены Белого А. А. Тургеневой. Окончил Духовную академию и в 1915 г. принял священство. В начале 1920-х гг. стал католиком восточного обряда. В 1923 г. окончил книгу о Вл. Соловьеве, опубликованную только более пятидесяти лет спустя, «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева» (Брюссель, 1977). Работал как переводчик для изд-ва «Academia». В начале 1931 г. арестован и выслан в Казахстан. По ходатайству Горького помещен в психиатрическую больницу ГПУ, признан больным и освобожден. Скончался 2 марта 1942 г. в больнице в Казани. Сведения о последних десятилетиях жизни в публикации дочери: «Над пустыней мертвого песка...» / Публ. и редактирование текстов Н. Соловьевой // Наше наследие. 1993. № 27. С. 60–70. См. также биографические данные о С. М. Соловьеве во вступительной статье И. Г. Вишневецкого к публикации цикла его стихотворений «Жемчужное дерево»: Неизданный мистический цикл С. М. Соловьева // Символ. 1993. № 29. С. 241–254.

¹⁰ Иванов-Разумник был в тюрьме с 29 сентября 1937 г. до 17 июня 1939 г., Марина Цветаева вернулась в Советский Союз в июне 1939 г., а покончила самоубийством в эвакуации в Елабуге 30 августа 1941 г. См. примеч. 12 к письму 4 Бема.

¹¹ «Из шести книг».

¹² См. примеч. 15 к письму 1 Зайцева.

¹³ Иван Алексеевич Новиков (1877–1959) — начал печататься в 1899 г., писал рассказы, романы и стихи. В 1930-е гг. начал работу над историческими романами «Пушкин в изгнании»: ч. 1 — «Пушкин в Михайловском» (1936), ч. 2 — «Пушкин на юге» (1943); пьеса «Пушкин на юге» (1937); опубликовал стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» (1938). С Новиковым Зайцевых связывала давняя дружба. По-видимому, Новиков был прототипом Христофорова в романе

Зайцева «Голубая звезда» (М., 1918; см.: Зайцев Б. Голубая звезда. М., 1989. С. 569). В одном из первых писем к В. Н. Буниной после выезда за границу В. А. Зайцева, рассказывая об общих знакомых, в частности упоминала: «Очень сошлись мы с Новиковыми» (Другая Вера // Новый журнал. 1968. № 92. С. 175. См. примеч. 15 к письму 3 Зайцева). В 1939 г. Новиков был награжден орденом «Знак почета». См. примеч. 2 к письму 3 Г. Иванова.

3. Б. К. Зайцев — Иванову-Разумнику

7.VI.42

Дорогой Разумник Васильевич,

очень рад был получить Ваше письмо. Да, конечно, нас сближает сейчас эта «геологическая эпоха». Конечно, мы говорим на одном языке, понимаем друг друга с полуслова. Это я по первым же Вашим статьям в «Нов<ом> Сл<ове>» почувствовал.

А вот придется ли встретиться — и когда? где? — Это вопрос. Когда мы в <19>22 году приехали в Зап<адную> Европу, положение было несоизмеримое с теперешним. Конечно, визы существовали. Все-таки, их получать было нетрудно. А в Берлине, напр<имер>, приехав из Москвы, я мог тотчас же выпустить у Гржебина «собрание сочинений» в шести томах¹. И не в бараках мы жили (хотя небогато. Никакого «шику» в писательской жизни не было).

Все-таки я надеюсь, что Вы не долго еще пробудете за проволокой, а как дальше жизнь сложится, так же трудно сказать, как и мне ответить, на какие *мы* средства сейчас живем. (Два года уже никто из нас ни строки не напечатал). Живем случаем, чудом, есть какие-то люди, кот<орые> помнят и не дают погибнуть — за все надо Бога благодарить. Думаю и надеюсь, что и Ваша жизнь найдет какую-нибудь приемлемую форму.

Недавно видел я Нину Берберову — она пыталась послать Вам книги, но сделать этого нельзя: на почте не принимают отсюда. Если бы принимали, я охотно послал бы Вам что-ниб<удь> и из своих писаний здешн<их>, хоть бы «Жизнь Тургенева»², или еще что.

Берберова живет под Парижем, в своем доме, хорошо устроенном. Мы с женой гостили у нее в мае, прожили неделю. Читали друг другу вслух свои сочинения — это сейчас единств<енный> способ литературного общения. Я нашел, что она как писательница сильно выросла за послед<нее> время³. Кажется, современные бури сильно и благотворно потрясли ее. Вообще же она одна только устроена здесь более или менее прочно, хозяйственно (отличная хозяйка и работница) — на земле, с огородами, садом, свиньей и т.п.⁴ Остальные же все («мы») — богема. Даже Иван со своей Нобелев<ской> премией — тоже богема (и сейчас в Грассе живет туго).

Впрочем, забыл: Бердяев домовладелец. Ему поклонница подарила дом в Кламаре⁵ (предместье Парижа, как и моя Булонь), он устроен основательно.

Если напишете мне о Белом и С. Соловьеве⁶, буду крайне признателен. С Белым много у меня связано по юности и Москве. Этот необыкновенный человек обладал особенным шармом, от него не отделаешься. Теперь я его и люблю и не люблю, но *никогда* не был его врагом (как он, к сожалению, думал. Так получается из его воспоминаний)⁷. Однако издали яснее видишь в нем, рядом с очаровательным — призрачное, «ложное», в том же смысле как было, увы! ложное и в Блоке (прекрасном поэте, конечно)⁸. Все эти марева, обманы, Прекрасные Дамы, оборачивающиеся незнакомками... — Бог с ними. Нет, нужно более «питательное». (Мне по крайней мере). Более «существующее», чем у Белого и Блока. Мне ап<остол> Павел что-то дает, а Симон Волхв⁹ или Штейнер¹⁰ — весьма мало. — Странное вообще время было — наш символизм. Но не зря, не зря! Он знаменовал начало катастрофы, Белый и Блок выражали уже собою надвигавшуюся гибель. Я недавно просмотрел дневники Блока 1913 г.¹¹ — сумбурно и мрачно! Как разорвано все, как все колеблется, и какая суета в Петербурге. Печальная книга.

Может быть, я огорчаю Вас этим, знаю, что Вы были близки с обоими ими, помню смутно о «Скифах»...¹² — но, повторяю, у меня нет к ним дурного чувства. Облики их вызывают во мне и печаль, и од-

новременно очаровывают. Только это для меня отошедшее. Живу я другим. И кажется мне, что как раз живоносной силы в них мало.

Очень жду Ваших дальнейших очерков в «Н<овом> Сл<ове>» — Сологуба жаль бесконечно¹³.

Вот в чем мы с Вами вполне сойдемся: все *такое* неповторимо. Нет, конечно дело. Вячеслав Иваныч доживает свои дни в Риме (из прежней его квартирки окна выходили прямо на Форум! И улочка: *via di Monte Tarpeo*)¹⁴ — слава Богу, он не по бальмонтовски кончает. Кажется, последний из символистов.

Часы показывают полночь. С этой минуты до 5 утра нельзя ходить и ездить по улицам. Париж тих сейчас так, как деревенька моего покойного отца в Каширском уезде. И так же темен.

Моя жена¹⁵, ложась спать, сказала мне: «Хотя я не знакома с Ивановым-Разумником, но если это не неудобно, напиши ему, что я ему кланяюсь». Исполняю весьма охотно. Добавлю еще: за эти двадцать лет мы с ней нисколько не изменили отношения своего к большевизму. Был он наш враг, и остался им. Ваша позиция для нас очень утешительна: вот что говорит человек *оттуда*! Известный писатель, соратник Белого и Блока.

Жму Вашу руку, дорогой Разумник Васильевич, всего доброго. Очень хотелось бы встретиться. А может, еще и увидимся?

Ваш Бор. Зайцев.

Письмо. Автограф. Над текстом адрес: «110, rue Thiers, Boulogne S/S».

¹ *Собрание сочинений*. Берлин — Пб. — М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922–1923. Издание проектировалось в 7 томах, но том 4 не вышел.

² *Жизнь Тургенева*. Париж: YMCA-Press, 1932. 2-е изд. — 1949.

³ В годы войны Берберова написала повести «Воскрешение Моцарта» (1940) (Новый журнал. 1947. № 17), «Мыс бурь» (Новый журнал. 1950. № 24; 1951. № 25, 26, 27). Рассказ «Плач» (1941–1942) (Новый журнал. 1948. № 20) посвящен Борису Зайцеву. Дейст-

вие в рассказе происходит зимой 1920 г. в Петербурге, рассказчица — девочка десяти лет. «Воскрешение Моцарта» и «Плач» вошли в сборник «Облегчение участи» (Париж: YMCA-Press, 1949).

⁴ Ср.: «Осенью 1937 года Н. В. М. <муж Берберовой> сломал себе ногу в колене. Когда он получил страховку, мы купили Лонгшен — в мае 1938 года. Весной 1939 года, когда все работы по перестройке дома были кончены, мы оставили париж-

скую квартиру и переехали в деревню. Это было за пять месяцев до войны» (Курсив мой. С. 471).

⁵ В 1936 г., получив по завещанию от одного английского друга, Mrs. Florence West, деньги на покупку дома, Бердяев приобрел дом (83, rue du Moulin de Pierre) в Кламаре, где и жил до конца дней. О Бердяеве см. также примеч. 18 к письму 3 Г. Иванова.

⁶ О С. М. Соловьеве см. примеч. 9 к письму 2 Иванова-Разумника Зайцеву.

⁷ Негативно о Зайцеве Андрей Белый пишет, повествуя о «Перевале» и «символистах третьей волны»: «Опасным симптомом предстала молодая группа московских литераторов, объявивших себя символистами третьей волны <...> Входящий в масститость уже Борис Константинович Зайцев отечески опекал эту группу; он был объявлен... неореалистом; неореализм и проповедовали символисты этой волны; суть течения: спекулятивная политика глубоко «старых» поэтиков, готовых пройти под каким угодно соусом в свет; группочка потрафила кружковским присяжным поверенным, жаждавшим присоединиться к моде; неореалисты сочетали отбросы либерализма с отбросами символизма <...> Зайцев стал классиком их» (Между двух революций. М., 1990. С. 178). О конфликте Белого с редакцией «Литературно-художественной недели», в которой сотрудничал Зайцев, см. там же, с. 225–226. Подробности инцидента см. в примечаниях А. В. Лаврова на с. 511–514. Зайцев описывает этот эпизод в очерке «Андрей Белый, 1938–1963» (Далекое. С. 24–27).

⁸ См. статью Зайцева о Блоке «Побежденный» (Далекое. С. 7–19;

первая публ.: Современные записки. 1925. № 25).

⁹ *Симон Волхв* — Simon Magus — Волхв-самарянин, пытавшийся купить у апостолов духовную власть (см.: Деян. 8:9–24). От его имени произошел термин «симония» в значении продажи и покупки священного сана. По древней традиции считался основателем одной из гностических сект. См. о нем статью Вл. Соловьева, перепечатанную из «Энциклопедии» Брокгауза-Ефрона в «Собрании сочинений» (Фототипическое изд. 2-го изд. СПб., 1911–1914. — Брюссель, 1970. Т. 12. С. 618–619), а также вошедшую в энциклопедический словарь «Христианство» (1995. Т. 2. С. 569–570). Ср.: Рафалович С. Симон Волхв: Поэма. Тифлис: Изд. Кавказского Посредника, 1919; 2-е изд. — Париж, 1926. В поэме Рафаловича Симон Волхв — провозвестник свободы и «новой истины», к чему он призывает и героиню поэмы — Елену, чье имя связано с историческими данными о Симоне (его учение было известно как секта симониан или елениан).

¹⁰ *Рудольф Штейнер* (Rudolf Steiner, 1861–1925) — философ и оккультист, теософ, основатель антропософии. О Белом и антропософии см.: Белый А. Почему я стал символистом. Ann Arbor: Ardis, 1982; Воспоминания о Штейнере. Париж, 1982; а также публикации Дж. Мальмстада: Андрей Белый и антропософия // Минувшее. 1988. № 6. С. 337–448; 1989. № 8. С. 409–471; 1990. № 9. С. 409–488. См. также: Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917–1923) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. 1988. № 6. С. 7–53; и Тургенева А. Андрей Бе-

лый и Рудольф Штейнер // Мосты. 1968. № 13–14. С. 236–251.

¹¹ *Дневники Блока* — за 1911–1913 и 1917–1921 гг. были впервые опубликованы П. Н. Медведевым в 1928 г. Вошли в восьмитомное «Собрание сочинений»: Т. 7. Дневники 1901–1921. М.-Л., 1963. О дневниках Блока см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 586–595.

¹² «Скифы» — см. вступ. статью.

¹³ Слова Зайцева — отклик на очерк Иванова-Разумника «Федор Сологуб», который был напечатан в двух номерах «Нового слова» от 31 мая и 7 июня (см. наст. изд., приложение I, 3 и 4). См. также примеч. 8–11 к письму 10 Постникова.

¹⁴ Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) — жил в Италии с 1924 г., с осени 1926 г. в Павии, а с 1934 г. до конца дней в Риме. *Via di Monte Tarpeo* — адрес Вяч. Иванова в 1936–1939 гг. С 1940 г. его квартира была на Авентине. Борис Зайцев с женой был в Риме у Вяч. Иванова за несколько месяцев до его смерти (16 июля 1949 г.). Это была их первая и последняя встреча за границей. См. статью О. Дешарт в: *Иванов Вяч. Собрание сочинений*. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 227. См. также очерк Зайцева «Вячеслав Иванов» (1963), где описаны их ранние встречи и последняя в Риме в 1949 г. (Далекое. С. 48–57). См. также: *Климов А. Вячеслав Иванов в Италии (1924–1949) // Русская литература в эмиграции: Сб. статей / Под ред. Н. Полторацкого*. Питтсбург, 1972. С. 151–165.

¹⁵ *Вера Алексеевна Зайцева* (урожд. Орешникова, 1877/8–1965). Нина Берберова очень тепло пишет о В. А.: «У Зайцевых — она была веду-

щей жизненной силой, олицетворением двойной энергии, <...> она была силой благой, разумной, теплой, живой, неисчерпаемой в своей жадности к людям и жизни, полной женственной мудрости и иронии. <...> Они любили друг друга долго, нежно, страстно <...> Они непрестанно жили друг другом. И когда в 1957 году Веру разбил паралич (ей тогда было около восьми-десяти), то она еще много лет жила в параличе — просто потому, что он был с ней, неотступно ходил за ней, держал ее своей любовью (а она держала его)» (Курсив мой. С. 308). Зайцев опубликовал письма жены к Вере Николаевне Буниной за 1920–1940-е гг. в «Новом журнале» (1968. № 92; 1969. № 95, 96; 1970. № 98, 99) под заглавием «Другая Вера». Письма В. Н. Буниной были опубликованы в газете «Русская мысль». О знакомстве и многолетней дружбе двух Вер см.: *Зайцев Б. Повесть о Вере // Мосты*. 1968. № 13–14. С. 3–21. «Повесть о Вере» (письма В. Н. Буниной) и «Другая Вера» (письма В. А. Зайцевой) вошли в кн. Зайцева «Золотой узор» (М., 1991). Берберова писала о роли жены и дочери в жизни Зайцева: «И Вера и Наташа приблизили к нему мир: он оказался не стоящим на месте, а текучим и летучим. И все это было сделано через любовь. Вообще самое главное, что было в доме (в маленькой квартире, где они жили более тридцати лет) — это не вещи, не предметы — здесь не было ни радио, ни пишущей машинки, ни электрических приспособлений, ни музыкальных инструментов, ни картин, ни ковров — самое главное, единственно главное — здесь была любовь» (Курсив мой. С. 309).

РЕМИЗОВЫ

Знакомство *Алексея Михайловича* (1877–1957) и *Серафимы Павловны* (1876–1943) *Ремизовых* с *Ивановым-Разумником* относится к тому времени, когда Ремизов потерял постоянную должность в редакции «Вопросов жизни» в связи с прекращением издания журнала в конце 1905 г. Для Ремизова это было трудное время многочисленных попыток найти постоянный заработок и поисков всевозможной работы. Одним из активных помощников в поисках работы был *Иванов-Разумник* («Р. В. Иванов-Разумник, с которым познакомились о ту пору, достал нам работу: сверять Белинского. Но работа эта скоро кончилась» (Кукха. Берлин, 1923. С. 49)). Через несколько лет *Иванов-Разумник* сыграл решающую роль в преодолении Ремизовым еще более значительного кризиса.

Книгу «Встречи. Петербургский буерак» (Париж, 1981) Ремизов начинает со своих неудач и трудностей с издателями и неприятием широким кругом читателей. Кульминация этого повествования, первой главы книги, «На большую дорогу», — рассказ об обвинении его в плагиате. Этот эпизод наиболее полно освещен в публикации Е. Р. Обатниной «Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову» (Рус. литература. 1995. № 3. С. 157–209). В приложении к этой ценной публикации напечатаны опровержение М. М. Пришвина «Плагатор ли Ремизов?» (Слово. 1909. 21 июня), появившееся через несколько дней после обвинения (*Миров М.* Писатель или списыватель? // Биржевые ведомости. 1909. 16 июня) и письмо в редакцию самого Ремизова, излагающее принципы обработки фольклорного материала (Рус. ведомости. 1909. 6 сент.). В главе «На большую дорогу» *Иванов-Разумник* появляется как человек, сразу оказывающий и моральную и материальную поддержку. («Помню Р. В. Иванов-Разумник 3 рубля дал — зелененькую, никогда не забуду» (Кукха. С. 82)). К эпизоду с плагиатом Ремизов возвращался неоднократно. В книге «Кукха» дана сгущенная версия — без опровержений, но с упоминанием помощи *Иванова-Разумника*, в частности поездки Ремизовых летом 1910 г. к *Ивановым* «на необитаемый остров Вандрок (Аландские острова)» (Там же.

С. 84; в тексте ошибочно указан 1909 г.). В дальнейшем при содействии Иванова-Разумника выходит повесть Ремизова «Крестовые сестры», начало работы над которой было знаком преодоления кризиса лета 1909 г. (Встречи. С. 23, 31, 35, а также: *Данилевский А. А. «A reali-oribus ad realia»* // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. 1987. С. 99–123. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 781); ср. надпись Ремизова Серафиме Павловне на французском переводе «Крестовых сестер»: *Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 182 и 184*). Летом 1909 г. (23 июня–7 июля) Ремизовы путешествовали с семьей Иванова-Разумника по Волге (Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 35, ссылка на: Ремизов А. М. Адреса его и маршруты поездок // РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 3. Л. 12).

Ремизов посвятил Иванову-Разумнику рассказ «Властелин» (Утро России. 1909. № 32), включенный в седьмой том «Собрания сочинений» и затем неоднократно перепечатывавшийся. Иванов-Разумник — постоянный персонаж во «Взвихренной Руси», в хронике 1917 г. он появляется многократно и во сне и наяву.

В «Заветах» печатались рассказы Ремизова (1912. № 9; 1913. № 3 и 12), вошедшие в сборники «Докука и балагурье» (1914), «Весеннее порошье» (1915) и «Среди мурья» (1917).

Иванов-Разумник был одним из первых значительных критиков, высоко оценившим творчество Ремизова. В «Заветах» (1912. № 8) была напечатана его статья «Черная Россия: “Пятая язва” и “Никон Староколенный”», позднее включенная в сб. «Заветное». В большой статье «Творчество А. Ремизова», написанной в 1910–1911 гг. и вошедшей во второй том («Творчество и критика») его «Собрания сочинений», Иванов-Разумник очень тонко, внимательно и верно пишет о Ремизове. В заключение он суммирует путь Ремизова-художника, прошедшего через «декадентство»: «Все завоевания его он сохранил и удержал, во многом сам проложил вперед дорогу, но он сумел преодолеть в своем творчестве все то, что привело в конце концов “декадентство” к вырождению и оскудению. В стиле и манере “Пруда” пишут теперь только эпигоны декадентства <...> И как раз в это самое время тонкий и глубокий художник, А. Ремизов, сознательно идет к все большей и большей, безмерно более трудной простоте линий и формы» (с. 109). В характеристике Ремизова как писателя Иванов-Разумник выделяет основную антитезу его творчества: «Но и теперь уже ясен

облик этого художника, так любовно ищущего старых и новых слов, так горько ненавидящего мир и жизнь, так искренне благословляющего и мир и жизнь великим благословением» (там же).

Резкое различие в отношении к революции привело к кризису отношений Ремизова с Ивановым-Разумником. 20 октября 1917 г. Ремизов записывает в дневнике: «В 12 ночи разговаривал с А. А. Блоком: ему кажется все таким мирным. Говорил и с Разумником. Смещение тьмы и пожеланий благих» (Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова; вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // Минувшее. 1994. № 16. С. 469). В это время Иванов-Разумник редактировал сборники «Скифы». В первом номере была напечатана «Ясня: Русалия в 3-х действиях», а во втором (1918) «Gloria in excelsis» и «Слово о гибели русской земли» (см.: Субботин С. И. Еще раз о дате первой публикации «Слова о гибели...» А. М. Ремизова // Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 154–156), а вслед за ним отповедь Иванова-Разумника, статья «Две России», где, среди прочего, он писал: «Слово это идет к нам с “этой” стороны, с “этого” берега пропасти, где плотно затерт автор его в толпе озлобленных и перепуганных революцией всесветных мещан. И с какой же радостью, с каким восторженным “обезьяним гиком” встретят они это “Слово”, где в крестную могилу преданной мещанами революции он так рачительно вбивает осиновый кол!» (Скифы. Сб. 2. С. 207). В январе 1918 г. Ремизов записывает в дневнике: «Был Разумник — битва под Разумником» (с. 472). А. М. Грачева комментирует эту запись как конфликт в связи с публикацией «Слова» и статьи «Две России» и, в частности, цитирует письмо З. Н. Гиппиус по этому поводу: «То, что сделал с вами Иванов-Разумник — последнее похабство. Я только что увидела “Ск<ифы>”, и считаю, что до такой бесчестности ни один литератор никогда не доходил» (Минувшее. № 16. С. 530; см. первую публ.: *Lampl H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello* // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 1. 1978. Примеч. 29). Во «Взвиренной Руси» столкновение с Ивановым-Разумником лишено личных черт, но выражает суть конфликта. Здесь оно — часть бреда автора во время болезни: «Не берите руками горящие предметы, горячо, обожжетесь! — Но моего голоса не слышно. — А Иванов-Разумник с пудовым портфелем, как бесноватый из Симонова монастыря. — Это вихрь! на Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль,

в вихре смрад. Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир. И у кого есть крылья — <...> Да, как сохлые листья в помойку! — повторяю я, и обида душит меня, — погубили Россию! Последние головни горят. И осталось русское сердце — сапогом его! — и слово — да чорта с этим словом, пиши и говори по-тарабарски! Кара? Нет, это суд Божий» (Взвихренная Русь. Париж, 1927; цит. по репринт. переизд. 1979 г. С. 211–212; см. также: Огневица // Огненная Россия. Ревель, 1921). О совместной работе, дружбе и расхождении Ремизова с Ивановым-Разумником см.: *Lampl H. Remizovs Petersburger Jahre: Materialien zur Biographie // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 10. 1982*, а также: *Грачева А. М. «Слово о гибели русской земли» А. М. Ремизова и его критик — Иванов-Разумник // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 196–207.*

Во время войны Ремизовы оставались в Париже; ко времени начала переписки шел второй год оккупации: «Идет война, Париж оккупирован, алерты и бомбардировка — нельзя привыкнуть и наладиться, а изволь! Место действия наш дом на улице Буало, квартира без отопления и темно — четыре года (1939–1944) и с каждым годом вхирь и убыль» (Мышкина дудочка. Париж, 1953. Предисловие. С. 5). Следует добавить, что все эти годы болела Серафима Павловна и в связи с этим Ремизовы не спускались в бомбоубежище, а также все хозяйственные заботы легли на Алексея Михайловича. О безусловно добрых отношениях между Ремизовыми и Ивановыми в период переписки свидетельствует упоминание Ремизовым Ивановых («И Иванов-Разумник с Варварой Николаевной») среди друзей, которыми больная Серафима Павловна в своих мечтах наполняла дом (В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952. С. 339). О жизни Ремизовых в Париже во время войны см.: «Мышкина дудочка» и «Сквозь огонь скорбей» в кн. «В розовом блеске»; а также: *Резникова Н. В. Огненная память. Berkeley, 1980.*

* * *

В собрании *АИШ* находится четыре письма и две открытки от Ремизовых к Р. В. и В. Н. Ивановым. Первые пять написаны между 20 апреля и 16 июля 1942 г. Письмо от 18 мая, а также приписка к перво-

му письму от 20 апреля написаны С. П. Ремизовой. Хотя после первого обмена письмами и сведениями Ремизов стал писать реже (судя по сетованиям в открытках Иванова-Разумника), нет сомнения, что не все его письма сохранились в собрании *АИШ*. Последнее письмо от 5 июня 1946 г. (см. наст. изд., «Эпилог»), вероятно, было получено во время последней болезни или уже после смерти Иванова-Разумника.

В архиве Ремизова в Amherst Center for Russian Culture находится 17 писем Р. В. и В. Н. Ивановых к Ремизовым. Одно из них (от 29 сентября 1942 г.) написано В. Н. Ивановой и обращено к С. П. Ремизовой. Письма с июня по конец сентября, в связи с требованиями администрации лагеря, написаны по-немецки. Письмо от 8 мая 1946 г. отнесено в «Эпилог». Письма Иванова-Разумника Ремизову от 27 мая (№ 7) и 21 октября (№ 13) были опубликованы (с некоторыми неточностями в прочтении текста) David Lowe в «Russian Literature Triquarterly» (1974. № 8. С. 495–501). Все письма Иванова-Разумника Ремизовым вошли в публикацию: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 19–147.

Приношу благодарность Amherst Center for Russian Culture и его директору проф. S. Rabinowitz за предоставление нам этих писем для публикации.

1. А. М. и С. П. Ремизовы — Иванову-Разумнику

20.IV.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

Как взволновало нас Ваше имя. Столько лет кануло (двадцать и один год за границей)¹. Часто Вас вспоминали, а написать Вам как было? В нашей тягостной, трудной жизни при этой вести что-то изменилось: я стал гадать, как напишу Вам, а может, и встретимся. Откликнитесь! Удавалось кое-что читать Ваше и храним одну Вашу книгу, берлинское издание «Русская литература»², она у меня рядом с «Geschichte der russischen Literatur» Лютера³. Напишите ему: Dr. Arthur Luther, Leipzig O.27, Bozener Weg 10. Нет ли вестей о М. М. Пришвине?⁴

Как Ваше здоровье? На чем остановились в ваших исследованиях? И есть ли возможность продолжать Вашу работу?

Алексей Ремизов.

Дорогой Разумник Васильевич, как взволновало нас известие о Вас, теперь будем ожидать Вашего письма. А. М. наверху написал наш адрес. Часто вас вспоминали за эти двадцать лет, и как жили у Вас на Вандроке⁵, и Варвару Николаевну.

Все расскажем Вам постепенно, только бы получить от Вас письмо. Шестов умер⁶, с ним тоже о Вас вспоминали.

Христос Воскресе, дорогой Разумник Васильевич, еще можно христосоваться⁷. Ждем письма ответного, всего доброго,

С. Ремизова.

Письмо. Автограф. Письма Ремизовых написаны по старой орфографии. Обращение и подпись с росчерком написаны ремизовским «парадным» почерком. Приписка С. П. Ремизовой начинается на той же странице. Над текстом вписан адрес: «Alexei Remizoff, 7 Rue Boileau, Paris XVI». Здесь, как и на остальных русских письмах в этом разделе, кроме писем 2 и 3, помета: «In russischer Sprache». Письма 20 и 21 помечены «Russisch».

¹ Ремизовы уехали из Петрограда в Берлин в начале августа 1921 г.

² *Русская литература* от семидесятых годов до наших дней. 6-е изд., перераб. Берлин: Скифы, 1923.

³ *Артур Лютер* — один из переводчиков Ремизова на немецкий язык (Legenden und Geschichten. Leipzig: Kurt Wolff Verlag, 1919). См. его письма в «Эпилоге», а также примеч. 13 к письму 2 Иванова-Разумника Степуну.

⁴ *Михаил Михайлович Пришвин* (1873–1954) — писатель-прозаик. До революции близкий друг и, по его собственным словам, ученик Ремизова, с кем познакомился в 1907 г. Работавший агрономом, Пришвин начал печататься сравнительно поздно, поддержка Ремизова сыграла здесь значительную роль: «В то время, не мечтая о

художественной литературе, я занимался пешим хождением по стране с целью записывания фольклора. Мои записи народных сказок чрезвычайно понравились Ремизову» (Воспоминания о Михаиле Пришвине. М., 1991. С. 67. Дневниковая запись 6 марта 1945 г.). Пришвин был одним из близких Иванову-Разумнику писателей, первая статья о нем как о крупном писателе была написана Ивановым-Разумником (Великий Пан // Речь. 1911. 24 янв. № 23; *Иванов-Разумник*. Творчество и критика. С. 24–48). Пришвин, как и Иванов-Разумник, активно помогал Ремизову, когда он был обвинен в плагиате (см. вступ. заметку к письмам Ремизовых). Оба писателя печатались в «Заветах» (см. вступ. статью), затем сотрудничали в «Воле народа», в прило-

жении к которой «Россия в слове», выходявшем под редакцией Пришвина, было впервые опубликовано «Слово о гибели русской земли» Ремизова (см. вступ. заметку к письмам Ремизовых). В 1917 г. Ремизовы и Пришвин были близкими соседями на Васильевском острове. Во «Взвяхренной Руси» Пришвин — постоянный спутник революционного года, он появляется в снах и наяву («Сосед Пришвин» или «Борода увлекающаяся»). Пришвин сохранил добрую память о Ремизове, что отражено в его дневниковых записях. «Ремизов понимал меня лучше, чем я сам себя, и, кажется, очень любил» (Воспоминания о Михаиле Пришвине. С. 67. Запись 6 мая 1926 г.). Он очень проницательно характеризует Ремизова как писателя и главу так называемой ремизовской школы: «Самому Ремизову чего-то не хватало, чтобы самому писать, как хотелось, просто, он был похож на скифа, делающего себе карьеру при византийском дворе. <...> Из больших писателей, мне кажется, Ремизов глубоко любил и признавал только Розанова <...> Ремизов не своими писаниями, а своей личностью сделался единственным моим другом в литературе, хранителем во мне земной простоты. <...> Было много и других учеников у Ремизова, и все, кто чему-нибудь научился у Ремизова, сделались в писаниях своих почти прямо противоположными его собственным писаниям. Столбовую задачу Ремизова я бы теперь характеризовал как охрану русского литературного искусства от нарочито мистических религиозно-философских посягательств на него со стороны кружка Мережковского, с другой — тенденциозно-гражданских влияний не умершего еще тогда народ-

ничества» (Воспоминания о Михаиле Пришвине. С. 67. Дневниковая запись 6 марта 1945 г.). Ремизов писал о Пришвине: «Пришвин, во все невзгоды и беды не покидавший Россию, первый писатель России. И как это странно сейчас звучит, этот голос из России, напоминая человеку с его горем и остервенением, что есть Божий мир с цветами и звездами и что недаром звери, когда-то тесно жившие с человеком, отпугнулись и боятся человека, но что есть еще в мире простота, детскость и доверчивость — жив “человек”» (Встречи. С. 271). Однако в конце жизни, читая последние книги Пришвина, Ремизов был обижен старым другом. В очерке 1943 г. «Город света», отдавая дань роли Петербурга как началу его литературного пути, Пришвин упоминает весну 1917 г.: «Этой необыкновенной весной я закончил весь свой петербургский период жизни (1905–1917), определивший всю мою литературную деятельность» (Дорога к другу. М., 1957. С. 33), не упоминая имени Ремизова. Н. В. Резникова цитирует запись на полях этой книги, продиктованную Ремизовым незадолго до смерти: «Шишков, Пильняк, Алексей Толстой — не боялись. М. М. <Пришвин> — пугливый» (Огненная память. С. 84). В разговорах с Кодрянской Ремизов снова возвращается к Пришвину: «Мое словесное он не понял. В предисловии к одной из своих книг “Кладовая солнца” он упрекал меня чуть ли не в словоблудии. Как мне хотелось ответить на это Пришвину» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 322. Запись 31 августа 1957 г.). И еще одна запись за две недели до смерти: «Я их всех вижу. Замятин, Шишков, Добро-нравов, Пришвин и петушком перед

ними Иванов-Разумник (эту мою мысль надо продолжить). <...> Самым трагичным оказался Замятин и Пришвин» (там же. С. 327). О творчестве Ремизова и Пришвина см.: *Дворцова Н. П. М. Пришвин и А. Ремизов: К истории творческого диалога* // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994. № 2. С. 27–33.

⁵ По-видимому, совместное пребывание на острове Вандрок летом 1910 г. сохранилось в памяти всех участников. Надписывая Серафиме Павловне французский перевод кн. «Крестовые сестры» (*Sœurs en croix*. 1929), Ремизов вспоминал: «Я вспоминаю мою болезнь, санаторию Волковой и о. Вандрок у Иванова-Разумника, и перелом нашей жизни: переезд из Казачьего на Таврическую» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов*. С. 182–183.) О пребывании на о. Вандрок Ремизов также вспоминает в «Сквозь огонь скорбей»: «Мы жили на Оландских островах: Остров Вандрок — северная хмурая пустыня: скалы и море» (В розовом блеске. С. 309). А в ЗК Иванов-Разумник отмечает под 12 июня: «Ураганный ветер с востока! Холод (для июня) — десять градусов. Такого лета не было у нас и на Вандроке в 1911 году» (Дата — видимо, ошибка памяти Иванова-Разумника: лето 1911 г. он проводил в Териоках, см.: Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 55).

⁶ *Лев Исаакович Шестов* (1866–1938) — философ. Шестов и Ремизов встретились в Киеве в 1904 г. и сохраняли дружеские отношения до конца. См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская лите-

ратура. 1992. № 2, 3, 4; 1993. № 1, 3, 4; 1994. № 1, 2. Ремизов писал о Шестове неоднократно. Первая статья «По поводу книги Льва Шестова “Апофеоз беспочвенности”» была напечатана в «Вопросах жизни» (1905. № 7), а затем включена в кн. «Крашенные рыла» (Берлин: Грани, 1922); последняя «Памяти Льва Шестова» вышла в «Последних новостях» (№ 6451) 24 ноября 1938 г. (Шестов умер 20 ноября; этот некролог включен в книгу «Встречи», с. 267–269). Лев Шестов был другом, советником и помощником в практических делах, к которому Ремизовы обращались на протяжении всей жизни. Как видно, Шестов не обижался на ремизовские шутки и розыгрыши, так как он постоянный персонаж ремизовских снов. Иванов-Разумник посвятил Шестову значительную часть своей книги «О смысле жизни: Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов» (2-е изд. СПб, 1910. Репринт: Litchfield: Bradda Books Ltd., 1971. Introduction by P. D. Rayfield). О Шестове см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: В 2 т.* Paris: La Presse Libre, 1983; *Bibliographie des œuvres de Léon Chestov*. Paris, 1975; *Bibliographie des études sur Léon Chestov*. Paris, 1978; а также: *Данилевский А. А. А. М. Ремизов и Лев Шестов* // Пути развития русской литературы. Литературоведение. Труды по русской и славянской филологии. Tartu ülikooli Toimetised. Tartu, 1990. С. 139–156.

⁷ В 1942 г. Пасха совпадала по восточному и западному исчислению и приходилась на 5 апреля (23 марта ст. ст.). В православной Церкви «Христос Воскресе» поют на всех богослужениях до отдания Пасхи — кануна праздника Вознесения, то есть в течение 39 дней.

2. Р. В. и В. Н. Ивановы — А. М. и С. П. Ремизовым

1 мая 1942

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович —
воистину воскресе! И Варв<ара> Ник<олаевна> и я очень обрадо-
вались весточке от Вас, и если я сегодня еще не пишу Вам большого
письма, то лишь потому, что хочу первой ласточкой послать эту от-
крытку: дойдет — тогда напишу Вам большое, настоящее письмо, и
даже пошлю «Eingeschrieben» <«заказное»>. — Нем.>.

А пока — жду от Вас только хотя бы открытки с известием, что
эта моя открытка Вами получена. Но еще лучше — если напишете по-
дробно: ведь Ваше письмо дошло же! И шло не очень долго: с 21 по 30
апреля. Значит — жду!

Да, воистину воскреснем мы теперь друг для друга, — ведь боль-
ше двух десятков лет были отрезаны, и без всякой надежды не то, что
увидеться, но даже списаться. Война решила иначе. Из Царского Села
нас с Варв<арой> Ник<олаевной>, в качестве Volksdeutsch'ей (ведь
В. Н. — «geboren Ottenberg») эвакуировали в Кониц, где пока нахо-
димся в карантине. Дальнейшее пока неизвестно, но надеемся на луч-
шее, — по крайней мере на отдых после многих лет моих тюрем и ссы-
лок в СССР. Всего сразу не расскажешь! — Вот и о Мих. Мих.
Пришвине расскажу Вам чудеса (я жил у него в Москве в 1940 году)¹.
Да и от Вас и про Вас надо столько узнать! Пока списался только с ми-
лейшим Серг<еем> Порф<ирьевичем>², который отнесся к нам, как к
родным и глубоко нас тронул.

А весточка от Вас — большая радость: ведь воистину воскресли
мы друг для друга! Пишите!

Ваши В. Н. и Р. В. Ивановы.

Открытка. Автограф. Приписка даты получения: 15.V.

¹ В книге «Тюрьмы и ссылки» (с. 211–212), описывая отношение боль-
шинства друзей и знакомых в период
его ссылки, Иванов-Разумник выделяет
Пришвина как истинного друга, кото-

рый познается в несчастьи: «Не только
писал он мне бодрые письма в Новоси-
бирск и в Саратов, не только присылал
новые свои книги, не только хлопотал в
московских издательствах о какой-ни-

будь работе для меня, но даже, когда хлопоты эти не увенчались успехом, по собственному почину, нисколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей. Только благодаря ему я еще существую в сем “физическом плане” — и не могу умолчать об этом». (В тексте даны только инициалы Пришвина «М. П.»). Дневник Пришвина за 1936 г. («Жизнь стала веселей...»: Из дневника Пришвина 1936 года / Вступ., подгот. текста, коммент. и публ. Л. А. Рязановой // Октябрь. 1993. № 10. С. 3–21) несколько проясняет отношения Иванова-Разумника и Пришвина. 26 февраля запись заканчивается: «Приехал Разумник <после окончания саратовской ссылки>». Следующей неделе (26 февраля — 3 марта) уделена короткая запись: «Продолжаю болеть гриппом и всю неделю с утра до ночи проговорил с Разумником» (с. 9). И далее: «Разумник со времен “Заветов” не сказал ни одного одобрительного слова о моих вещах, написанных при советской власти: он ревнует. Пришвина ведь он открыл. Я начинаю подозревать, что он вовсе и не понимал меня и не понимает, о чем я пишу <...> Ему, наверно, нравятся во мне некоторые стилистические приемы...» (с. 9. Запись от 4

марта). Однако через несколько дней Пришвин находит другую причину молчания Иванова-Разумника: «Наконец-то ночью, почти во сне догадался о причине молчания Разумника о всех моих писаниях при советской власти. Единственное слово, которое мог бы он сказать, — это: “подкоммунивает”. Неужели и я тоже, как все, только с той разницей, что, указывая на “бревна” в глазах других, не хочу замечать сучки в своем» (с. 9). И еще через несколько месяцев: «Приехал Р. В. Иванов <...> Вообще Иванов-Разумник похож на шило, которое нельзя в мешке утаить. Так и прет из него начинкой старой русской интеллигенции. Он никогда не поймет, что большевизм родился в процессе реализации интеллигентских чаяний, что Керенский, Чернов, Плеханов, Троцкий ходом событий во всем мире, а не только у нас непременно приведены бы были к тому самому, что делает теперь большевизм: делает государство силой принуждения, потому что кругом никто государственных обязанностей к нему выполнять не хочет, всякий хочет быть “сам по себе”» (с. 14. Запись от 9 сентября).

² С. П. Постников — см. его письма в наст. изд.

3. Иванов-Разумник — А. М. и С. П. Ремизовым

4 мая 1942

Дорогой Алексей Михайлович, — посылаю эту открытку вдогонку первой, которую послал 1 мая (Ваше письмо получил 30.IV), — и вот почему:

Написал мне из Anglet Георгий Иванов¹ с просьбой ответить; я и ответил, но открытка моя, прогуляв 10 дней, сегодня вернулась ко мне обратно, ибо была недостаточно оплачена (без дополнительных марок). Боясь, что и мою открытку от 1 мая² к Вам постигнет та же участь, сегодня пишу вторично и наклеиваю лишние марки. Повторяю и то, что сказал в первой открытке:

Дорогой Алексей Михайлович, — вот уж порадовали своим письмом! «Невероятное здесь совершается», — кто бы мог поверить этому еще год тому назад! Пишите побольше о себе и обо всех; — как только увижу, что письма доходят — напишу Вам обстоятельнейше. И о Мих. Мих. Пришвине расскажу — чудеса!³

Дорогая Серафима Павловна — воистину воскрес!

И Варв<ара> Ник<олаевна> и я радуемся возможности возобновить с Вами пока хоть письменную связь, а потом — кто знает! может быть и встретиться!

Буду ждать ответа на обе, или хотя бы на одну из этих открыток; как только получу ответ — сразу напишу Вам уже не «открытку», а «закрытку». Адрес наш будет действителен, по всей вероятности, еще месяца полтора-два, если не больше⁴. Пишите!

А все-таки хорошо, что мы все четверо исполнили пушкинский завет и «постарались быть живы»!⁵

Р. Иванов.

Открытка. Автограф. Приписка даты получения: 15.V.

¹ См. письма Г. Иванова.

² См. письмо 2 Ивановых Ремизовым.

³ См. письмо 5 Ремизовой Ивановым.

⁴ Ивановы оставались в Конице до конца февраля 1943 г., когда были переведены в лагерь в Штаргарде, откуда только в августе смогли уехать

к родственникам в Литву. См. ниже письмо 17 Иванова-Разумника Ремизову.

⁵ Слегка измененная цитата из письма Пушкина П. А. Плетневу в ответ на сообщение о смерти А. А. Дельвига: «Будь здоров — и постарайся быть живы» (письмо от 21 января 1831 г.)

4. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику

16.V.1942

Paris

Дорогой Разумник Васильевич,
вчера ваше письмо (1 мая — 4 мая) получили: обе открытки¹. Собрался в библиотеку, да с утра дождь — тихий, пришвинский, я боюсь замочить книгу.

Хотел вас спросить, а для этого надо ваше о Аполлоне Григорьеве². Я верю, мы увидимся, больше: мой рассказ вы возьмете и напечатаете³.

За эти годы я чувствовал себя или как новичок или в звании «иногороднего сотрудника»⁴.

А как М. М. Пришвина калечили, — приходилось читать.

Оба кланяемся Варваре Николаевне и вам, Разумник Васильевич.

Алексей Ремизов.

Открытка. Автограф. Написано «парадным» почерком Ремизова.

¹ Письма 2 и 3 наст. изд.

² Ремизов имеет в виду издание «Воспоминаний» Аполлона Григорьева, вышедшее под редакцией и со вступительной статьей Иванова-Разумника в изд-ве «Academia» в 1930 г.

³ См. вступ. заметку к письмам Ремизова.

⁴ См. главку «Писатель» в кн.: Ремизов А. Иверень / Ред., послесл. и коммент. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986. (Modern Russian Literature and Culture. Vol. 7). С. 11–15; а также: Резникова Н. В. Огненная память. Гл. «Образ Ремизова, им самим создаваемый».

5. С. П. Ремизова — В. Н. и Р. В. Ивановым

18 мая 1942

Дорогие Варвара Николаевна и Разумник Васильевич, мы хотим, чтобы вы к нам приехали, по всему видно Вам удобнее к нам приехать, а уж как мы обрадуемся. Прямо к нам на нашу улицу Voileau¹. Вот я

хочу знать обо всем — Лева² был тихий мальчик, а Инночку³ я помню на балконе в Териоках, тогда еще маленькую — она уже большая! Помню, мать Блока⁴ мне говорила, что ваши дети красивые. А где Оленушка? такая моя любимая, и Иринушка?⁵ Помню у нас застала Оленушку и Иринушку Mme Матюшина, Елена Гуро, которая была в заgrabной связи с Вильгельмом Нотенберг⁶, и ей понравилась Иринушка, а не моя Оленушка.

Отчего же умерла Л. Д. Блок?⁷ Я о ней много думала и думаю. Встречали ли Вы Евгению Федоровну Книпович⁸, напишите. Знайте, что мы будем прямо счастливы, если вы к нам приедете. Хотя немножко спросила, а всего так много накопилось, будем говорить друг с другом. Приезжайте к нам, мы вам покажем коробочку с русской землей, Яков Петрович Гребенщиков⁹ принес перед отъездом, теперь уже он покойный, письмо от него получено было незадолго из Сибири. Приезжайте, мы друг для друга воскресли, еще пасхальная служба в церкви идет.

С. Ремизова.

Письмо. Автограф.

¹ Последняя и наиболее известная квартира Ремизовых (7, rue Voileau, Paris XVI), где они жили с 1933 г., это квартира «Мышкиной дудочки» и «Сквозь огонь скорбей».

² Лев Разумникович Иванов (1904–1938) — сын Р. В. и В. Н. Ивановых, см. письмо 12 Ивановой Ремизовой, а также «Эпилог».

³ Ирина Разумниковна Иванова (1908–1996) — дочь Р. В. и В. Н. Ивановых, см. письмо 12 Ивановой Ремизовой и «Эпилог».

⁴ Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттук (урожд. Бекетова, 1860–1923).

⁵ О племянницах В. Н. Ивановой см. ее письмо 12 Ремизовой.

⁶ Елена Гуро (1877–1913) — писательница, участница футуристического «Садка судей». Вильгельм Нотен-

берг — одно из имен мифического сына Гуро, кому она посвящала свои произведения. По воспоминаниям мужа Гуро, М. В. Матюшина: «“Образ бедного рыцаря, “небесного верблюжонка”, — воплотившийся у Гуро в образ человека, — не имеет ничего биографического, этот образ — резервуар ее мечты; она создала его из тончайших ощущений, идущих прямо от природы, от земли” (цит. по записи А. Г. Островского из неизданной книги “Футуристы”)» (цит. по: Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 645, примеч. 13). См. также: Капелюш Б. Н. Архивы М. В. Матюшина и Е. Г. Гуро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома, 1974. Л., 1976. С. 3–23; Эндер З. История рукописи неизданного произведения Е. Гуро «Бедный рыцарь» // Elena Guro:

Selected Prose and Poetry. Stockholm, 1988. С. 111–130; *Минц З. Г.* Неопубликованное произведение Е. Гуро «Бедный рыцарь» // Russian Literature. 1991. № 29. С. 1–24; *Топоров В. Н.* Миф о смерти юноши-сына: К творчеству Елены Гуро // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 75–85; и *Он же.* Елена Гуро: миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскресении // Серебряный век в России. М., 1993. С. 221–260; а также: *Kevin O'Brien.* Guro's Sons // Europa Orientalis, 13. 1994. № 1. С. 77–83.

⁷ *Любовь Дмитриевна Блок* (урожд. Менделеева, 1881–1939) — жена А. А. Блока, скоропостижно скончалась 27 сентября 1939 г. См. ее воспоминания: Были и небылицы / Подгот. текста И. Паульманн; Предисл. и коммент. Л. С. Флейшмана. Bremen: K Presse, 1977; *Блок А.* Письма к жене. 1978. (Литературное наследство. № 89). См. также: Незаконченный очерк Д. Е. Максимова / Предисл., публ. и примеч. К. М. Азадовского и А. В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1999. № 35. С. 250–280.

⁸ *Евгения Федоровна Книпович* (1898–1988) — литературовед, кри-

тик. Автор исследования «Блок и Гейне» и других статей о Блоке. См. ее книгу: Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. О деятельности Книпович как рецензента-референта см.: *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. С. 552–553, примеч.

⁹ *Яков Петрович Гребенщиков* (1887–1935) — библиофил, работал в Публичной библиотеке в Ленинграде. Умер в ссылке в Алма-Ате 25 января 1935 г. На известие о смерти Гребенщикова отзывается Д. М. Пинес в письме А. Н. Римскому-Корсакову: «Смерть Якова Петровича, о которой Вы упоминаете, тоже огорчила меня. Я не знал, что он умер вне Ленинграда и об этом узнал только из Вашего письма. Это был своеобразный человек и приметный: немного таких ходит среди нас. Жаль только, что жил он последние годы горько и тяжело» («De profundis»: Письма Д. М. Пинеса к А. Н. Римскому-Корсакову / Публ. М. Д. Эльзона // Историко-библиографические исследования: Сб. научных трудов. СПб., 1994. Вып. 4. С. 139 и 155, примеч. 30). В «Последних новостях» (1935. 9 мая. № 5159) Ремизов напечатал некролог Гребенщикова, включенный в книгу «Встречи» (с. 264–266).

6. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику

19.V.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

Вчера выбрался в библиотеку. Школа восточных языков¹; с 1924 г. Серафима Павловна читала курс славяно-русской палеографии, с 1940 лекции временно прекращены. В Школе библиотека,

«Эпохи»², конечно, нет, а случайно (из Онегинского собрания)³ статьи А. Григорьева. Вы думаете, что А. Григорьев не заметил Вагнера (с. 661)?⁴ В «Эпохе» янв.-февр. 1864 г. в статье «Русский театр» начинается: «Я вагнерист...». Стр. 433–438 о Вагнере⁵.

А может быть, Вы читали что-нибудь против. Здесь так мало русских книг, а особенно журналов, в Берлине не сравнить. Обещают «Воспоминания» Н. И. Греча с Вашими замечаниями⁶. А что слышно о «обезьяньем кодификаторе» (урядник) М. М. Исаеве?⁷ И Маргарита Борисовна?⁸ Она научила меня «варить» кофе, а довершил я мою кофейную науку в Обераммергау на «Страстях»⁹. Теперь одни воспоминания, беру по утрам в «бистро» что дадут, тоже и с табаком, в трудные времена в России курил шалфей, а здесь горькая полынь — в глазах дымится.

«Тысяча и одна ночь», тут все было, но нам удалось прочитать только пять¹⁰, а Чумандрин¹¹ не дошел. А Святополк-Мирский где?¹² Как это он для «безобразия» забыл Чумандрина включить в свою историю литературы.

И до чего тихо в Париже, только часы и собаки. Не узнать было бы Гоголю этой когда-то «ярмарки Европы»¹³. А какие были ночи, я помню из ночей ночь, два года будет, а не могу позабыть, — в покинутом Париже после черного дождя, звездная, а в межзвездье круть — поднялась и носились вихри с Монмартра над Сеной, над миллионным покинутым Парижем, я не спал, все слушал, различая голоса сквозь вой и визги — Рабле, его звенящий мат, и трепет Бодлера и вдруг (из Бориса Годунова) Шаляпин: «Душа моя скорбит»¹⁴. Этой ночи конца не было.

Алексей Ремизов.

Кланяюсь Варваре Николаевне.

В «Тысяче и одной ночи» я отмечал превращения, нашел и у нас: Сомов, Вель<т>ман, Луганский¹⁵. А потом тычась в очередях среди бешеных баб, всегда держу на языке: «Слушаю и повинуюсь»¹⁶ — заклинание на человеческий огрыз и шип.

Письмо. Автограф. Подпись с росчерком.

¹ Ecole nationale des langues orientales vivantes.

² «Эпоха» — литературно-политический журнал «почвеннического» направления, выходил в Петербурге в 1864–1865 гг., издатель-редактор М. М. Достоевский, впоследствии Ф. М. Достоевский. Аполлон Григорьев был постоянным сотрудником журнала.

³ *Онегинское собрание* — Александр Федорович Онегин (Отто, 1845–1925), создатель уникального Пушкинского музея в Париже, завещал свой музей Императорской Академии наук, оставаясь его пожизненным хранителем. Когда коллекция была отправлена в Пушкинский Дом, Школа восточных языков в Париже получила значительное количество книг-дубликатов Онегинской библиотеки. См.: *Апостол П.* Памяти А. Ф. Онегина // *Временник Общества друзей русской книги.* 1925. № 1. С. 71–73; *Гофман М. Л.* Существует ли неизданный дневник Пушкина? // *Новый журнал.* 1955. № 43. С. 256–264; *Файнштейн М. Ш.* Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском Доме // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год.* СПб., 1993. С. 307–316; а также: *Леонидов В.* О милом, радостном и скорбном старины // *Русская мысль.* 1997. 24–30 июля. № 4184.

⁴ «В музыкальных увлечениях Аполлону Григорьеву везло меньше, чем в литературных: он <...> восторгался Мейербером и итальянской оперой — и не заметил уже гремевшего тогда в Европе Вагнера» (*Иванов-Разумник.* Аполлон Григорьев: Вместо послесловия // *Григорьев А.* Воспоминания / Ред. и коммент. Иванова-Ра-

зумника. М.-Л.: Academia, 1930. С. 661).

⁵ В статье «Русский театр» Григорьев дает высокую оценку музыке Вагнера как выражению своего времени: «Вагнеризм <...> без его диких крайностей не только носится в воздухе, но положительно уж засел в нем». Он неоднократно употребляет в этой статье выражение «я вагнерист», например: «Как демократ я, разумеется, вагнерист; ибо принцип, что опера есть драма, принцип, которого Вагнер является высшим и притом чистейшим представителем в наше время — принцип демократический» (цит. по: *Григорьев А.* Русский театр. По возобновлению в первый раз (Посвящается гг. артистам Александринской сцены) // *Григорьев А.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 401. После публикации в журнале «Эпоха» статья не переиздавалась, здесь напечатана в отрывках (с. 397–407)).

⁶ *Греч Н.* Записки о моей жизни / Текст по рукописи под ред. и с коммент. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М. — Л.: Academia, 1930.

⁷ *М. М. Исаев* — участник ремизовского Обезвельволпала, его имя встречается в дневнике Ремизова и во «Взвихренной Руси». Ср.: «Понемногу вырабатывалась и “конституция” Обезвельволпала — главным советчиком был обезьяний “кодификатор” проф. уголовного права М. М. Исаев» (Кукха. С. 39). См. также: *Субботин С. И.* Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А. М. Ремизова // *Новое литературное обозрение.* 1995. № 14. С. 154–156), где содержание «России в слове» указывает две публикации легенд под именем М. М. Исаева.

⁸ *Маргарита Борисовна* — жена М. М. Исаева.

⁹ *Обераммергау* (Oberammergau) — деревня в Баварии, где в память избавления от чумы в 1634 г. раз в десять лет силами местных жителей устраиваются «Мистерии» — Страсти Христовы по Евангелию. Ремизовы провели лето 1922 г. недалеко от Oberammergau на Ammersee. См. описание М. Волошиным своей поездки в Oberammergau в 1900 г.: *Волошин М. В Обер-Аммергау // Путник по вселенным. М., 1990.*

¹⁰ *Книга тысячи и одной ночи*: В 8 т. / Пер. с араб. ориг. М. А. Салье; под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М. — Л., 1929–1939. Ремизов откликается на рассказ Иванова-Разумника во втором очерке, напечатанном в «Новом слове» (17 мая), «Две жизни султана Махмуда», о судьбе основателя издательства «Academia» Кроленко, арестованного после выхода первого тома «Тысячи и одной ночи». См. наст. изд., приложение I, 2.

¹¹ *М. Ф. Чумандрин* (1905–1940) — советский писатель, в 1930–1931 гг. редактор журнала «Ленинград». Во втором очерке, напечатанном в «Новом слове», Иванов-Разумник упоминает «честного, но бесконечно бездарного пролетария Михаила Чумандри-

на, романы которого критика (печатно!) ставила выше “Войны и мира”» (наст. изд., приложение I, 2, с. 315), а в «Тюрьмах и ссылках», повествуя о своей работе над подготовкой двенадцатитомного собрания сочинений Блока, называет имя Чумандрина как одного из литературных чиновников, кто настоял на изъятии из издания примечаний, «закрывающих в себе до пяти тысяч неизвестных строк из черновиков стихотворений Блока» (с. 82).

¹² *Д. П. Святополк-Мирский* — см. примеч. 1 к письму 2 архим. Иоанна (Шаховского).

¹³ «Вот он Париж <...> трепет и любимая мечта двадцатилетнего человека, размен и ярмарка Европы!» (*Гоголь Н. В. Рим: Отрывок*).

¹⁴ Не совсем точная цитата («Скорбит душа») из арии Бориса Годунова в третьем акте оперы (либретто М. П. Мусоргского).

¹⁵ *О. М. Сомов* (1793–1833); *А. Ф. Вельтман* (1800–1870); *Казак Луганский* — псевдоним *В. И. Даля* (1801–1872).

¹⁶ Фраза из «Тысячи и одной ночи». См., напр., «Рассказ про Ала-ад-Дина и волшебный светильник» (перевод М. Салье).

7. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

27 мая 1942

Дорогой Алексей Михайлович,

и я в свою очередь получил Вашу открытку (от 16 V)¹, — это дает мне надежду, что и настоящая «закрытка» дойдет до Вас; впрочем для большей верности пошлю это письмо заказным.

С чего начать — вот и не знаю: за те 20 лет, что мы с Вами не видались, целые Ниагары событий прошли перед нами. О себе рассказывать не собираюсь: в «Новом Слове» от 10 и 17 мая напечатаны два моих очерка, в первом из которых находится и краткая моя автобиография² — как раз за последние 20 лет. Рассказывать про общих знакомых — тоже не стоит: ведь еще лет пять тому назад жил-был у Вас Евг<ений> Ив<анович> Замятин³, рассказавший Вам, конечно, про все наши тогдашние новости, — и о том, что Вячесл<ав> Шишков женился <на> двоюродной молоденькой племяннице (брак оказался очень счастливым; но оба они теперь — в осажденном Петербурге)⁴, и о том, что Ольга Форш стала знаменитой писательницей и «орденоноской»...⁵ Но вот Вы в обоих письмах несколько раз упоминаете про Михалмихалыча Пришвина; о нем могу для начала рассказать такое, что Вам еще неизвестно.

Вы пишете: «как М. М. Пришвина калечили — приходилось читать». Недоумеваю, о чем речь и что Вы читали? О нем много вздора писали и пишут (например, в «Новом Слове» от 24 мая — совершенная ерунда)⁶. Сам себя он именует: «литературный боярин», но опальный. Опальный потому, что получил самый жалкий орден — «Знак почета», — в то время как другие его литературные сверстники (не говоря уж о молодежи) получили ордена высшей марки. Во всяком случае — он богат, благоденствует, имеет прекрасную квартиру в Доме Писателей (на Лаврушинском пер., против Третьяковской галлерей), имеет дом с большим садом в Троице (ныне — город Загорск). Ни разу не слышал от него, чтобы его «калечили» при печатании: и «Кашеева цепь»⁷ и позднейшие работы — прошли без всяких цензурных купюр⁸. Кстати, читали ли Вы последние его (и прекрасные) вещи: «Корень жизни», и «Неодетую весну» и «Фацелию»?⁹ Первая переведена на немецкий и английский языки, причем роскошное, «золотое» английское издание сопровождается предисловием проф. Гексли¹⁰, восторженно отзывающегося об этой книге (ее второе название — «Жень-Шень»). Так что вот: Михалмихалыч благоденствует, зарабатывает (т. е. теперь надо сказать — зарабатывал) тысяч 50–100 в год; несмотря на свои «под-семьдесят» (он родился в 1873 году) — очень бодр, по-прежнему — страстный охотник, делающий иной раз по 40 верст в день с ружьем в руке. Бодрость и молодость его проявились воочию, когда он два года тому назад влюбился — да еще как! развел-

ся с Ефросиньей Павловной¹¹ (большие трагедии были) и женился на сорокалетней, но весьма сохранившейся «Валерии-Калерии» (так он прозвал свою новую жену)¹². Все это происходило на моих глазах (я жил тогда в Москве), в первую половину 1940-го года. Молодожены безмерно счастливы, — по крайней мере были такими до начала войны, когда я получил от Михалмихалыча последнее письмо; они уезжали из Москвы на восток — куда-то на Алтай, чтобы пережить там «грозу военной непогоды»¹³.

Лист пришел к концу, надо и письмо кончать; пусть оно будет «пришвинским», а продолжение — в следующий раз; когда узнаю, что это мое письмо получили Вы благополучно.

Оба мы шлем приветы и кланяемся Серафиме Павловне и Вам, Алексей Михайлович.

Р. Иванов.

P.S. Отправляя это письмо — получил Ваше и Серафимы Павловны (от 19 мая)¹⁴; ответ — за мною, на-днях.

P.P.S. А где теперь наш «Сирин»? — не писатель Набоков, а Михаил Иванович?¹⁵ Если переписываетесь с ним — поклон ему от меня.

P.S. Получил письмо от Бор<иса> Зайцева¹⁶ и сегодня же отвечаю ему. За это время прочел кое-что и Ваше и его: Ваше — роман «С огненной пастью»¹⁷, его — «Золотой узор» и «Дом в Пасси». Много еще надо мне прочитать, чтобы «ликвидировать безграмотность» за 20 лет!

P.P.S. Из сегодняшнего «Нового Слова» узнал, что приехали Ната и Тата Гиппиус!¹⁸

Письмо. Автограф. Два первых постскриптума на первой странице письма, третий и четвертый на второй.

¹ Письмо 4 наст. изд.

² «Хождение над бездной» и «Две жизни султана Махмуда». В книге «Писательские судьбы» первый очерк на-

печатан вторым под заглавием «Несколько слов о самом себе (История тоже не без фантастики)». См. наст. изд., приложение I.

³ О Е. А. Замятине см. примеч. 3 к письму 1 Постникова.

⁴ Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) — писатель, до революции друг и ученик Ремизова. Их знакомство относится к 1912 г., когда в «Заветах» был напечатан первый рассказ Шишкова из тунгусской жизни «Помолились». О Ремизове Шишков писал в своей «Автобиографии» (1925 г.): «А. М. Ремизов наглядно учил меня, как надо писать, в чем секрет красоты стиля и душа языка. Его глубокие замечания впервые прозвучали для меня как откровение. Тому же самому, только иными словами, учили меня Р. В. Иванов-Разумник, М. М. Пришвин» (Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1987. С. 23). Жена писателя — *Клавдия Михайловна Шишкова* (см.: Незабываемые годы, прожитые вместе // Там же. С. 130–151). С начала 1927 г. Шишков жил в Детском Селе в соседней квартире с Ивановым-Разумником. (См. воспоминания Н. Г. Завалишиной о дружбе с Шишковыми и о военных годах: В Детском Селе // Там же. С. 212–230.) В конце августа 1941 г. Шишковы переехали в Ленинград, где оставались во время блокады до 1 апреля 1942 г., когда были эвакуированы в Москву.

⁵ Ольга Дмитриевна Форш (урожд. Комарова, 1873–1961) — писательница, печаталась в «Заветах», участница Вольфилы. Ее книга «Сумасшедший корабль» (1931) — романизированное описание жителей Дома искусств в Петрограде. В 1939 г. была награждена орденом Трудового Красного Знамени (см. примеч. 2 к письму 3 Г. Иванова). См. о Форш: *Штейнберг А.* Друзья моих ранних лет (1911–1928). По рассказу Берберовой,

встреча с Ольгой Форш, приехавшей в Париж летом 1927 г., была явным свидетельством несвободы писателей в СССР. После встречи с Ходасевичем, другом и соседом по Дому искусств в Петрограде, Форш было официально (в советском посольстве) запрещено с ним встречаться (см.: Курсив мой. С. 266–267).

⁶ В статье «Евреи и русская литература» (Новое слово. 1942. 24 мая. № 41. С. 6) автор (И. Горский) писал о Пришвине: «Поистине трагична судьба замечательного русского прозаика, тончайшего художника слова Михаила Михайловича Пришвина. Его роман “Кашеева цепь”, являющийся изумительной поэтической хроникой жизни русского человека, был встречен еврейской критикой в штыки, усмотревшей в нем “идеализацию помещичьего уклада жизни”. Когда Пришвин выпустил свою последнюю книгу “Неодетая весна”, присяжные еврейские критики открыли по ней огонь, обвиняя писателя в “пантеизме и религиозной проповеди”. Пришвин был вынужден удалиться от этой травли в маленький городок Переяславль-Залесский и совершенно обособиться от литературной жизни». См. также ниже примеч. 8.

⁷ «Кашеева цепь» (1923–1954), автобиографический роман.

⁸ Вопреки утверждению Иванова-Разумника, цензурные трудности у Пришвина были. В комментариях к книге М. М. и В. Д. Пришвиных «Мы с тобой» (подгот. текста и коммент. Л. А. Рязановой. М., 1996) изложена история публикации книги «Лесная капель», которая, после переделок по требованию редакции, была принята к публикации в 1940 г. в «Новом мире», но на третьем выпуске публикация

была приостановлена и в следующем номере была напечатана статья С. Мстиславского «Мастерство жизни и мастер слова», в которой Пришвин был обвинен в аполитичности, «несвоевременном обращении к цветочкам и листикам». Его мировоззрение объявлялось «органически и непримиримо чуждым мироощущению человека, живущего подлинной, не отгороженной от борьбы и строительства, жизнью» (с. 345). «Лесная капель» вышла три года спустя отдельной книгой в «Советском писателе». См. также: *Пришвина В.* Круг жизни. М., 1981. С. 131–134. Ср. запись Пришвина: «Ляля приехала из Москвы и рассказывала, как кромсали мою будущую “Фацелию”, имея в виду нравственный уровень современного читателя. Не доволен я ею — не сумела отстоять» (там же. С. 282).

⁹ «*Корень жизни*» («Жень-Шень», 1933), в 1935 г. по этой повести был снят фильм «Хижина старого Лувена»; «*Неодетая весна*» (1940), повесть; «*Фацелия*» (1940), поэма в прозе.

¹⁰ *Проф. Гексли* — в 1936 г. вышел английский перевод повести «Jen Sheng: The Root of Life» (London: A. Melrose Ltd., 1936), в переводе George Walton and Philip Gibbons и с предисловием *Julian S. Huxley* (1887–1975), известного английского биолога и писателя.

¹¹ *Ефросинья Павловна Смогалева* (1883–1953) — первая жена Пришвина.

¹² *Валерия Дмитриевна* (урожд. Лиорко, по первому мужу Лебедева, 1899–1979). В 1932 г. была сослана в Нарымский край, после ссылки работала на строительстве Московского канала (см.: Воспоминания о Михаиле

Пришвине. С. 188). Познакомилась с Пришвиным в 1940 г., когда стала работать как помощница Иванова-Разумника, жившего в то время у Пришвина и разбиравшего его архив. Первая встреча В. Д. с Пришвиным произошла в присутствии Иванова-Разумника: «Рядом <с Пришвиным> сидел Разумник Васильевич, измученный человек, но сохранивший, несмотря на все свои жизненные катастрофы, необычайный апломб: иметь при нем свое мнение решался, как я увидела после, один только Михаил Михайлович. Впрочем, он оказался в существе своем добряком, отмеченным двумя основными качествами (или слабостями): всезнанием и принципиальностью. Из-под черной профессорской шапочки на лысой голове был неподвижно направлен на меня огромный сизый нос, а косые близорукые глаза меня холодно изучали: я приглашалась ему в помощь» (Мы с тобой. С. 38).

¹³ С лета 1941 до осени 1943 г. Пришвины жили в деревне Усолье Ярославской области. О жизни Пришвина в эти годы см.: *Пришвина В. Д.* Встреча // Воспоминания о Михаиле Пришвине. С. 194–209.

¹⁴ Письма 5 и 6 наст. изд.

¹⁵ «*Сирин*»... не писатель *Набоков* <*Сирин*>, а *Михаил Иванович* — М. И. Терещенко (1886 или 1888–1956) — крупный сахарозаводчик; член IV Государственной Думы, министр финансов, а затем иностранных дел во Временном правительстве; вместе с сестрами основатель и владелец издательства «Сирин» (1912). Ср. в «Невском проспекте» Гоголя: «не тот Шиллер, который написал <...>, но

известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице».

¹⁶ См. письма Зайцева в наст. изд.

¹⁷ Вторая часть кн. «Оля» (Париж, 1927), публиковалась в «Воле России» в 1924 г., затем вошла в кн. «В розовом блеске».

¹⁸ Сестры З. Н. Гиппиус: *Татьяна Николаевна* (1877–1957) — художница и *Наталья Николаевна* (1880–1963) — скульптор. О знакомстве Т. Н. Гиппиус с Блоком и отражении ее работ в стихах Блока, а также о ее роли в отношениях А. Белого и Л. Д. Блок см. вступ. статью С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова к

публикации «А. А. Блок. Письма к Т. Н. Гиппиус» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 209–217). После революции сестры оставались в Петрограде. Т. Н. Гиппиус участвовала в религиозно-философском кружке А. А. Мейера. Обе сестры были высланы в Новгород, где их застала война. Во время оккупации были отправлены в Германию, после окончания войны вернулись в Новгород, где работали художниками-реставраторами. О сестрах Гиппиус в Новгороде см.: *Филиппов Б.* Всплывшее в памяти.

8. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

29.VI.1942

Lieber Alexei Michajlowitz!

Ich muss Ihnen in deutscher Sprache schreiben, was Sie gar nicht stören muss, mir in russischer Sprache zu antworten. — Ich habe Ihnen so lange nicht geschrieben, denn ich habe in Mai und Juni eine Änderung unseres Schicksals und unserer Adresse erwartet, denn man erwartete die Ankunft in unser Beobachtungslager einer Kommission aus Berlin, die den Entschluss über unser Schicksal nehmen musste; jetzt erwarten wir sie in Juli¹. Wie es sich nur etwas aufklären wird, werde ich es Ihnen sogleich mitteilen; vorläufig schreiben Sie nach früheren Adresse.

Ich möchte viele von Ihren Büchern lesen, besonders *Взвихренную Русь*², von dem ich gelesen und viel gutes gehört habe. Ich hoffe es einmal zu bekommen und dann werde ich es lesen.

Heute schreibe ich nicht mehr: B. N. wollte noch an Serafima Pavlovna schreiben.

Mein innigster Gruss Ihnen und S. P.

Ihr R. Iwanow.

P.S. 2–VII–1942

Die Absendung meines Briefes ist verspätet; in diesem Postscriptum füge ich zwei Bitten meiner Barackennachbarn zu:

1. Wissen Sie nicht, wo sich jetzt *Sergius Makowskij* befindet und seine Adresse?³
2. Wissen Sie nicht Prozarowskij, Jurij Michailowitsch (geboren 1902) aus Zarskoje Selo, in Paris seit dem 1917 Jahre; zufälligerweise kennen Sie nicht auch seine Adresse?⁴

R. I.

Перевод:

29.VI.1942

Дорогой Алексей Михайлович!

Я должен писать Вам по-немецки, что никак не должно мешать Вам отвечать мне по-русски. Я так давно ничего не писал Вам, так как ожидал в мае и июне изменения нашей судьбы и нашего адреса, поскольку ожидалось прибытие в наш «наблюдательный лагерь» комиссии из Берлина, которая должна принять решение о нашей судьбе; теперь мы ожидаем ее в июле¹. Как только что-то выяснится, я тотчас сообщу Вам; а пока пишите мне по прежнему адресу.

Я хотел бы прочитать многие из Ваших книг, особенно «Взвихренную Русь»², о которой читал и слышал много хорошего. Надеюсь когда-нибудь ее получить и прочитать.

Сегодня больше не пишу: В. Н. хотела еще написать Серафиме Павловне.

Самый сердечный привет Вам и С. П.

Ваш Р. Иванов.

P. S. 2.VII.1942

Отправка моего письма задержалась; в этой приписке передаю две просьбы моих соседей по бараку:

1. Не знаете ли Вы, где сейчас находится *Сергей Маковский* и какой у него адрес?³
2. Не знаете ли Вы Прозаровского, Юрия Михайловича (родился в 1902 г.) из Царского Села, в Париже с 1917 года; не знаете ли случайно также его адрес?⁴

P. И.

Открытка. Автограф.

¹ Комиссия прибыла в Кониц только 25 июля.

² *Взвихренная Русь*. Париж: ТАИР, 1927; репринт. переизд.: London: ORI, 1979. *ТАИР* — акроним имен дочерей С. В. Рахманинова — Татьяны и Ирины, владельцев издательства.

³ *Сергей Константинович Маковский* (1877–1962) — поэт, искусствовед, литературный критик, в 1909–1917 гг. редактор журнала «Аполлон»; в эмиграции жил в Праге и Париже, активно участвовал в литературной жизни. См. его воспоминания «На Парнасе Серебряного века» (Мюнхен: Изд. ЦОПЭ, 1962) и «Портреты современников» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955).

⁴ В собрании *АИШ* сохранилось несколько писем к Иванову-Разумнику с запросами о царскоселах, таким образом эмигранты пытались навести справки о родственниках в СССР. С другой стороны, как свидетельствует запрос в этом письме, попавшие в Германию или находившиеся на оккупированной территории старались разыскать родных в эмиграции. Так во время оккупации у Ремизовых возобно-

вилась переписка с дочерью в Киеве, и Ремизов имел возможность сообщить ей о смерти Серафимы Павловны. См.: *Резникова Н. В.* Огненная память. Гл. «Наташа».

ЗК сохранила еще одну необычную заочную «встречу». 21 сентября Иванов-Разумник записал: «Получил посылку с двумя десятками великолепных груш». Далее следовало имя (A. Wisser) и адрес отправителя в Ольденбурге, а затем: «В посылке записка: “Im Auftrag und mit vielen Grüßen von Boris Michailowitsch <По поручению и с большим приветом от Бориса Михайловича. — Нем.>”. (?? кто такой??)». Загадка разрешилась, когда 23 сентября Иванов-Разумник получил письмо от *Бориса Михайловича Пинеса*, брата *Дмитрия Михайловича* (1891–1937), библиографа, в свое время секретаря Вольфилы, в частности работавшего с Ивановым-Разумником над архивом Ф. Сологуба (см. наст. изд., приложение I, 3). На следующий день среди написанных писем отмечено «письмо к Б. М. Пинесу», а в первых числах ноября письмо от *Frau A. Wisser* и ответное письмо к ней.

9. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику

16.VII.1942

Paris

Дорогой Разумник Васильевич,

Адрес Маковского С. К.: 9 Rue du Boccador, Paris VIII (О Прозаровском спрошу; в Париже нет адресного стола, ни «всего Парижа» с адре-

сами). Все жду Ваших статей в «Новом Слове». Прочитали «Воспоминания» Греча. В «Взвих<ренной> Руси» много опечаток. Потом «Оля» (IV ч<асть> не издана)¹. Не изданы: «Учитель музыки» (Стоглав)² и «Узлы и закруты» (Книга выйдет по франц<узски>, название другое: «Les yeux tondus» — «Подстриженные глаза»)³. Пишут тут сиволапо или точнее «куроляпкой», за двадцать лет столпотворения. — Да, есть еще книга «По карнизам»⁴, а «Ров львиный»⁵ так и не вышел. За два года удалось напечатать чудесным образом, в единственном журнале «Nouvelle Revue Française» два рассказа «Лунатики» и «Рассказы из четвертого измерения»⁶. Солнце повернуло на зиму, а времени все нет, нету возможности писать.

Серафима Павловна благодарит за письмо. И оба кланяемся Варваре Николаевне и Вам, Разумник Васильевич.

Алексей Ремизов.

Открытка. Автограф.

¹ Оля. Париж: Изд-во «Вол», 1927. Это издание включало два раздела: «В поле блакитном» (опубликовано отдельной книгой: Берлин, 1922) и «С огненной пастью». Книга «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952) включает разделы: «С огненной пастью» и «Голова львова». Третья часть «Сквозь огонь скорбей» — о последней болезни и кончине Серафимы Павловны.

² Учитель музыки. Каторжная идилия / Подгот. к печати, вступ. ст. и примеч. Антонеллы д'Амелия. Париж: La Presse Libre, 1983.

³ «Узлы и закруты» — название пролога к книге «Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти» (Париж: YMCA-Press, 1951). Французский перевод («Les yeux tondus») Н. В. Резни-

ковой с предисловием Marcel Arland вышел в 1958 г. в изд. «Gallimard».

⁴ По карнизам. Белград, 1929.

⁵ «Ров львиный» — см. «Канава» в: Ремизов А. М. Избранное / Сост. А. А. Данилевский. Л., 1991. До этого издания роман публиковался только в журналах («Плачущая канава»). См. историю публикации в примеч. к указ. изд. С. 590–591.

⁶ Глава «Лунатики» («Les somnambules») из кн. «Подстриженными глазами» была напечатана в октябрьском номере 1941 г. «La Nouvelle Revue Française». «Recits de la quatrième dimension» («Голубая лисица» и др. сны из кн. «Подорожие», 1913; вошла в кн. «Мартын Задека», 1954): Там же. 1942. Июнь.

10. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

5.VIII.1942

Lieber Alexei Michajlowitsch!

Ihre Postkarte (vom 16/VII)¹ habe ich nur in diesen Tagen erhalten, — wir senden Ihnen unseren beiderseitigen «briefkartischen» Gruss, Serafima Pawlowna und Ihnen.

Mir läuft das Wasser im Munde zusammen von dem Durchzählen Ihrer mir unbekannten Bücher. Hoffentlich werde ich das alles irgendeinmal durchlesen, — noch vor dem wie wir mit Ihnen in ein und derselben Zeitschrift mitarbeiten werden. Nun — wann wird das sein? Qui vivra — verra, wie die Franzosen sagen.

Nach der Veränderung unserer Lage (und Lager) und Adresse² — werde ich Ihnen einen grossen Brief schreiben; aber jetzt — ist unsere Adresse dieselbe und wir erwarten wie zuvor Ihre Briefe «in russischer Sprache». Es wäre sehr schön, einen grossen-grossen Brief — mit einer Erzählung über das ganz zwanzigjährige Leben — zu erhalten; einst würde er in alle Geschichten der russischen Literatur eintreten³.

B. N. und ich senden Serafima Pawlovna und Ihnen, Alexei Mihajlowitsch, unseren herzlichsten Gruss.

R. Iwanow.

Перевод:

5.VIII.1942

Дорогой Алексей Михайлович!

Вашу открытку (от 16/VII)¹ я получил только на этих днях, — мы шлем Вам наш взаимный «открыточный» привет, Серафиме Павловне и Вам.

У меня слюнки текут от перечисления Ваших, мне неизвестных книг. Надеюсь, когда-нибудь все это прочитать, — еще до тех пор, когда мы с Вами будем сотрудничать в одном и том же журнале. Но — когда же это будет? Qui vivra — verra <время покажет. — *Фр.*>, как говорят французы.

После изменения нашего положения (и лагеря) и адреса² — я напишу Вам большое письмо; а сейчас — наш адрес тот же, и мы ждем, как и прежде, Ваших писем «на русском языке». Было бы очень хорошо получить большое-пребольшое письмо с рассказом о всей двадцатилетней жизни; когда-нибудь оно вошло бы во все истории русской литературы³.

В. Н. и я шлем Серафиме Павловне и Вам, Алексей Михайлович, наш самый сердечный привет.

Р. Иванов.

Открытка. Автограф.

¹ См. письмо 9.

² Ивановы были переведены в лагерь в Штаргард только в конце февраля 1943 г.

³ Можно предположить, что письма с описанием жизни за последние 20 лет от Ремизова не последовало, так

как болезнь Серафимы Павловны и обстоятельства жизни военного времени не располагали к длинным отчетным письмам. Однако утверждать это с уверенностью невозможно, так как в собрании *АИШ* сохранились не все письма.

11. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

29.IX.1942

Lieber A<lexei> M<ichajlowitsch>!

Wir wohnen ebendasselbst und wie vorher erwarten wir Briefe von Ihnen und Serafima Pawlowna. Ohne Briefe ist es sehr traurig. Uns kann man in russischer Sprache schreiben, — eine Möglichkeit, die wir nicht haben.

Schreiben sie und vergessen Sie uns nicht!¹

Ihr R. Iwanow.

Перевод:

29.IX.1942

Дорогой А<лексей> М<ихайлович>! Мы живем там же и, как и раньше, ожидаем писем — Ваших и Серафимы Павловны. Без писем

очень грустно. Нам можно писать по-русски, — возможность, которой мы лишены.

Пишите и не забывайте нас!¹

Ваш Р. Иванов.

Открытка. Автограф.

¹ Неудачные попытки получить разрешение уехать из лагеря, в том числе и отказ комиссии, решение которой, как надеялись Ивановы, даст им возможность покинуть лагерь, создавали все большее чувство безнадежности и безвыходности их положения. К тому же с начала запрета отправлять письма из лагеря на русском языке (июнь — октябрь) переписка Иванова-Разумника значительно сократилась. Это сведе-

ние почти на нет контактов с внешним миром усугубляло подавленное состояние. 14 октября Иванов-Разумник записывает в ЗК: «Весь день бродили по лагерю, делать ничего не хочется, писать ничего не хочется, даже читать не хочется. Можем пойти в город, да и то не хочется. Писем не пишу, да и не получаем ниоткуда. Скучно жить на этом свете, господа». См.: Раевская-Хьюз О. Иванов-Разумник в 1942 году.

12. В. Н. Иванова — С. П. Ремизовой

29.IX.1942¹

Liebe Serafima Pawlowna!

Herzlichsten Dank für Ihre Einladung. Wie würden wir, mein Mann und ich, uns freuen, wenn wir zu Ihnen kommen könnten. Wir haben noch in Puschkin (fürher Zarskoje Selo genannt) von den deutschen Soldaten gehört: Paris wäre eine der schönsten Städte. Wir können es «wollen», aber das heisst nicht, dass wir es «können»: während des Krieges muss man beständig an Goethes Worte («Faust») sich erinnern: «Du glaubst zu schieben und du bist geschoben»².

Wir befinden uns schon den fünften Monat im Lager der kleinen Stadt Konitz und erwarten schon längst eine Kommission aus Berlin, die unsere Schicksal entscheiden muss. Aber schon im voraus kann man sagen: bevor der Krieg nicht endigt, kommen wir nicht nach Paris, obgleich wir so vieles einander zu erzählen hätten.

Sie fragten in Ihrem letzten Briefe, wie es unseren Kindern und meinen Nichten Олёнушке und Иринушке geht. Beide Nichten sind verheiratet,

und obgleich sie schon gar nicht jung sind (38 und 36 Jahre alt sind) hat eine jede von ihnen noch recht kleine Töchter; Irene — eine sechsjährige Nata-scha, und Helene eine Tochter von drei Jahren, ebenso «Олёнушка» genannt. Im vorigen Sommer hat meine Schwägerin mit beiden Töchtern und Enkelkindern ebenso der Schwiegertochter und ihrer Tochter, 7–8 Jahre alt, Moskau mitte Juli verlassen, nach Ural gefahren und dort sind sie aufs Land gekommen. Wir hoffen, sie werden da nicht verhungern. Der Mann von Helene ist ebenso alt wie ihr Vater, der Mann von Irene und mein Neffe sind beide mobilisiert und wir wissen nicht ob sie am Leben sind.

Was unsere Kinder anbetrifft, so ist mein Sohn schon im 1938 Jahre gestorben³, er lebte in der Provinz und wir haben uns sehr-sehr selten gesehen. Meine Tochter⁴ — 34 Jahre alt — lebte die ganze Zeit mit mir⁵, jetzt ist sie in Petersburg geblieben. Was mit ihr ist, wissen wir nicht. Die letzte Zeit, als der Krieg eingebrochen war, wurde sie als Radist (Funker) mobilisiert und musste in der Stadt bleiben, einmal in 1–2 Wochen kam sie auf einige Stunden nach Hause; man musste die Abteilung evakuieren, aber ob es gelungen hat, wissen wir nicht. Vielleicht im Winter? Zum letzten mal war sie bei uns den 7/IX, ihre letzte Postkarte — von 10/IX, die wir den 13/IX erhielten — das war der letzte Tag, wo die Post noch arbeitete und den 17/IX — waren schon die Deutschen in unserer Stadt.

Unsere Tochter hat 2-jährige Kurse der Funkentelegraphie in dem Mari-netechnikum beendigt und war eine der ersten russischen Frauen, die als Fun-ker auf einem Motorschiff der Handelsschiffahrt diente. Fast zwei Jahre war sie in «weitläufiger Seefahrt» (радист «дальнего плавания») und schiffte aus Petersburg nach dem Schwarzen Meere. Im ganzen ist sie neun mal um den Gibraltar gefahren, auf jeder Fahrt war sie in Hamburg gewesen, mehrmals in Italien, in Genova (einmal fast drei Wochen) und in Napoli, fast einen Monat verbrachte sie. Solch eine Fahrt — hin und zurück — dauerte 3–4 Monate. Un-sere Tochter war gesund und froh gestimmt. (Die Korrespondenz — oft eine Postkarte nur mit dem Buchstaben «I.» — ging jetzt verloren.)

Das dauerte bis zur Verhaftung des Vaters, als sie ebenso verhaftet wurde und fünf Wochen (nur!) im Gefängnis verbrachte (Aus Petersburg wurden zwei von GPU nach Odessa geschickt, um dort vom Schiffe unsere Tochter zu holen). Nachdem wurde sie entlassen, ohne beschuldigt zu sein, und kehrte in den früheren Dienst zurück, aber nicht auf ein Schiff, sondern auf «Uferfunkentelegraph». Doch musste sie diesen Dienst verlassen, und die letzten sechs Jahre war sie auf dem Haupttelegraph. Dieser Dienst war schon

nicht interessant, nur zuweilen wie z. B. als die «Hinüberfliegen des Nordpols» stattfanden oder «Papanin»⁶ gerettet wurde (meine Tochter funkte mit dem Eisbrecher «Ermak» während eines Monats zwölf Stunden täglich, und doch war sie zufrieden mit dieser Arbeit). — So verging das Leben — die ganze Zeit im Dienste — meiner Tochter, meiner besten Freundin and Gehilfin.

Hier habe ich neue Arbeit: sie besteht in der Übersetzung der Briefe meines Mannes in die deutsche Sprache. Ob es mir gut gelingt, weiss ich nicht.

In diesem Jahre ist der Sommer recht kalt, nur die letzten drei Tage schien es: «der Sommer ist gekommen», und heute ist es wieder kalt und solch ein Wind — man könnte einen Wintermantel anziehen um zu spazieren und zu Hause den Ofen heizen.

Von den Schriftstellern, die in Russland diese Zeit waren, wird Ihnen mein Mann schreiben ein anderes mal. Und wenn wir von hier fortkommen, werden wir Ihnen sogleich unsere neue Adresse geben. Ich möchte sehr meinen Brief mit den Worten «Auf Wiedersehen» schliessen, denn wer weiss, vielleicht sehen wir uns ebenso unerwartet, wie wir nach Deutschland gekommen sind?!

Mit den innigsten Glückwünschen

Ihre B. Iwanowa.

Перевод:

29.IX.1942¹

Дорогая Серафима Павловна!

Сердечно благодарим за Ваше приглашение. Как бы мы с мужем радовались, если бы мы могли к Вам приехать. Мы еще в Пушкине (раньше называлось Царским Селом) слышали от немецких солдат, что Париж один из самых красивых городов. Мы можем этого «хотеть», но это не значит, что мы это «можем»: во время войны надо себе постоянно напоминать слова Гете («Фауст»): «Ты думаешь, что ты толкаешь, а толкают тебя»².

Мы находимся уже пятый месяц в лагере маленького города Коница и уже долго ждем комиссию из Берлина, которая должна решить нашу судьбу. Но уже вперед можно сказать: пока не окончится война, мы не приедем в Париж, хотя мы много могли бы рассказать друг другу.

В Вашем последнем письме Вы спрашивали о наших детях и моих племянницах Оленушке и Иринушке. Обе племянницы замужем, и, хотя они уже не молоды (38 и 36 лет), у обеих маленькие дочки; у Ирины — шестилетняя Наташа, а у Елены дочь трех лет, также названная «Оленушкой». Прошлым летом моя невестка с обеими дочерьми и внучками, а также со своей невесткой и ее дочкой, 7–8-ми лет, в середине июля покинули Москву, уехали на Урал и там осели. Мы надеемся, что там они не погибнут с голода. Муж Елены — возраста ее отца, муж Ирины и мой племянник — оба мобилизованы, и мы не знаем, живы ли они.

Что касается наших детей, то мой сын умер еще в 1938 г.³, он жил в провинции, и мы очень редко видались с ним. Моя дочь⁴ — ей 34 года — жила все время со мной⁵, сейчас осталась в Петербурге. Что с ней, мы не знаем. В последнее время, когда началась война, она была мобилизована как радист и должна была оставаться в городе, раз в 1–2 недели она приезжала на несколько часов домой; ее отделение должны были эвакуировать, удалось ли это, нам неизвестно. Может быть, зимой? В последний раз она была у нас 7/IX, ее последняя открытка — от 10/IX, мы ее получили 13/IX — это был последний день, когда еще работала почта, и 17/IX — у нас в городе уже были немцы.

Наша дочь окончила двухгодичный курс по радиотелеграфии в морском техникуме. Она была одной из первых русских женщин, служившей радисткой на пароходе в торговом флоте. Почти два года она была в «дальних плаваниях» (радист «дальнего плавания») и плавала из Петербурга в Черное море. Она девять раз обходила Гибралтар, в каждой поездке была в Гамбурге, много раз в Италии, в Генуе (однажды почти три недели) и в Неаполе провела почти целый месяц. Такая поездка — туда и назад — продолжалась 3–4 месяца. Наша дочь была здорова и радостно настроена. (Переписка — часто открытка только с буквой «И» — теперь пропала.)

Это продолжалось до ареста отца, когда она тоже была арестована и провела пять недель (только!) в тюрьме. (Из Петербурга двое из ГПУ были посланы в Одессу, чтобы там снять нашу дочь с корабля.) После этого она была выпущена без обвинения и вернулась на прежнюю службу, но не на пароход, а на береговой радиотелеграф. Но ей пришлось оставить и эту работу, и последние шесть лет она была на главном телеграфе. Эта служба была уж не так интересна, кроме, на-

пример, таких случаев, как перелет через северный полюс или спасение Папанина⁶ (моя дочь держала связь с ледоколом «Ермак» по двенадцать часов в день в течение месяца, но была довольна этой работой). Так прошла жизнь — все время на службе — моей дочери, моего лучшего друга и помощницы.

Здесь у меня новая работа: переводы на немецкий язык писем моего мужа. Не знаю, хорошо ли я справляюсь с этим.

В этом году лето просто холодное, только последние три дня было солнце: «пришло лето», а сегодня опять холодно и такой ветер — можно надевать зимнее пальто для прогулки, а в доме топить печь.

О писателях, которые это время оставались в России, напишет Вам мой муж в другой раз. И когда мы уедем отсюда, сразу же дадим Вам наш новый адрес. Я очень хочу закончить мое письмо словами «до свидания», потому что, кто знает, может быть, мы встретимся так же неожиданно, как мы попали в Германию?

С сердечными добрыми пожеланиями

Ваша В. Иванова.

Письмо. Автограф

¹ Вероятно, проставленная дата — это дата не написания, а отправления письма. Можно предположить, что письмо было написано летом в ответ на письмо С. П. Ремизовой от 18 мая (№ 5 в наст. изд.) — до приезда комиссии из Берлина 25 июля. Ср. упоминание пребывания в лагере пятый месяц, а также холодного лета.

² Не совсем точная цитата, следует: «und du wirst geschoben» (*Goethe J. W. Faust. Teil 1. Walpurgisnacht, l. 4117*).

³ Лев Разумникович. О сыне Ивановых А. З. Штейнберг, ученый секретарь Вольфилы, человек глубоко уважавший и ценивший Иванова-Разумника, сообщает следующее. Л. Р. Иванов попал в уголовную среду, в дальнейшем был арестован по уго-

ловному делу, сидел в тюрьме и в конце концов «оказался сотрудником одного из отделов Чрезвычайной комиссии» (*Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). С. 108–110*). Последнее, однако, документально не подтверждается. См. также письма Иванова-Разумника В. Н. Ивановой: «Дорогая моя и любимая Варя...» / Публ. В. Г. Белоуса // *Минувшее*. 1998. № 23. С. 436 и 438.

⁴ Ирина Разумниковна после окончания войны несколько лет продолжала служить в Северном морском флоте и на Дальнем Востоке, затем получила возможность вернуться в Ленинград.

⁵ Начиная с ареста в 1933 г., Иванов-Разумник, когда был на свободе,

не имел постоянной прописки, и Варвара Николаевна оставалась в Царском Селе одна.

⁶ И. Д. Папанин в 1937–1938 гг. возглавлял первую дрейфующую станцию «Северный полюс».

13. Р. В. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

21.X.1942

Дорогой Алексей Михайлович,

Открытка Ваша шла 10 дней¹, но все же дошла, наконец; надеюсь поэтому, что и это мое письмецо доползет до Вас к ноябрю.

Хорошо бы, конечно, посидеть всем нам вместе в Вашей кукушкиной комнате², попить яблочного чаю, вспомнить старые времена и поговорить о новых. Но — «и близок рай, да дверь-то где?» — как сказано у Некрасова³. Так что о поездке нашей в Париж надо надолго еще отложить попечение. Пока что давайте хоть переписываться и не терять друг друга из вида. Впрочем Вы — человек оседлый, с постоянным адресом, а мы с Варв<арой> Ник<олаевной> — дубовые листки, оторвавшиеся от ветки родимой⁴, и куда занесет нас ветер — неведомо.

Вы спрашиваете о целом ряде людей, — а я некоторых из них давно уже потерял из вида (например С. Я. Осипова)⁵. Федин и Леонов оба жили в Москве, печатали свои романы (средние) и вообще стояли «в первых рядах литературы»*⁶. Алянский⁷ служил в Госиздате по иллюстративной части. Кто еще Вас интересуется? Скитаясь по тюрьмам и ссылкам, я многих порастерял из вида, так как большинство знакомых шарахалось в кусты при встрече с «репрессированным» человеком. Исключений было мало.

Пришвин до 1937 года держался молодцом, писал мне в ссылку (в Саратов)⁸, но в «ежовские времена» (1936 и следующие) и он перепугался. Впрочем с конца <1>939 года мы с ним снова «восстановили знакомство»⁹.

Статью Вашу о Замятине¹⁰ не читал и не знаю, на что могла обидеться Людм<ила> Ник<олаевна>¹¹. Где она, кстати спросить? В Париже или где в иных местах? Удивляюсь Вашему сообщению, что Мих<аил> Ив<анович>¹², бывая в Париже, ни разу не заходил к Вам;

забыл «сиринские» времена. И напрасно забыл: «Сирин» не нанесет ущерба его памяти.

Вы пишете, что Зин<аида> Ник<олаевна> Гиппиус «вспоминала» меня. Воображаю, как вспоминала! Я прочел здесь ее два тома «Живые лица» (очень мне понравились) и в статье о Блоке нашел себя, как «темную личность», «переметчика» и еще что-то в этом роде¹³.

Здесь я написал ответную статью — не о себе, а о Блоке¹⁴; занятно было бы, если бы Зин<аида> Ник<олаевна> могла ее прочитать! Да вряд ли придется. А о ней там много. Жалею ее: тяжкая судьба — одиночество в старости. А «Тата и Ната»¹⁵ приехали — и тоже, наверное, не могут приехать в Париж? И где теперь А. В. Карташев?¹⁶ Разметало всех нас, подлинно, как листья по ветру.

В последнем номере «Нового Слова» прочел бездарный рассказ Ив<ана> Шмелева¹⁷: уж лучше бы оставался «задушенным»!¹⁸ Кто еще из «старой гвардии» в Париже? Знаю только о Зайцеве и Берберовой, которые писали мне. Писал мне и Георгий Иванов откуда-то из-под Биаррица¹⁹.

Так вот, Алексей Михайлович, пишите и не забывайте. Серафиме Павловне наш двойной привет; вот поговорили бы за чаем, если бы удалось повидаться! Будем надеяться, что когда-нибудь это случится.

Gruss und Kuss! <Привет и поцелуй! — Нем.>

Р. Иванов.

* «раки на безрыбье»

Письмо. Автограф.

¹ Открытка Ремизова от октября 1942 г. в собрании АИШ не сохранилась.

² Кукушкина комната — кабинет Алексея Михайловича, названный по часам с кукушкой; место действия в «Мышкиной дудочке». См. также описание у Резниковой (Огненная память. С. 22–23) и Кодрянской (Алексей Ремизов. С. 12–13).

³ Не совсем точная цитата из Некрасова: «И рад бы в рай, да дверь-то где?» (Кому на Руси жить хорошо. Ч. 1. Гл. 2: «Сельская ярмонка»).

⁴ Использована первая строка стихотворения Лермонтова «Дубовый листок оторвался от ветки родимой» (1841).

⁵ Сергей Яковлевич Осипов — знакомый Ремизова с дореволюционных лет, сотрудник изд-ва «Шипов-

ник», а также заведующий редакцией изд-ва «Сирин»; в 1920-е гг. — сотрудник советского торгового представительства в Германии, помогал с переправкой за границу оставшихся в Петрограде рукописей и личных вещей Ремизовых.

⁶ *К. А. Федин* (1892–1977) и *Л. М. Леонов* (1899–1994) — писатели-прозаики.

⁷ *Самуил Миронович Алянский* (1891–1974) — издатель, основатель изд-ва «Алконост», издатель журнала «Записки мечтателей». См. о нем: *Белов С. В.* Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979.

⁸ *Ссылка в Саратов* — 1933–1936 гг., в кн. «Тюрьмы и ссылки», а также в письмах Иванов-Разумник, в связи со своей ссылкой, многократно обыгрывает слова Фамусова в предпоследней сцене последнего действия «Горя от ума», обращенные к Софье, с угрозой ссылки: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов».

⁹ Об отношениях Иванова-Разумника с Пришвиным см. примеч. 1 к письму 2 Ивановых Ремизовым и примеч. 6–13 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизовым.

¹⁰ Некролог «Стоять — негасимую свечу: Памяти Е. И. Замятина» опубликован в «Современных записках» (1937. № 64. С. 424–430); включен в кн. «Встречи». Ремизов был болен и на похоронах не был: «В пасмурное “петербургское” утро похоронили Замятина. Не пришлось проводить его на далекое кладбище <...> Но все казалось, я все вижу, и под дождем и ветром мне очень зябко, — я видел, как вынесли дощатый гроб <...> и увидел, по тесным мосткам между готовых уз-

ких могил — Иванов-Разумник, Постников и Пришвин: петербургские “Заветы”» (Встречи. С. 255).

¹¹ *Людмила Николаевна Замятина* (урожд. Усова, 1883–1965) — см. публикацию писем Е. И. Замятина к Л. Н. Замятиной (1906–1931): *Рукописное наследие Е. И. Замятина: В 2 ч. / Подгот. текста Л. И. Бучиной и М. Ю. Любимовой, предисл. и коммент. М. Ю. Любимовой.* СПб., 1997. (Рукописные памятники. Вып. 3). Ч. 1. С. 9–419. См. также: *Шерон Ж.* К судьбе зарубежного архива Е. И. Замятина // *De Visu.* 1994. № 3/4 (15). С. 73–74 (публ. писем 1946–1950 гг. Б. И. Николаевского к Л. Н. Замятиной). См. о Замятине примеч. 3 к письму 1 Постникова.

¹² *М. И. Терещенко* — см. примеч. 15 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизову.

¹³ *Живые лица: В 2 т.* Прага: Пламя, 1925. В статье-воспоминаниях о Блоке, открывавшей первый том книги, Гиппиус писала: «Сомнений не было: Блок с ними. С ними же явно был и Андрей Белый. Оба писали и работали в “Скифах” — издательстве этого переметчика — не то левого эсера, не то уж партийного большевика — Ив<анова>-Разумника» (*Гиппиус З. Н.* Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С. 246). См. также вступ. статью.

¹⁴ См. вступ. статью к наст. изд., а также мою статью «Иванов-Разумник в 1942 году».

¹⁵ Сестры З. Н. Гиппиус. См. примеч. 18 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизову.

¹⁶ *Антон Владимирович Карташев* (1875–1960) — богослов и историк Церкви. По окончании в 1899 г.

Петербургской Духовной академии оставлен при кафедре истории Русской Церкви, однако, начав заниматься публицистикой, должен был уйти из Академии, служил в Публичной библиотеке. (См. статью Ц. И. Грин в кн.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. С. 248–252.) В 1906–1919 гг. занимал кафедру истории религий и Церкви на Бестужевских курсах. Активный участник Религиозно-философских собраний, с 1906 г. председатель Религиозно-философского общества. В эти годы был особенно близок с Мережковскими и сестрами Гиппиус (см. его письма в: *Rachmuss T. Intellect and Ideas in Action*. Из переписки З. Н. Гиппиус. Мюнхен, 1972. С. 648–712). Как министр вероисповеданий Временного правительства Карташев открывал 1-й Всероссийский Церковный Собор в августе 1917 г. (Осип Мандельштам посвятил Карташеву в 1917 г. стихотворение «Среди священников левитом молодым».) С 1920 г. в Париже. За границей занимался и общественной деятельностью (председатель Русского национа-

льного комитета, 1924–1940), и церковной. С основания Свято-Сергиевского Богословского института в 1925 г. Карташев преподавал в институте историю Церкви и Ветхий Завет. Автор многочисленных богословских и исторических трудов: «На путях к Вселенскому Собору» (1932); «Ветхозаветная библейская критика» (1947); «Очерки по истории Русской Церкви» (В 2 т. Париж: YMCA-Press, 1959; 2-е изд. — М., 1992–1993); «Вселенские соборы» (1963; М., 1994) и др.; см. также «Церковь, история, Россия: Статьи и выступления» (М., 1996); автобиография Карташева: Вестник РХД. 1960. № 58–59. С. 60–61.

¹⁷ Рассказ Шмелева «От обезьяны» (Новое слово. 1942. 18 окт.). Опубликован под названием «Смешное дело» в журнале «Россия и славянство» (1932), а также в посмертном сборнике «Свет вечный» (Париж, 1968).

¹⁸ Ссылка на очерки Иванова-Разумника, печатавшиеся в «Новом слове», где он разделяет писателей в Советском Союзе на «погибших», «задушенных» и «приспособившихся». См. наст. изд., приложение I.

¹⁹ См. письма Зайцева, Берберовой и Г. Иванова в наст. изд.

14. Иванов-Разумник — С. П. и А. М. Ремизовым

23.XII.1942

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович!

Писал Вам ровно два месяца тому назад¹, но — безответно. Сегодня пишу, чтобы поздравить с наступающим Новым Годом, а после него и с нашим русским Рождеством².

Варвара Николаевна и я желаем обоим Вам бодрости душевной и здоровья телесного. Не забывайте нас, — авось когда-либо еще и увидимся.

Адрес прежний.
Сердечный привет!

Ваш *Р. Иванов.*

Открытка. Автограф.

¹ См. письмо 13 Иванова-Разумника Ремизову от 21 октября.

² В *СП* под 23 декабря перечислены рождественские и новогодние поздравления, среди них, кроме этой от-

крытки Ремизовым, открытки Зайцеву, Берберовой, Бему и Степуну, а также письма Постникову, о. Иоанну Шаховскому и Артуру Лютеру.

15. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

17 марта 1943

Дорогой Алексей Михайлович,

переписка наша идет медленными шагами: на мою новогоднюю открытку¹ Вы ответили 11 февраля, а ответ этот я получил 28 февраля, как раз в тот самый день, когда мы (всем лагерем) переехали на новое местожительство². Пока мы утряслись и устроились — еще пол месяца прошло. Так-то оно: *Heu! Heu! Fugit irreparabile tempus!*³ — если вспомнить старую латынь. Время бежит, мы старимся, — когда-то свидимся?

Но вот прежде всего наш адрес:

Iwanow-Razumnik
Umsiedlungslager Konradstein
Anstalt. Haus II, Zimmer 20
Pr. Stargard (West Pr.)

Надолго ли он — Бог весть; предыдущий оказался в целый год длительностью. Во всяком случае пишите нам сюда, когда найдется время и желание.

Очень Вы меня удивили и порадовали известием, что Юргис⁴ жив и живет в Париже. Если знаете его адрес — сообщите, непременно ему напишу; а если встретите — сообщите мой адрес и передайте заочный привет. Вот кого бы я повидал с удовольствием.

А Серафиму Павловну и Вас надеемся не только «повидать», этого мало; хотелось бы начать разговоры «всерьез и надолго»⁵ — за все двадцать с лишним прошедших лет. Но пока длится война — нам пути в Париж заказаны, да и что нам делать в Париже? Вы, старожилы, имеете чем жить, да и то, вероятно, живется не легко. Впрочем — кому теперь легко живется? Время трудное, тяжелое, и не о легкости приходится думать, а лишь бы живу остаться. На Военно-Грузинской дороге была нависшая над шоссе скала; это место искони времен называлось: «Пронеси, Господи!» Экипажи старались проезжать потише и поскромнее. Вот и мы все теперь жизнестествуем под такой мировой скалой «Пронеси, Господи!», — а вот пронесет ли? Кстати сказать — скалы этой на Военно-Грузинской дороге уже нет: не так давно — сорвалась и полетела в пропасть, никого не задев. Мировое «Пронеси, Господи» тоже упадет, но сокрушив под собою миллионы. И лучшее пожелание в наши дни то, которым как-то обмолвился Пушкин, — этим пожеланием и заканчиваю свое письмо, — «постараемся быть живы»⁶.

Желаю этого Серафиме Павловне, Вам, и нам с Варварой Николаевной.

Привет сердечный от нас двоих Вам обоим, — пока заочный, а когда-нибудь и лично передадим его Вам на Буало.

Р. Иванов.

Письмо. Автограф.

¹ См. письмо 14 Иванова-Разумника Ремизовым.

² Переезд из Коница, где лагерь был расформирован, в Штаргард. См. наст. изд., приложение III.

³ «Бежит невозвратное время!» (Вергилий. Георгики. III, 284).

⁴ Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944) — литовский и русский поэт и переводчик. Сотруд-

ничал в альманахе «Северные цветы», журнале «Весы», много переводил. Сборники стихов: «Земные ступени» (1911), «Горная тропа» (1912). С начала 1920-х гг. — чрезвычайный посланник и полномочный представитель Литовской республики в РСФСР/СССР. В апреле 1939 г. вышел на пенсию и переехал в Париж, где после его смерти, трудами

вдовы (Марии Ивановны, урожд. Оловянишниковой, 1878–1948), вышла третья книга его стихов «Лилия и серп» (Париж, 1948). В 1967 г. в Вильнюсе были напечатаны его литовские стихи; сборник русских стихов «Дерево в огне», включающий избранные стихотворения из трех сборников, а также отдел «Из несобранного и неопубликованного», с комментариями Юозаса Тумялиса, вышел в Вильнюсе в 1969 г. (2-е изд., со вступительной статьей А. Туркова: Вильнюс, 1983). Балтрушайтис был одним из активных участников «Заветов». См. вступ. статью к наст. изд., а также его письма к В. С. Ми-

ролюбову и Иванову-Разумнику в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год» (Л., 1979), опубликованные Б. Н. Капелюш. См. также воспоминания о Балтрушайтисах Б. К. Зайцева «О любви (Балтрушайтис)» в книге «Далекое» (с. 144–148).

⁵ Это выражение Ленина в связи с введением НЭПа. См., напр.: «...Эту политику мы проводим всерьез и надолго, но <...> не навсегда» (IX Всероссийский съезд советов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1964. Т. 44. С. 310–311).

⁶ См. примеч. 5 к письму 3 Иванова-Разумника Ремизову.

16. Иванов-Разумник — С. П. и А. М. Ремизовым

25.IV.1943

Христос воскрес! —дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович! Оба мы поздравляем обоих Вас; будьте бодры и здоровы.

Получили ли Вы письмо, посланное более месяца тому назад (17 марта)?¹ Если получили — черкните, как живется? Очень скучно без писем.

Дружеский привет от обоих обоим.

Ваш Р. Иванов.

Поздравительная карточка, которая была вложена в конверт. Автограф. Приписана дата получения: 3.V.

¹ См. письмо 15 Иванова-Разумника Ремизову.

17. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

20.X.1943

Имение Данилишки

Дорогой Алексей Михайлович, пока это письмо дойдет до Вас — наступит вероятно уже и полугодовой день со времени кончины дорогой Серафимы Павловны¹, с которой так и не привелось нам встретиться. Приведется ли встретиться и нам с Вами? *На письма мои Вы не отвечаете — получили ли их?*

Вот уже три месяца, как мы живем в имении родственников на Литве (адрес — на обороте)² и проживем еще неопределенное время. Пишите — лучше всего заказным. Когда получу — напишу Вам большое письмо. Сегодня же посылаю открытки Б. К. Зайцеву и Н. Н. Берберовой, которые тоже совсем меня забыли³.

Варвара Николаевна кланяется; на могиле Серафимы Павловны вспомните и о нас.

Не забывайте!

Р. Иванов.

Открытка. Автограф. Приписана дата получения: 6.XI.

¹ С. П. Ремизова скончалась 13 мая 1943 г.

² «Frau N. Jankauskaite (für I.-R.). Ostland. Litauen. Kreis Kedahnen. Post

Surviliški. Gut Daniliški».

³ См. письмо 9 Иванова-Разумника Берберовой.

18. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

2-II-1944

Дорогой Алексей Михайлович,

очень я виноват пред Вами: так давно не писал, что и вспомнить не могу — когда. Не потому, чтобы мы забыли Вас и Серафиму Павловну (напротив, очень помним и часто вспоминаем), а потому, что жизнь теперь взвихренная, дни летят быстро, а время ползет медлен-

но. А вернее, может быть, наоборот: время летит быстро, а дни за днями ползут медлительно. Вообще, по Шекспиру — мир сошел с оси¹, и пока он не придет в порядок — не войдет в норму и время, не придем в порядок и все мы.

Вот и теперь: прожили мы месяцев 7–8 в деревне, у племянницы (она сама прилагает к моему письму свой листок; помнит, что в давние годы, когда она была девчонкой, Вы и Серафима Павловна прозвали ее «Пищик Иванович»²; теперь собираемся в путь и с середины марта наш адрес будет такой:

Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding³ (für I. R.)
Konitz (West Pr.), Denkmalsplatz 2
Deutschland

Сколько проживем там — обстоятельства покажут; но пока — пишите нам туда; очень будем ждать Ваших писем. — Сегодня же пишу в Париж и Н. Н. Берберовой, и Б. К. Зайцеву (от последнего только что получил письмо)⁴. Знаю из газет о том, что в Париже в первых числах января скончался Ю. К. Балтрушайтис⁵; вот и с ним не удалось по-видаться!

В грустном письме Вашем одно порадовало — это то, что Вы усиленно работаете. Всем нам не много осталось работать на свете, годы наши такие, и хорошо последние годы нашей жизни провести в труде «на память потомкам». Но авось — еще поживем, авось еще увидимся, и Вы прочитаете нам то, что писали эти годы.

А пока — оба мы обнимаем Вас и просим не забывать.

Ваш *Р. Иванов.*

Письмо. Автограф. Приписка Ремизова даты получения: 4.III.

¹ Кроме отсылки к «Гамлету»: «The time is out of joint» (Акт 1. Сц. 5. Строка 188), здесь, возможно, также ссылка на «Макбета»: «Tomorrow, and tomorrow, and tomorrow, / Creeps in this petty pace from day to day» (Акт 5. Сц. 5. Строки 19–20).

² Надежда Платоновна Янковская-Лилеева — дочь двоюродного брата Иванова-Разумника, Платона

Константиновича Янковского. В архиве Ремизова в Амхерст Колледже сохранилось письмо Н. П. Янковской-Лилеевой от 29 декабря 1932 г., присланное из Каунаса (до 1917 г. — Ковно) в Париж. В письме она напоминает Ремизову о себе 13 лет назад в Петербурге в связи с юбилеем М. В. Добужинского: «...Вспомните Троицкую 51 и Пищика Ивановича, дипломатиче-

ского курьера Обезвелволпала и всякие каверзы с поэтами и клубом “Вперед” к Асклепиадату Кепсариновичу Котову!!!», а также приглашает Ремизова приехать летом на отдых в Данилишки. Письмо подписано «Н. Янковская-Лилеева, она же Пищик-Иванович» (Box 8. Folder 6. № 49). Приношу благодарность Amherst Center for Russian Culture и его директору Prof. Stanley Rabinowitz

за возможность ознакомиться с текстом этого письма.

³ Об *Олафе Вельдинге* (Olaf Welding) см. наст. изд., примеч. 1 к «Эпилогу».

⁴ Письмо Зайцева от начала 1944 г. в АИШ не сохранилось.

⁵ О *Ю. К. Балтрушайтисе* см. примеч. 4 к письму 15 Иванова-Разумника Ремизову.

19. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

26.II.1944

Данилишки

Дорогой Алексей Михайлович,

вдогонку большому письму, которое я и Пищик отправили Вам с неделю тому назад, пишу сегодня открытку, которая дойдет скорее и вернее, чтобы сообщить главный пункт закрытого письма: со второй половины марта наш адрес меняется, ибо наш литовский Urlaub <отпуск. — Нем.> закончился; наш адрес теперь будет:

Herrn Amtsgerichtsrat Olaf Welding (für I.R.)

5a Konitz (West Preussen), Denkmalsplatz 2

Будем ждать там Ваших писем; авось они будут доходить туда скорее, чем до нашей литовской деревенской глуши.

Сегодня — масленица; едим блины и вспоминаем старые времена!

Привет от Варвары Николаевны; не забывайте нас.

Ваш Р. Иванов.

<P.S.> Одновременно писал и Б. К. Зайцеву, и Н. Н. Берберовой.

Открытка. Помимо обычного «In russischer Sprache», добавлено «Ecrit en russe». Помета Ремизова после даты: 20.III.

20. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

7.IV.1944

Кониц

Дорогой Алексей Михайлович,

авось эта открытка моя дойдет до Вас к нашей Пасхе: Христос воскрес! Варвара Николаевна и я трижды целуем Вас и вспоминаем в эти дни Серафиму Павловну, через месяц уже и годовщина будет. На днях в старом томе «Современных Записок» прочел Ваш рассказ «Кран гиппопотама»¹, — как Вы встречали Пасху в Париже десять лет тому назад; как-то встречаете теперь? Там же прочел, что «Сны» Тургенева² вышли еще тогда же. Пушкин, Толстой, Лесков, Достоевский — большие клады снов, но не забудьте и Лермонтова³.

Поздравляю, что книгу кончили⁴; когда-то появится она по-русски! — Я за время сидения в Данилишках закончил по старым материалам целых четыре книги⁵, листов по 12 каждая, а Варв<ара> Ник<олаевна> перестукала их на машинке: вот и все возможности издания по нашему времени.

Из деревни я и Пищик написали Вам большое письмо, да не дошло, спасибо, что хоть открытка дошла⁶. Пишите нам сюда в Кониц, где мы пребываем с конца марта; комната отдельная, удобная и теплая; у хозяина квартиры библиотека большая; городок маленький и тихий, работать удобно.

Крепко помним Вас оба. Не забывают и Вы нас.

Ваш Р. Иванов.

Открытка. Автограф.

¹ *Кран гиппопотама* // Современные записки. 1932. № 50. С. 96–112. Вошел в кн. «Учитель музыки».

² *Тридцать снов Тургенева* // Воля России. 1930. № 7/8. С. 580–623. Вошли в кн. «Огонь вещей» (Париж: Оплешник, 1954; 2-е изд.: Париж: YMCA-Press, 1977).

³ В кн. «Огонь вещей» включена страничка с пересказом «Сна» Лермонтова, где этот сон сравнивается со сном пана Данилы, видящего во сне сон Катерины в «Страшной мести» Гоголя, далее воспроизведен текст стихотворения Лермонтова. В свете напоминания Иванова-Разумника эту коро-

тенькую главку, «Сквозные глаза: Сон Лермонтова» (с. 137–138), вероятно, можно рассматривать как дар памяти критика, издателя и друга.

⁴ После смерти Серафимы Павловны Ремизов работал над двумя книгами — «Сквозь огонь скорбей» (вошла в кн.: В розовом блеске. 1952) и «Мышкина дудочка» (1953), последнюю автор назвал «интермедией». Время действия в обеих кни-

гах 1939–1944 гг., годы войны, болезни и смерти Серафимы Павловны. Глава «Мышкина дудочка» была напечатана в «Русском сборнике» (Париж, 1946. Кн. 1), где она помечена 1943 г.

⁵ О книгах Иванова-Разумника, написанных во время войны, см. вступ. статью.

⁶ См. письма 18 и 19 Иванова-Разумника Ремизову.

21. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

31-V-1944

Конец

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваше письмо получили 13 мая¹, в день памяти Серафимы Павловны, и поминали ее, и вспоминали Вас. Время бежит, нас не ждет, — как скоро год прошел! И не верится даже, что мы уже два с половиной года без отечества, — а Вы уже и все двадцать три года... Писал мне недавно Б. К. Зайцев, спрашивал — как я думаю, вернемся ли? Я ответил (вчера письмо послал) словами из Писания: «и покажах ю очесем твоим и тамо не внидеши»...² Это наша судьба.

Будем же последние дни и годы, кому сколько дано, работать на чужбине. Рад за Вас, что Вы много работаете, — как хотелось бы прочесть! Да не по-французски, а по-русски. Авось дождемся времени, когда можно будет печататься и на родном языке. Делаю эту попытку даже сейчас: издательство во Фрейбурге³ предложило издать две мои книги «Писательские судьбы» (10 печ. лл.) и «Тюрьмы и ссылки» (14 печ. лл.) сразу и по-русски и по-немецки. Послал, но не очень верю в возможность издания теперь, — до того ли!

Как странно читать в Вашем письме знакомые имена — Ольга Елисеевна⁴, Пелагея Ивановна...⁵ Тридцать лет от «Сирина» и от «Заветов» прошло — и мы все еще живы, после всего пережитого, — иной раз даже и не верится. Также странно получать письма от Сергея

Порфирьевича⁶ (мы с ним часто переписываемся), от Б. К. Зайцева, да и вообще от всех людей нашего поколения. Много ли нас однако осталось? И много ли еще останется до конца войны, которой конца не видеть?

Но — как сказал Пушкин — «постараемся быть живы». Этим общим пожеланием всем нам сегодня заканчиваю письмо. Не забывайте нас письмами и впредь, дорогой Алексей Михайлович; очень мы с Варварой Николаевной одиноки в безвестном городишке. Оба сердечно приветствуем и кланяемся.

Ваш Р. Иванов.

Письмо. Автограф. Помета Ремизова: 6.VI.

¹ Это письмо Ремизова в собрании *АИШ* не сохранилось.

² Цитата из пятой книги Библии (Втор., 34:4). Следующий (5-й) стих (в русском переводе): «И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню».

³ В списке издательств, перечисленных А. Ф. Лютером в его первом письме Иванову-Разумнику от 14 мая 1942 г., издательство во Фрейбурге не указано.

⁴ Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова (1886–1964) — до середины 1920-х гг. жена В. М. Чернова. Ее

семья была дружна с Ремизовыми. Ее дочь, Н. В. Резникова, близкий друг, особенно в последние годы жизни Ремизова, переводчик его книги «Подстриженными глазами» на фр. язык (*Les yeux tondus*. Paris, 1958), автор воспоминаний о Ремизовых «Огненная память». О Черновых см. примеч. 26 и 27 к письму 6 Постникова.

⁵ Пелагея Ивановна Терещенко, сестра М. И. Терещенко, см. примеч. 15 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизову.

⁶ С. П. Постников — см. его письма в наст. изд.

Федор СТЕПУН

Федор Августович Степун (1884–1965) — философ, публицист, общественный и политический деятель, литературный критик. Доктор философии Гейдельбергского университета (1910).

В 1925 г. в ответе на анкету журнала «Своими путями» (Прага) Степун писал: «В октябре три года, как был выслан из России. По приезде основался было в Берлине читать лекции в Религиозно-философской академии, но после первого же семестра бросил: серьезному русскому студенту не хватало времени на нашу академию <...> Одновременно с романом <...> писал свои “Мысли о России” <опубл. в «Современных записках»> <...> Единственно <...> реальным представляется мне в условиях здешней жизни работа по организации нашего национального сознания. С этой работой связана вся моя рецензентская, полемическая и лекционная деятельность. Читал за эти годы в Берлине, Париже, Праге, Вене, Дрездене. <...> Живу переводами на немецкий язык “Мыслей” <...> и главным образом лекциями на немецком языке о России» (цит. по перепечатке: Литературный ковчег на берегах Влтавы / Вступ. заметка и публ. А. Безносова // Вопр. лит. 1991. № 2. С. 240). Участник русской философской академии и член Союза писателей и журналистов в Берлине. Соредактор журналов «Логос» (1925–1928) и «Новый град» (1931–1939). В 1926–1937 гг. профессор социологии Дрезденского университета. В 1937 г. был отстранен от преподавания: «До тридцать седьмого года я профессорствовал в Дрездене. Затем был лишен кафедры за русскость, христианство и семитофильство. Впоследствии мне было запрещено чтение лекций и печатание» (Письмо к О. И. Синьорелли от 19 августа 1946 г. в: *Materiali sull' emigrazione russa dall' archivio di Olga Resnevic Signorelli* / Публ. Elda Garetto // *Europa Orientalis*. 1991. № 10. С. 411). В 1947–1965 гг. профессор кафедры русской культуры Мюнхенского университета.

Степун — автор автобиографической книги «Из писем прапорщика-артиллериста» (М., 1918), книги «Жизнь и творчество» (1923),

романа «Николай Переслегин» (Париж, 1927). О книге «Бывшее и несбывшееся» (В 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956; первая публ. на нем. яз. в 3-х т.: Мюнхен, 1947–1950), над которой он работал во время войны, Степун писал: «Я сейчас работаю над большою и по форме довольно сложною книгою. Самым подходящим заглавием для нее было бы Беловское заглавие “Я — эпопея”. Рассказ должен быть одновременно и искусством, и философией, и проповедью. <...> Писать сейчас спокойно, так как чувствуешь, что миру не до тебя и не до твоих писаний. Спешить некуда и потому пишешь как бы перед лицом вечности» (Письмо О. И. Синьорелли от 29 декабря 1939 г. // *Europa Orientalis*. 1991. № 10. С. 408). См. в предисловии к книге: «Я писал и как беллетрист, не чуждый лирического волнения, и как философ, как социолог и даже как политик» (Т. 1. С. 7). Степун четко разделял ностальгические и, по его мнению, тем самым разрушительные и парализующие воспоминания, с творческой памятью: «В противоположность воспоминаниям, память со временем не спорит, она не тоскует о его безвозвратно ушедшем счастье, так как она несет его непреходящую правду в себе» (Т. 1. С. 8). Среди других книг Степуна следует отметить сборник статей «Встречи» (Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей, 1962; расшир. изд.: Встречи и размышления / Под ред. Евг. Жиглевич. London: OPI, 1992), а также вышедшую по-немецки: *Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus: Solowjew, Berdjajew, Iwanow, Belyj, Blok*. München: Hanser, 1964. См. о нем: Речь о Степуне. К его 80-летию. Речь, произнесенная Дм. Чижевским на юбилейном вечере, организованном Баварской Академией изящных искусств 20-го февраля 1964 г. // *Новый журнал*. 1964. № 75. С. 283–288.

* * *

В собрании *АИШ* находится одно письмо Степуна к Иванову-Разумнику от 14 мая 1942 г., а также черновик ответа Иванова-Разумника. В нашу публикацию также включены три письма Иванова-Разумника к Степуну (10 ноября 1944 г., 26 марта 1945 г. и 3 июня 1946 г.) из архива Степуна в библиотеке Веинеске Йельского университета, два из которых вошли в «Эпилог». Эти письма Иванова-Разумника были опубликованы Ж. Шероном, см.: *Новый журнал*. 1989. № 174.

С. 311–315. Здесь печатаются по автографам (Fedor Stepun Papers. Gen. MSS 172. Series 1. Correspondence. Box 15. Folder 514).

1. Ф. А. Степун — Иванову-Разумнику

Дрезден, 14 мая 1942 года

Многоуважаемый Р... В...ч, имени и отчества, простите, не помню, инициалы же запомнились, так как они встречались в автобиографии Белого¹. Ваше письмо меня не удивило, так как я, как и Вы, давно перестал чему бы то ни было удивляться, в особенности тому, что творится сейчас в мире с русскими людьми. Очень скорблю, что пропал Ваш архив². Очень мечтаю когда-нибудь прочесть дневник Сологуба³ и, главное, в не слишком далеком времени — повидаться с Вами.

На Ваши вопросы ничего утешительного ответить не могу. Не думаю, чтобы какой-нибудь немецкий музей купил сейчас русскую картину. Русская культура, как Вы вероятно знаете, временно под запретом: я сам с трудом добываю русские книги из немецких библиотек. Единственная надежда, что «Яблоки»⁴ купит какой-нибудь частный коллекционер или просто богатый любитель живописи. Если бы Вы могли переправить картину в Дрезден, я сделаю все от меня зависящее, чтобы попытаться продать ее. Не думаю, однако, чтобы можно было получить ее настоящую стоимость. Если Вы решите выслать картину, то сообщите, сколько бы Вы хотели за нее получить.

Что касается Ваших воспоминаний, то издать их на немецком языке будет сейчас все по той же причине нелегко. В Дрездене никаких подходящих издательств нету, но в Мюнхене есть. Есть и в Берлине. Трудность будет заключаться еще и в том, что для того, чтобы предложить немецкому издательству Ваш «Юбилей»⁵, надо будет перевести его на немецкий язык. Найти же переводчика сейчас, в виду малого шанса на успех дела, будет очень трудно. Думаю, что Вам надо будет устраиваться как-нибудь иначе, надо будет искать какой-нибудь службы. Недавно из Риги прибыл сюда некий Кейхель⁶, соловьевец, всю жизнь старающийся над сближением русской и немецкой культур. Мне удалось устроить его на литературно-научную работу в

одной дрезденской газете и в одном хозяйственном институте. Но это удалось, конечно, только благодаря его хорошему знанию немецкого языка. Как у Вас обстоит дело с языком? И кроме того с местом жительства? Будет ли Вам по окончании карантина предоставлено право жить где Вам заблагорассудится? Спрашиваю потому, что устраивая Кейхеля, я собирался устроить его в Бреславльском «Восточном институте»⁷, к директору которого у меня нашлась бы протекция. Все это я пишу ощупью, так как совсем не представляю себе Вашего положения и диапазона Ваших возможностей. Может, Вы подробнее напишете о себе. Что касается необходимых к августу р.м.⁸ то, быть может, кое-что можно будет собрать под Ваш будущий заработок и возможную продажу картины и рукописи. Одновременно с этим письмом я пишу Сергею Горному-Оцупу⁹, который вполне прилично зарабатывает в Берлине как инженер и со страстью собирает русские картины. Может быть, он и сможет что-нибудь сделать. Напишу я еще и Николаю Сергеевичу Арсеньеву¹⁰, профессору Кенигсбергского университета. Может быть, общими силами мы что-нибудь и надумаем. Если бы Вы ему уже писали, то сообщите мне об этом.

О наших общих знакомых мне очень хотелось бы побеседовать с Вами. Если Вы что-нибудь знаете об Ахматовой¹¹, А. С. Петровском¹², Грифцове¹³, о которых никто ничего не знал, и главное о том, верно ли, что в посмертном портфеле Белого находится большой роман «Михаил архангел»¹⁴, как мне сообщали, то напишите, буду очень благодарен. В томе «Литературного Наследства», посвященном «Символизму»¹⁵, я не нашел ни одного слова об «Михаиле архангеле».

С искренним приветом и просьбою простить мне поздний ответ,

Ваш Федор Степун.

Письмо. Автограф. Написано по старой орфографии. Обратный адрес: «Prof. Fedor Stepun, Dresden A24, Schnorrstr. 80».

¹ Взаимное незнание имени и отчества (см. ниже черновик письма Иванова-Разумника Степуну) подтверждает, что они не были близки. Степун, называя автобиографию Белого как источник инициалов Ивано-

ва-Разумника, по всей вероятности, имеет в виду автобиографическую заметку Белого, напечатанную в берлинской «Новой русской книге» (1922. № 1. С. 38–40) в разделе «Судьба и работы русских писателей, ученых и журна-

листов за 1918–1922 гг.». В приводимом Белым списке своей деятельности после революции в России имя Иванова-Разумника упоминается дважды. В одном случае он назван *Ивановым-Разумником*, в другом *Р. В. Ивановым* (оба на с. 39). Другим возможным источником мог быть том «Литературного наследства», упоминаемый Степуном в конце письма. В разделе «Литературное наследство Андрея Белого» имя *Р. В. Иванова* многократно повторяется в описании архивных материалов и их местонахождения.

² Об архиве Иванова-Разумника см. примеч. 17 к письму 1 Зайцева.

³ *Дневник Сологуба* — в опубликованных Ж. Шероном выдержках из писем Иванова-Разумника А. Л. Бему (Из военной переписки Иванова-Разумника с А. Л. Бемом: Суждения о литературе русской эмиграции // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 148–153) приводится отрывок из письма от 5 февраля 1944 г., где Иванов-Разумник пишет о своей статье о дневниках Сологуба: «Содержание дневников Сологуба настолько неожиданно и жутко, что я еще не решил, может ли эта статья увидеть свет» (с. 151); в книге «Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары» (Под. ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997), где опубликованы новые биографические и мемуарные материалы, дневник Сологуба не упоминается.

⁴ Речь идет о картине Петрова-Водкина «Яблоки», принадлежавшей Ивановым, которую им удалось вывезти с собой из Пушкина. См. также письмо 11 Иванова-Разумника Берберовой от 20 фев. 1944 г. (О дальнейшей судьбе этой картины нам ничего

неизвестно. Яблоки — частый компонент натюрмортов Петрова-Водкина. См.: *Костин В. И.* К. С. Петров-Водкин: Альбом. М.: Советский художник, 1986; а также: *Kuzma Petrov-Vodkin: Paintings, Watercolors and Drawings. Book Illustrations. Stage-sets and Costume Design.* Leningrad: Aurora Art Publishers, 1986.) Художник *Кузьма Сергеевич Петров-Водкин* (1878–1939) был старым знакомым Иванова-Разумника. Он публиковался в «Заветах» (1914. № 5. «Письма об искусстве. Письмо первое») и в газете «Дело народа» («На рубеже искусства», три статьи 27, 28 мая и 4 июня 1917 г., и «О науке «видеть»», 28 июня 1917 г.). Впоследствии он был первым председателем Ленинградского союза художников. В 1927 г. он переселился в Детское Село. В доме у Иванова-Разумника Петров-Водкин читал отрывки из рукописи своей автобиографической прозы «Хлыновск» (Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия / Вступ. статья Ю. А. Русакова. Л., 1982. С. 10). См. также: *Петров-Водкин К. С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. Н. Селизаровой. М.: Советский художник, 1991; и *Завалишина Н.* Детскосельские встречи: Главы из воспоминаний // Звезда. 1976. № 3. С. 172–183. В книге «Тюрьмы и ссылки» Иванов-Разумник описывает Петрова-Водкина у себя в Детском Селе в 1930 г.: «Петров-Водкин, старый приятель, самый большой из наших художников, но в области мысли социально-политической — путаная голова. К тому же — “трусават был Кузя бедный”, и потому приспособлялся, как мог, ко всем требованиям минуты, стараясь найти какое-нибудь теоретиче-

ское оправдание для своей трусости» (Тюрьмы и ссылки. С. 127).

⁵ «Юбилей» — название уже написанной к тому времени Ивановым-Разумником части будущей книги «Тюрьмы и ссылки», посвященной аресту и ссылке 1933–1937 гг.

⁶ *Кейхель из Риги* — лицо неустановленное.

⁷ ...в *Бреславльском Восточном институте* — Имеется в виду Osteuropa-Institut (Breslau), основанный в 1918 г., радикально реорганизованный после 1945 г. Выпускал ежегодник, посвященный изучению Восточной Европы: «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven» (Breslau: Priebatsch, 1925–1935; позднее: «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas»).

⁸ *р. м.* — RM (Reichsmark), германская валюта.

⁹ *Сергей Горный-Оцуп* (Александр Авдеевич Оцуп, 1882–1949) — старший брат поэтов Николая Оцупа и Георгия Оцупа (псевдоним: Г. Раевский), поэт-юморист, прозаик, по образованию горный инженер; участник Пушкинского семинария С. А. Венгера; служил в Белой армии, с начала 1920-х гг. в Берлине, в 1930-е гг. — в Париже. В конце жизни жил в Испании. См. его библиографию в: Русские писатели: 1800–1917. Т. 1. С. 638–639.

¹⁰ *Николай Сергеевич Арсеньев* (1888–1977) — богослов, философ, историк культуры. В 1914 г. приват-доцент кафедры западноевропейской литературы Московского университета, в 1919 г. профессор кафедры сравнительной истории религий Саратовского университета. В 1924–1944 гг. профессор русской культуры Кенигсбергского университета, в 1926–1938 гг. профессор Нового Завета, истории рели-

гий и сравнительного богословия на Православном богословском факультете Варшавского университета. После войны жил в Париже, затем в Нью-Йорке, где был профессором Свято-Владимирской духовной семинарии. Кроме русского печатался также на немецком, английском и французском языках. Среди его трудов отметим: «О Литургии и таинстве Евхаристии» (Париж, 1927), «Православие, Католичество и Протестантизм» (Париж, 1930), «Из русской культурной и творческой традиции» (Франкфурт, 1959), «Дары и встречи жизненного пути» (Франкфурт, 1974), а также: «Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen: in Einzeldarstellungen» (Mainz, 1929). В «Записках РАГ» (1979. Т. 12) напечатаны статьи памяти Арсеньева, а также библиография его трудов, составленная Thomas E. Bird (с. 47–61). В сборнике «Русская религиозно-философская мысль XX века» (Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1975) помещена статья Арсеньева «О некоторых основных темах русской религиозной мысли XIX века»; там же статья Р. Плетнева об Арсеньеве. О семье Арсеньевых во время войны см.: *Трубецкой А.* Из военных лет / Подгот. текста и вступ. В. П. Поляковой // Наше наследие. 1995. № 33. С. 66–92.

¹¹ Об *А. А. Ахматовой* см. примеч. к письмам Г. Иванова.

¹² *Алексей Сергеевич Петровский* (1881–1958) — переводчик философских и искусствоведческих работ, в течение многих лет сотрудник Румянцевского музея, затем Библиотеки им. Ленина; близкий друг Андрея Белого со студенческих лет (прототип Пет-

ковского и Поповского во «Второй (Драматической) Симфонии», см.: *Malmstad J.-E. Andrey Bely and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review*. 1990. № 14. Р. 29–33); активный участник кружка аргонавтов и «Мусагета». Антропософ, в 1914 г. участвовал в постройке первого Гетеанума в Дорнахе, организатор библиотеки московского Русского антропософского общества. Арестован в 1931 г., провел два года в ссылке. Вместе с К. Н. Бугаевой и Д. М. Пинесом составитель описания литературного наследия Белого (Литературное наследство. 1937. № 27–28). Информация о Петровском почерпнута главным образом из примеч. Дж. Мальмстада на с. 30 в его публ.: *Жемчужникова М. Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917–1923) // *Минувшее*. 1988. № 6. С. 7–53. О Петровском см. также публ. Мальмстада в «*Scottish Slavonic Review*» (1990. № 14. Р. 21–59; 1990. № 15. Р. 59–102); Блок в неизданной переписке и дневниках современников / Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тищенко // *Литературное наследство*. 1987. № 92. Кн. 3 (письма Петровского и письма к нему А. Белого и Э. К. Метнера); а также кн.: *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. См. также: *Анциферов Н. П.* Издум о былом. М., 1992, по указателю.

¹³ *Борис Александрович Грифцов* (1885–1950) — искусствовед, переводчик, критик символистского направления. В 1910–1920-х гг. лектор по западной литературе в Московском народном университете А. Л. Шанявского. В 1914 г. принимал участие в журнале «София». Много писал об искусстве Италии. После революции один из учредителей и лекто-

ров Института итальянской культуры. Переводчик и исследователь творчества Бальзака (Как работал Бальзак. М., 1937). См. подробности биографии и библиографию в статье А. В. Лаврова в: *Русские писатели: 1800–1917*. Т. 2. С. 45–46.

¹⁴ Роман «*Михаил архангел*» — «Московский чудак». Первая часть романа «Москва» (М.: Круг, 1926) вышла с посвящением: «Посвящаю памяти Архангельского крестьянина Михаила Ломоносова». Выражение «роман “Михаил архангел”», возможно, восходит к Михаилу Чехову, общавшемуся с Белым перед отъездом за границу. См. письма М. Чехова Белому: *Чехов М.* Литературное наследие: В 2 т. М., 1986. Т. 1; письма Белого М. Чехову: *Козлова М. Г.* «Меня удивляет этот человек» // *Встречи с прошлым*. Вып. 4. М., 1982. С. 224–243. В своих воспоминаниях (Жизнь и встречи // *Новый журнал*. 1944. № 9) Чехов пишет: «“Я <Белый> посвящу свою книгу Михаилу Архангелу. Пусть в наши дни прозвучит Его имя”. И когда вышел “Московский чудак”, на первой странице я прочел: “Посвящаю памяти Архангельского крестьянина Михаила Ломоносова”» (с. 13). К этому Чехов добавляет в примечании: «Антропософия под именем Архангела Михаила объединяет группу духовных существ, играющих важную роль в развитии мира и человека. Задача Архангела Михаила особенно значительна в нашу эпоху» (там же). (См.: *Steiner R.* The Archangel Michael. His Mission and Ours. Ed. Christopher Barnford, 1994.) Ср. приписку Андрея Белого к письму Иванову-Разумнику от 24–29 сентября 1926 г. в кн.: *Переписка*. С. 394–396, а также примечание Дж. Мальмстада к

«Воспоминаниям о Белом» К. Н. Бугаевой (Беркли, 1981) на с. 366, где он цитирует М. Чехова и ссылается на воспоминания Сабашниковой. Описывая начало Антропософского общества в Москве, она пишет: «Мы попросили Рудольфа Штайнера дать рабочей группе в Москве чье-либо имя и ожидали, что она будет названа в честь Владимира Соловьева или какого-то другого великого мистика. Мы были удивлены, когда услышали имя Михаила Ломоносова. Кто еще думал о Михаиле Ломоносове!» (Волошина-Сабашникова М. В. Зе-

леная змея: Мемуары художницы. СПб., 1993. С. 231). О посвящении романа Белого Ломоносову см.: *Спивак М. Л.* Роман А. Белого «Москва»: экзо- и эзотерика // Лит. обозрение. 1998. № 2. С. 38–46. О русских антропософах см.: *Жемчужникова М. Н.* Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–1923).

¹⁵ Имеется в виду обзор: *Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>* Литературное наследство Андрея Белого // Литературное наследство. 1937. № 27–28. С. 575–638.

2. Иванов-Разумник — Ф. А. Степуну

Р. S. Мое имя и отчество — Разумник Васильевич
5 июня 1942. (Адрес — на конверте)

Многоуважаемый Федор Александрович,

я задержался ответом на Ваше столь интересное для меня письмо от 14 мая, так как ждал за это время того или иного выяснения своей личной судьбы; однако такового все еще не последовало и мой адрес остается до поры до времени прежним.

Очень благодарен Вам за желание оказать возможное содействие, за письма к профессору Арсеньеву и Сергею Горному-Оцупу. Ни от того, ни от другого отклика я не получал, — но зато прочел присланную мне из Праги книжку Сергея Горного «Всякое бывало»¹, не очень меня порадовавшую. Вообще за эти месяцы я, благодаря друзьям и знакомым из профессорского мира Праги, щедро снабжающим меня книгами (и не только книгами), — «ликвидирую безграмотность» свою в области эмигрантской литературы: читаю и «Современные Записки», и «Волю России», и «Числа», и «Путь», и «Новый Град», и литературу «евразийцев»...² За два месяца не прочитать, конечно, накопленного за двадцать лет, и моя безграмотность далеко еще не «ликвидирована», но все-таки некоторые контуры уже обозначаются: по крайней мере я уже знаю, что именно мне еще нужно прочитать в первую очередь. Среди ряда статей

читал с интересом и Ваши, иногда — с согласием (ряд частных в «Новом Граде»³), иногда — с несогласием (статья о Бунине в томе LIV «Современных Записок»⁴), — и вспоминал «Труды и Дни»...⁵

«Мы были молоды тогда!»

Но, Боже мой, до чего уже Plusquamperfectum не только «Мусагет», но и «евразийцы», и полемика вокруг «Нового Града», и вообще вся литература «двадцатых — тридцатых годов», после мировой катастрофы 1939-го года! Так что и моя «ликвидация безграмотности» представляет лишь исторический интерес, ни в малой мере не «актуальный». Но и то сказать: революция 1917–1918-го года — прошла, а «Двенадцать» Блока и «Ночной обыск» Хлебникова⁶ — остались. Что же останется от нынешних взвихренных годов?

Но я отвлекся от своей маленькой судьбы к Судьбе мировой, возвращаясь к первой скажу, что она все еще *in statu* <в состоянии. — *Лат.*> полной неопределенности: пребываю в том же состоянии, как и два-три месяца тому назад. За это время я, совершенный новичок в условиях эмигрантской жизни, по-видимому совершил некий «*faux pas*» <ложный шаг. — *Фр.*>, послав в «Новое Слово»⁷ сразу серию из ряда очерков — еще не издав в глаза этой газеты. Прочитал в ней потом ужаснувшие меня статьи какого-то Г. Мейера⁸ о Салтыкове-Щедрине и о Белинском, лакейские очерки актера Блюменталья-Тамарина⁹ и еще многое иное, — но было уже поздно. Наказание последовало быстро: очерки мои появились в искаженном виде, под ужасным «леонидандреевским» заглавием («Хожделение над бездной!»), с дикими купюрами и вставками¹⁰. С трепетом сердечным жду, что сделает газета с очерком о Сологубе (начало которого появилось в номере от 31 мая), с очерками о Ключеве, Блоке, Белом...¹¹ Как быть? *Tu l'a voulu, Georges Dandin!*¹² Впрочем — вовсе не «*voulu*», а просто не знал, куда по опрометчивости сунул; виновен, и снисхождения не заслуживаю. Краткую мою автобиографию прочли ли Вы в номере от 10-го мая? — (если вообще видите эту газету).

Спрашиваю про это потому, что напечатанное там «Хожделение над бездной» (ужасно!) является кратчайшим резюме уже написанной книги в 10 печ<атных> листов «Тюрьмы и ссылки», которую я хочу предложить в переводе какому-либо из немецких издательств, — о чем писал Вам в прошлом письме. Артур Лютер¹³ (может быть и лично Вам знакомый) советует мне обратиться к ряду издательств, пе-

реслав им подробное содержание книги и ее краткое «резюме» в немецком переводе, называет издательства берлинские, мюнхенские, лейпцигские, даже кенигсбергские и зальцбургские, но ни одного дрезденского: разве в Вашем большом культурном центре нет ни одного такого издательства? Попробую последовать его совету, переведу на немецкий язык «Хождение над бездной» и «Две жизни султана Махмуда» (это заглавие — мое, в номере от 17 мая) — и пошлю наудачу в одно из перечисленных А. Лютером издательств.

Автограф неоконченного письма, без концовки и подписи.

¹ Горный С. Всякое бывало. Берлин: Изд-во писателей «Арзамас», 1927. (Книга беллетризированной автобиографической прозы о детстве и юности автора).

² См. письма Постникова: примеч. к письму 8, о евразийцах примеч. 41 к письму 6.

³ Степун был соредактором, с Г. П. Федотовым и И. И. Бунаковым (Фондаминским), журнала «Новый град» (1931–1939, № 1–14). В редакторской передовой в № 1, написанной Федотовым (см.: Новый град // Федотов Г. П. Россия, Европа и мы. Париж: YMCA-Press, 1973. С. 135–141), редакторы утверждали: «Против фашизма и коммунизма мы защищаем вечную правду личности и свободы — прежде всего свободы духа <...> Это признание свободы личности отделяет нас от большинства так называемых пореволюционных течений русской политической мысли, с которыми нас роднит общее понимание политического кризиса и воля к новой организации жизни. В охране свободы, как драгоценного завещания XIX века, мы занимаем позицию консерваторов. Но мы не удовлетворены буржуазным понима-

нием свободы и ищем для нее новых обоснований» (с. 139). Критика формальной демократии на страницах «Нового града» настораживала представителей старых партий, так как в этом они видели опасность сменовеховства. См. многочисленные цитаты из отзывов В. В. Руднева в книге Глеба Струве «Русская литература в изгнании» (с. 156–158). Положительную оценку «новоградского» направления см. в книге В. С. Варшавского «Незамеченное поколение» (Гл. 5. С. 277–293). Статьи Степуна регулярно публиковались в «Новом граде» («Путь творческой революции», «Задачи эмиграции», «О человеке “Нового града”», «Идея России и формы ее раскрытия», «Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы», «Чаемая Россия» и др.).

⁴ Степун высоко ценил творчество Бунина и неоднократно писал о нем. В «Современных записках» он опубликовал статью о «Митиной любви» («И. А. Бунин (по поводу “Митиной любви”»», № 27) и «Иван Бунин» (№ 54) в связи с присуждением Бунину Нобелевской премии в 1933 г. Обе ста-

ты вошли в сборник статей Степуна «Встречи».

⁵ «Труды и дни» — двухмесячник изд-ва «Мусагет», под ред. Андрея Белого и Эмилия Метнера, выходил в 1912–1916 гг. (восемь выпусков). См.: Лавров А. В. «Труды и дни» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 191–211; Безродный М. В. Издательство «Мусагет»: Групповой портрет на фоне модернизма // Рус. литература. 1998. № 2. С. 119–131. Степун оставил интересные воспоминания о деятельности кружка и издательства, а также о дальнейшем разрыве между редакторами (Бывшее и несбывшееся. Т. 1. С. 265–286). См.: Белый А. На подступах к «Мусагету» // Белый А. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. Ч. 1. Гл. 5; а также: Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С. А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сиринком»: Письма к Э. К. Метнеру // Блоковский сб. Вып. 2. Тарту, 1972. С. 385–397. Не отвергая сущности спора (отношение к штейнерианству), а также личных причин, Степун подчеркивает различие темпераментов редакторов: «Метнер думал и жил в категории исторической преемственности <...>, Белый же витал над историей. Его пророческое сознание жило космическими взрывами и вихрями» (Бывшее и несбывшееся. Т. 1. С. 269). Степун посвятил большую, тонкую и во многом верную статью «Памяти Андрея Белого» (Современные записки. № 56; вошла в сб. «Встречи», с. 160–186, а также в изд. «Встречи и размышления», с. 191–219).

⁶ Об Иванове-Разумнике и поэме Блока «Двенадцать» см. примеч. 6 к вступ. статье. Поэма «Ночной обыск», помеченная 7–11 октября 1921 г., была впервые опубликована в «Собрании произведений» Велимира Хлебникова (В 5 т. / Под ред. Ю. Н. Тынянова и Н. Л. Степанова. Л., 1928–1933); включена Владимиром Марковым в антологию «Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом». (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952). Марков считает поэму вершиной творчества поэта («The poem is Khlebnikov's late masterpiece and the climax of his tragic art» (Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Berkeley: UC Press, 1962. P. 180–181)). Иванов-Разумник называет «Ночной обыск» «изумительной поэмой» и добавляет: «Изумительно и то, как могла пропустить ее цензура в пятитомном собрании сочинений этого поэта» (наст. изд., приложение I, 13, с. 361). В издания Хлебникова 1936, 1940 и 1960 гг. поэма включена не была (Markov. P. 180). Напечатана по автографу (ЦГАЛИ) в: Хлебников В. Творения / Общ. ред. М. Я. Полякова, сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М., 1986.

⁷ О «Новом слове» см. вступ. статью и письма Бема и Постникова.

⁸ Георгий Андреевич Мейер (1894–1966) — литературный критик, во время Первой мировой войны — офицер русской армии, в Гражданскую войну служил в Белой армии, эвакуировался в Константинополь, в начале 1920-х гг. переехал в Париж. Был постоянным сотрудником журнала «Русская земля», монархического направления, затем парижской газеты «Возрождение» (1925–1940). После

Второй мировой войны печатался в журналах «Возрождение» и «Грани» (Франкфурт-на-Майне). Его книги «Свет в ночи. (О “Преступлении и наказании”.) Опыт медленного чтения» (1967), «Сборник литературных статей» (1968) и «У истоков революции» (1971) опубликованы посмертно изд-вом «Посев» (Франкфурт-на-Майне). См. биографические данные в предисловии Н. Тарасовой в кн. «Свет в ночи».

⁹ В. А. Блюменталь-Тамарин (1881<?>–1945<?>) — актер, сын режиссера и актера А. Э. Блюменталь-Тамарина (1859–1911) и народной артистки СССР М. М. Блюменталь-Тамариной (1859–1938); в «Новом слове» печатались его очерки под общим заглавием «Из моей Записной Книжки». В очерке, напечатанном 12 июля 1942 г. (№ 55), он писал о себе: «Я был белая ворона, я работал с Белой армией, был арестован в Крыму после отступления Врангеля и приговорен к расстрелу — этого большевики мне никогда не забывали, особенно после смерти моей знаменитой в Союзе матери, которую они страшно ценили и с которой носились» (с. 6).

¹⁰ В ЗК Иванов-Разумник отмечает: «“Новое Слово” от 10 мая пришло сюда сегодня 9 мая! Моя статья под пошлым названием “Хождение над бездной” и с фантастическими купюрами. Надо будет написать — ультимативно. Наглый и безграмотный первый абзац» (9 мая); «Пришло “Новое Слово” от 17 мая со статьей “Две жизни султана Махмуда”, — очень незначительно правленной. Чудеса в решете!» (17 мая); «“Новое Слово” от 31 мая с началом моей статьи о Сологубе — с фантастическим заглавием и

купюрами» (31 мая); «Пришел номер “Нового Слова” (4 июня) с окончанием статьи о Сологубе. От статьи осталось меньше половины» (7 июня).

¹¹ Окончание очерка о Сологубе было напечатано в номере от 7 июня, о Ключеве — 20 декабря 1942 г. Очерки о Белом и Блоке, насколько известно, в «Новом слове» опубликованы не были.

¹² Неточная цитата из пьесы Мольера «Жорж Дандэн» (Акт 1. Сц. 9): *Vous l'avez voulu, Georges Dandin, vous l'avez voulu.* — Ты этого хотел, Жорж Дандэн, ты этого хотел (*фр.*).

¹³ Артур Федорович Лютер (Arthur Luther, 1876, Орел — 1955, Баден-Баден) — литературовед, историк русской литературы, переводчик русских классиков и писателей XX века на немецкий язык (Достоевский, Лев Толстой, Чехов, Горький, Бунин, Андреев, Мережковский, Гиппиус, Ремизов, Шмелев). Упоминается в мемуарах Андрея Белого («Начало века» и «Между двух революций») как сотрудник журнала «Весы», а также в связи с деятельностью Дома песни Олениной-д'Альгейм и Общества свободной эстетики. В «Трудах и днях» (см. выше примеч. 5) была напечатана его статья «“Парсиваль” в средние века» (1914. Тетрадь 7. С. 58–62). Печатался в русской эмигрантской прессе (альманах «Грани», «Временник друзей русской книги»). Адрес Лютера Иванов-Разумник получил от Ремизова. См. примеч. 3 к письму 1 Ремизовых.

Свою книгу «Geschichte der Russischen Literatur» (Leipzig: Bibliographisches Institut, 1924. S. 499) Лютер посвятил своим профессорам в Московском университете: Н. И. Стороженко,

В. Ф. Миллеру и А. Н. Веселовскому. Степун опубликовал большую рецензию на книгу Лютера в «Современных записках» (1925. № 26. С. 479–482), в которой, не соглашаясь с автором в некоторых частностях, дал очень положительную оценку книги. Говоря об интересе к России в Германии, Степун подчеркивал, что для широкой читающей публики, помимо Достоевского и Толстого, русская литература фактически остается неизвестной и почти недоступной: «Быть может главное значение Лютеровской “Истории литературы” заключается в том, что она убеждающе вскрывает древность, богатство, полноту и многообразность русского духовного творчества, что своими обстоятельными главами о русской песне, былине, о духовном стихе, о заговорах, пословицах, загадках, так же как и большим количеством иллюстраций в тексте и тщательным перечислением громадного количества русских имен решительно пресекает все еще распространенное в Германии представление о России, как о духовной пустыне, неизвестно как и почему вдруг родившей “einen Tolstoi und Dostojewsky”» (с. 480–481). В заключение Степун пишет об авторе: «Такую книгу мог написать только исследователь, проводший большую часть своей жизни в России, кончивший русский университет, бывший в нем доцентом и лично знающий многих представителей современной рус-

ской литературы. Исследование А. Лютера нигде не соскальзывает в то типичное непонимание России, которое сквозит во всех иностранных исследованиях ее духовного облика, как бы они ни были серьезны и обстоятельны» (с. 481).

В собрании *АИШ* сохранилось шесть писем А. Лютера к Иванову-Разумнику: три 1942 г. (14 мая, 9 июня и 4 августа) и три 1946 г. (24 февраля, 10 апреля и 6 мая). В первом письме он отвечает на запрос Иванова-Разумника о возможности печататься в Германии. Его советы Иванов-Разумник повторяет в тексте неотсланного письма Степуну. В этом письме Лютер пишет: «Вас, как литератора, я знаю давно и очень ценю. Ваша “История русской общественной мысли” послужила мне прекрасным пособием при составлении моей “Geschichte der russischen Literatur”». В письме от 9 июня Лютер соглашается взять на себя роль «частного маклера» в деле устройства публикации мемуаров Иванова-Разумника, для чего просит резюме или подробное оглавление и предлагает перевести его на немецкий язык. Однако он не советует начинать полный перевод книги, пока какое-нибудь издательство не заинтересуется изданием, а также упоминает, что две его книги, уже напечатанные, «не могут быть пущены в продажу, т<ак> к<ак> русская культура сейчас считается несуществующей». Письма 1946 г. см. в «Эпiloге».

3. Иванов-Разумник — Ф. А. Степуну

10.XI.1944

Кониц

Многоуважаемый Федор Августович,

что-то около начала июля, месяца четыре тому назад, — а значит, по нынешнему темпу событий, безмерно давно, — ответил я на Ваше письмо, но с тех пор не имел от Вас известий: оттого ли, что Вы не писали, оттого ли, что письма пропали (а это с германской почтой хоть редко, но бывает, чему я сам свидетель). Поэтому сообщаю, что до сих пор нахожусь все в том же пока что тихом Конице, хотя и не уверен, что адрес этот сохранится надолго: это будет зависеть не от меня, а от хода событий. Ряд корреспондентов уже отпал — Алексей Михайлович, Борис Константинович, что-то с ними теперь там творится!¹ Надо полагать, что скоро отпадут и Сергей Порфирьевич, и Альфред Людвигович², как отпали мои друзья и знакомые и в Риге и на Литве.

Война эта, «вторая семилетняя», движется так, что напоминает теорию Льва Толстого в «Войне и мире» о фатальном движении народов Европы сперва с Запада на Восток, а потом обратно с Востока на Запад... Но нынешняя вторая семилетняя война — более широкого размаха: тут обратное движение идет и с Востока, и с Запада, и с Юга, и даже с Севера. А мы оказались спрессованными в центре всех этих приложений сил — положение довольно жуткое и заставляющее вспомнить псалом царя Давида: «Камо бегу от лица Твоего?»...³ И нет ли у Вас под Дрезденом такого места, куда можно было бы, если понадобится, бежать от лица войны? Все-таки Вы на сотни километров дальше от этого лица, чем мы в Конице или Николай Онуфриевич⁴ в Братиславе. Уцелел ли он? Да и вообще — кто из нас уцелеет, когда война начнет подводить свои итоги?

Недавно писал мне знакомый из Зальцбурга, что город переполнен русскими беженцами из Белграда, старыми эмигрантами; прибавляет к этому, что 4 000 их добровольно остались в Белграде, решив покончить с эмигрантским житьем и отдаться на милость большевиков; судьба их, конечно, предрешена. Газеты сообщают, что старые русские эмигранты, четверть века прижившие в Болгарии, уже арестованы там и отправлены в Советский Союз. А если Запад и Восток одоле-

ют Германию, то «отец народов» немедленно потребует выдачи ему на расправу и вас, старых эмигрантов, и нас, новых беженцев...

Но если даже единицы и уцелеют, то когда еще удастся наладить русскую культурную жизнь за границей в том размере, в каком она была до войны, — многие издательства, газеты, «Современные Записки» и т. д. Боюсь, что вся эта линия культуры невосстановима. А между тем нельзя пассивно складывать руки и уцелевшим придется снова начать свою кропотливую работу — в безмерно более трудных условиях, чем это было после первой мировой войны и революции, если действительно свершится та «большевизация Европы», о которой теперь пишут все газеты. Придется ждать решения от третьей мировой войны, которая, надо полагать, неизбежна во второй половине XX века...

Не заглядывая так далеко вперед, хочу спросить о настоящем: кончили ли Вы свою книгу? Русская пословица говорит: «Умирать собирайся, а рожь сей», так и с книгами нашими. На днях я получил от издательства R. Herros'а⁵ для подписи договор об издании (на русском языке) моей книги «Тюрьмы и ссылки», договор подписал, но в высокой степени сомневаюсь, чтобы удалось реализовать издание: в 1945 году не до книг будет.

Но так или иначе — пока почта действует и письма ходят — рад буду узнать, что у Вас все благополучно (в газетах что-то не встречал известий о налетах на Дрезден), что книга Ваша закончена, и что Вы чувствуете себя бодрым и здоровым.

С приветом,
Р. Иванов.

Р. S. Только на днях узнал о смерти Ф.Ф. Зелинского⁶ — еще в мае месяце.

Письмо. Автограф.

¹ Париж, где жили Ремизов и Зайцев, был освобожден от немецкой оккупации союзными войсками в августе 1944 г.

² Постников и Бем оставались в Праге, которая в мае 1945 г. была занята советской армией.

³ Слегка измененная вторая часть стиха 7 псалма 138: «Камо пойду от Духа Твоего? И от лица Твоего камо бежу?»

⁴ О Н. О. Лосском см. примеч. 3 к письму 1 Бема.

⁵ *R. Herros* — возможно, имеется в виду *R. Herros Verlag* — издательство, основанное в середине XIX века в Виттенберге, однако это довольно распространенное имя в немецком издательском деле (так напр. в Байрейте был *Heros-Verlag*), и установить, о каком издательстве идет речь, не удалось.

⁶ *Фаддей Францевич Зелинский* (1859–1944) — филолог-классик, профессор Петербургского (1885–1921), а затем Варшавского университета; в военные годы жил и умер в Баварии. Переводчик на русский язык Софокла. Н. Бахтин в рецензии на французский

перевод книги Зелинского «Древнегреческая религия» писал: «Самый драгоценный дар Ф. Ф. Зелинского славянскому возрождению и русской культуре — это его перевод Софокла, снабженный совершенно исключительными вводными статьями: труд, равного которому не имеет ни одна из европейских литератур» (Ф. Ф. Зелинский // *Звено*. 1926. № 162. С. 4). Библиографию Зелинского см. в номере польского журнала античной культуры Варшавского университета, посвященного столетию Зелинского: *Meander*. XIV. 1959. № 8/9. С. 437–461. О. Дешарт называет Зелинского «старым, верным другом» Вяч. Иванова, который непременно заезжал в Рим из своих поездок на международные научные конференции (см.: Введение // *Иванов Вяч. Собрание сочинений*. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 196).

Архимандрит ИОАНН (ШАХОВСКОЙ)

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (1902–1989) — в миру князь *Димитрий Алексеевич Шаховской*. В 1942 г. — архимандрит, настоятель Свято-Владимирского храма (на Nachodstrasse) в Берлине, благочинный приходов Западно-Европейского Экзархата (митрополита Евлогия) в Германии. В 1915–1916 гг. — лицеист Императорского Александровского Лицея. Свое краткое участие в Белой армии шестнадцатилетним вольноопределяющимся он позднее не расценивал серьезно: «Это было с моей стороны не зрелое дело, а мальчишеское приключение. Мне очевидно должен был быть на мгновение показан ад» (Биография юности. Париж: YMCA-Press, 1977. С. 56). В 1920–1922 гг. студент в Париже, в это же время знакомится с Бунным, Зайцевым, Алдановым и др. писателями. В 1922 г. — студент Лувенского университета в Бельгии. В 1925–1926 гг. редактировал журнал «Благонамеренный» (вышло две книги). Позднее он писал: «Идея религиозного сборника у меня перешла в интенсивную мысль о журнале русской литературной культуры. <...> “Благонамеренный” стал данью чистой литературе. И России, конечно. В эти годы мы не только думали о России, а жили ею» (там же. С. 75 и 76). В этом же первом томе автобиографии напечатана переписка Шаховского-редактора с писателями, сохранившаяся в архиве его матери. З. Гиппиус дала уничтожающую рецензию на журнал, рассматривая его как пример «эстетического сменовеховства». Главным объектом ее нападок в этой статье является Д. П. Святополк-Мирский, в ее классификации «обманывающий». Цветаеву она относит к «обманутым», Ремизова обвиняет за «содействие разложению» и не возлагает ответственности на редактора, не считая его роль значительной (см.: *Антон Крайний. Мертвый дух // Голос минувшего на чужой стороне*. Париж, 1926. № 4 (17). С. 257–266). В своей книге об эмигрантской литературе Глеб Струве отозвался о журнале более положительно: «“Благонамеренный” называл себя “журналом литературной культуры”, и при всей слабости своей теоретической позиции он дал в двух номерах матери-

ал литературно доброкачественный и культурный» (Русская литература в изгнании. С. 62). Сам Шаховской писал много лет спустя в «Биографии юности»: «Я не представлял себе, сколь много подводных камней <...> таит в себе литературный мир и как сложно редакторское дело. Но редакторству своему литературному я обязан многим. Оно обострило во мне любовь к русскому слову и углубило понимание того, чему должно служить человеческое слово» (с. 84).

Весной 1926 г. Шаховской уехал на Афон, где принял монашеский постриг. (Описание духовного процесса, приведшего его к монашеству и служению Церкви, см. в «Биографии юности».) Марина Цветаева, один из авторов «Благонамеренного», писала 20 июля своему чешскому другу Анне Тесковой: «Знаете ли Вы, что редактор “Благонамеренного”, Шаховской (22 года) на днях принимает послух на Афоне. (Послух — послушник — идет в монастырь). Чистое сердце. Это лучше чем редакторство...» (Письма к Анне Тесковой. Praha: Academia, 1969. С. 42). По возвращении с Афона Шаховской поступил в Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже, но вскорости уехал в Югославию, где начал свое священническое служение в г. Белая Церковь (1927–1931), откуда вернулся в Париж в 1931 г., и до назначения в Берлин занимался миссионерской работой (организация прихода в пригороде Парижа Аньере). В Югославии о. Иоанн начал издание однодневной газеты «Борьба за Церковь» (1931), продолженное в Берлине как бюллетень «За Церковь. Борьба за православное духовное восстановление» (1932–1936). Причиной перехода о. Иоанна из юрисдикции Архиерейского Синода (Карловацкой) в юрисдикцию Западно-Европейского Экзархата (митрополита Евлогия) была его принципиальная и последовательная позиция борьбы — как священника, епископа и церковного писателя — против политизации Церкви. Об этом периоде его жизни и деятельности см. его автобиографическую книгу «Вера и достоверность» (Париж, 1982).

О. Иоанн был назначен в Берлин настоятелем храма Св. князя Владимира, где служил с февраля 1932 по февраль 1945 г. О берлинском периоде служения рассказано в очерке «Город в огне» (Письма о вечном и временном. Нью-Йорк, 1960. С. 7–53; см. также: *Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский*. Избранное / Сост. и автор вступ. ст. Ю. Линник. Петрозаводск: Святой остров, 1992. Статьи о. Иоанна 1930-х и начала 1940-х гг. вошли в кн.: Листья древа. Опыт

духоведения. Нью-Йорк, 1964). В годы войны главным событием для православного священника-эмигранта была «встреча с Россией», то есть с русской молодежью, вывезенной из оккупированных областей России на работу в Германию. Эти русские люди, так называемые «остовцы» (разговорное производное от Ostarbeiter — «восточный рабочий»), переполняли храм. В том же очерке повествуется о трудностях, чинимых германскими властями о. Иоанну в его попытках посещений лагерей русских военнопленных, о запрещении издательской деятельности, о конфискации архива и т. д. (Еще в 1938 г., по-видимому, рекомендовалась высылка его из Германии: «Иеромонах Иоанн особенно в последнее время вносит беспокойство в среду здешней русской эмиграции своими подчеркнуто дружественными евреям взглядами и поступками» (цит. по: *Никитин А. К.* Этапы и методы унификации русской православной общины в Германии в 1935–1939 годах // *Русская эмиграция в Европе. 20-е–30-е годы XX в.* М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. С. 138). В статье опубликованы документы из германских архивов министерства науки, искусства, воспитания и народного образования, министерства церковных дел Германии и Гестапо, находящихся в Москве в Центре хранения историко-документальных коллекций — ЦХИДК.)

Архимандрит Иоанн покинул Берлин 5 февраля 1945 г. и до конца войны жил в Баварии, в имении князей Лейхтенбергских. Имея французский паспорт, при первой возможности после окончания войны уехал в Париж. Получив вызов (affidavit) от Игоря Сикорского, в январе 1946 г. уехал в США (во Флориду, с остановкой на Кубе). В 1946–1947 гг. был настоятелем Свято-Богородицкого храма в Лос-Анджелесе, в 1947 г. был возведен в сан епископа с титулом Бруклинского, а в 1950 г. назначен на Сан-Францисскую кафедру, где оставался до выхода за штат в 1979 г.

Начиная с 1948 г., в течение почти сорока лет архиепископ Иоанн передавал по «Голосу Америки» свои еженедельные «Беседы с русским народом». Часть радиобесед вошла в его книги «Книга свидетельств» (Нью-Йорк, 1965) и «Московский разговор о бессмертии» (Нью-Йорк, 1972).

В собрании *АИШ* находится переписанный рукою Иванова-Разумника текст очерка о. Иоанна «Свидание с советскими летчиками», напечатанного в газете «Возрождение» (1937. 15 окт. № 4101). Встре-

ча, описанная в этом очерке, — это еще один пример поисков эмигрантами встреч с русскими людьми и попыток найти знакомые черты за чуждой советской внешностью. Самое важное в своих впечатлениях от этих свиданий с тремя пленными русскими летчиками в испанской тюрьме о. Иоанн определяет так: «Главное то, что можно было бы передать словами стихотворения Пушкина о картине, замалеванной “художником-варваром”, с которой эти варварские краски спадают ветхой чешуей, и обнаруживается картина гения... <...> Верую <...> в ниспадение “ветхой чешуей” варварских красок марксистского материализма с души русского человека» (здесь имеется в виду стихотворение Пушкина «Возрождение», 1819, напеч. в 1828 г.).

Архимандрит Иоанн был единственным из корреспондентов Иванова-Разумника в 1942 г., с кем он встретился. В ЗК Иванов-Разумник записывает под 25 августа: «Вчера вечером приехал арх<имандрит> Иоанн. Были “на приеме” у о. Иоанна между 1–2 час. дня, а вечером, 7–8 ½, проводили его в город и ужинали с ним в гостинице. Подарили ему альбом сирийских икон. Милое впечатление от сердечного и искреннего человека». В ЗК также отмечена отправка писем о. Иоанну 20 июля («отправил большое письмо арх. Иоанну»), 24 сентября и 10 октября, а СП добавляет к этому открытку от 4 августа и письмо от 23 декабря. Письма Иванова-Разумника не сохранились, так как архив о. Иоанна сгорел в его квартире в Берлине во время бомбардировки 28 ноября 1944 г. (см.: Город в огне. С. 34). СП, в добавление к публикуемым ниже, отмечает письмо от архим. Иоанна от 19 октября и 31 декабря («письмо и стихи»), не сохранившиеся в собрании АИШ. После окончания войны Иванов-Разумник пытался разыскать адрес архим. Иоанна. В собрании АИШ сохранилась открытка от 30 марта 1946 г., посланная в Рендсбург на имя В. Н. Ивановой из русской православной церкви в Гамбурге, с ответом на запрос об адресе архим. Иоанна в США. Письма архим. Иоанна Иванову-Разумнику опубликованы в сб.: Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 160–168 (вступ. зам., публ. и примеч. Е. А. Голлербаха и Ж. Шерона).

1. Архимандрит Иоанн — Иванову-Разумнику

11.VI.1942

Сердечно приветствую Вас. Простите, не знаю Вашего имени-отчества... Ваш приезд — приезд сюда первого настоящего *литературного человека* из страны нашей. Очень хотелось бы повидать Вас, напишите, пожалуйста, долго ли останетесь еще в лагере и, если отъедете оттуда, то — куда?.. Какие планы работы имеете? Простите, что спрашиваю Вас об этом, но м<ожет> б<ыть> могу Вам быть чем-либо полезен... Как-либо...

Я сейчас на отдыхе (по некоторой «немощи естества»), но всегда живу в Берлине, являясь настоятелем одной берлинской правосл<авной> церкви¹. До священства я имел некоторое отношение к русской литературе²; после священства — сконцентрировал свой интерес на религиозной русской литературной культуре. Характер этого интереса Вы увидите из некоторых изданий, кот<орые> Вам пришлют из Берлина³.

Мне весьма было бы интересно узнать от Вас, — можно ли думать, что в Сов<етской> России есть (подспудный, конечно) материал, могущий быть ценным для... «Летописи»?.. Из-за войны сейчас здесь ничего такого издавать нельзя, но при первой возможности хотелось бы перенести издание этого журнала в Россию, м<ожет> б<ыть> в милый Петербург, если от него что уцелеет (покинул его давно, до сна султана Махмуда, в 1917 г. — еще юношей). Или — в Москву...⁴

Скажите, что с Анной Ахматовой; последн<ие> сведения были о ней, что бедствовала очень, чуть ли не у няньки где-то жила⁵.

Зарубежн<ые> главные писательские силы были во Франции. Бунин, очень выросший в эмиграции, но до «какой-то точки» только дошедший (сейчас, слышно, на юге, в Грассе), Шмелев, Зайцев (все тот же!), Ходасевич (скончался), Мережковский (совсем недавно умер); Зинаида Ник<олаевна> — где-то в неоккупир<ованной> Франции...⁶ Верно ли, что покончила с собой вернувшаяся недавно в С.С.С.Р. Марина Цветаева?⁷ Что случилось со Святополк-Мирским (б<ывший> сотрудник мой)⁸, из «левых евразийцев» сделавшийся «национал-большевиком» (в стиле А. Н. Толстого, немного)? Кое-кто «канул» в С.С.С.Р. (кончая М. Цветаевой)... Не думаю, чтобы выплыл там надолго... Бальмонт где-то во Франции в психиатрической больнице (и в

совершенной нищете)...⁹ Ремизов с женой¹⁰ в Париже был все время... Вот неск<олько> имен. М<ожет> б<ыть,> Вы о ком и не знали.

Сердечно чтущий Вас,
Архим. Иоанн.

С семьей ли Вы или один?

Письмо. Автограф по старой орфографии. Над текстом адрес отправителя: «z. Z. Archimandrit Iohann (Schakhovskoy), b/ M. Vogl. Mattighofen, ob/Donau», а на последней странице приписка рукой Иванова-Разумника: «К письму было приложено: 5 конвертов, 5 ли<стов> почт<овой> бумаги, 16 почт<овых> марок по 6 Pf<ennig>» над припиской о. Иоанна: «Простите, что вкладываю этот пустяк, но теперь (и особенно в лагере) не так легко достается даже пустяк. А. И.».

¹ Церковь Св. князя Владимира в юрисдикции Западно-Европейского Экзархата (митрополита Евлогия).

² До принятия монашеского пострига Шаховской опубликовал три небольших книжечки стихов: «Стихи» (1923), «Песни без слов» (1924) и «Предметы» (1926). О редактировании журнала «Благонамеренный» см. вступ. заметку.

³ После запрещения германскими властями в 1936 г. издания «За Церковь» о. Иоанн выпустил две книги сборника «Летопись: Орган Православной культуры». Даты на сборниках не обозначены, предположительно 1937–1941 гг. В редакционной заметке к первой книге о. Иоанн писал: «Православная культура есть для нас то, что истинно направлено к осолению мира и человека. <...> Православная культура есть легкая и тихая поступь в мире, божественное, синтетическое единство знания и веры». 11 июля Иванов-Разумник записывает в ЗК: «Посылка от архим. Иоанна: две па-

ратно изданные книги (“Летопись” и о Л. Толстом)». Книга «Толстой и Церковь» (Берлин, 1939) вошла в т. 4 избранных сочинений архиепископа Иоанна под названием «К истории русской интеллигенции: Революция Толстого» (Нью-Йорк, 1975). В предварительной заметке автор отмечает: «Обстоятельства войны и последовавшая конфискация Гестапо моего книжного склада воспрепятствовали распространению книги».

⁴ Здесь архим. Иоанн предвосхищает идею так называемого тамиздата, то есть издание за границей авторов из СССР, что осуществилось много лет спустя публикацией диссидентской литературы, в том числе книг Солженицына. Перенесение эмигрантских изданий в Россию проводилось в частности «Вестником РСХД», печатавшим авторов эмигрантских и живших в СССР под одной обложкой, а с № 112/113 (1974) указывавшим местом публикации, кроме Парижа и Нью-Йорка, также и Москву.

⁵ Об А. А. Ахматовой см.: Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1; Лукницкий П. Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–1925 гг. Paris: YMCA-Press, 1991; а также примеч. к письмам Г. Иванова.

⁶ З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский уехали из Парижа в Биарриц (занятый немцами через две недели после Парижа) в июне 1940 г., где оставались до сентября 1941 г., затем вернулись в Париж. См.: Гиппиус З. Год войны (1939): Дневник // Наше наследие. 1993. № 28. С. 33–68; а также: Злобин В. Тяжелая душа.

⁷ О самоубийстве М. И. Цветаевой см. примеч. 12 к письму 4 Бема.

⁸ Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939) напечатал в «Благонамеренном» статьи «О нынешнем состоянии русской литературы» (№ 1. С. 90–97) и «О консерватизме. Диалог» (№ 2. С. 87–93), а также в первом номере журнала рецензии на «Рассказы» Бабеля, «Шум времени» Мандельштама, «Рассказы» Пастернака и «Города и годы» Федина. О возвращении Святополк-Мирского в СССР и его дальнейшей судьбе см. примеч. 1 к письму 2 о. Иоанна.

⁹ О К. Д. Бальмонте см. письмо 1 Зайцева.

¹⁰ См. письма А. М. и С. П. Ремизовых в наст. изд.

2. Архимандрит Иоанн — Иванову-Разумнику

27.VI.1942

Глубокопочтимый Разумник Васильевич,

Хоть и непривычно мне так именовать русского человека (все кажется, что фамилию вместо имени поставил), однако — послушание матерь всех добродетелей, а иноческие правила говорят: «послушание имей ко всем»...

Спасибо за письмо, очень было приятно получить его и узнать, хотя и грустные вести, но все же — правду. О ссылке Святополк-Мирского мы за границей имели сведения, а о кончине его я, лично, узнаю впервые¹. В нем был, как в литер<атурном> критике, талант смелости мысли (подчас, впрочем, несколько снобистической). Не мог вынести своего «изгнания», не мог осознать его духовного смысла, хотя все было ему дано за рубежом, чтобы осознал он смысл блюдения свободной русской культуры. Его влияние, и среди молодых, и даже немолодых сил литературных, было выше, даже, его «роста», а среди литературных кругов туманного Альбиона он был чуть ли не лучшим специалистом и даже «критериологом» в области русской литературы². Не только открыва-

лись пред ним перспективы, но он уже «ступал» по этим перспективам... М<ожет> б<ыть> здесь Анна Радлова³ сыграла свою роль (не в двойном ли смысле, роль; но боюсь это утверждать). Просто прошла пора эмиграционной весны, буйного цветения русских сил в Европе, наступали будни труда и терпения, в борьбе за русскую правду, а к этому времени подоспело «сталинское цветение» всеми цветами радуги «национальной»... Многие тогда ушли, изменив *здешнему* своему делу и никогда не дойдя до *тамошнего* своего дела. Цветаева была м<ожет> б<ыть> последней («довоенной») жертвой этого и, конечно, только чрез своего мужа, как-то замешавшегося в проказы нелегальные легальных представителей С.С.С.Р. во Франции. После бегства С<ергея> Я<ковлевича> из Франции (сейчас же вслед за похищением Миллера⁴) ее положение стало очень трудным и двусмысленным... Тоже, не смогла «перетерпеть»; но уже без всяких «снобистических» идеологий⁵.

Впрочем, простите, что я Вас, соловья, стал сразу кормить баснями. Ведь надо же о «деле» поговорить, которое в значительной мере определяет Ваше «пение».

Комнату на месяц я смогу Вам предоставить. Когда приедете, прямо можете прибыть на мою берлинскую квартиру, и, буде меня там не было бы, прошу Вас обратиться к моему секретарю Серг<ею> Степ<ановичу> Любимцеву⁶. Он будет в курсе дела и устроит Вас с супругой Вашей, по возможности вместе (в крайнем случае на разных квартирах). Вл<адимиру> Мих<айловичу> Деспотули⁷ прямо можете сослаться на приглашение мое. Сейчас, думаю, самое главное Вам в Берлин попасть и самому всюду побывать, где надлежит.

Не удивляюсь, что Блюменталь-Тамарин как бы «расцвел» здесь скорее Вашего. Есть разные травы: «буйно» растущие и — не столь. Вы из «не столь»; и я бы не жалел, на Вашем месте, об этом. Хотя, вообще говоря, жаль, — Ваша книга гораздо сильнее ударила бы по большевизму, чем его «Записная книжка»⁸. Вот Вы упомянули о заглавии Вашей первой статьи, выдуманном редакцией «Н<ового> Слова»⁹. Надо было испортить хоть одну строку, чтобы статья сразу получила свою настоящую, «динамическую» цену... Испортить редакция десять строк в этом духе, статья выиграла бы еще в десять раз для некоторых, не столь ценителей, сколь — «объектов» слова.

Думаю, все же, что мы с Вами лучше столкуемся, чем Герцен с Печериным¹⁰, м<ожет> б<ыть> оттого, что время какое-то сейчас па-

радоксальное, не похожее ни на что. А м<ожет> б<ыть> и по другим причинам. За 22 года своей эмиграции мы не разучились быть ни русскими «всечеловеками», ни просто русскими людьми... И национальное горе дает еще большую глубину нашим чувствам (даже тех из нас, кто родился за пределами географическими своей страны).

А что касается Церкви, то из «Летописи» Вы усмотрите один из аспектов нашего «зарубежного Православия». Многие из нас научились понимать и любить Церковь в ее подлинной сущности, — не эстетически, не как «душевное» воспоминание о детстве и родине, и не как средство для достижения каких-либо — хотя бы самых высоких в мире — целей...¹¹

Но, простите, я кажется опять вошел в «крыловское творчество» пред — соловьем. Возвращаюсь к «клетке соловьиной»...¹² Вряд ли ранее середины июля я возвращусь в Берлин, а сейчас даже из местечка Mattighofen уехал и живу уже совсем отшельником, один в уединенном домике в расселине горы зеленой, пред снежными вершинами. И отсюда никак не подать рукой — даже мышиною лапкой — до сети Льва¹³.

Но — подам рукой до Берлина — Regensburgerstr. 10 A, своей квартиры и попрошу Вам выслать бумаги (это теперь редкость) и *поискать* «вечное перо», чтобы продержалось хоть до... половины нового погружения Султана Махмуда, т. е., значит, вероятно еще недельки две — хотя бы. Но перо, это уже совсем большая редкость, и его надо искать м<ожет> б<ыть> больше двух недель... Но секретарь мой постарается найти¹⁴. Пока же посылаю из своего отшельнического провианта немного бумаги и конвертов, а кстати и марок.

К пункту 1 нужд Ваших («Im geringen <по крайней мере. — Нем.>») м<ожет> б<ыть> еще относится нужда в средствах для передвижения. *На всякий случай*, я вкладываю в этот конверт (в чеке) сумму приблизительной стоимости проезда двух лиц от Konitz'а до Берлина. Если Вам не понадобится этот чек, Вы мне его просто в Берлине вернете. А если понадобится, то вернете мне, или кому-либо нуждающемуся, после окончания всяких снов... и просонков Махмуда.

Шлю сердечное приветствие Вашей супруге.

Искренно чтущий Вас,
Архимандрит Иоанн.

До десятых чисел июля: per Jäger Hofbauer, in Voglau. Post Abtenau. Land Salzburg.

После: Berlin W50, Regensburgerstr. 10A.

Не знаю, как бы *перелить* к Вам в лагерь то, что вижу, среди чего нахожусь!.. Вкладываю белый цветок, для супруги Вашей, и белый листок для Вас: «Кусочек воздуха».

Горный лес

Сосны и ели,
Как люди, ползли по стремнинам,
К небу и солнцу, в порыве едином.
Словно подняться хотели
К чистым вершинам.
Крепко цепляясь корнями за белые камни,
Землю хотели поднять с ее прожитыми веками.
Войско зеленое — светом весенним залито.
Вверх, по граниту,
В едином стремленье,
Двигутся светлые тени.

27.VI.1942. Горы, близ Зальцбурга¹⁵

Заказное письмо. Автограф.

¹ Д. П. Святополк-Мирский получил советское гражданство благодаря помощи Горького (см. его письма Горькому: D. S. Mirsky to Maksim Gor'ky: Sixteen Letters (1928–1934) / Ed. by O. Kaznina and G. S. Smith // Oxford Slavonic Papers. New Series. Oxford, 1993. Vol. 26. P. 87–103); вернулся в СССР в сентябре 1932 г., арестован 3 июня 1937 г., умер в лазарете в лагере около Магадана 6 июня 1939 г. Существует несколько версий его смерти. Автор статьи о Мирском в словаре «Писатели русского зарубе-

жья» (М., 1997) Т. Н. Красавченко указывает дату его смерти так: «6.VI.1939, Магадан; 1946? 1952?» (с. 267). В этой же статье приводятся разные мемуарные версии. См. также: Перхин В. В. Одиннадцать писем (1920–1937) и автобиография (1936) Д. П. Святополк-Мирского: К научной биографии критика // Рус. литература. 1996. № 1. С. 235–262, здесь — анализ версий смерти; автор подтверждает дату 1939 г. Во второй части очерка «Погибшие» (см. наст. изд., приложение I, 6) Иванов-Разумник

упоминал 1939 или 1940 г., как год его смерти. Обстоятельства смерти Мирского долгое время оставались неизвестными и в ответ на запрос Г. П. Струве Ю. Г. Оксман, являющийся также источником информации Иванова-Разумника, отвечал: «Вы спрашиваете подробностей о Д. П. Мирском. Знаю очень мало о нем (по рассказам тех, кто был с ним), хотя мы были одно время на соседних приисках по большой Магаданской трассе. Он был глубоко подавлен всем, что с ним произошло после ареста его “попечителей” — Ягоды и Авербаха (Горький умер раньше). Он бесконечно скорбел по поводу своего перехода в новую веру и приезда в Россию, проклинал коммунизм, издевался над своими иллюзиями. Много говорил о своих планах истории русской поэзии (он верил, что останется жить). Умер он мучительно — от пеллагры особой формы. <...> Под конец жизни, до болезни, он работал ночным сторожем при каких-то мастерских. Судьба его бумаг в Москве неизвестна. На Колыме же — все бумаги умерших уничтожались» (Письма Оксмана к Струве. С. 38–39). Есть воспоминания о Мирском в Москве в книге Г. Н. Мунблита «Давние времена» (М., 1982). Упоминая об аресте Мирского в 1937 г., Мунблит пишет: «Мирский был одинок, нелюдим, замкнут, у него не было в Москве настоящих друзей» (с. 49). В СССР, кроме множества других работ, Мирский составил первую на русском языке «Антологию новой английской поэзии», которая вышла в 1937 г., но с указанием другого имени: «предисловие и комментарии М. Гутнера».

² Д. П. Мирский — автор истории русской литературы на англий-

ском языке «A History of Russian Literature» (1926) и «Contemporary Russian Literature» (1927), вышедшей в сокращенном варианте в 1949 г. в одном томе под ред. проф. Francis J. Whitfield и выдержавшей несколько изданий. Написанная содержательно и сжато, эта книга на десятилетия стала стандартным учебником по русской литературе в англоязычных университетах. См. библиографию его работ: D. S. Mirsky: Profil critique et bibliographique / Par Nina Lavroukine et Leonid Tchertkov. Paris: Institut d'études slaves, 1980; а также: *Mirsky D. S. Uncollected Writings on Russian Literature* / Edited, with an Introduction and Bibliography by G. S. Smith. Berkeley, 1989. (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 13).

³ Анна Дмитриевна Радлова (урожд. Дармолатова, 1891–1949) — поэтесса и переводчица, с 1914 г. жена режиссера С. Э. Радлова. См.: Радлова А. Богородицын корабль. Крылатый гость. Повесть о Татариновой / Публ., предисл. и примеч. А. Эткинда. М., 1997; а также: Эткинд А. Хлыст. Секты, литература и революция. М., 1998. С. 530–556. Во время войны, находясь с театром на гастролях на Кавказе, Радловы попали под немецкую оккупацию, в 1944–1945 гг. находились во Франции, по возвращении в СССР были отправлены в лагерь, Радлова умерла, не выйдя на свободу. Что подразумевает архим. Иоанн под «ролью» Радловой в деле возвращения Мирского в СССР, неясно, знакомы они были, как видно, еще с дореволюционных времен. В 1925 г. Радлова ездила за границу на лечение. С 2 июля по 6 октября она находилась за границей, главным образом во Франции.

См.: Радлова А. Путешествие по Франции: 1925 / Публ. К. Н. Левиной и А. Л. Дмитренко // Минувшее. 1998. № 23. С. 533–560. Хотя Мирский не упоминается в ее письмах из Франции, некоторые имена и инициалы в ее письмах зашифрованы. В книге «Русские в Англии», где отдельная главка посвящена возвращению Мирского в СССР, О. Казнина цитирует письмо Мирского от мая 1934 г. о переезде в квартиру Радловых на улице Горького в Москве: «Комната хуже <...> и соседнюю занимает дама, переводящая Шекспира, у нее два мужа: один мой старый приятель, который строит железную дорогу в Башкирии, другой ее муж не строит железных дорог, но ставит драмы, он только что поставил “Ромео и Джульетту” в ее переводе. <...> К счастью, мадам в основном живет в Ленинграде и приехала сюда только из-за “Ромео и Джульетты”» (Русские в Англии. М., 1997. С. 149). О втором муже Радловой, *Корнилии Павловиче Покровском* (1891–1938), друге юности Мирского, покончившем самоубийством в 1938 г., см.: Кузмин М. Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Гл. Морева. СПб., 1998, по указателю; там же предсмертные письма К. П. Покровского к А. Д. и С. Э. Радловым (с. 381–383); см. также: *Богомоллов Н. А.* Михаил Кузмин осенью 1907 года // Лица: Биографический альманах. 1994. № 5. С. 424–443.

⁴ Муж Марины Цветаевой — *С. Я. Эфрон* (1893–1941) — бежал из Франции 10 октября 1937 г. в связи с расследованием убийства невозвращенца Игнатия Рейсса, происшедшего 4 сентября в Швейцарии. *Евгений Карлович Миллер* (1867–1937) — офицер

Генерального штаба, генерал; в 1919–1920 гг. возглавлял Белую армию на Северном фронте (см.: *Миллер Е.* Борьба за Россию на Севере 1918–1920 гг. // Белое дело: Сб. Берлин, 1928. № 4. С. 5–11). После похищения генерала Кутепова в 1930 г. возглавил Русский общевоинский союз. 22 сентября 1937 г. был похищен агентами НКВД при содействии одного из ближайших сотрудников по РОВС’у, генерала Н. В. Скоблина. См.: *Прянишников Б.* Незримая паутина. Silver Springs, MD, 1979. Переизд.: *Прянишников Б.* Незримая паутина: ВЧК-ГПУ-НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993; *Бурцев В. Л.* Большевицкие гангстеры в Париже: Похищение генерала Миллера и генерала Кутепова. Париж, 1939; *Краевский Б.* Похищение генерала Е. К. Миллера // Вестник РХД. 1998. № 178. С. 159–174 (по архивным материалам, перепечатка из № 2 журнала «Дворянское Собрание» за 1995 г.).

⁵ Об обстоятельствах возвращения М. И. Цветаевой и ее мужа С. Я. Эфрона в СССР см.: *Кудрова И.* Гибель Марины Цветаевой. М., 1995.

⁶ *Сергей Степанович Любимцев* был секретарем архим. Иоанна в Берлине. После войны жил в Мюнхене, где заведовал издательским отделом православного дома «Милосердный самарянин», затем жил в Норвегии и США, где и умер. Здесь обсуждается один из вариантов выхода из лагеря для Ивановых: поездка в Берлин и личные хлопоты о разрешении.

⁷ Редактор «Нового слова». См. о нем примеч. 14 к вступ. статье.

⁸ О *В. А. Блюменталь-Тамарине* см. примеч. 9 к черновику письма 2 Иванова-Разумника Степуну.

⁹ «Хожение над бездной», см. примеч. 10 к письму 2 Иванова-Разумника Степуну.

¹⁰ *Владимир Сергеевич Печерин* (1807–1885) — профессор классической филологии Московского университета, последователь утопического социализма, покинул Россию в 1835 г., в 1840 г. принял католичество, был членом католического ордена редемптористов, в 1843 г. стал священником. С конца 1840-х гг. жил в Англии и Ирландии. Встрече с Печериным в Англии посвящена глава «Pater V. Petcherine» в «Былом и думах» (ч. 7, гл. 6), куда Герцен включил кроме описания их встречи в 1853 г., письма, написанные после этой встречи (3 письма Печерина и 2 Герцена). Поэма-мистерия Печерина «Торжество смерти» (1833) была включена Герценом и Огаревым в сборник «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861). В 1860–1870-е гг. Печерин написал свои мемуары «Замогильные записки». В книге «Жизнь В. С. Печерина» (М., 1910) М. Гершензон посвятил одну главу, «Печерин и Герцен», их краткой встрече и переписке, в которой, по словам Гершензона, оба корреспондента крайне заострили свои взгляды и тем самым усилили расхождение между идеалистическим и материалистическим мировоззрением.

¹¹ Ср.: «В своем мышлении сейчас мы исходим из непреложного для нас положения духовной подчиненности государства с его кругом земных задач — Церкви <...>. Сложность и недовыясненность вопроса “Церкви и политики” заключается именно в этом... Трудность была бы не так остра, если бы общество церковное было обществом церковно мыслящих

людей. Но сейчас Церкви в своей ограде приходится укрывать многих, укрывшихся в ней от тяжести жизни, или в блюдении святости воспоминаний детства, или переживания России — но не проникнутых всею важностью союза своего с Богом <...>. Какова же задача Церкви в этом веке? — Не поработаться политикой, но поработать ее, стоять над ней, стоять над всякой социальной формой мира, не связывать глубин своего бытия ни с одной, но поработать духу своему всякую» (из статьи архим. Иоанна «Церковь и политика: Психология мнимых разделений Церкви», напечатанной в первом выпуске однодневной газеты «Борьба за Церковь». Цит. по отзыву в газете «Россия и славянство», перепечатанному в кн. «Вера и достоверность», с. 238).

¹² 23 июня Иванов-Разумник записывает в ЗК: «День потрясающего события! <...> Утром получили громадную (в пол-пуда) посылку из Берлина от имени архим. Иоанна (находящегося на Дунае). В посылке оказались консервы разного рода, сухари, мыло и тому подобные драгоценности. Мы с Варей не могли прийти в себя от изумления. Очень были тронуты».

¹³ Имеется в виду басня Крылова «Лев и Мышь».

¹⁴ В собрании *АИШ* сохранилась записка Иванову-Разумнику от С. С. Любимцева (от 6 июля 1942 г.): «По поручению о. Архимандрита Иоанна посылаю Вам бумагу. Самопишущее перо, к сожалению, теперь невозможно купить. Если случайно мне удастся перо достать, я Вам вышлю».

¹⁵ 3 июля в ЗК отмечено: «Посылка от архим. Иоанна — бумага и кон-

верты. Большое письмо от арх. Иоанна, засушенный цветок ромашка с гор

Зальцбурга — Варе, стихи — мне, чек на 60 RM — нам».

3. Архимандрит Иоанн — Иванову-Разумнику

17.VIII.1942

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич,

Надеюсь, что комиссия и прочее начальство позволит Вам устроить Ваши дела в Берлине, как Вы желаете. Если это будет иметь место, — пожалуйста предупредите нас... М<ожет> б<ыть,> после августа я опять отъеду, на нек<оторое> время, из Берлина к югу, и потому это предупреждение лучше всего пошлите на имя Любимцева, по моему адресу (он в курсе дела), если освободитесь после 1 сент<ября>.

Спасибо за Ваши благопожелания. Слава Богу, я чувствую себя неплохо... Надеюсь вскоре повидать Вас.

Сердечно чтущий Вас *А. Иоанн*.

Письмо. Автограф чернилами. На бланке Сестричества прихода Св. Владимира: «Schwesterschaft namens der hlg. Fürstin Olga. Berlin. Nachodstrasse 10». Ручкой архим. Иоанна приписан его домашний адрес: «Regensburgerstr. 10A».

РУССКАЯ ПРАГА

Кроме разнородного состава самой эмиграции значительную роль в различиях между русскими эмигрантскими центрами играли страна, государственная политика по отношению к эмигрантам, окружающая среда и культура, язык, а также и город. В случае Праги это было особенно заметно.

Русские эмигранты, попавшие в Прагу, оказались в столице нового демократического государства, причем государства славянского. Правительство Томаша Масарика помогало русской эмиграции путем государственного учреждения так называемой «Русской акции», в рамках которой оказывалась регулярная финансовая помощь (стипендии) студентам и ученым. В первые годы после Гражданской войны это было определяющим фактором в выборе места жительства для многих представителей эмигрантской молодежи, чье образование было прервано войной, а также для ученых, разными путями оказавшихся за границей. «Русская акция» дала возможность организовать в Праге многочисленные русские научные и учебные заведения¹.

Хотя высланные из советской России в 1922 г. ученые и философы сначала попали в Берлин, многие из них скоро оказались в Праге, как, например, Н. О. Лосский и И. И. Лапшин². В Прагу же из Константинополя приехал о. Сергей Булгаков, позднее переехавший в Париж. В 1922 г., в рамках «Русской акции», была переведена в Чехословакию из Константинополя русская гимназия с учениками, преподавателями и персоналом. Гимназия обосновалась в Моравской Тржебове, в бывшем лагере военнопленных, и существовала до середины 1930-х гг., когда оставшиеся ученики были переведены в гимназию в Праге³. Особое положение занимал так называемый Кондаковский семинарий (*Seminarium Kondakovianum*), в дальнейшем Кондаковский институт, основанный *Никодимом Павловичем Кондаковым* (1844–1925), византологом с мировым именем, приглашенным в Прагу президентом Чехословацкой республики Масариком. *Seminarium Kondakovianum* вел научную работу по византологии и публиковал

работы своего основателя и участников семинара. В своих воспоминаниях (То, что вспоминается: В 2 т. Таллинн, 1996) Н. Е. Андреев, во время войны исполнявший обязанности директора Кондаковского института, уделяет много места истории его организации, включая характеристики участников семинария, а также подробности существования института во время войны⁴.

Главу «Русская Прага» Н. Е. Андреев начинает с перечисления разных «центров» среди русской эмиграции в Праге. Он справедливо отмечает роль Русской православной церкви во главе с епископом Сергием (Королевым), выделяя как ее особенность, редкую в эмиграции, отсутствие юрисдикций и личную исключительность епископа, обладавшего редким даром объединять людей⁵. Среди других «центров» Андреев упоминает «Русский очаг», организованный гр. С. В. Паниной, до революции — основательницей Народного дома в Петербурге. В Очаге, как и при Земгоре, была библиотека, столовая, а также залы для заседаний. Союз русских писателей и журналистов, существовавший в Праге в 1920-е и 1930-е гг., не только объединял литераторов, но и выдавал небольшие пособия нуждавшимся членам Союза. В Праге было четыре русских квартирных кооператива⁶.

О русской Праге написано немало мемуаров. Отметим уже упоминавшиеся мемуары Н. Е. Андреева, приехавшего из Эстонии студентом в 1927 г. и остававшегося там до конца войны и занятия Праги советской армией, когда, уже в качестве исполняющего обязанности директора Кондаковского института, он был арестован и вывезен из Праги. В его воспоминаниях Праге посвящена последняя часть первого тома, озаглавленная «Чехословакия», а также большая часть второго тома⁷. О Праге писал также Н. С. Арсеньев, посвятивший замечательные страницы самому городу и некоторым общественным деятелям эмиграции⁸. Воспоминания С. Г. Пушкарева, историка и ученика Г. В. Вернадского, хотя были написаны им в поздние годы жизни и иногда не точны в деталях, тем не менее сообщают много ценной информации⁹. Большой вклад в сохранение памяти о русской эмиграции в Чехословакии сделали отец и сын Лосские¹⁰.

В последние годы появились новые работы о русской Праге, основанные в большой степени на архивных материалах. Отметим в первую очередь сборник (в двух книгах с одной пагинацией) докладов, прочитанных на международной конференции, состоявшейся в

Праге в августе 1995 г.: Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя войнами: Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов. Прага, 1995 (далее: «Пражский сборник»). «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940» (В 2 кн. М., 1994; далее: «Культурное наследие») включает ряд работ, посвященных эмиграции в Чехословакии: «Литературная деятельность русской эмиграции в Чехословакии» Л. Белошевской (кн. 2), «Русская реальная гимназия в Моравской Тржебове» А. Копрживовой-Вуколовой (кн. 1) и др.

* * *

В Прагу Иванов-Разумник написал сам еще до публикации объявления с его адресом в «Новом слове» от 15 апреля. В ЗК он записал 26 марта, что из объявлений о лекциях в «Новом слове» от 1 марта он узнал адреса И. И. Лапшина и А. Л. Бема, прибавляя: «Напишу обоим. Какое все это *plusquamperfectum*!» Его три пражских корреспондента, Е. А. Ляцкий, А. Л. Бем и С. П. Постников, были людьми разных поколений: Ляцкий — известный ученый еще до революции, Бем — ученый младшего поколения, лично незнакомый с Ивановым-Разумником, и старый знакомый и сотрудник — Постников, чьи письма — свидетельство дружеских отношений, еще более утвердившихся перепиской и помощью Постниковых Ивановым в годы войны.

¹ Книга С. П. Постникова «Русские в Праге. 1918–1928» (Прага, 1928; переизд. — 1995) дает довольно полный перечень русских культурных, общественных и политических организаций, существовавших в Праге в первое десятилетие после революции. О Русском заграничном историческом архиве (РЗИА) и его послевоенной судьбе см. вступ. заметку к письмам Постниковых в наст. изд.

² О высылке ученых см.: Геллер М. Первое предостережение — удар хлыстом // Вестник РХД. 1978.

№ 27. С. 187–232; см. также воспоминания: Лосский Б. Наша семья в пору лихолетья: 1914–1922 // Минувшее. 1991. № 11. С. 119–198; 1991. № 12. С. 28–167; Он же. К «изгнанию людей мысли» в 1922 году // Русский альманах. Париж, 1981. С. 351–362, где, между прочим, в списке ученых, высланных из Москвы, ошибочно указано имя С. П. Постникова, который покинул советскую Россию нелегально в 1921 г., см. об этом вступ. заметку к его письмам; а также: Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь.

Мюнхен, 1968; *Бердяев Н.* Самопознание. Париж, 1983; *Вадимов А.* Жизнь Бердяева. Berkeley, 1993, где приведен протокол допроса Бердяева в ГПУ перед высылкой; также подробности высылки у Ф. Степуна в: Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С. 414–428; *Хоружий С.* Философский пароход // Лит. газета. 1990. 9 мая; 6 июня; *Решикова В. А.* Высылка из РСФСР // Минувшее. 1991. № 11. С. 199–208 (воспоминания дочери проф. Угримова, одного из высланных за границу в 1922 г.).

³ О гимназии в Моравской Тржебове см.: Культурное наследие. Кн. 1.

⁴ В т. 1: «*Seminarium Kondakovianum*». С. 291–307; в т. 2: «Кондаковский институт». С. 72–89 и далее о военных годах. См. также: *L. Hamilton Rhinelanders.* Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // *Canadian Slavonic Papers.* 1974. Vol. 16. No. 3. P. 331–351.

⁵ Об архиепископе Сергии Казанском, епископе Пражском (1881–1952) см.: Памяти Владыки Сергия Пражского. Нью-Йорк: RBR, 1987, в этом сборнике см. «Записи из бесед владыки Сергия», особенно «О подвиге общения».

⁶ В одном из них, так называемом «профессорском доме», было 42 квартиры. Дом был построен на деньги членов кооператива и заем Государственного земельного банка под гарантию Министерства социального обеспечения. См.: Русские в Праге. С. 207–208.

⁷ См. также: *Андреев Н. Е.* О русской литературной Праге: Отрывки из воспоминаний // Русский альманах. С. 332–350.

⁸ См.: *Арсеньев Н. С.* Дары и встречи жизненного пути. Frankfurt/Main: Посев, 1974. О «русской Праге» с. 195–200.

⁹ См.: Прага (1921–1945) // Новый журнал. 1982. № 147. С. 91–99; 1982. № 149. С. 149–163; О русской эмиграции в Праге // Там же. 1983. № 151. С. 138–146.

¹⁰ *Лосский Н. О.* Воспоминания. Гл. «В Праге (1922–1942)», «В Братиславе»; *Лосский Б.* В русской Праге (1922–1927) // Минувшее. 1994. № 16. С. 7–79, здесь много страниц посвящено так называемым «Збраславским пятницам». Воспоминания Б. Лосского основываются на записях многолетнего семейного дневника-хроники.

Евгений ЛЯЦКИЙ

Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) — историк литературы, этнограф и публицист. До революции (1901–1907) был старшим этнографом и хранителем библиотеки Русского музея в Петербурге, заведовал литературным отделом журнала «Вестник Европы», в 1912–1913 гг. — редактор «Современника». (См. о Ляцком и «Современнике»: Переписка М. Горького с Е. А. Ляцким / Вступ. ст. С. В. Заики, публ. и коммент. И. В. Дистлер // Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. (Литературное наследство. Т. 95). С. 486–573.) Ляцкий — автор работ о Чернышевском и Гончарове (И. А. Гончаров: Критические очерки. СПб., 1904; 2-е изд. — СПб., 1912; 3-е изд. — Стокгольм, 1920), редактор писем Белинского. В 1917 г. уехал в Финляндию, затем в Швецию, где возглавлял издательство «Северные огни», выпускавшее произведения русских классиков. В 1922 г. президент Чехословацкой республики Т. Масарик пригласил Ляцкого в Прагу для участия в организации Русского народного (свободного) университета. В Праге Ляцкий стал профессором на кафедре русского языка и литературы Карлова университета. В 1923–1926 гг. был одним из директоров издательства «Пламя». Ляцкий принимал активное участие в общественной деятельности русской эмиграции, в частности, был председателем Комитета по улучшению быта русских писателей в Чехословакии. (См.: *Грачева А. М.* Литературные контакты А. Ремизова и Е. Ляцкого: Пражский период // Пражский сборник. Т. 1. С. 330–337.) За границей Ляцкий много печатался в периодической прессе, а также продолжил работу над Гончаровым, выпустив книгу «Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт. 1812–1857» (Прага: Пламя, 1925). В 1925 г. он опубликовал «роман из беженской жизни» «Тундра». Рецензент «Благонамеренного» (Брюссель, 1926. Кн. 2. С. 171–173), подписавшийся «Эс», саркастически соглашался с авторским утверждением в предисловии, что «портретов живой действительности нет в <его> романе». В том же предисловии Ляцкий высказывает, на наш взгляд, ценную мысль для характеристики

эмиграции, часто исчезавшую из поля зрения историков, сосредоточивавших свое внимание на многообразных разногласиях эмиграции. Он пишет о своем герое: «В страстных исканиях Человека, который сделал бы мир счастливым, Вяльцев одно, и самое важное, проглядел в эмиграции. За это важное отпустится ей много грехов. Он проглядел ее единую, общую боль за Россию, не за ту Россию, что была велика и обильна, а за Россию иную, ту, что рождала в тайных помышлениях и молитвах красоту высокого подвига» (с. 7). Очень доброжелательно вспоминает о Ляцком его ученик Н. Е. Андреев в своих мемуарах «То, что вспоминается». В 1976 г. в Праге вышло описание пражского архива Ляцкого (36 архивных картонок) «Literární pozůstalost. Jevgenij Alexandrovič Ljaskij (1868–1942)» (составитель Milena Vinařová), выпущенное архивом Literární archiv památníku národního písemnictví v Praze.

* * *

В собрании *АИШ* сохранилось три открытки от Ляцкого, а также траурные печатные извещение о его смерти 7 июля и благодарность за выражение сочувствия. Приводим также текст ответной открытки Иванова-Разумника Ляцкому от 7.V.1942 г. (2), за предоставление которого приносим благодарность А. В. Лаврову.

1. Е. А. Ляцкий — Иванову-Разумнику

28.IV.<1>942

Дорогой Разумник Иванович¹,

Рад, что Вам удалось вырваться из Советского Парадиза. Не занесет ли судьба Вас и в Прагу?

Посланную мною Вам маленькую сумму прошу принять вместо букета цветов, которые Ваша супруга выберет по своему вкусу².

Всегда Ваш *Евг. Ляцкий*.

Открытка. Автограф по старой орфографии. Обратный адрес: «Е. А. Ljaskij, Univ. Prof./ Praha-Smíchov/ Hořejší Nábř. 12».

¹ Забыв или не зная отчества Иванова-Разумника, Ляцкий остроумно вышел из положения, назвав Разумника Васильевича «Ивановичем» по фамилии.

² 6 мая Иванов-Разумник отмечает

в ЗК: «Милая открытка от Е. А. Ляцкого из Праги», а на другой день упоминает получение денег (10 RM) и добавляет: «Ответил сегодня же открыткой».

2. Иванов-Разумник — Е. А. Ляцкому

7.V.1942

Дорогой Евгений Александрович,

вчера получил Вашу открытку, а сегодня перевод на 10 RM. Жена моя, Варвара Николаевна, заочно благодарит Вас за букет, который будет ей куплен именно за 10 марок и поднесен от Вашего имени, лишь только мы из Barackenlager'a попадем в такие места, где есть цветочные магазины. Я в свою очередь благодарю Вас за память и внимание, но опять-таки в свою очередь хотел бы получить от Вас целых два подарка: 1. «Роман и жизнь» (биографию Гончарова по новым данным) и 2. «Тундру», роман, — обе книги пера Е. А. Ляцкого. Очень рад был бы получить их от автора, — если они у автора есть.

А пока — еще раз спасибо за память и за внимание, очень тронувшие и жену и меня. Искренний Вам привет!

Ваш Р. Иванов.

Открытка. Автограф. Хранится в архиве Ляцкого в Пушкинском Доме: ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 211. 14 писем Иванова-Разумника к Е. А. Ляцкому за 1907–1942. 1942: одно письмо-открытка, почт. шт.: Konitz (Westpr.). 8.5.42.

3. Е. А. Ляцкий — Иванову-Разумнику

Řevnice № 606

12.VI.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

Очень виноват, что не сразу ответил на Ваше любезное письмо. Меня извиняет болезненное состояние, из которого не выхожу уже бо-

лее месяца, и которое мешает моему общению с людьми на путях духовных. Очень жалею, что Вы от нас так далеки — не духовно, но пространственно.

Здесь редки люди, с которыми можно поговорить по душам¹ о литературе и искусстве. Книги («Гончарова» и «Тундру») я достал и на днях пошлю Вам — с удовольствием, если они доставят Вам удовольствие, и со смущением, если Ваш разборчивый глаз не найдет в них ничего интересного. Читаю Ваши фельетоны с болью и жутью за старого заслуженного писателя. Будете продолжать их?

Извините, что не пишу сам. Вижу плохо и пользуюсь глазками моей жены², которой рассказывал о Вас. Передайте мой сердечный привет Вашей супруге и примите его от нас обоих.

Душевно Ваш Евг. Ляцкий.

Открытка, автограф рукой В. П. Ляцкой. Подпись — автограф Е. А. Ляцкого. *Řevnice (Rzewnitz)* — небольшой курорт недалеко от Праги. Иванов-Разумник отмечает получение этого письма 16 июня и добавляет, что оно войдет в книгу писем («Письмовник»), над которой он работал после запрета посылать из лагеря письма на русском языке, а также упоминает, что ответил на другой день открыткой (ЗК).

¹ Написано: *по душе*.

² Жена Ляцкого, Вида Павловна, сербка, филолог.

4. Е. А. Ляцкий — Иванову-Разумнику

Rzewnitz, № 606
29.VI.1942

Mein lieber Razumnik Vasiljevič,

Ich danke Ihnen für Ihre Karte. Bitte, entschuldigen Sie mich auch dieses Mal; ich hatte in meiner Krankheit nicht die Möglichkeit, den Auftrag zu geben, dass man Ihnen die versprochenen Bücher sendet. Im voraus bitte ich Sie um Nachsicht für die *Tundra*, welche ich geschrieben habe, als ich sehr verbittert war auf Prag und alle seine Einwohner und war bereit nach Italien übersiedeln. Ich sollte es nicht drucken lassen, aber was kann man machen!

Mein Unwohlsein dauert schon längere Zeit, die Erholung kehrt nimmer wieder zurück, ich brauchte mehr Sonne, aber hier scheint sie nur dann <und> wann. Meine Augen leiden, weil ich literarisch tätig sein muss, um meine Einkommen zu verbessern.

Ich ende den Brief mit der Bitte, Ihrer werten Gemahlin meine Grüße zu teilen, und sende Ihnen viele herzliche Grüße.

Ihr E. Ljackij.

Перевод:

Ржевнице, № 606
29.VI.1942

Мой дорогой Разумник Васильевич,

Благодарю Вас за Вашу открытку. Пожалуйста, простите меня и на этот раз; из-за своей болезни я не имел возможности сделать поручение об отправке Вам обещанных книг. Заранее прошу Вас о снисхождении к «Тундре», которую я написал будучи очень раздраженным Прагой и всеми ее обитателями и готовясь переселиться в Италию. Я не должен был бы доводить этого до печати, но что поделать!

Мои недуги продолжают уже длительное время, выздоровление уже не предвидится, мне нужно было бы больше солнца, но здесь оно светит лишь время от времени. Глаза мои страдают, поскольку я должен заниматься литературой ради улучшения моих доходов.

Кончаю письмо¹⁰ просьбой передать мои приветы Вашей дорогой супруге и шлю Вам самые сердечные приветы.

Ваш Е. Ляцкий.

Открытка, автограф рукой В. П. Ляцкой, продиктовано за неделю до смерти Ляцкого. В ЗК отмечено: 2 июля — открытка от Е. А. Ляцкого, 10-го — «траурное извещение о смерти Е. А. Ляцкого (75 лет) 7/VII», а 30-го: «Вдова Е. А. Ляцкого прислала его книги “Тундра” и “Роман и жизнь Гончарова”».

Альфред БЕМ

Альфред (Алексей) Людвигович Бем (1886–1945<?>) — ученый-филолог и литературовед; участник Пушкинского семинария С. А. Венгерова. По окончании университета оставлен при кафедре русской литературы. Как свидетельствует земляк-киевлянин Бема, Н. П. Анциферов, вспоминая о студенческих годах в Петербургском университете, ученый угадывался в нем рано: «Наш обычный председатель земляческих собраний А. Л. Бем <...> пользовался большим авторитетом и не принадлежал ни к одной из земляческих группировок. Маленького роста, хромой, с высоким лбом, умными, голубыми, ясными глазами — Альфред Людвигович был типичный русский интеллигент типа “вечного студента”. Однако он в отличие от чеховского героя очень много и организованно работал. Все мы были уверены, что из него выйдет крупный ученый» (*Анциферов Н. П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 192. Об Анциферове см. примеч. 9 к письму 6 Бема). Бем покинул Россию в 1919 г., с 1922 г. жил в Праге, где активно участвовал в работе многих научных и культурных организаций. В эмиграции научная деятельность Бема сосредоточилась на изучении творчества Достоевского, занимался он также Пушкиным и Толстым. (См. библиографию работ Бема о Достоевском, составленную С. В. Беловым, в сб.: *O Dostojevském. Praha*, 1972. С. 350–356, а также: *Bubeníková M., Vachalovská L. Alfréd Ljudvigovič Bém: Bibliografie. Praha*, 1995.) Бем регулярно публиковал статьи о современной русской литературе, и советской, и эмигрантской. Публиковался он, главным образом, не в парижской эмигрантской прессе, а в берлинской газете «Руль» и выходивших в Варшаве газетах «Меч» и «Молва». (Эти статьи выходили под общим заголовком «Письма о литературе»; 65 писем собраны в кн.: *Бем А.Л. Письма о литературе. Прага*, 1996. См. рецензию Э. Штейна в «Новом журнале» (1997. № 207).)

К 1922 г. относится начало литературного объединения молодых поэтов «Скит поэтов» (позднее, после принятия в члены прозаика В. Федорова, называвшегося просто «Скит»), существовавшего до

1939 г. Бем был вдохновителем и руководителем этого содружества, через которое прошла целая плеяда поэтов (Вячеслав Лебедев, Алла Головина, Алексей Эйсер, Эмилия Чегринцева, Татьяна Ратгауз, Владимир Мансветов, Евгений Гессен и др.). Н. Е. Андреев, участник «Скита», так описывает Бема на собрании: «Посередине, за столиком, освещенным электрической настольной лампой, сидел маленького роста, с бородкой, с огромным лбом, очень похожий на некоторые портреты Достоевского, Альфред Людвигович Бем. <...> Он был великий знаток не только истории русской поэзии, но и поэтики, кроме того у него был огромный интерес и любовь к живой поэзии» (То, что вспоминается. Т. 1. С. 260–261. Журнальная публикация глав о Чехословакии: Пражские годы // Новый мир. 1994. № 11. С. 136–182). Воспоминания другого участника, В. Морковина, дают также зарисовки участников содружества (Воспоминания / Публ. Д. В. Базановой // Рус. лит. 1993. № 1. С. 190–239. О «Ските» с. 202–216). Бем редактировал непериодическое издание сборников «Скит» (Прага, 1933–1937. № 1–4), а также сборники стихов и прозы участников (*Лебедев В. Звездный крен: Стихи. Прага, 1929; Федоров В. Г. Суд Вареника: Рассказы. Прага, 1930; Головина А. Лебединая карусель: Стихи. Берлин, 1935; Чегринцева Э. Посещения: Стихи. Прага, 1936 и др.*). О «Ските» см.: *Белошевская Л. Литературная Прага // Пражский сборник. С. 214–220 и Малевич О. М. Вокруг «Скита» // Там же. С. 221–229; также: Вокруг «Скита» / Публ. О. М. Малевича // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 175–247 (материалы архива Э. К. Чегринцевой, в том числе три письма Бема 1937, 1940 гг.)*

Хотя его имя редко упоминается в этой связи, Бем был также активным участником так называемого «спора о поэзии» между Ходасевичем и Адамовичем. Как известно, спор сводился к призыву Ходасевича писать хорошие стихи, что противопоставлялось утверждению Адамовича о «невозможности поэзии». Бем был безоговорочно на стороне Ходасевича, чему свидетельство не только его статьи (см.: *Задражилова М. Безответный триалог // Пражский сборник. С. 181–196*), но и работа с молодыми поэтами «Скита». Новые публикации о «Споре о поэзии»: Полемика Г. В. Адамовича и В. Ф. Ходасевича (1927–1937) / Вступ. статья О. А. Коростелева; Публ. и коммент. С. Р. Федякина // Российский литературоведческий журнал. 1994.

№ 4. С. 204–250 (подборка статей Адамовича (опубл. в «Звене», «Днях», «Числах» и «Последних новостях») и Ходасевича (в «Возрождении»)). См. также: *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939; *Hughes R., Malmstad J.* Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich: Six Letters (1923–1932) // *Oxford Slavonic Papers. New Series.* 1986. Vol. 19 (примеч. 26 на с. 140 и письмо 3 об Адамовиче, с. 144). Новые издания критики Адамовича: «Критическая проза» и «Литературные беседы» (см. примеч. 14 к письму 3 Г. Иванова).

В предисловии к публикации трех статей Бема («Достоевский — гениальный читатель», «Сцена из Фауста» и «Соблазн простоты») публикаторы, И. Сурат и С. Бочаров, отмечали разностороннюю общественную и культурно-просветительную деятельность Бема: «Он состоял в Союзе русских писателей и журналистов, был секретарем Русского педагогического бюро, участвовал в подготовке и работе съездов деятелей Русской зарубежной школы, в работе Русской академической группы в Чехословацкой республике, Чешско-русской едноты (союза), был секретарем политической группы “Крестьянская Россия” и редактором одноименного журнала, работал в библиографической комиссии Комитета русской книги, был одним из организаторов “Збраславских пятниц” — открытого литературного салона, выступал с научными докладами и публичными лекциями. Особенно много сил он отдавал педагогике: преподавал русский язык в Карловом университете, затем русскую литературу в Русском педагогическом институте, после перешел на историко-философское отделение Русского народного университета, занимался методологией преподавания в средней и младшей школе, детской психологией, регулярно печатался в журнале “Русская школа за рубежом”, совместно с С. И. Гессеном и В. В. Рудневым основал для эмигрантских детей Тшебовскую гимназию с интернатом» (Из русского зарубежного литературоведения: Альфред Людвигович Бем // *Вопр. лит.* 1991. № 6. С. 69–70). Следует отметить, что вся эта деятельность, кроме преподавания, велась на добровольных началах, то есть не оплачивалась. Общественные и культурные достижения эмиграции были возможны только благодаря таким труженикам, как Бем.

В мае 1945 г. после занятия Праги советской армией Бем был арестован, но в отличие от многих других эмигрантов, впоследствии вер-

нувшихся из тюрьмы, лагерей и ссылки, Бем из тюрьмы не вышел. До сих пор фактически ничего неизвестно о его конце. См. об этом статью в «Вопросах литературы» (1991. № 6); приложение к библиографии М. Бубениковой и Л. Вахаловской; публикацию внука Бема, Сергея Давыдова «Альфред Людвигович Бем (1886–1945?) и “русская Прага”» (Записки РАГ. Т. 27. 1995. С. 89–98). Потомками эмигрантов, арестованных НКВД в Праге в 1945 г., был организован комитет, целью которого является восстановление памяти российской антибольшевистской эмиграции в Чехословакии. См. отчет о работе комитета: Пятая годовщина комитета «Они были первыми» // Русская мысль. 1998. 11–17 июня. № 4226.

* * *

В собрании *АИШ* сохранилось пять писем и две открытки А. Л. Бема, они относятся к короткому периоду от начала апреля до середины августа 1942 г. В *СП* кроме письма от Бема, полученного 15 июля (№ 6 нашей публикации), и открытки, отмеченной под 20 августа (№ 7), упомянуто также письмо, полученное 24 декабря (в *АИШ* не сохранилось). За этот период отмечены следующие письма Иванова-Разумника к Бему: 31 июля (открытка), 25 августа (открытка), 4 декабря (письмо) и 23 декабря (открытка). Выдержки из писем Иванова-Разумника к Бему опубликованы Ж. Шероном: Из военной переписки Иванова-Разумника с А. Л. Бемом: Суждения о литературе русской эмиграции // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 2. С. 148–153. В архиве А. Л. Бема в Праге находится 30 писем Иванова-Разумника за 1942–1944 гг. См. описание: *Literární pozůstalost. Alfréd Ljudvigovič Bém / Zpracovala Marta Dandová. Praha: Literární archiv památníku národního písemnictví v Praze, 1985.*

Письма Бема написаны по старой орфографии, но без конечного твердого знака. Письма напечатаны без полей, почти без деления на абзацы. Иногда новый абзац обозначен тире, в таких случаях даем красную строку, как и там, где по содержанию явно начало нового абзаца.

1. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику

Прага, 9 апр<еля> 1942

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Ваше письмо было для меня страшной неожиданностью¹, от которой и сейчас еще не могу прийти в себя. Как Вы можете спрашивать, говорит ли мне что-нибудь Ваше имя? Это или излишняя скромность или непонимание того, что мы здесь все эти годы изгнания живем в теснейшем общении со всем, что делалось в культурной жизни России и не теряли ни на минуту связи с нашим культурным прошлым, в кот<ором> Вы сыграли немалую роль. Но все это сейчас несущественно для Вас, и Вы ждете ответа на свои вопросы.

После получения Вашего письма я немедленно снесся с проф. Лапшиным² и Н. О. Лосским³, кот<орые> живут в одном доме со мною⁴. Мы обменялись мнениями и пришли к следующим заключениям:

1) Вызволить Вас с женою из места Вашего жительства и добиться права въезда в Прагу почти невозможно. Вы себе не представляете, как ограничены здесь наши возможности и как трудно чего-нибудь добиться. Во всяком случае, я еще снесусь с председателем Союза русских писателей и журналистов⁵, кот<орый> номинально еще существует, и попробую через него пощупать почву. Вам надо самому на месте начать хлопоты, тогда легче будет их поддержать отсюда. Только должен Вас предупредить, что в Праге сейчас возможности найти какой-нибудь заработок не больше, чем в любом другом месте, так что стремиться именно сюда не имеет особого смысла.

2) Постараюсь вместе с Вашими друзьями сделать все, что будет в наших силах, чтобы хоть несколько помочь Вам материально. С продуктами труднее, т<ак> к<ак> все выдается по карточкам и всего дается в обрез.

3) Газет русских, кроме берлинского «Нового Слова»⁶, сейчас не выходит, не выходит и никаких журналов русских. Если Вы не можете на месте достать «Нового Слова», то можно будет Вам старые номера посылать.

4) Из людей Вам близких здесь находится С. П. Постников⁷, кот<орого> я вчера известил о Вашем письме, и он уже был у меня и взял Ваш адрес, чтобы непосредственно снестись с Вами. Вы, вероятно, знаете

Федора Августовича Степуна⁸, кот<орый> живет в Дрездене (Schnorrstr. 80, Dresden A. 24). К сожалению, сейчас все разбросаны и трудно даже установить, где кто находится.

Буду ждать от Вас дальнейших известий и очень рад буду, если удастся Вам хоть в чем-нибудь помочь. В ближайшие дни надеюсь послать Вам хоть небольшую денежную помощь.

И. И. Лапшин и Н. О. Лосский (он на днях переезжает в Братиславу, где получил профессиру⁹) просят передать Вам привет.

Искренне преданный Вам
А. Бем.

P.S. Не знаю, хорошо ли сделал, что пишу по-русски, но так казалось проще. Мне тоже можно писать по-русски. Зовут меня Альфред Людвигович. Ремизов¹⁰ в Париже, сравнительно недавно писал мне. Ему живется трудно. Очень хотелось бы о многом и многих расспросить.

А.Б.

Письмо. Автограф.

¹ Это письмо было написано в ответ на письмо Иванова-Разумника, посланное Бему до помещения объявления о его адресе в «Новом слове» 15 апреля (см. наст. изд., примеч. 11 к вступ. ст.). 28 марта Иванов-Разумник записывает в ЗК: «Написал три письма — в “Новое слово”, Бему и Лапшину. Варя переводит на немецкий язык. <По-видимому, Иванов-Разумник не знал, что в то время письма из лагеря разрешалось писать по-русски.> В газету — с просьбой о высылке, двум профессорам подробнее».

² Иван Иванович Лапшин (1870–1952) — философ, психолог, музыковед, литературовед, профессор философии Петербургского университета, выслан за границу в 1922 г. Среди его работ: «Законы мышления и формы

познания» (СПб., 1906), «Проблема “чужого я” в новейшей философии» (СПб., 1910), «Гносеологические исследования» (Пг., 1917), «Философские взгляды А. Н. Радищева» (Пг., 1922), «Художественное творчество» (Пг., 1922), «Римский-Корсаков: два очерка» (Пг., 1922), «Заветные думы Скрябина» (Пг., 1922), «Эстетика Достоевского» (Берлин, 1923), «Философия изобретения и изобретение в философии» (2-е изд., Прага, 1924), «Н. А. Римский-Корсаков и его значение в истории русской музыки» (Прага, 1945). В Праге Лапшин — профессор Русского юридического факультета, Русского народного и Карлова университета, председатель Русского философского общества, руководил кружком по психологии творчества

при Русском народном университете. В ЗК Иванова-Разумника под 29 и 30 марта вписан черновик письма к Лапшину. Большие куски текста вычеркнуты. Приводим выдержки: «Sehr geehrter Iwan Iwanowitsch! Das alte Sprichwort: nur die Berge kommen nicht zusammen, aber Mensch trifft den andern Menschen — ist auch diesmal wahr geblieben. Schon seit 20 Jahren leben sie in Prag <...> Nach Erhalt Ihrer Antwort — werde ich Ihnen mehr schreiben, und auch von den letzten Tagen unseres teuren A. N. Rimsky-Korssakow. Damals war ich sehr betroffen von seinen vorzeitigen Tode, jetzt denke ich aber, dass das Schicksal ihn von dem schwerere Leben seiner Familie — die in Leningrad zurückgeblieben ist — verschont hat». («Глубокоуважаемый Иван Иванович! Старое присловье: Только горы не сходятся, а люди встречаются друг с другом — оправдалось и на этот раз. Вы уже 20 лет живете в Праге <...> По получении ответа напишу Вам подробнее, также и о последних днях нашего дорогого А. Н. Римского-Корсакова. Тогда я был очень расстроен его преждевременной смертью, теперь, однако, думаю, что судьба избавила его от <еще> более тяжелой жизни его семьи — оставшейся в Ленинграде».) Речь идет о смерти *Андрея Николаевича Римского-Корсакова* (1878–1940), сына композитора, музыковеда и ближайшего друга Иванова-Разумника. См.: «Нравственные письма» из 1937 года: Иванов-Разумник А. Н. Римскому Корсакову / Публ. В. Г. Белоуса // Из фондов Кабинета рукописей (Российский Институт истории искусств): Публикации и обзоры. СПб., 1998. С. 158–176; *Лапшин И. И.* Письма из

Праги / Публ. Л. Г. Барсовой // Там же. С. 177–200.

³ *Николай Онуфриевич Лосский* (1870–1965) — философ, профессор Петроградского университета. Высланный в ноябре 1922 г. за границу, Лосский уже в декабре переехал с семьей в Чехословакию, где оставался до лета 1945 г. В Праге он был профессором Русского народного университета, в 1927 г. преподавал в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже, в 1928 г. в Русском научном институте в Белграде, летом 1933 г. в Стэнфордском университете в США. См.: Воспоминания: Жизнь и философский путь / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е. П. Борзовой и А. Ф. Замалеева. Мюнхен, 1968 (переизд.: СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1994). См. также воспоминания Бориса Лосского «Наша семья в пору лихолетья. 1914–1922» и «В русской Праге. 1922–1927».

⁴ Профессорский дом.

⁵ *Союз русских писателей и журналистов* в Чехословакии был основан в октябре 1922 г. Председателем Союза с февраля 1939 г. был проф. М. М. Новиков, сменивший на этом посту С. И. Варшавского. При Союзе, как и при его отделениях в других центрах эмиграции, был также Литературный фонд, оказывавший скромную финансовую помощь нуждающимся литераторам. См.: *Постников С. П.* Русские в Праге; а также публикацию, посвященную истории Союза в Чехословакии: *Агеносов В. В.* Союз русских писателей и журналистов в ЧСР: По материалам пражского архива в РГАЛИ и коллекции периодической печати Славянской библиотеки в Праге // *Пражский сборник*. С. 739–754.

⁶ О «Новом слове» см. примеч. 14 к вступ. статье.

⁷ См. письма С. П. и Е. В. Постниковых в наст. изд. Далее сокращения в тексте «С. П.» или «Серг. Порф.» не раскрываются.

⁸ Ф. А. Степун — см. его письма в наст. изд.

⁹ Н. О. Лосский получил кафедру философии в университете в Бра-

тиславе в начале 1942 г. Переехал в Словакию весной 1942 г. и начал читать лекции в весеннем семестре. Оставался в Братиславе до лета 1945 г., когда выехал к сыновьям в Париж. См.: Лосский Н. О. Воспоминания. (Гл. «В Братиславе»).

¹⁰ А. М. Ремизов — см. его письма в наст. Изд.

2. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику

19.IV.1942. Прага

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

мы условились с Сергеем Порфирьевичем, что он берет на себя пересылку Вам денег, поэтому я ему уже передал ту скромную сумму, кот<орая> была в моем распоряжении для Вас. Ни о какой отдаче этих денег Вам не надо думать, смотрите на это, как на естественную поддержку, кот<орую> и Вы бы оказали каждому из нас, попади мы в беду. К сожалению, это не выход из положения, кот<орый> надо искать дальше.

Вам необходимо добиваться разрешения на временную поездку в Берлин, чтобы там уже хлопотать о разрешении поселиться в одном из культурных центров. Я Прагу не исключаю, но повторяю, особенных преимуществ в ней не вижу. Но об этом Вам хотел подробнее написать Серг. Порф. Вы должны пока поставить крест над заработком литературным — сейчас печататься *негде*. Если Вы немножко поосмотритесь, то скоро и сами в этом убедитесь. Об издании на русском, да и не только на русском языке, книг думать не приходится. Это очень грустно, но это, к сожалению, так.

Материалы, кот<орые> Вы вывезли, большой ценности (у меня, как историка литературы, слюнки текут), но об их опубликовании лучше сейчас молчать и обеспечить их сохранность. О трагической смерти Н. Клюева я ничего не знал, не имею представления и о его поэме¹. Мне кажется (простите за совет), что Вам нужно самому несколь-

ко познакомиться с обстановкой, кот<орая> очень сложна, приглядеться к нашей русской жизни здесь, поговорить с людьми, кот<орым> Вы доверяете, а потом только выступить в печати, если будет подходящая обстановка. Практически, вывод отсюда тот, что литературным трудом Вам прожить будет трудно. Надо искать чего-нибудь другого. Более реальная вещь — продажа картины Петрова-Водкина (его книжка воспоминаний превосходна!)². Сейчас многие свои капиталы вкладывают в предметы искусства, поэтому за картины платят большие деньги. Государственные учреждения не могут так хорошо заплатить. Выгоднее продать в Германии, т<ак> к<ак> там на марки получится значительно больше. Здесь стоило бы только говорить с частными покупателями, но для этого надо картину *оценить*. Я попытаюсь здесь навести справки, сколько бы можно за нее спросить. Вы со своей стороны запросите, кого можно.

Гибель Вашей библиотеки и собрания автографов³ (представляю себе, какие у Вас были ценности) утрата невоз<на>градимая, но сколько таких ценностей гибнет ежедневно и сколько их еще погибнет! Жутко жить на свете! Кому из нас суждено пережить это время и увидеть, как сложится *новая* жизнь. Что *старая* уже не вернется, в этом я убежден, но какова будет новая, никому знать не дано. На одно поколение два таких обвала слишком уж много. Тревожит меня Ваша болезнь⁴ — в каких условиях Вам приходится лечиться? Я, вообще, плохо себе представляю условия Вашей жизни. Между прочим, курите ли Вы, и есть ли у Вас папиросы?

Хотелось бы очень познакомить Вас с литературной жизнью нашей за прошедшие годы, но в письме это трудно. Мы не были так отрезаны от того, что делалось у вас в области литературы, как вы от нашей — эмигрантской. Так что я не только знаю первую часть Вашей работы о Салтыкове-Щедрине 1930 г., но даже о ней писал в свое время. У меня случайно сохранился отзыв⁵, кот<орый> я пересылаю Вам бандеролью. Не знаю только, дойдет ли она по назначению. Ремизова я, подобно Вам, очень ценю; его литературная судьба сложилась очень тяжело — и в эмиграции он остался одиноким и непризнанным. Но, пожалуй, иначе и быть не могло, он слишком своеобразен и труден для широкого круга читателей. А здесь — и почвы для него не было. Его последний адрес: A. Remizoff, 7, rue Boileau, Paris XVI.

Жена его жива и благополучна. Что Мережковский умер, Вы, вероятно, знаете.

Я эти годы больше занимался Достоевским, м<ожет> б<ыть,> кое-что из моих работ⁶ и дошло до Вас. Очень хотелось бы знать о судьбе моего приятеля, кот<орый> в России в эти годы также вел большую работу о Достоевском. Он опубликовал дневник Сусловой⁷, кот<орый> я нашел, но уже не успел напечатать. Мечтаю о будущей встрече с Вами, но реально не представляю себе, когда она осуществится. Ваше письмо для меня было большою радостью: произошла духовная встреча, кот<орая> меня убедила, что есть все же области, где время не властно и где общий язык находится сразу, как будто между нами и не легли эти страшные десятилетия.

Не падайте духом: когда меня выкинуло на белградский вокзал после месяца самых фантастических переездов буквально с двадцатью сер<бскими> копейками в кармане и с кучею ничего не стоящих «керенок», я думал, что пропаду. А вот уже свыше двадцати лет — вопреки всем законам человеческого общежития — существую и даже что-то делаю. Привет Вашей жене, кот<орую> надеюсь лично узнать одновременно с Вами.

Дружески Ваш А. Бем.

Письмо. Автограф.

¹ Речь идет о поэме Н. Клюева «Погорельщина». Стихи Н. А. Клюева (1884–1937) печатались в «Заветах». В статье «Русская литература в 1912 году» (Заветы. 1913. № 1) Иванов-Разумник особенно выделил стихи Клюева. В «Заветах» же (1914. № 1) он поместил статью «“Природы радостный причастник”: Поэзия Н. Клюева». По мнению К. М. Азадовского, исследователя жизни и творчества Клюева, высокая оценка Ивановым-Разумником стихов Клюева была решающей для его литературной репутации (Николай Клюев. Л., 1990). Клюев был

близок к группе «Скифы» (см. об этом работу Бориса Филиппова: Николай Клюев: Материалы для биографии // *Клюев Н.* Соч.: В 2 т. / Под общ. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. Мюнхен, 1969. Т. 1. С. 81–82); Иванов-Разумник писал о нем в статье «Поэты и революция» (Скифы. Сб. 2), а также в статье «Три богатыря» (Летопись Дома литераторов. 1922. № 7). В «Новом слове» Иванов-Разумник опубликовал очерк «Николай Клюев» (см. наст. изд., приложение I, 9). Существовало несколько версий смерти поэта. Наиболее известная, — вероятно,

именно благодаря очерку Иванова-Разумника — это смерть на железнодорожной станции с чемоданом рукописей по пути из Сибири. Вторая — поэт умер в заключении в Томской тюрьме. Теперь известно, что Клюев, после ареста в 1934 г. и ссылки на пять лет в Нарымский край, был переведен в Томск, где был вторично арестован в июне и расстрелян в октябре 1937 г. См.: Николай Клюев в последние годы жизни: Письма и документы / Публ., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Г. С. Клычкова и С. И. Субботина // Новый мир. 1988. № 8. С. 165–201 (по материалам семейного архива); материалы следственного дела Клюева: *Пичурин Л.* Последние дни Николая Клюева. Томск: Водолей, 1995; подробная биография в: *Азадовский К.* Николай Клюев; см. также: Предсмертные песни Николая Клюева / Статья, публ. и примеч. К. М. Азадовского // Звезда. 1991. № 3. С. 157–164; см. его же статью в: Русские писатели. 1800–1917. Т. 2. С. 555–559. Поэма Клюева «Погорельщина» (1927–1928) была довольно хорошо известна в литературных кругах, так как автор публично выступал с чтением поэмы (Дом писателей в Ленинграде). В 1929 г. Клюев подарил экземпляр поэмы итальянскому русисту Этторе Ло Гатто. По этому списку «Погорельщина» была опубликована в 1954 г. в США (*Клюев Н.* Полн. собр. соч.: В 2 т. / Ред. Б. Филиппов. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954). Историю этого списка поэмы см. в воспоминаниях Э. Ло Гатто (см. о нем примеч. 9 к письму 3 Постникова в наст. изд.): Воспоминания о Клюеве // Новый журнал. 1953. № 35. С. 123–129. Впервые опубликована в СССР в 1987 г. (Вступ. ст. Н. И. Толстого; под-

гот. текста С. Ю. Куняева и С. И. Субботина // Новый мир. 1987. № 7. С. 78–100). См. также: *Клюев Н.* Соч.: В 2 т. / Ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппов. Мюнхен, 1969 и *Азадовский К.* О «народном» поэте и «Святой Руси»: «Гагарья судьбина» Николая Клюева // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 88–102. Там же публикация текста «Гагарья судьбина» (с. 103–121).

² О картине Петрова-Водкина см. примеч. 4 к письму 1 Степуна. Книга воспоминаний Петрова-Водкина «Хлыновск» вышла в Ленинграде в 1930 г.

³ О гибели библиотеки Иванова-Разумника в Царском Селе см. примеч. 17 к письму 1 Зайцева.

⁴ С 9 апреля по 14 мая Иванов-Разумник лежал в лагерном лазарете с флегмоной на подъеме ¹ ~~левой~~ ¹ ~~левой~~ ноги. 15 апреля он записал в ЗК: «Чувствую, что болен очень серьезно, флегмона — не шутка. Пишу обеденные глупости <кроме записей о погоде, он обычно описывал детали ежедневного пайка>, а в голове совсем другие мысли: обидно было бы именно теперь закончить путь в Конице».

⁵ Рецензия Бема на книгу Иванова-Разумника «М. Е. Салтыков-Щедрин, жизнь и творчество. Ч. 1. 1826–1868» (М., 1930. 384 с.), опубл. в: *Slavia*. 1933/34. R. 12. № 3/4. С. 538–540, посвящена главным образом полемике Салтыкова-Щедрина («Современник») с Достоевским («Время», «Эпоха»). Бем упрекает Иванова-Разумника в том, что он впадает в крайность, «становясь всецело на сторону Салтыкова», но отмечает его большой вклад в установление авторства Салтыкова-Щедрина в опубликованных в жур-

нале статьях, подчеркивает ценность именного указателя и возмущается неуместностью предисловия В. А. Десницкого, критикующего автора за недостаточно марксистский подход к теме исследования. Эта рецензия в архиве не сохранилась.

⁶ Работы А. Бема о Достоевском: «К вопросу влияния Гоголя на Достоевского» (Прага, 1928); из трех сборников «О Достоевском» (Прага, Т. 1. 1929; Т. 2, 1933; Т. 3, 1936), все с подзаголовком «Сборник статей под ред. А. Л. Бема», последний «У истоков творчества Достоевского» состоял полностью из работ Бема. Том 1-й включал работы участников пражского Семинария по изучению Достоевского (статья Бема: «Драматизация бреда: “Хозяйка” Достоевского»); во 2-м томе были напечатаны следующие работы Бема: «Достоевский — гениальный читатель», «Семинарий по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге (1925–1933)» и «Словарь личных имен у Достоевского» в соавторстве с С. В. Завадским, Р. В. Плетневым и Д. И. Чижевским. Перед войной вышла книга «Достоевский: Психологические этюды» (Прага, 1938). Библиография в сб. «О Dostojevském» (сост. С. В. Белов) упоминает еще т. 4 сборника «О Достоевском», включающий «Словарь личных имен в произведениях Достоевского: Ч. 2. “Дневник писателя” Достоевского» (Прага: Петрополис, 1936. 180 с.). В библиографии М. Бубениковой и Л. Вахаловской (см. вступ. заметку к письмам Бема) этот том отдельно не обозначен, но перечислен в составе сб. «О Dostojevském». Бем опубликовал больше 50

работ о Достоевском на русском, чешском и немецком языках. См. ссылку на библиографию работ Бема во вступ. заметке к письмам.

⁷ Бем имеет в виду А. С. Долинина (Искоз, 1880–1968) и его издание: Сусллова А. П. Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма / Вступ. статья и примеч. А. С. Долинина. М., 1928 (Вышла в серии «Записки прошлого: Воспоминания и письма», под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского). Работы Бема о Достоевском и Суслловой: Ф. М. Достоевский и Анна Сусллова: По неизданным материалам // Свобода (Варшава). 1921. 9 фев. № 30; 10 фев. № 31; Достоевский и Сусллова: Письмо в редакцию // Последние новости. 1925. 12 июня. № 1474; F. M. Dostojevskij a Anna Suslovová: Dle nevydaných pramenů // Naše doba. 1924. № 5; Polina Suslova Dostojevskijs ewige Freundin // Slavische Rundschau. 1931. № 6. Знакомство и дружба Бема и Долинина восходят к их студенческим годам в Петербургском университете, оба были участниками Пушкинского семинария С. А. Венгерова. Статья В. Туниманова «Дон Искоз» в кн. Долинина «Достоевский и другие» (Л., 1989) отмечает в частности, что Долинин «состоял в многолетней дружеской переписке» (с. 13) с Бемом, а в примечании к перепечатке предисловия Долинина к книге «Годы близости с Достоевским» упоминает, что дневник Суслловой был обнаружен Бемом (там же. С. 466). О переписке Долинина и Бема в дореволюционные годы см.: Горяинов А. Н. Некоторые новые материалы об А. Л. Беме // Пражский сборник. С. 344–352.

3. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику

27.IV.<19>42

Многоуважаемый Разумник Васильевич,

Я Вам ответил на Ваше письмо в тот же день, когда и послал бандеролью свою рецензию. Буду очень огорчен, если письмо мое не дошло до Вас. Если же Вы его получили, то успокойте меня. Радуюсь, что здоровье Ваше поправляется. С книгами, надеюсь, тоже наладится. У меня был С. П. и говорил, что Вам уже кое-что послал. Если Вы эти книги получите, то и дальше можно будет посылать. Я тоже последнюю неделю провел в постели и сейчас еще себя чувствую неважно. Пишу эту открытку только для того, чтобы откликнуться на Вашу и выяснить судьбу своего письма.

Очень хотелось бы Вас ближе познакомить с тем, чем мы здесь жили эти годы — с литературными и общекультурными явлениями. Но все это, когда наладится переписка. Н. О. Лосский уехал уже в Братиславу¹, сегодня получил от него открытку.

Искренне Ваш А. Бем.

Открытка. Автограф.

¹ См. примеч. 9 к письму 1 Бема.

4. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику

6 мая 1942

Прага

Дорогой Разумник Васильевич,

что сделано, того не воротишь! У меня сохранилась надежда, что Вы слишком хороший писатель, чтоб Вас напечатали — и тогда слава Богу! Это будет редкий случай в жизни писателя, когда он будет доволен, что его статью не приняли¹. Но, будь я редактор, я бы наверно использовал такой благоприятный случай. Судя по Вашему письму, Вы уже сами разобрались, и Вам не надо объяснять, почему мы с

С. П. очень опасались этого опрометчивого шага с Вашей стороны. Я от души смеялся, когда читал Ваш отзыв о некоторых статьях! Старый греховодник Сургучев² будет печататься где угодно, лишь бы ему платили. Он так и прожил всю свою жизнь на проценты от «Осенних скрипок»; ничего путного с тех пор и не написал.

А вот с Вашим отзывом о Сирине-Набокове³ я несогласен. Это настоящий писатель и, пожалуй, самое крупное сейчас явление после Бунина (кот<орого> Вы, кажется, недолюбливали). В Вашем замечании о его языке есть доля правды, но только доля. Сирин умен и знает, что для писателя нет большей беды, как очутиться вне стихии родного языка. Поэтому он создал свой особый язык «конденсированный» — правильный, но нарочито выхолощенный, если хотите «лабораторный», но в нем есть своя прелесть — с точки <зрения> правильности, я думаю, не к чему придраться, но это язык, если хотите, «мертвый», но такой высокой языковой культуры, что невольно им любуешься, ибо это все же мастерство. Сирин, вообще, необычайно «литературный» писатель, впитавший в себя наши величайшие достижения, но писатель без веры, без своего бога — поэтому увлекающий своей выдумкой, но оставляющий неудовлетворенной нашу жажду узнать что-то новое о самом для нас важном, существенном. Уже в Бунине последнего периода это есть, у Сирина «писательство» стало самоцелью и самоутверждением. Но я, напрасно, занялся в письме таким сложным и спорным вопросом. Вы, я уверен, позже сами Сирина оцените и увидите, что это не перепев, а явление самобытное и <1 нрзб.> очень русское. Я с большим любопытством жду, как Вы — у Вас есть преимущество, кот<орого> нету у нас, кот<орые> варились в этом соку все время — воспримете зарубежную литературу и как на нее отзоветесь. Хотелось бы, чтобы Вы ознакомились и с нашими литературными разногласиями, в частности с критическими статьями Ходасевича, Георг<ия> Адамовича, моими⁴. Мы жили довольно интенсивной литературной жизнью все эти годы. Очень досадно, что смерть унесла Ходасевича, он был все же, пожалуй, наиболее интересен в своих критических статьях, кот<орые> так и не собрал в книгу⁵. Георг<гий> Адамович, кот<орый> играл большую роль, благодаря своему положению лит<ературного> обозревателя в наиболее распространенной газете⁶, и в критике снобствовал, как снобствовал и в поэзии. Непременно надо Вам познакомиться с книжкой Ходасевича о Державине и

его «Некрополем»⁷. Интересно, что Георг<ий> Иванов обратился к Вам с письмом⁸. Он в эмиграции вырос, как поэт; статьи его (воспоминания) слабы. Из Вашего письма я только узнал, где он и что он благополучен. Нас так разбросало, что ничего друг о друге не знаем.

Продолжаем с С.П. думать о Вашей дальнейшей судьбе. Все, что мне удастся раздобыть, передаю С. П-чу для пересылки Вам. Ваш табачный голод, <1 нрзб.>, удастся удовлетворить в очень скромных размерах. Главное теперь, чтобы Вы стали на ноги и могли начать хлопотать об устройстве в каком-нибудь культурном центре. Теперь и я начинаю думать, что Прага была бы, пожалуй, для Вас наиболее подходящим пунктом. Вы человек книжный, а здесь в этом отношении возможности больше, чем где-либо в ином месте. Найти уроки или м<ожет> б<ыть> даже постоянную работу для Вашей жены, при ее знании нем<ецкого> языка, вероятно, удалось бы. Вы могли бы также заняться преподаванием русского языка, на кот<орый> есть спрос. А свободное время работали бы в библиотеках и писали бы впрок. Я уже предвкушаю удовольствие личного общения с Вами. Встреча наша с Вами (я имею в виду нас, проживших вне родины столько лет, — и «вас», как пережившего все там) провиденциальна (простите за это слишком громкое слово; судьбоносна было бы еще хуже) — от нее почему-то жду многого.

Я что-то расписался и вижу, что не написал ничего конкретного. Надеюсь, что С.П. это пополнит. Мой почерк ужасен, отчасти это объясняется испорченным самопишущим пером, кот<орое> нельзя поправить. На машинке — что было бы лучше — как-то неловко писать столь личное письмо. Вы меня очень своим письмом растрогали; я, право, ничем не заслужил столь добрых слов с Вашей стороны. Просто обрадовался Вам, как человеку, кот<орого> давно знаю по его писаниям, много слышал от людей, с Вами встречавшихся, и во многом мне близкому. Буду счастлив, если в Вашем положении хоть чем-нибудь смогу оказаться полезным. Письмам Вашим очень рад и жду их с нетерпением.

Искренний привет Вашей жене.

Дружески Ваш А. Бем.

Р. S. Что Вам ответил Ф. А. Степун?⁹ Посылаю Вам ту свою статью, в кот<орой>, между прочим, говорю о Ремизове¹⁰. Хочется Вас позна-

комить со своей книгой о Достоевском¹¹, но, к сожалению, у меня только свой экземпляр с пометками, с кот<орым> боюсь расставаться. Постараюсь раздобыть второй экземпляр. Знаете ли Вы *достоверно*, что Цветаева умерла?¹²

АБ

Письмо. Автограф. В левом верхнем углу приписка рукой А. Л. Бема: «Отв<ет> на письмо от 26. IV 42».

¹ Речь идет о публикации очерков Иванова-Разумника в берлинском «Новом слове». См. примеч. 14 к вступ. статье.

² *Илья Дмитриевич Сургучев* (1881–1956) — писатель. В 1912 г. в сб. «Знание» вышел его роман «Губернатор»; пьеса «Осенние скрипки» (1915), поставленная МХТ'ом, пользовалась большим и неослабевающим успехом у публики. Эмигрировал в 1920 г. Опубликовал повесть из жизни эмиграции «Ротонда» (1928, 1952; печаталась в «Возрождении»), сборник «Эмигрантские рассказы» (Париж, 1927), пьесу «Реки Вавилонские», мемуары. Сотрудничал в парижской пронацистской газете «Русский вестник», выходившей во время оккупации. См. воспоминания о позднем Сургучеве: *Унковский В. Зарубежный Сургучев // Грани* (Франкфурт). 1959. № 44. С. 104–109 и *Симонова З. Свидетель защиты // Там же*. С. 110–116.

³ О *В. В. Набокове-Сирине* см. примеч. 1 к письму 3 Берберовой.

⁴ См. вступ. заметку к письмам Бема.

⁵ *Критические статьи Ходасевича* — сборник статей «Литературные статьи и воспоминания» (Мюнхен) вышел в 1954 году под ред. Н. Бербе-

ровой. «Статьи и рецензии (1905–1926)» составляют второй том «Собрания сочинений» (Ann Arbor, 1990) под ред. Дж. Мальмстада и Р. Хьюза. В «Собрании сочинений: В 4 т.» статьи 1906–1922 гг. включены в т. 1 (М., 1996), статьи о русской поэзии и литературно-критические статьи 1922–1939 гг. вошли в т. 2 (1996).

⁶ Газета «*Последние новости*», выходившая в Париже под редакцией П. Н. Милюкова с 1920 по 1940 г.

⁷ *Державин*. Париж, 1931; вышел в серии «Писатели о писателях» (М., 1988) со вступ. статьей, ценными приложениями и комментариями А. Л. Зорина; включен в т. 3 «Собр. соч.: В 4 т.» (1997). *Некрополь*. Брюссель, 1939 (переизд.: Некрополь. Литература и власть. Письма Б. Садовскому / Предисл. и коммент. Н. А. Богомолова. М., 1996; также включен в т. 4 «Собр. соч.: В 4 т.»).

⁸ *Г. В. Иванов* — см. его письма в наст. изд.

⁹ См. письма Степуна в наст. изд.

¹⁰ *Бем А. Л. Достоевский*. Психологические этюды (Берлин, 1938). В главе «Проблема вины» (с. 142–171; первая публ.: «Проблема вины в художественном творчестве Достоевского» // *Жизнь и смерть*: Сб. Прага, 1936.

Т. 2. С. 3–25). Бем посвящает один раздел разбору рассказа Ремизова «Индустриальная подкова» (первая публ.: Числа. 1931. № 5. С. 108–43; вошел в кн.: Учитель музыки. Париж, 1983) в связи с вопросом частого несоответствия между преступлением и вызванным им чувством вины. См. также рецензию Бема на «Индустриальную подкову» в: Руль. 1931. 13 авг. № 3256. С. 2–4.

¹¹ О работах Бема о Достоевском см. примеч. 6 к письму 2, а также вступ. заметку к его письмам.

¹² Первое известие о самоубийстве Марины Цветаевой было напечатано в оккупационной газете «Новое слово» (Смоленск, 8 февраля 1942 г.) и в берлинском выпуске той же газеты (11 февраля 1942 г.). См. публ. Ричарда Дэйвиса и Льва Мнухина: *Андреев В.* Воспоминания-лекция о Марине Цветаевой // Русская мысль. 22 дек. 1994 — 4 янв. 1995. № 4058. См. также: *Морковин В.* Пражские отклики на смерть Марины Цветаевой // Českoslo-

venská rusistika. XIV. 1969. № 2. С. 84–86, где опубликовано письмо Бема к А. А. Тесковой с сообщением о смерти Цветаевой, а также ответ Тесковой. В письме от 13 февраля Бем сообщал, что узнал из берлинского «Нового слова» о смерти Цветаевой. В своем сообщении из Смоленска И. Горский дает неверную дату и место смерти (11 августа, в Москве), упоминает, что в СССР Цветаева не печаталась, а также о ее «разрыве с мужем» и «одинокости». Бем сомневается в точности деталей, но не в самом факте — «Храните ее письма, это драгоценный для нас памятник о ней» (с. 85). В ответном письме от 15 февраля А. А. Тескова, многолетний друг и корреспондент Цветаевой, пишет: «Будь Марина вне России, имея возможность переписки, она бы этого не сделала, я в этом уверена» (там же). Письма Цветаевой к Тесковой опубликованы В. Морковиным: *Цветаева М.* Письма к А. А. Тесковой. Прага, 1969.

5. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику

Прага, 25 мая 1942

Дорогой Разумник Васильевич,

если по почерку можно себе составить представление о человеке, то Вы уже имели возможность сделать о мне свои заключения по тем письмам, которые Вы от меня получили, и мне дальше не имеет смысла подвергать Вас испытаниям, связанным с чтением моих каракуль. Поэтому перехожу на машинку, что, правда, не вполне вежливо в личной переписке. Письмо Ваше от 15-го мая получил, но не отвечал, так как поджидал Серг. Порф., который — как оказалось — два раза не застал меня дома. — Жалею, что Вы испытали разочарование, прочитав

в моем письме ошибочно строчку относительно курева. Но что делать, как принято было писать в сов<етской> России: товар дефицитный и даже весьма. Раздобыл немножко табаку трубочного и через С.П. пересылаю Вам — но опять в весьма «скромных» размерах. Не обижайтесь за пересылки табачной трухи, которая у меня собралась, я думал, что она найдет свое применение в более опытных руках, чем мои. Чтобы покончить с повседневными делами — не удивляйтесь, если на Ваше имя придут какие-нибудь деньги от имени Д. И. Чижевского¹. Это добрый мой приятель, очень выдвинувшийся историк русской литературы и философ, лектор университета в Галле, который, зная Вас по Вашей литературной деятельности, сам изъявил желание хоть чем-нибудь помочь Вам. Не смущайтесь этим: я постоянно теперь твержу своей жене — *не мешай человеку делать доброе дело*. Это ведь теперь то немногое *человечное*, что еще остается в пределах нашей возможности. Слышал, что Степун и Лютер² Вам ответили, но не знаю, в каком смысле.

О Ваших статьях надо бы поговорить особо, есть в них кое-что меня смущающее. Но в письме не договоришься, а только рискуешь вызвать недоумения, рассеять которые потом будет трудно. Уж лучше оставить до личного свидания, если таковому суждено состояться. Я только вижу, что ни для кого не проходит безнаказанно жизнь под таким гнетом и в состоянии такой оторванности от всего мира, как это имело и имеет место в Сов<етской> России. Андрей Белый, попав на короткое время в Европу, очень плохо разбирался в том, что в ней происходит. И его отзыв об эмигрантской литературе только подтверждает то, что я слышал о нем. Саша Черный и Тэффи занимали в эмигрантской литературе весьма скромное место, едва ли не более скромное, чем в свое время в России³. Бицилли⁴ — человек не без дарования — в своих критических статьях временами срывался и впадал в безвкусицу, но он ведь критик-любитель, который полагался всецело на свою «интуицию», которая подводила и более крупных людей. Однако, написал он неплохую книжку «Этюды о русской поэзии» (Пр<ага>, 1926)⁵ и его критические статьи временами совсем недурны. По специальности он историк, а привязанность по месту службы к Софии, где трудно следить за русской литературой, окрашивает его писания несколько в «провинциальные» тона (несоответствие «пафоса» утверждений с их объективной ценностью). Адамович занял, правда,

в эмигр<антской> критике незаслуженное положение, но это объясняется его связью с самой крупной в то время эмигрантской газетой. Кстати, пока Вы не увидите русских газет (сомневаюсь, попадались ли они Вам в руки в Сов<етской> России) прежнего времени, Вам будет трудно судить о характере нашей литературной жизни. С Адамовичем я много и упорно полемизировал, но у меня не было в распоряжении органа печати, который мог бы по своему положению сравняться с «его» газетой⁶. Это делало нашу борьбу, если только это можно было назвать борьбой, весьма неравной. Он, с моей точки зрения, оказывал разлагающее влияние на молодую эмигрантскую литературу, упорно прививая ей парижский яд сугубо утонченной и перекультуренной литературы (Пруст и др.).

То, что Вы пишете о «форме» и «содержании», я до известной меры приемлю, только думаю, что мы часто не замечаем, как с новой формой, которая нам кажется «чистой формой», слито и новое содержание. Для своего времени напр. «Нос» Гоголя, вероятно, был лишен всякого содержания, чего мы теперь уже никак не можем сказать. Вероятно, и у Сирина, если только наше чутье верно, будет за его формой вскрыто в будущем и свое содержание, эту форму и мастерство формальное оправдывающее.

Ваш отзыв о моей работе о Достоевском, не скрою этого, был мне очень приятен, но боюсь, что далеко не все, мною о Достоевском написанное, придется Вам по вкусу. У меня, к сожалению, нет лишнего экземпляра моей основной книги о Достоевском, но посылаю Вам свой экземпляр с просьбой мне его потом вернуть. Вы увидите, что направление моих работ отчасти связано с формализмом, но только отчасти. Но лучше выждать Вашего непосредственного впечатления.

У меня сейчас особенно большая тяга к научной работе (кажется, Михайловский где-то написал: наука хорошая штука: она мешает думать⁷), но условия моей жизни таковы, что я почти ничего не успеваю делать. Приходится упорно бороться за существование, борьба эта отнимает все время и все силы. А у меня этих *физических* сил осталось не очень-то много. Кажется, Вы меня, однако, «переплюнули»: мой вес 42 к<г>, а Ваш — я так слыхал — 40!?

Кстати, или, вернее, совсем некстати: у нас была с Вами в прошлом одна литературная встреча, о которой Вы, вероятно, забыли. В свое время я написал статью-отзыв о работе Айхенвальда, в которой

он развенчал Белинского⁸. Помню, она меня тогда возмутила, и мой отзыв был непосредственной реакцией на эту статью. Написал я его и послал в «Заветы». Статья была принята, помнится, Вами, как редактором литературной части. Но предназначалась она в тот номер, который уже не мог появиться⁹. Так мне и не суждено было быть напечатанным на страницах журнала, который был мне близок. Что с Гизетти?¹⁰ Его имя вспомнилось по какой-то капризной ассоциации. Где Витязев¹¹ и существует ли он еще? Об Оксмане¹² я думал худшее, мне говорили, что он расстрелян. Если в ссылке, то может быть еще и выживет. С ним я встречался перед своей эвакуацией в Киеве. Однако, надо кончать — уже очень поздно, а завтра предстоит трудный день. Ваших писем жду с нетерпением, а еще больше возможности лично встретиться с Вами. Все больше укрепляюсь в надежде, что этой встрече суждено осуществиться. Привет Вашей жене.

Искренно преданный Вам

А. Бем.

Авторизованная машинопись, подпись — автограф.

¹ *Дмитрий Иванович Чижевский* (1894–1977) — филолог-славист, историк, историк литературы, окончил историко-филологический факультет Киевского университета. С 1921 г. в Германии; в 1924–1932 гг. в Праге (профессор философии в Украинском педагогическом институте, участник Пражского лингвистического кружка, Украинского историко-филологического и Русского философского обществ, Славянского института). В 1932–1945 гг. преподавал в университете в Галле (Halle), где ему была присуждена степень доктора философии за книгу «Hegel in Russland» (1934; Гегель в России. Париж, 1939). См. воспоминания о Чижевском в Галле в статье-воспоминаниях Вольфганга Беркенфельда (Wolfgang Berkenfeld) «Ein kleiner Kreis in Halle», напе-

чатанной как предисловие к сборнику, посвященному 70-летию Чижевского (Orbis scriptus: Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966). После войны Чижевский преподавал в Марбургском (1945–1949) и Гарвардском (1949–1956), а затем в Гейдельбергском университетах. Кроме русского печатал работы на украинском, чешском и немецком языках. Печатался в эмигрантской прессе. В журнале «Путь» (№ 19) напечатал работу «Философия Г. С. Сковороды»; в «Современных записках» (№ 37) — «Философские искания в советской России», а также рецензии, в том числе и на статью А. Бема «Тайна личности Достоевского» (№ 41; статья Бема опубликована в: Православие и культура: Сб. религиозно-философских статей под ред. В. Зеньковского. Берлин, 1923).

После войны печатался в нью-йоркском «Новом журнале» (ст. «Неизвестный Гоголь» (№ 27); «Две родословных Гоголя» (№ 78); «Шиллер в России» (№ 45) и др.). В рецензии «Три книги о Гоголе» (Новый журнал. 1955. № 41. С. 277–288) Чижевский дал исключительно проницательное прочтение книги Ремизова «Огонь вещей».

² См. письма *Ф. А. Степуна* в наст. изд. Об *А. Ф. Лютере* см. примеч. 13 к письму 2 Иванова-Разумника Степуна, а также «Эпилог» в наст. изд.

³ По возвращении из Германии осенью 1923 г. Андрей Белый читал публичную лекцию о своих зарубежных впечатлениях в Москве (14 января 1924 г.), а затем в Ленинграде (14 февраля); его очерк о пребывании в Германии вышел под заглавием «Одна из обителей царства теней» (Л., 1924). В очерке Белый между прочим писал: «Мне трудно касаться и умственного кругозора тех множества русских, печальнейше погруженных во мрак буро-серого города, печально месящих бурду изжитого, умершего прошлого, за пять лет не создавших ни в сфере искусства, ни в сфере искания мысли ничего оригинального, утверждающих буро-серое политиканство, зачитывающихся страницами буро-серых романов Краснова, провозглашающих поэзию Саша Черного национальной поэзией» (с. 9). О своих выступлениях в Берлине Белый писал: «Аудитория моя мне казалась пришедшей ошибочно; она шла на Тэффи, иль на Аверченко» (О «России» в России и о «России» в Берлине // Беседа. 1923. № 1. С. 213). *Саша Черный* — *Александр Михайлович Гликберг* (1880–1932), поэт-юморист, детский писатель, в 1921–1923 гг. редактор литературного отде-

ла журнала «Жар-птица» (Берлин); о *Н. А. Тэффи* см. примеч. 10 к письму 1 Зайцева в наст. изд. *Аркадий (Тимофеевич) Аверченко* (1881–1925) — писатель, автор юмористических рассказов.

⁴ *Петр Михайлович Бицилли* (1879–1953) — историк и литературный критик. Кроме книги о русской поэзии (см. ниже примеч. 5), опубликовал «Хрестоматию по истории русской литературы: В 2 т.» (София: Изд. Российского земского и городского комитета, 1931–1932), а также «Краткую историю русской литературы: В 2 т.» (София, 1934). См.: Русская эмиграция в Болгарии // Новый журнал. 1997. № 206. С. 288–294. См. также: К вопросу о внутренней форме романа у Достоевского // София Университет. Историко-филологически факультет: Годишник. 1945/46. № 42. С. 1–71. Эта статья перепечатана в сб.: *O Dostoevskom: Stat'i / Ed. Donald Fanger. Brown University Slavic Reprint IV. Providence, RI: Brown Univ. Press, 1966.* См. перепечатку статей Бицилли: *Бицилли П. М. Статьи: История. Культура. Литература / Вступ. статья В. А. Туниманова // Рус. литература. 1990. № 2.* («Г. П. Федотов. “Святой Филипп, Митрополит московский”», «Трагедия русской культуры», «Возрождение аллегории»).

⁵ Книга «Этюды о русской поэзии» (Прага: Пламя, 1925) включает следующие статьи: «Эволюция русского стиха», «Поэзия Пушкина», «Место Лермонтова в истории русской поэзии» и дополнения: «К вопросу о природе русского стиха», «“Сон” и проч. в пушкинском словаре», «Художественный замысел “Медного всадника”».

⁶ Адамович печатался в газ. «Последние новости» и в журн. «Звено». О полемике с Адамовичем см. вступ. заметку к письмам Бема.

⁷ К теме отрыва науки от философской мысли и жизни Михайловский обращался неоднократно и в разных контекстах. Как пример можно указать многие фельетоны из «Записок профана» и «Писем к ученым людям» (*Михайловский Н. К. Сочинения*. СПб., 1897. Т. 3 и т. 4 соответственно.)

⁸ *Юлий Исаевич Айхенвальд* (1872–1928) — критик-импрессионист. Его книга «Силуэты русских писателей» (Вып. 1–3. 1906–1910) выдержала несколько изданий, за границей вышло шестое издание уже после смерти автора в 1929 г. Очерк о Белинском, вошедший в вып. 3 второго издания «Силуэтов» (М., 1913), переоценивавший творчество Белинского и следовавшей за ним критики, вызвал много негативных откликов (в том числе Е. А. Ляцкого: Г-н Айхенвальд около Белинского // *Современник*. 1914. № 1; и Иванова-Разумника: Правда или кривда // *Заветы*. 1913. № 12). Свой ответ Айхенвальд напечатал в кн.: Спор о Белинском: Ответ критикам. М., 1914. Кроме переоценки Белинского Айхенвальд отвергал театр, считая, что «театр изжил себя» (см. статьи 1912 г. «Отрицание театра» и «Конец театра»). Айхенвальд был выслан за границу в 1922 г. Публиковался в газ. «Руль» под псевдонимом «Б. Каменецкий» (его семья оставалась в России). Умер вследствие несчастного случая (сбит трамваем). См. некролог В. Набокова-Сирина в газ. «Руль» (23 декабря 1928 г.) «Памяти Ю. И. Айхенвальда». Ф. А. Степун,

автор заметки об Айхенвальде, предпосланной переизданию «Силуэтов» (1969), считал заслугой критика, что «субъективный метод литературной критики не превращал Айхенвальда в критика субъективиста» (с. XII), и видел в нем продолжателя завета «Фридриха Шлегеля, требовавшего, чтобы критическая статья представляла собою художественное произведение на тему разбираемого памятника искусства» (с. XI). Тепло вспоминая Айхенвальда, Б. Зайцев писал в некрологе: «Как все страстные, он бывал и пристрастен. Вознося Пушкина и Толстого, резко не любил Гоголя и Тургенева. Театр отрицал вполне. Не выносил Белинского, за что много поношений принял от учителей гимназий» (Ю. И. Айхенвальд // *Возрождение*. 1928. 22 дек.; вошел в кн.: Москва. Париж, 1939; цит. по: Улица святого Николая: Повести и рассказы. М., 1989. С. 304).

⁹ О закрытии «Заветов» см. примеч. 5 к вступ. статье.

¹⁰ *Александр Алексеевич Гизетти* (1888–1938) — публицист-эсер, печатался в «Заветах». После революции редактировал сочинения П. Л. Лаврова. Активный участник Вольфилы, где вел кружок «Философия народничества». Арестован в 1924 г. Из ссылки в Туркестане привлечен к «делу Иванова-Разумника» в 1933 г. и получил три года изолятора в Ярославле. (См.: Тюрьмы и ссылки // *Мера*. 1994. № 2. С. 183.) На свободу не вышел. Н. П. Анциферов вспоминает о Гизетти как инициаторе так называемого Эрмитажного кружка, когда оба были студентами Петербургского университета. Целью кружка была подготовка к работе по повышению культурного

уровня рабочих: «Чрезвычайно скромный, в своем сером пиджачке или черной косоворотке, чрезвычайно застенчивый и рассеянный до крайности. Это был подлинный аскет, вечно с книгой, за работой, глубоко преданный революционному движению. Его интересовали и проблемы философии, и вопросы искусства, литературы, истории. Он занимался и естественными науками, поскольку они подкрепляли его штудии в области философии. <...> Я видел в нем новый тип русского студента, характерного именно для нашей эпохи» (Из дум о былом. С. 202–203).

¹¹ *Ферапонт Иванович Седенко* (псевд. П. Витязев, 1886–1938) — историк, библиограф, издатель. Глава издательства «Колос» (1918–1926) и издатель книг Иванова-Разумника. Витязев-Седенко — один из предполагаемых авторов анонимного письма-обращения писателей из советской России «Писателям мира», опубликованного в «Последних новостях» (10 июля 1927 г.). Письмо перепечатано Н. Берберовой в кн. «Курсив мой» (с. 267–271), а также Арленом Блюмом с ценными комментариями в газ. «Русская мысль» (1995. 26 окт. — 1 нояб. № 4098; 2–8 нояб. № 4099). Свои комментарии к реакции на письмо на Западе и в СССР Блюм заключает предположением об авторе: «Я склоняюсь к тому, что текст этого обращения вышел из-под пера Витязева, руководителя издательства “Колос”, храброго и самоотверженного борца за права книги в 20-е годы, великолепно, на собственном опыте изучившего всю цензурную кухню. В этом убеждает сходство стилистики, общего пафоса, а также приводимых в обращении конкретных

фактов, с его более ранней работой — “Частные издательства в Советской России”, изданной, в сущности, нелегально в Петрограде в 1921 году. В ней он сообщает массу сведений о цензурных притеснениях издательств и отдельных авторов, публикует в качестве приложения протест Всероссийского союза писателей против начавшегося цензурного террора». См. также о Витязеве: *Блюм А. В.* За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994. С. 75–78; см. также: Протесты писателей и ученых против цензурного произвола // Там же. С. 262–302. В «Тюрьмах и ссылках» Иванов-Разумник пишет о Витязеве: «Витязев-Седенко был старый эсер <...>, член боевой эсеровской организации, после 1905 года попал в ссылку в Вологду, где подружился с ссылкой сестрой Ленина, М. И. Ульяновой. Это высокое знакомство спасало его до 1930 года от тех преследований, каким подвергались остальные видные эсеры. <...> В 1930 году его, несмотря на высокую протекцию, все же припутали к “Монархическому заговору” (это его-то, эсера!) при известном разгроме Академии наук, арестовали, <...> сослали на три года в карельские лагеря. Высокие связи помогли ему досрочно освободиться и поселиться в Нижнем Новгороде, а вскоре даже и переехать в Москву. <...> Он снова был арестован в начале 1937 года, сидел на Лубянке» (Мера. 1995. № 1. С. 249). Из тюрьмы он не вышел. На допросах во время повторного ареста (1937 г.) Иванову-Разумнику были предъявлены показания Седенко в связи с Ивановым-Разумником, которые последний отказался признать (там же. С. 250).

К судьбе Витязева-Седенко Иванов-Разумник также обращается в очерках, опубликованных в «Новом слове» (см. наст. изд., приложение I, 6). Об издательстве «Колос» и сотрудничестве и дружбе Витязева-Седенко с П. А. Сорокиным (см. о нем примеч. 20 к письму 7 Постникова) см.: Об одном неосуществленном издательском замысле: Письма П. А. Сорокина к П. Витязе-

ву // Рус. литература. 1993. № 1. С. 182–190. О Витязеве-Седенко см. также: Поздно мы с вами познакомились: Из переписки И. Ф. Масанова и Ф.И. Витязева / Предисл., публ., примеч. Е. Н. Никитина // Советская библиография. 1991. № 1. С. 125–132; № 2. С. 115–126.

¹² Об *Оксмане* см. примеч. 4 к письму 4 Берберовой.

6. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику

<13.VII.1942>¹

Дорогой Разумник Васильевич,

Очень давно не писал Вам, но так уж сложились обстоятельства², что на письма трудно было отвечать. Жизнь так осложнилась, что все труднее и труднее становится поддерживать личные отношения. Уже одни заботы о хлебе насущном так утомляют, что вечером с трудом добираться до постели. А тут еще конец учебного года, школа у меня в часе езды трамваем, много всяких дополнительных забот и хлопот. Ну, одним словом, Вы сами себе многое представляете, так как судьба наша <у> всех одинакова, только внешняя обстановка складывается по-разному... Письмо Ваше последнее с отзывом о моей книге не могло меня не порадовать. Ведь это первый отклик человека оттуда, если не считать очень резко пристрастного отзыва некоего Б. Огрона (не знаете ли, кто сей муж, псевдоним это или один из мыльных пузырей, от поры до времени выскакивающих в Сов<етской> России на литературной почве?) во «Временнике Пушкинской комиссии», вып. 2-й 1936 г.³ Я, признаться, побаивался этой нашей встречи на конкретных вопросах изучения литературы, так как очень уж различны условия, в которых протекала наша литературная деятельность. Тем больше была радость, когда я увидел, что в основном мы не расходимся. Я и сам понимаю, что надо бы написать монографию о Достоевском, но... Вы это знаете: чем глубже уходишь в писателя, тем труднее дать обобщающую работу. Поэтому-то монографии о русских писателях так ча-

сто пишут не русские, а иностранцы. Покойный Ходасевич горько жаловался мне, что уничтожил десять печатных листов подготовленной биографии Пушкина — и это после блестящего успеха его книги о Державине. Но Державиным он занимался только для книги, а Пушкиным болел всю свою жизнь⁴. Очень хотел бы Вас познакомить со второй своей книгой о Достоевском⁵, в которой уже намечен возможный стержень, руководящая мысль возможной монографии. Сейчас я вновь ушел в детальную работу, погряз с головой в фольклоре в связи с темой: Д<остоевский> и народное творчество. Хочу написать книгу, в которой хотел бы показать, как мотивы народного творчества органически вплетаются в творчество и как их много у этого как будто насквозь «городского писателя». Закончил пока только главу о народной песне, которая займет ок<оло> двух печатных листов⁶. Очень только трудно работать на такую тему, когда под рукой нет необходимых справочных пособий и фольклорных сборников. Кстати, книги своей я еще не получил обратно, а, мне помнится, Вы писали, что посылаете ее Серг. Порфирьевичу. Будет досадно, если она пропадет на почте, ее достать очень трудно. Серг. Порф. видел в эту пятницу на похоронах Ляцкого, о смерти которого Вы, вероятно, уже знаете⁷. Он долго держался, работал до самого последнего времени и умер неожиданно — болезнь в его возрасте частая — уремия.

В этот вторник (помните, как Толстой в последние годы при предположениях на будущее писал: е.б.ж. — то есть «если буду жив») собираюсь на шесть недель выехать за город. Здоровье мое и жены очень за эту зиму пошатнулось, так что нужда в перемене обстановки и относительном отдыхе большая. У меня все очень осложнено вопросом диеты — при язве желудка приходится очень считаться с едой. Как в деревне наладится этот вопрос, сказать трудно. Но уже одно то, что можно будет побыть в природе, должно хоть несколько восстановить душевные силы.

Как Ваше здоровье и есть ли какое-нибудь движение Вашего личного дела? Я все же надеюсь, что Вы скоро выберетесь из барачных и устроитесь более прочно и определенно. В Конице живет также, как я случайно узнал, дочь Н. П. Анциферова, с покойной женой которого, да и с ним самим я был довольно близко знаком: они мои земляки-киевляне⁸. Если Вы с ней как-нибудь соприкасаетесь, передайте ей мой привет — привет человека, близко знавшего ее мать и очень ее ценившего.

Может быть, она и в семье слыхала в разговорах мое имя. Судьба Н.П. Анциферова⁹ в сов<етской> России сложилась очень тяжело — его бесконечно ссылали и совершенно измучили. Проклятая власть — сколько она за эти годы погубила одной только интеллигенции. Ваш очерк о Сологубе¹⁰ меня очень разволновал — все это и знаешь, но как по раскрытой ране — каждый раз больно до желания кричать в полный голос.

Писать мне можно по городскому адресу. Привет Вашей супруге.

Дружески Ваш
А. Бем.

Письмо. Авторизованная машинопись, подпись — автограф.

¹Без даты. Дата — 13.VII — помечена рукой Иванова-Разумника.

² Бем имеет в виду убийство главы германского управления в Протекторате Богемии и Моравии, Рейнгарда Гейдриха (Reinhard Heydrich, 1904–1942) и последовавшие за ним репрессии. Гейдрих был убит через восемь месяцев правления с ужесточением режима (введение особого положения в городах, преследование сопротивления, активная германизация, аресты и депортация евреев). Покушение было организовано правительством Бенеша в Лондоне и произошло 27 мая. Гейдрих умер 4 июня, а 9 июня была уничтожена деревня Лидице (Lidice) — мужчины расстреляны, женщины и дети вывезены в лагерь, деревня разрушена. После покушения чешские парашютисты, заброшенные из Англии и совершившие покушение, ночевали в чешском православном соборе свв. Кирилла и Мефодия в Праге (ul. Kesslova), где были обнаружены. После боя крипта собора, где они скрывались, была взята штурмом 18 июня. Из семи участников покушения трое

были убиты и четверо покончили с собой. Епископ Горазд, первый епископ Православной Чешской Церкви, а также священники Владимир Петржек и Вацлав Чикл и староста Ян Сонневенд были арестованы Гестапо и расстреляны 4–5 сентября, в сентябре же были убиты в лагере Маутхаузен 252 человека, арестованных по этому делу, в том числе секретарь епископа Горазда М. Грузинова, семья Я. Сонневенда и др. См.: *Kráčmar Č. Panychida za statečné. Praha, 1988*; а также официальные сообщения правительства Бенеша в Лондоне «Memorandum of the Czechoslovak Government: On the Reign of Terror in Bohemia and Moravia under the Regime of Reinhard Heydrich» и «German Massacres in Occupied Czechoslovakia Following the Attack on Reinhard Heydrich» (Published by Czechoslovak Ministry of Foreign Affairs. Department of Information. London, 1942). Б. И. Николаевский поместил в «Социалистическом вестнике» (1942. 30 июня. № 11–12. С. 159) заметку «Памяти чешских социалистов», где упоминает, что среди нескольких со-

тен расстрелянных заложников было много виднейших представителей чешской интеллигенции, в том числе прозаик Владислав Ванчура, экономист и социолог Ян Ауерган и филолог-классик, профессор университета в Брно Максимилиан Рышанек. Читавший три немецких газеты (ЗК 16 мая: «Покупаем каждый день три газеты: „Völkischer Beobachter“, „Danziger Vorposten“ и „Danziger Neueste Nachrichten“») Иванов-Разумник отмечает в ЗК 5 июня: «В газетах — смерть раненного чешским террористом „протектора“ Чехии „Obergruppenführer“ а Heydrich’a. Ранен 27.V, умер 4.VI», и 10 сентября: «Расстрел в Праге епископа и трёх его сотрудников. Полное отсутствие писем к нам из Праги с 22/VIII».

³ Б. Огрон — псевдоним литературоведа и критика А. Г. Горнфельда (1867–1941). Рецензия на: Бем А. Фауст в творчестве Пушкина // Slavica. XIII. Praha, 1935. Автор, в частности, писал: «Провал крохоборческой, примитивной и безответственной методики фантазирующего вчитывания в тексты Пушкина, практикуемой А. Бемом, очевиден» (с. 443).

⁴ См.: Сурат И. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994; Ходасевич В. Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Berkeley, 1999. Т. 1 (Статьи, рецензии и заметки 1913–1924 гг.). Включает первое полное издание «Поэтического хозяйства Пушкина» (1924).

⁵ О работах Бема о Достоевском см. примеч. 6 к письму 2, а также вступ. заметку к письмам Бема.

⁶ Это исследование, как видно, напечатано не было, во всяком случае оно не учтено ни в «Библиографии ра-

бот А. Л. Бема о Достоевском» (сост. С. В. Белов) в сб. «О Dostojevském» (Praha, 1972), ни в более поздней библиографии М. Бубениковой и Л. Вахаловской.

⁷ О смерти Е. А. Ляцкого см. вступ. заметку к его письмам в наст. изд.

⁸ Дочь Н. П. Анциферова — Татьяна Николаевна Камендровская (р. 1924), живет в США. Жена Анциферова — Татьяна Николаевна (урожд. Оберучева, 1890–1929).

⁹ Николай Павлович Анциферов (1889–1958) — ученик И. М. Гревса, продолжатель его исторического метода изучения истории городов. Автор широко известной книги «Душа Петербурга» (1922), а также «Петербург Достоевского» (1923). (Репринт. изд. в 1 т.: Душа Петербурга, 1922. Петербург Достоевского, 1923. Быль и миф Петербурга, 1924 / Вступ. ст. Д. С. Лихачева, сост. и коммент. К. А. Кумпан и А. М. Конечного. М., 1991. Список работ Анциферова составлен М. Б. Вербловской.) В 1929 г. арестован в связи с делом религиозно-философского кружка А. А. Мейера «Воскресенье», осужден на три года лагерей. Находясь в Соловецком лагере, был привлечен по делу Академии наук и получил добавочный срок (два года), который отбывал в Медвежьей Горе на стройке Беломорско-Балтийского канала. После освобождения переехал в Москву (1934 г.). В 1937 г. снова арестован, приговорен к 8 годам лагерей и отправлен по этапу в Уссурийский край. При спаде террора в 1939 г. его дело было прекращено, и Анциферов был выпущен на свободу. Работал в Москве в Литературном музее. Подробности биографии см. во вступ.

статье А. М. Конечного и К. А. Кумпан к кн. «Непостижимый город» (Л., 1991), включающей кн. «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского» и «Петербург Пушкина», а также в воспоминаниях Анциферова: Из дум о былом / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992. См. также: *Анциферов Н. П.* Три главы из воспоминаний / Предисл. и примеч. Е. Еленина и Ю. Овчинникова // *Память: Исторический сб.* 1981. № 4. С. 55–145. (Там же библиография работ Анциферова, с. 146–152.) В том же сборнике напечатаны «Материалы

к истории Академии наук» (с. 459–495). См. также: Начало «дела» Академии наук // *Исторический архив.* 1993. № 1. С. 79–109 (там же библиография). Ср.: Пять «вольных» писем В. И. Вернадского сыну: Русская наука в 1929 г. / Публ. К. К. // *Минувшее.* 1989. № 7. С. 424–450; *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика: Воспоминания: В 2 т. Нью-Йорк, 1945 (Ч. 5: «Последние годы в СССР. 1927–1930», гл. 5: «Конец старой Академии наук»).

¹⁰ Очерк о Сологубе был напечатан в «Новом слове» в двух частях (см. наст. изд., приложение I, 3 и 4).

7. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику

17.VIII.1942¹

Дорогой Разумник Васильевич,

получил Вашу немецкую открытку от 31.VII. В ней Вы не сообщаете, дошла ли до Вас бандероль с вырванными из старого эмигрантского журнала рассказами молодых зарубежных писателей. Я ее послал одновременно с письмом перед отъездом из Праги. Вот уж месяц, как я в деревне и не верится, что можно еще жить в такой тишине, среди чудной природы. У нас окно выходит с видом на большое озеро, окаймленное лесом, который уступами поднимается вверх до самого горизонта². Если бы не газеты, можно бы хоть временно уйти от сегодняшнего дня. Я взял с собою кой-какую работу, между прочим занят языком Достоевского, которого с этой целью просматриваю заново и делаю выписки³. Какое наслаждение погрузиться в стихию языка, особенно сейчас. Совсем по-новому понимаешь тургеневское стихотворение⁴. Сегодня на день-другой еду по своим делам в Прагу. Серг. Порф. видал перед самым отъездом и успел передать ему немного табачного зелья для Вашего утешенья. Хоть бы Ваша судьба скорее определилась. Привет Вашей жене.

Дружески Ваш А. Бем.

Открытка. Автограф. Над текстом помечено «Russisch geschrieben».

¹ На обороте рукой Иванова-Разумника под адресом отправителя представлена дата «17.VII», вероятно по почтовому штемпелю, на котором дата также «17.VII.42». Однако содержание письма подтверждает дату автора.

² Ср. с рассказом Набокова «Облако, озеро, башня».

³ См. выше письмо 6.

⁴ Перед словом «стихотворение» зачеркнуто «В минуты» — начало стихотворения в прозе Тургенева «Русский язык».

ПОСТНИКОВЫ

Из всех корреспондентов Иванова-Разумника в 1942 г. Постниковы были самыми близкими Ивановым людьми. Постниковых связывала с Ивановыми не только идеологическая близость и совместная работа в предреволюционные годы, но и большая личная дружба. В письмах есть ссылки на дружеское участие Ивановых в жизни Постниковых в прошлом, и, как следует из публикуемых писем, с момента установления первого контакта с Ивановыми Постниковы не прекращали переписку до конца, трогательно заботились о Разумнике Васильевиче и Варваре Николаевне, стремились всемерно их поддерживать — посылали деньги, продуктовые и вещевые посылки, а также снабжали книгами и периодикой, стараясь посвятить Иванова-Разумника в литературную и культурную жизнь русской эмиграции. Следует отметить, что пересылка вещей и особенно книг была менее ограничена из Протектората Богемии и Моравии, чем из оккупированной Франции (см. письма Н. Берберовой). Ремизовы, тоже старые друзья, были в это время сами в тяжелом положении в Париже, привязанные к дому тяжелой болезнью Серафимы Павловны.

Сергей Порфирьевич Постников (1883–1965) был редактором, издателем и библиографом, а также активным членом партии эсеров. Приводим выдержки из «Кратких биографических сведений», написанных Постниковым в 1953 г. и включенных в приложение к двухтомному изданию монументальной библиографии, составленной Постниковым: «Родился <...> в г. Архангельске, сын учителя. Образование — высшее. Профессия — литератор, библиограф. При царизме был арестован три раза. <...> В 1912–14 гг. основатель, член редакции и секретарь журнала “Заветы”. В 1917 году и 1918 году секретарь и член редакции газеты “Дело Народа”, председатель Литературного совета издательства “Колос”. С 1921 по 1945 гг. в эмиграции. Один из основателей Русского Исторического Архива <РЗИА> в Праге, член его Ученой Комиссии, заведующий библиотекой его» (Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции (1918–1945): Биб-

лиогрaфия из кaтaлогa Р. З. И. Архивa: В 2 т. / Сост. зaведующий библиотекoй Архивa С. П. Постников; Под ред. члeнa-учредитeлeя Русскoгo библиoгpaфичeскoгo oбщecтвa в Мoсквe С. Г. Блинoвa; Introduction by Ed. Kasinec and R. H. Davis, Jr. New York: Norman Ross Publishing, 1993. Т. 1. Книги и брошюры Русской эмиграции. Т. 2. Периодика Русской эмиграции. Биографическая справка Постникова напечатана по автографу в т. 2, с. 399).

Судя по многочисленным ссылкам в письмах, представляется, что наиболее интенсивным и значительным периодом общения и дружбы Постникова и Иванова-Разумника было время совместной работы в журнале «Заветы». Один из организаторов и секретарь журнала, Постников пригласил Иванова-Разумника к участию в «Заветах»: «Когда я приехал к нему <Иванову-Разумнику> с предложением сотрудничества в “Заветах” в качестве критика <...>, он <...> сотрудничать отказался, т<ак> к<ак> предполагал сам издавать журнал. Это не осуществилось, и Иванов-Разумник начал работать в “Заветах” с 7-го номера, с октября» (*Леонтьев Я. В.* Иванов-Разумник и освободительное движение в России // *Иванов-Разумник: Личность.* Вып. 1. С. 11. В статье автор цитирует неопубликованные мемуары С. П. Постникова «Мои литературные воспоминания». См. там же предысторию создания журнала. О Иванове-Разумнике в «Заветах» см. вступ. статью).

За границу Постниковы попали в 1921 г. после нескольких неудачных попыток нелегального перехода границы в Финляндию, преодолев многочисленные трудности. Сначала попал в Финляндию сам Постников, позднее к нему присоединилась его жена. Эти события очень детально и ярко описаны *Елизаветой Викторовной Постниковой* (1884–1961) в очерке «21-й год», опубликованном в «Архиве русской революции» (Т. 13. С. 125–151). (Е. В. Постникова также опубликовала несколько очерков воспоминаний в журнале «Воля России» (Прага): «Детство в Киеве» (1925. № 7, 8), «Юность» (1926. № 2) и «Лето» (1927. № 7), объявленных как отрывки из «подготавливаемой к печати книги “Записки революционерки”».)

Из Финляндии Постников переехал в Эстонию, затем они перебрались в Берлин и, в конце концов, в Прагу. Постников принимал деятельное участие в эсеровских изданиях, в газете «Голос России» (с 1922 г.), был членом редколлегии журнала «Революционная Россия» (центральный орган партии эсеров, выходивший сначала в Юрьеве

(с 1919 г. — Тарту), затем в Берлине и Праге), а также в 1927–1932 гг. соредактором журнала «Социалист-революционер» (Париж), редактировавшегося членами заграничной делегации партии социалистов-революционеров. Однако главным занятием Постникова стала служба в РЗИА, о чем свидетельствуют опубликованные им труды.

В книге «Русские в Праге. 1918–1928», написанной и изданной к 10-летию Чехословацкой республики, Постников обозначен как редактор-издатель. Этот справочник содержит перечень и описание русских организаций в Праге и подробно останавливается на истории возникновения РЗИА в 1923 г. и на дальнейшей деятельности Архива (с. 41–50). Архив финансировало Чехословацкое Министерство иностранных дел, а администрацией ведал совет чешско-русских ученых. Сам Постников заведовал отделом печатных изданий Архива (см. письмо 3). Об отправке Архива в Москву после Второй мировой войны и входа советской армии в Прагу и о дальнейшем распределении материалов Архива по различным архивам в СССР см.: Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // *Вопр. истории*. 1990. № 11. С. 19–30. В этой статье, между прочим, содержится неверная информация об увольнении в марте 1942 г. немецкими властями, в чье ведение перешла администрация Архива в период Протектората, нескольких сотрудников Архива, в том числе и Постникова (с. 27). Как следует из публикуемых писем, Постников продолжал работать в Архиве и после указанной даты. О библиотеке Архива, оставшейся в Праге, см.: Kneeeley R.-J., Kasinec Ed. *The Slovanská knihovna in Prague and its RZIA Collection* // *Slavic Review*. 51(1): [122]–130, Spring, 1992. Об Архиве см. также: Седельников В. Архив, о котором долго молчали / Беседовала Н. Давыдова // *Московские новости*. 1990. 15 апр. № 15. С. 16; Владимирцев Н. И. Документы Пражского архива о русской эмиграции в Чехословакии: Обзор фондов организаций социалистов-революционеров // *Пражский сборник*. С. 561–564; и Fischer G. *The Russian Archive in Prague* // *American Slavic and East European Review*. 1949. № 8. С. 289–295.

Самым значительным трудом Постникова в эти годы была «Библиография русской революции и гражданской войны (1917–1921): Из каталога библиотеки РЗИА». Книга вышла в Праге в 1938 г. под редакцией директора Архива проф. Яна Славика, который в частности писал в предисловии: «Подбор и распределение материала по отделам книги произвел С. П. Постников, заведующий книжно-журнальным

отделом Архива. Он является главным создателем систематического каталога всей библиотеки» (с. XV).

Увоз Архива в Москву после войны и дальнейшая его судьба прямо противоречили целям его основателей: «Инициаторов создания русского Заграничного Исторического Архива одухотворяло стремление (полное значения не только для настоящего времени, но и для самого отдаленного будущего) предохранить от распыления и гибели, столь возможных в условиях пребывания русской эмиграции, те исторически-архивные ценности, утрата которых была бы невознаградимой для истории такого исключительного периода, как мировая война, революция и гражданская война в России» (Русские в Праге. С. 43–44).

После занятия Праги советской армией Постников был арестован и осужден на пять лет лагерей за прошлую принадлежность к партии эсеров. О дальнейшем Постников пишет в биографической справке: «В 1950, по отбытии заключения, направлен на жительство в г. Никополь, к сестре (как инвалид). В 1951 году с 1 мая работал швейцаром в Чайной, с зарплатой 200 рублей в месяц». Он вернулся в Прагу в 1950-х гг., скончался 29 января 1965 г. и похоронен на Ольшанском кладбище.

* * *

В собрании *АИШ* сохранилось 23 письма Постниковых, четыре из них (№ 9, 17, 21 и 23 в наст. изд.) написаны Е. В. Постниковой. Двадцать писем относятся ко времени между 9 апреля и 12 августа 1942 г. Письма № 21 и 22 написаны в марте 1945 г., последнее (№ 23) — 14 февраля 1946 г. (см. наст. изд., «Эпилог»). В письмо от 19 июня (№ 13) вложен черновик писем Иванова-Разумника к С. П. Постникову от 21 и 22 июня 1942 г. (текст черновика включаем в примечания к письму № 13).

1. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

Prag, den 9.IV.1942

Mein lieber Freund Rasumnik Vasiljewitz!

Gestern, den achten April bekam H. Böhm¹ Ihren Brief und liess mich sofort rufen, um den Inhalt des Briefes mit ihm beisammen zu besprechen.

Aus Ihrem Brief habe ich verstanden, dass Sie unter einem Geldmangel sehr leiden.

Dieser Tage werde ich Ihnen so viel Geld schicken, wieviel ich nur kann.

Sie bitten um russische Zeitungen und Zeitschriften. Aber in Europa gibt es jetzt nur eine russische Zeitung (*Das Neue Wort*, was wird in Berlin ausgegeben). Journale gibt es keine.

Schreiben Sie mir bitte, was Sie noch brauchen. Sind Ihnen die Lebensmittelkarten zugeteilt worden? Brauchen Sie nicht eine Sendung mit Lebensmitteln? Wenn Sie unter einem Mangel an Ernährung leiden,— werden wir Ihnen ein Teil davon schicken, was uns zugeteilt ist.

Meine Frau Elisaweta Wiktorovna und ich erinnern uns oft an Sie, wir lieben Sie und selbstverständlich sind bereit, alles zu machen, um Ihre Lage zu erleichtern.

Wir wussten, dass Sie lange in den Gefängnissen der Bolschewiken, gesessen waren, und längst haben jede Hoffnung verloren, Sie einmal <zu> sehen.

In Prag lebte N. S. Rusanow², er starb im Jahre 1939; er war 80 Jahre alt. Zamjatin³ starb in Paris im Jahre 1937. Remisow⁴ wohnt in Paris; Los-sky⁵ — in Prag.

Böhm schreibt Ihnen selbst⁶. Er will Sie mit dem H. Ar<thur> Luther⁷, dem Autor der *Geschichte der russischen Literatur* in Verbindung bringen.

Ich glaube, dass Ihre Frau, Warwara Nikolaewna, kann leichter einen Verdienst finden, als Sie. Sie ist doch, Ihrer Geburt nach, eine Deutsche und kennt die deutsche Sprache. Sie könnte in einer deutschen Bibliothek eingestellt werden.

Ich schreibe heute deutsch und kurz. Darf man Ihnen auch in der russischen Sprache schreiben?

Elisaweta Viktorowna und ich grüssen Euch beide.

Adr<esse>: Steffekstrasse N 6, Prag XVIII.

S. Postnikov.

Перевод:

Прага, 9.IV.1942

Мой дорогой друг Разумник Васильевич!

Вчера, восьмого апреля г-н Бем¹ получил Ваше письмо и сразу вызвал меня, чтобы обсудить вместе с ним содержание письма.

Из Вашего письма я понял, что Вы сильно нуждаетесь в деньгах. На днях пошлю Вам столько денег, сколько смогу.

Вы просите русских газет и журналов. Но в Европе сейчас только одна русская газета («Новое Слово», выходящая в Берлине). Журналов нет.

Пожалуйста напишите мне, что еще Вам нужно. Выдают ли Вам продуктовые карточки? Не нужна ли Вам продуктовая посылка? Если Вы страдаете от недостатка питания, мы Вам будем посылать часть того, что выдается нам.

Моя жена Елизавета Викторовна и я часто вспоминаем Вас, любим Вас и, само собой разумеется, готовы сделать все <возможное>, чтобы облегчить Ваше положение.

Мы знали, что Вы долго сидели в тюрьмах у большевиков, и давно потеряли всякую надежду снова увидеться с Вами.

В Праге жил Н. С. Русанов², он умер в 1939 году; ему было 80 лет. Замятин³ умер в Париже в 1937 году. Ремизов⁴ живет в Париже; Лосский⁵ — в Праге.

Бем пишет Вам сам⁶. Он поможет Вам связаться с г-ном Ар. Лютером⁷, автором «Истории русской литературы».

Я думаю, что Вашей жене, Варваре Николаевне, будет легче найти заработок, чем Вам. Ведь она по рождению немка и знает немецкий язык. Она могла бы устроиться в немецкой библиотеке.

Пишу сегодня по-немецки и кратко. Можно ли Вам писать и на русском языке?

Елизавета Викторовна и я приветствуем Вас обоих.

Ад<рес>: Steffekstrasse № 6, Prag XVIII.

С. Постников.

Письмо. Автограф аккуратно выписан, по-видимому, рукой Е. В. Постниковой. Приписка адреса в конце письма и подпись — автограф С. П. Постникова.

¹ А. Л. Бем — см. его письма в наст. изд.

² Николай Сергеевич Русанов (Кудрин, 1859–1939) — народоволец, затем эсер, публицист. Автор мемуаров «Из моих воспоминаний» (1923) и «В эмиграции» (М., 1929). См.: Русский Берлин. С. 390–391. См. обмен пи-

сьмами Иванова-Разумника и Русанова в 1908 и 1911 гг. в связи с издательскими планами эсеров (покупки журнала «Вестник Европы») в: Леонтьев Я. В. Иванов-Разумник и освободительное движение в России // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 1. С. 8–9. См. о нем письмо 9 Постниковой.

³ *Е. И. Замятин* (1884–1937). Знакомство и дружба Постникова и Иванова-Разумника с Замятиным относится к предвоенным годам, когда его повесть «Уездное» была опубликована в «Заветах» (1913. № 5; отд. изд. — 1915). Публикация его же «На куличках» в № 3 за 1914 г. вызвала конфискацию тиража; 2-е издание номера (№ 3а) вышло без рассказа Замятина. Хотя во 2-м сб. «Скифы» (1918) появились его «Островитяне», Замятин разошелся со скифством Иванова-Разумника, так как считал, что принятие большевиков как реализации скифства снижает идею революции. См. его статью «Скифы ли?» (Мысль. Вып. I. Пг., 1918. С. 285–293; перепечатана в: *Замятин Е. Сочинения* / Под ред. Е. Жиглевич и Б. Филиппова. Мюнхен, 1988. Т. 4. С. 503–513). См. также: *Shane A.-M. The Life and Works of Evgenij Zamjatin*. Berkeley, 1968. В 1919 г. Замятин был арестован по делу Иванова-Разумника, но был выпущен через два часа (см.: Тюрьмы и ссылки. С. 39–42). История ареста Замятина в связи с высылкой ученых и философов в 1922 г. и выезд за границу в 1931 г. подробно освещены в серии статей А. Галушкина «У зеленой стены: Евгений Замятин в “задержанной” эмиграции» (Русская мысль. 1997. Окт. № 4191, 4192, 4193, 4194), написанной по архивным материалам. История прижизненных публикаций переводов романа «Мы» и частичной публикации по-русски в пражской «Воле России», а также антизамятинская кампания 1929 г. подробно описаны в комментариях Евг. Барабанова к изданию романа в серии «Из литературного наследия»: *Замятин Е. Сочинения*. М., 1988. С. 526–541. О дружбе с Постниковым и о его роли в предполагавшейся

публикации романа за границей в оригинале, а также о частичной публикации в «Воле России» см.: *Янгиров Р. Пражский круг Евгения Замятина: Новые материалы к биографии писателя* // Русская мысль. 1997. 19 дек. — 1996. 15 янв. № 4154, 4155, 4156. См. также: *Мальмстад Дж., Флейшман Л. Из биографии Замятина: По новым материалам* // Stanford Slavic Studies. 1987. № 1. С. 103–151; *Замятин Е. И. Письмо А. К. Воронскому: К истории ареста и несостоявшейся высылки Е. И. Замятина в 1922–23 гг.* / Публ., сопровождает текст и примеч. А. Ю. Галушкина // De Visu. 1992. № 0. С. 12–23. См. также публикацию, посвященную 60-летию со дня смерти Замятина (под ред. М. Ю. Любимовой // Russian Studies. Vol. 2. 1996. № 2), в особенности письма Замятиных к Постникову («Заветный друг» Евгения Замятина / Публ., вступ. статья и примеч. Р. Янгирова // Там же. С. 478–520). См. также: *Туниманов В. А. Последнее заграничное странствие и похороны Е. И. Замятина: Европейская судьба «скифа» и «еретика»* // Там же. С. 387–415. См. также след. издания: *Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина: В 2 ч.* СПб., 1997. (Рукописные памятники. Вып. 3). (Здесь письма Замятина к Л. Н. Замятиной 1906–1931 гг.); *Новое о Замятине: Сб. материалов* / Под ред. Леонида Геллера. М., 1997.

⁴ *А. М. Ремизов* — см. его письма в наст. изд.

⁵ *Н. О. Лосский* — см. примеч. 3 к письму 1 Бема.

⁶ См. письма Бема в наст. изд.

⁷ Об *Артуре Лютере* — см. примеч. 13 к письму 2 Иванова-Разумника Степуну, а также письма Лютера в «Эпилоге» наст. изд.

2. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

14.IV.1942

Meine lieben Freunde, Warwara Nikolaevna und Rasumnick Wasiljewitch, gestern habe ich Ihnen 100 R.M. geschickt. Verzeihen Sie, dass ich Ihnen nicht so viel schickte, wie ich es wollte, aber unsere Valuta ist sehr billig (1000 Kr. — 100 R.M.). Später werde ich noch 100 oder 200 R.M. schicken. Bekamen Sie meinen Brief, welchen ich Ihnen 9.IV geschickt habe? Ich warte auf Ihre Antwort. Können Sie den Lager verlassen? Wohin wünschen Sie in diesem Fall fahren? Wenn Sie nach Prag übersiedeln wollen, bitten wir, direct zu uns zu kommen. Wir wohnen in einer Villa, haben zwei Zimmer und eine Kueche. Wie ist Ihre Gesundheit? Brauchen Sie irgend welche Arzneimittel? Elisaweta Wiktorowna und ich senden Ihnen unsere herzlichen Glückwünsche u<nd> hoffen, Euch bald zu sehen.

S. Postnikov.

Перевод:

14.IV.1942

Мои дорогие друзья, Варвара Николаевна и Разумник Васильевич, вчера послал Вам 100 Р. М. <рейхсмарок>. Извините, что послал не так много, как хотел, но наша валюта очень дешева (1000 крон — 100 рейхсмарок). Позднее пошлю еще 100 или 200 Р. М. Получили ли Вы мое письмо, которое я Вам послал 9.IV? Жду Вашего ответа. Можете ли Вы оставить лагерь? В этом случае, куда бы Вы хотели поехать? Если Вы захотите переселиться в Прагу, мы просим Вас приехать прямо к нам. Мы живем в городской вилле, имеем две комнаты и кухню. Как Ваше здоровье? Нужны ли Вам какие-нибудь лекарства? Елизавета Викторовна и я шлем Вам наши сердечные приветствия и надеемся скоро Вас увидеть.

С. Постников.

Открытка. Автограф.

3. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

20.IV.1942

Прага

Дорогой Разумник Васильевич,

Я получил Ваше письмо и прочитал письмо к А. Л. Бему. Я и раньше слышал о Ваших мытарствах при большевистском режиме. Через общих знакомых доходили до меня слухи о Вашей невыносимой жизни там. Но все-таки я не представлял себе всего, что Вам пришлось пережить там. А теперь ко всему еще и болезнь Ваша¹. Бога ради, поправляйтесь скорее и вернитесь к своей любимой литературе.

Хочется много написать Вам, но прежде всего нужно устроить Вас в здешнем нашем мире, которого Вы не можете знать. Но хочется все-таки сказать, что Вы для меня и для Елизаветы Викторовны самый близкий человек, как брат. Мы никогда не могли забыть, какую моральную поддержку Вы оказывали нам во всех наших несчастиях и горестях в эпоху «Заветов»². Мы постоянно вспоминали Вас, любили и мечтали о встрече с Вами. Как же мы могли забыть и Варвару Николаевну, Вашего верного друга и спутника Вашей тяжелой жизни? Простите за сентиментальность, но я не мог здесь от нее воздержаться. Елизавета Викторовна несколько раз садилась за письмо к Вам, но, по своей женской натуре, заливалась слезами, растроганная Вашим положением.

Но к делам нашим.

Завтра или послезавтра пошлем Вам двухкиловую посылку с продуктами. Это разрешается. На днях же пошлем одежду. Костюм и пальто Вам по мерке не подойдут, я выше Вас ростом. Придется посланное переделать. А может быть, перемените как-нибудь, хотя на костюме хороший материал. К сожалению, у нас в Праге теперь ничего нельзя купить без карточек. При отсылке Ел<изавета> В<икторовна> даст более подробные указания.

В среду <рукой Иванова-Разумника приписка: 22.IV> пошлю Вам еще 130 марок. О возврате их не думайте. Потом еще пошлю. Я говорил с Е. А. Ляцким³, Вашим коллегой по истории русской литературы. Он сказал мне, что напишет Вам и пошлет немного денег. Он теперь профессором на пенсии (хорошей) и зарабатывает учебниками русского языка. Живет он хорошо, но ему уже 72 года.

Теперь о Ваших рукописях. С ними нужно подождать, т<ак> к<ак> русское книгоиздательство теперь почти приостановилось. Журналов нет. «Новая Жизнь»⁴ — это иллюстрированный журнальчик, прекратившийся на 18 номере. Борис Зайцев⁵ к нему не имел никакого отношения. По моим сведениям он — в Париже. (Там же Шмелев⁶, Осоргин⁷, Бунин⁸.) Поэтому приходится пока воздержаться от всяких литературных русских выступлений. Можно подумать об издании на нем<ецком> или итальянском языке. С нем<ецкими> издателями у меня нет знакомств, но я знаю хорошо проф<ессора> Ло Гатто, редактора итальянского журнала «Восточная Европа». Он специалист по истории русской литературы. В 1937 году перевел и издал в стихах «Евгения Онегина»⁹. Человек он приятный и, конечно, сделает все, что может. Мы ждали его на днях сюда в Прагу, но почему-то он не приехал. Ляцкий тоже хорошо его знает. Как Вы к этому относитесь? Конечно, потом можно издать рукопись и по-немецки и по-чешски, но лучше сначала повидаться и поговорить, как это все лучше сделать.

Но вот с картиной милейшего Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина (недавно я читал его прекрасно написанные воспоминания¹⁰) дело можно скорее устроить. Нужно ее только предварительно оценить. В Германии ее продать выгоднее, так как в Протекторате валюта низкая. В Дрездене живет Федор Августович Степун (адрес его ниже). Он тоже профессор на пенсии¹¹. Читал лекции в Дрезденском университете. Степун может посодействовать приобретению картины в Дрезденскую Галерею. Но сообщите мне размеры картины и оценку ее приблизительную. У меня здесь есть приятель, который занимался продажей картин. Я могу и здесь нащупать почву. В Праге есть люди, которые охотно покупают картины. М<ожет> б<ыть>, дадут ту же цену, что можно получить и в другом месте.

Теперь о дальнейшей Вашей жизни. Я не знаю, как власти разрешат вопрос Вашего местожительства, когда кончится Ваш карантин и когда Вы выздоровеете. Больше всего мне хотелось бы, чтобы Вы приехали сюда, в Прагу. Но об этом надо усиленно хлопотать. Разрешение на въезд сюда дается только по особым ходатайствам и в исключительных случаях. Если Вы хотите сюда приехать, то я мог бы обратиться к одному берлинскому немецкому профессору¹², моему знакомому, который может помочь в этом деле. Я не знаю только, остался ли он теперь в Берлине. Во всяком случае напишите мне, ка-

кие Ваши желания в этой области и в каком положении Вы окажетесь по окончании карантина.

В Праге есть и плюсы и минусы. Первый плюс — это то, что Вы можете приехать прямо к нам и жить у нас до лучших времен, когда Вы сможете сами встать на свои ноги. Живем мы скромно, я — заведующий библиотекой Русского исторического Архива¹³ (моя гордость, сам ее всю составил и систематизировал, около 100 000 томов), жалование, как эмигранту, скромное, но все-таки вместе проживем. Здесь большая русская колония. Много библиотек. Если Варвара Николаевна знает немецкий язык, то можно будет хлопотать об устройстве ее в немецкую библиотеку. В чешских учреждениях устроиться нельзя, т<ак> к<ак> избыток своей интеллигенции. В Праге тихо. Все-таки провинция. Но Прага в стороне от большой дороги. Масштабы здесь небольшие. Мы здесь всем надоели, и нам надоело... Но с голоду не умираем и как-то живем. Вообще, по нынешним временам везде тяжело, в других европейских городах еще хуже, чем в Праге. Особенно выбирать не приходится. А потому, если Вы решаетесь, то начнем хлопоты о разрешении.

Вот пока, кажется, все очередные практические вопросы. Не стесняйтесь, пишите, в чем еще нуждаетесь. Я с большой радостью буду делать все. Жалею только, что приехали Вы к нам в такое тяжелое время, когда я не могу Вас встретить так, как хотел бы.

О пище духовной ничего не пишу сегодня. Я в курсе эмигрантской литературы. В моей библиотеке¹⁴ собрано 2000 комплектов русских зарубежных журналов и исчерпывающая литература по идеологии, политике и быту эмиграции. Недавно В. Ф. Булгаков¹⁵ составил словарь эмигрантских беллетристов, поэтов и критиков — он насчитал их 1000. Но тут всякого добра есть. Самый знаменитый новый эмигрантский писатель считается Сирин¹⁶ (сын В. Д. Набокова)¹⁷. В первую очередь стоит познакомиться с этим писателем, очень своеобразным. У него несколько романов. Из старых писателей на первом месте — Бунин: его романы — «Жизнь Арсеньева», «Лика», повесть «Митина любовь», «Солнечный удар»¹⁸ и др. Алданова¹⁹ я не поклонник, это больше составитель, чем художник. Мережковский умер на 76 году²⁰. Его романы: «Рождение богов», «Тайна трех», «Неизвестный Иисус», «Наполеон»²¹ и др. Алексей Михайлович писал много, оч<ень> много переводился. У меня есть сборник его «Зга»²². Замятин

написал роман «Атилла»²³, изданный после его смерти. Он был у меня в Праге. Когда я узнал, что он в Берлине, созвонился с ним, и он прожил здесь около месяца, обласканный, но уже больной. Он много рассказал о нравах советских литераторов, о том, как его выгнали из Союза писателей²⁴, и как не устояла и голосовала против него Ольга Дмитриевна²⁵ (у меня была оч^{ень} интересная с ней встреча в Париже в 1928 году)²⁶, как извивался Леонов²⁷ при разговоре об изгнании из Союза и пр. Но, чтобы ознакомиться с беллетристикой эмигрантов, надо просмотреть 70 номеров «Современных Записок»²⁸, прекратившихся после смерти главного деятеля этого журнала, Вад^{има} Викт^{оровича} Руднева²⁹ (умер от рака желудка в 1939 г.). В критике на первом месте стоял Адамович³⁰, в поэзии Цветаева, кончившая самоубийством в Москве³¹. Есть около десятка средних эмигрантских беллетристов... О литературе много писали: Бицилли³² (живет в Софии), Степун, Ходасевич (умер)³³. Гиппиус³⁴ все так же сердится на литературу. Ляцкий написал оч^{ень} хорошую книгу о Гончарове (это нечто другое, что было написано еще в царское время) и плохой роман «Тундра»³⁵ (из эмигр^{антской} жизни), который, действительно, сам оказался тундрой. Даманская³⁶ где-то в Париже, писала много рассказов, женского стиля. Интересный писатель Газданов³⁷. Добронравов умер в 1927 году в Париже³⁸, я с ним переписывался.

Простите за небрежность письма. Пишу на службе и спешу. Хочу сегодня отослать письмо.

Адрес Ф.А. Степуна: Schnorrstr. 80, Dresden A. 24

Обнимаем Вас обоих,

Ваш С. Постников.

Елиз^{авета} Вик^{торовна} шлет привет. Она все-таки напишет сама.

13.IV я послал Вам 100 марок и открытку. Жду ответа на это письмо, хотя бы открыткой. Вам трудно писать.

С. П.

Только что получил Вашу открытку. Книги пошлю завтра.

С. П.

Письмо. Авторизованная машинопись, напечатано без интервалов, приписки и подпись — автограф.

¹ О болезни Иванова-Разумника см. примеч. 4 к письму 2 Бема.

² *Горести в эпоху «Заветов»* — см. вступ. статью к наст. изд.

³ *Е. А. Ляцкий* — см. его письма в наст. изд.

⁴ *«Новая жизнь»* — иллюстрированный еженедельный журнал, выходил в Берлине в 1941 г. (№ 1–17/18) под ред. В. М. Деспотули.

⁵ *Б. К. Зайцев* — см. его письма в наст. изд.

⁶ О *И. С. Шмелеве* см. примеч. 5 к письму 1 Берберовой.

⁷ *М. А. Осоргин* (псевдоним Михаила Андреевича Ильина, 1878–1942) — прозаик и журналист, член партии эсеров; в 1918 г. один из организаторов Книжной лавки писателей в Москве, активный участник Помгола, выслан за границу в 1922 г., с 1923 г. в Париже. Во время войны жил в провинции (в Шабри), в свободной зоне Франции, но на самой границе оккупированной территории. Бегство и жизнь в Шабри описаны в книге «В тихом местечке Франции (июнь – декабрь 1940 г.)» (Париж: YMCA-Press, 1946). Во время войны писал «письма»-корреспонденции, публиковавшиеся в нью-йоркском «Новом русском слове» и составившие книгу «Письма о незначительном» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952), вышедшую с предисловием М. Алданова. См. библиографию Осоргина: *Bibliographie des œuvres de Michel Ossorguine / Etablie par N. Bar-mache, D. M. Fiene, T. Ossorguine*. Paris, 1973; Михаил Осоргин: Страницы жизни и творчества: Материалы научной конференции «Осоргинские чте-

ния» (23–24 ноября 1993 г.). Пермь, 1994; а также несколько писем Осоргина в приложении к книге В. Костикова «“Не будем проклинять изгнание...”»: Пути и судьбы русской эмиграции» (М., 1990).

⁸ О *И. А. Бунине* см. примеч. 13 к письму 3 Г. Иванова, а также примеч. 12 к письму 1 Зайцева.

⁹ *Этторе Ло Гатто* (Ettore Lo Gatto, 1890–1983) — итальянский славист, историк русской культуры, автор многотомной и неоднократно переиздававшейся «Storia della letteratura russa» (1928 и др.). Один из основателей Института изучения Восточной Европы (Istituto per l'Europa Orientale, 1921–1945). В 1922–1923 гг. Институт оказывал помощь русским научным организациям и представителям русской интеллигенции за рубежом. Переводчик русской поэзии на итальянский язык; первый переводчик на итальянский «Евгения Онегина», вышедшего в 1937 г. с предисловием Вяч. Иванова. См. статью Д. Иванова: *Un'amicizia: Ettore Lo Gatto — Venceslao Ivanov // Studi in onore di Ettore Lo Gatto*. Roma, 1980. С. 99–105. См. там же библиографию трудов проф. Ло Гатто 1962–1980 гг.; библиография трудов до 1962 г. — в «Studi di onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver» (1962). См. также: *Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией*. М., 1992.

¹⁰ О *К. С. Петрове-Водкине* и его картине см. примеч. 4 к письму 1 Степуна. Воспоминания Петрова-Водкина: «Хлыновск» (1930) и «Пространство Эвклида» (1933). Переизд.: Хлыновск.

Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1982.

¹¹ Ф. А. Степун был отстранен от преподавания в 1937 г. См. вступ. заметку к его письмам.

¹² О ком идет речь, выяснить не удалось.

¹³ См. вступ. заметку к письмам Постниковых.

¹⁴ Имеется в виду библиотека РЗИА.

¹⁵ Валентин Федорович Булгаков (1886–1966) — толстовец, последний секретарь Л. Толстого; выслан за границу в 1922 г.; жил в Праге; после Второй мировой войны вернулся в СССР. Его «Словарь русских зарубежных писателей» вышел под ред. Г. В. Ванечковой (Нью-Йорк, 1993).

¹⁶ О В. В. Набокове-Сирине см. письмо 4 Бема, а также примеч. 1 к письму 3 Берберовой.

¹⁷ Владимир Дмитриевич Набоков (1870–1922) — один из лидеров партии кадетов, см. письмо 9 Постниковой.

¹⁸ «Митина любовь» (1925); «Солнечный удар» (1926); «Жизнь Арсеньева» (1930) — первая часть «Истоки дней»; «Лица» (1939) — вторая часть романа «Жизнь Арсеньева».

¹⁹ О М. А. Алданове см. примеч. 17 к письму 3 Г. Иванова.

²⁰ О смерти Д. С. Мережковского см. примеч. 11 к письму 3 Г. Иванова.

²¹ Рождение богов. Тутанкамон на Крите. Прага, <1925>; Тайна трех: Египет и Вавилон. Прага, 1925; Иисус Неизвестный. Т. 1–2. Белград, 1932; Наполеон. Т. 1–2. Белград, 1929.

²² Зга. Волшебные рассказы. С рис. автора на обложке. Прага: Пламя, 1925. Переводы Ремизова — до революции и эмиграции Ремизова на не-

мецкий (1913) и чешский (1916) были переведены «Крестовые сестры»; «Пятая язва» (1919) и сборник апокрифов, сказок и легенд (1920) на чешский и два сборника рассказов, легенд и снов на немецкий: «Prinzessin Mymra» (1917), «Legenden und Geschichten» (1919). В 1920-е и 1930-е гг. вышел чешский перевод романа «Пруд» («Rybník», 1923; см.: Чеботарева Т. К истории переводов А. Ремизова на чешский язык // Пражский сборник. С. 338–343), немецкий сборник легенд «Die goldene Kette» (1923) и немецкий перевод книги «Русские женщины» (1923). По-немецки книга «Stella Maria Maris: Russische Legenden» вышла в 1929 г. в переводе Gertrud Hahn и Wilhelm Ruhtenberg. «Крестовые сестры» вышли на японском (1924), французском (1929) и итальянском (1930) языках. В 1924 г. появились английское и американское издания повести «Часы»; в 1925 г. — немецкий перевод «Пятой язвы», английское издание, включавшее «Неуемный бубен», — в 1927 г. и американское — в 1928 г. В 1927 г. вышел итальянский сборник «Fiabe russe». Однако больше всего с переводами — особенно на славянские языки — повезло книге «В поле блакитном»: она вышла по-немецки (1924), по-французски (1927), по-хорватски (1929), по-болгарски (1930) и по-словенски (1931).

²³ В 1924 г. Замятин начал работу над романом «Бич Божий», затем написал пьесу «Атилла» (трагедия в четырех действиях, написана в 1925–1927 гг.; поставлена не была; опубликована в «Новом журнале» (1950. № 24. С. 7–70)), но работу над романом не оставил. К 1935 г. было написано семь глав первой части. Опубликован по-

смертно: Бич Божий: Роман. Рассказы. Париж: Изд-во «Дом Книги», <1939>. Включен в сборник: Повести и рассказы. Мюнхен: Изд. ЦОПЭ, 1963. См.: *Shane A.-M. The Life and Works of Evgenij Zamiatin*. С. 203–204.

²⁴ Замятин вышел из Всероссийского Союза писателей осенью 1929 г. после вынесенного ему осуждения за заграничную публикацию романа «Мы». Затем он был заочно принят в члены нового Союза советских писателей. См.: *Мальмстад Дж., Флейшман Л.* Из биографии Замятина // *Stanford Slavic Studies*. 1987. № 1. С. 133; *Галушкин А.* Дело Пильняка и Замятина: Предварительные итоги расследования // *Новое о Замятине*. С. 89–146.

²⁵ *О. Д. Форш* — см. о ней примеч. 5 к письму 7 Иванова-Разумника Ремизову.

²⁶ См. о встрече с Ольгой Форш в Берлине, где она остановилась по пути в Париж и на Капри к Горькому, воспоминания А. Штейнберга «Острый глаз Ольги Форш» в кн. «Друзья моих ранних лет».

²⁷ О *Л. М. Леонове* см. письмо 13 Иванова-Разумника Ремизову.

²⁸ О «*Современных записках*» см. примеч. 9 к письму 3 Г. Иванова.

²⁹ О *В. В. Руднев* см. примеч. 9 к письму 1 Зайцева.

³⁰ О *Г. В. Адамовиче* см. примеч. 14 к письму 3 Г. Иванова и вступ. заметку к письмам Бема.

³¹ О разных версиях самоубийства *М. И. Цветаевой* см. примеч. 12 к письму 4 Бема.

³² О *П. М. Бицilli* см. примеч. 4 к письму 5 Бема.

³³ О *В. Ф. Ходасевиче* см. примеч. 11 к письму 1 Берберовой.

³⁴ О *З. Н. Гиппиус* см. вступ. статью к наст. изд.

³⁵ О книгах *Е. А. Ляцкого* см. вступ. заметку к его письмам.

³⁶ *Августа Филипповна Даманская* (1875–1959) — писательница. Дружила с Замятиным. См. об этом заметку Рашита Янгирова, предпосланную перепечатке двух очерков Даманской, посвященных памяти Замятина (*Русская мысль*. 1997. 6–12 марта. № 4164), впервые опубликованы в рижской газете «Сегодня» (14 и 28 марта 1937 г.).

³⁷ *Гайто Газданов* (1903–1972) — прозаик. Статья Газданова «О молодой эмигрантской литературе» (*Современные записки*. 1936. № 60) начала, или возобновила, спор о молодой эмигрантской литературе. См.: *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Ч. II. Гл. 1, 7; а также: Спор о молодой эмигрантской литературе / Вступ. ст., публ. и коммент. Т. Л. Ворониной // *Российский литературоведческий журнал*. 1993. № 2. С. 152–184, здесь перепечатка статей 1936 г. Газданова, Алданова, Варшавского, Осоргина и Ходасевича, напечатанных в «Современных записках», «Последних новостях» и «Возрождении».

³⁸ *Леонид Михайлович Добронравов* (1887–1926) — прозаик, в «Заветах» печаталась его «Новая бурса» (1913); жил в Румынии с 1920 г.; переехал в Париж в 1924 г. Ремизов посвятил Добронравову очерк «Заветы», опубликованный в журнале «Версты» (1927. № 2) и включенный в книгу «Встречи». Очерк оканчивается обращением к Иванову-Разумнику: «Разумник Васильевич, Леонид Михайлович Добронравов помер!» (Встречи. С. 264).

4. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

25.IV.1942. Прага

Дорогой Разумник Васильевич, получил два Ваших русских письма и две открытки. Вам я послал русское письмо от 20-го апреля¹, небольшую посылку с булками 23 апр<еля>, бандероль заказную с тремя книгами — 21 апреля². В понедельник 27 апр<еля> посылаем первую посылку с одеждой. Ваше последнее письмо от 20 апр<еля> я постараюсь исполнить <так!>. Принял к сведению и Вашу просьбу о деньгах. Думаю, что понял ее правильно. Во всяком случае немедленно пишите, когда потребуются. Не считайте эти деньги долгом, ни в каком случае, и не думайте об этом. Поправляйтесь, отдыхайте, читайте книги, если Вы их получили. Я выбрал для Вас то, что ближе к Вашей специальности. В понедельник пошлю еще три книги, на этот раз чистую беллетристику: Зайцева, Ремизова, Федорова (нового)³. Пишите скорее ответ и согласие на приезд в Прагу. Я начну тогда хлопоты. К сожалению, в Берлине у меня нет знакомых, к кому я мог бы Вас направить. Там все новые, молодые, которых я не знаю. Но вспомнил, там живет Сергей Горный (Оцуп)⁴, он тоже Ваш царскосел*. Ник<олай> Онуфр<иевич>⁵ на днях уехал отсюда в Братиславу, проф<ессор>ом университета. Можно писать ему туда на унив<ерситет>. Пошлю Вам большое письмо, когда получу ответ, что Вы получили первое.

Привет Варваре Николаевне. Гомеопатические лекарства постараюсь найти.

Всего доброго. Обнимаем вас обоих.

С. Постников

Елиз<авета> Викт<оровна> шлет приветы обоим.

* Знакомы ли Вы с ним?

Открытка. Машинопись. Дата, подпись, а также текст, начиная со слова «Привет», — автограф.

¹ Письмо 3.

² Выделенные слова подчеркнуты.

³ Василий Георгиевич Федоров (1895–1959) — прозаик и поэт, участник пражского «Скита» (см. вступ. заметку к письмам Бема). См. его книги: Прекрасная Эсмеральда: Эмигрантские рассказы. Ужгород, 1933; Суд Вареника: Рассказы, 1926–1930. Прага: Скит, 1930 (№ 2 в серии изданий «Скита» под общей ред. А. Л. Бема); Кана-

реечное счастье. I. Ужгород, 1938. «Старый Федоров» — А. М. Федоров (1868–1949), прозаик и драматург, последователь Чехова и Бунина. С 1920 г. в эмиграции в Болгарии.

⁴ О Сергее Горном см. примеч. 9 к письму 1 Степуна.

⁵ Н. О. Лосский — см. примеч. 3 к письму 1 Бема.

5. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

28.IV.1942. Прага

Дорогой Разумник Васильевич,

Сейчас отправил Вам посылку, весом 9 кило. Там есть всякое добро для Варвары Николаевны и Вас: костюм, пальто (летние), белье и пр. На днях подготовим вторую посылку. Поэтому пусть Варвара Николаевна не обижается, что для нее в этой посылке меньше, чем для Вас. Дело в том, что Елиз<авета> Викт<оровна> всегда больше старалась о<бо> мне, чем о себе, а потому и мой запас оказался богаче, чем ее. Кое-что прикупим и дошлем...

Я еще не получил от Вас извещения о получении моего русского письма от 20 апреля и ответа на мои вопросы.

Вчера послал Вам вторую посылку книг: Ремизова, Зайцева, и Федорова, а также оттиски двух своих статей об эмигрантской литературе¹. Эти статьи были написаны в дни молодости! (примерно в 40 лет) и теперь они, конечно, анахроничны, но это образец того, как приходилось бороться за молодую литературу. Когда-нибудь расскажу Вам, как трудно было молодым литераторам конкурировать со стариками.

Приложил к посылке также список напечатанного в «Совр<еменных> Зап<исках>». Укажите, какие номера Вас наиболее заинтересуют.

Если Вы согласны, чтобы начать хлопоты о Вашем приезде сюда, то сообщите, какое Ваше в настоящее время «гражданское состояние», имеете ли Вы какой-нибудь паспорт или легитимацию.

Я уже мечтаю о том, что Вы приедете сюда и начнете свою работу «Историю русской общественной мысли в XX веке»². В моей библиотеке подобрана вся нужная для этого литература по сегодняшний день. Все большие и мелкие журналы, всевозможная брошюрятинка, не говоря уже об основных трудах — будут к Вашим услугам. Вообще Прага очень богата русскими книгами. Последние 18 лет я с головой ушел в свою работу по созданию библиотеки и систематизации ее. В 1938 году вышла моя работа «Библиография русской революции и гражданской войны» (460 стр.), составленная на основании наличности библиотеки Архива. Подготовлена к печати библиография «Идеологии и политики эмиграции» (на 600 стр.) и др.³ Много литературно халтурил, но душу вкладывал в библиотеку и библиографию. Вот и теперь занимаюсь тем, что описываю журналы, выходившие в России до 1917 года. Сколько там интересного материала. А все-таки интереснее других — «Русская Мысль» и «Заветы»...⁴ На Ваши книги у меня имеется 16 карточек. Имею многое, но к сожалению не все 100%. Но и эти 16 книг («Заветное», «Свое лицо», «Перед грозой», «История» и др.⁵) собрал с трудом. Имею комплект «Литературного Наследства»⁶, «Звенья»⁷ и т. п. Мы только тем и занимались, что следили за всем, выходящим на русском языке, но сами разменивались по мелочам, гонялись за заработком и редко «высиживали» серьезные труды. Книжный рынок совсем не оправдывал литературной работы. И только редкие счастливицы удачно продавали свои переводы (вроде М. А. Осоргина, получившего за «Сивцев Вражек» 10 000 долл<аров>⁸). «Совр<еменные> Зап<иски>» платили 200–300 фр<анков> за лист. Самое выгодное было писать в нем<ецких> журналах — плата 100 марок, на наши деньги 1000 кр<он> (в Чехии за лист 300 кр<он>). Но теперь пока все прекратилось и нет никакого смысла издавать книги, т<ак> к<ак> нарушились все торговые книжные операции на русском заграничном рынке. Я не представляю себе, как теперь живет Алексей Михайлович с Серафимой Павловной⁹. Струве погибает в Сербии от голодной жизни¹⁰, Шмелев в ужасном положении в Париже¹¹. Я не слышал, чтобы за два года в Париже вышло какое-либо печатное русское слово.

На днях буду писать М. А. Осоргину. Спрошу его, как они там живут...¹² Помните Василия Васильевича¹³, который приезжал в Питер в 1914 году. Из моего недруга он сделался самым близким другом моим и Елизаветы Викторовны. Он стал прекрасным журналистом, а

где теперь скитается, не знаю. Много меняется в жизни, люди расходятся и опять сближаются.

Не знаю, интересно ли то, что я Вам пишу, но разболтался я, сидя на службе. Каждый день 8 часов сижу в Архиве, временами скучно становится от однообразия. Холодно у нас теперь, с востока дует резкий ветер. Все ждем тепла.

Обнимаем Вас. Привет Варваре Николаевне.

С. Постников.

Елизавета Викторовна шлет привет Вам обоим. С. П.

Письмо. Авторизованная машинопись. Подпись и заключительные приветствия, начиная с «обнимаем», — автограф.

¹ Статьи Постникова «Русская зарубежная литература в 1925 г.» и «О молодой эмигрантской литературе» были напечатаны в «Воле России» (соответственно: 1926. № 2. С. 183–192 и 1927. № 5–6. С. 215–225).

² Подразумевается продолжение первой книги Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» (2 тома), выдержавшей несколько изданий и принесшей ему широкую известность.

³ См. вступ. заметку к письмам Постниковых. Следует также упомянуть издание: Русская зарубежная книга / Под ред. С. П. Постникова. Прага: Пламя, 1924. (Труды Комитета Русской книги. Вып. 1). Ч. I. Библиографические обзоры. Ч. II. Библиографический указатель 1918–1924 гг.

⁴ «Русская мысль» (М., 1880–1918) — в 1906–1918 гг. редактор П. Б. Струве. «Заветы» (1912–1914) — см. вступ. статью.

⁵ *Заветное*. О культурной традиции. Статьи 1912–1913 гг. I. Черная

Россия. Пг.: Эпоха, 1922; *Свое лицо*. Берлин: Скифы, <1920>; *Перед грозой*. Статьи 1916–1917 гг. Пг.: Колос, 1923; «История русской общественной мысли» — см. выше примеч. 2. Части 6–8 издания 1918 г. вышли под названием «Русская литература от семидесятих годов до наших дней» (Берлин: Скифы, 1923).

⁶ «Литературное наследство» — выходит с 1931 г.

⁷ «Звенья» — сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли, главным образом XIX века, выходившие в издании «Academia» под ред. А. В. Луначарского и В. Д. Бонч-Бруевича. В 1932–1936 гг. вышли тт. 1–6.

⁸ «Сивцев Вражек» — первый роман Осоргина, действие которого происходит в начале большевистской революции; печатался в «Современных записках» (1926–1928); отд. изд. — Париж: Изд-во книжного магазина «Москва», 1928; 2-е изд. — 1929. В 1929 г. был переведен на нем. и чеш.

яз.; под названием «Quiet Street» вышел в Лондоне и в Нью-Йорке в 1930 г. В октябре 1930 г. был выбран для популярной серии «The Book of the Month Club» в Нью-Йорке, обеспечивавшей большой тираж.

⁹ О Ремизовых во время войны см. вступ. заметку к их письмам.

¹⁰ *Петр Бернгардович Струве* (1879–1944) — общественный и политический деятель, экономист, социолог. В эмиграции жил сначала в Софии и Праге, редактировал журнал «Русская мысль» (София, 1921; Прага, 1921–1923; Париж, 1927). С 1925 г. жил в Париже, редактор газеты «Возрождение» (1925–1927), «Россия» (1927–1928), «Россия и славянство» (1928–1934). В 1928–1940 гг. профессор Русского научного института в Белграде. В апреле 1941 г. был арестован нацистами, затем освобожден. В 1942 г. переехал в Париж. О последних годах жизни Струве см.: *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. См. о Струве: *Pipes R.* Struve: Liberal on the Left, 1870–1905. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1970; *Struve: Liberal on the Right, 1905–1944.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1980; Библиография печатных работ Петра Берн-

гардовича Струве / Под ред. Р. Пайпса. Russian Research Center, Harvard University, 1980. О Струве в эмиграции см. также: *Struve N.* Pierre Struve dans l'émigration // *La Première Émigration Russe: Vie politique et intellectuelle.* Paris: Institut d'études slaves. 1994. (Cahiers de l'émigration russe. 1). P. 53–56.

¹¹ Шмелев оставался в Париже во время войны, жил один, болел, голодал, существовал лишь благодаря поддержке и помощи друзей (И. А. Ильин) и читателей. См. подробности биографии Шмелева в: *Сорокина О.* Москвитина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994.

¹² О *М. А. Осоргине* см. примеч. 7 к письму 3 Постникова в наст. изд.

¹³ *В. В. Сухомлин* (1885–1963), племянник О. Е. Черновой-Колбасиной, — общественно-политический деятель, публицист, член ЦК партии эсеров, член Учредительного Собрания. В 1922–1930 гг. соредактор журнала «Воля России»; с 1927 г. жил в Париже, соредактор журнала «Социалист-революционер» (1927–1932). В 1941–1945 гг. в США. После 1945 г. в Париже, с 1951 г. в Чехословакии. В 1954 г. вернулся в СССР, жил в Москве, с 1962 г. член Союза писателей СССР.

6. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

7.V.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

Все Ваши письма получены. Читал также письмо, посланное А. Л. Бему. От Вас я не имею подтверждения о получении *второй* посылки с книгами, *посылки с хлебом, посылки с вещами*. В понедель-

ник, 4 мая, послал Вам *вторую* посылку с хлебом (на этот раз — хлеб черный) и сигаретами. Сигареты — подарок от А. Л. Бема. Сам я курю, как бог, но все-таки постараюсь поискать для Вас трубочного табаку. Искал в Праге гомеопатическую аптеку, но, оказывается, таковой в Чехии вообще не имеется. Прошу прощения у Варвары Николаевны, что не смог исполнить ее просьбы. Последнюю неделю Елизавета Викторовна и я были больны (грипп). У нас такой холод стоял, что не могли долго избавиться от простуды. Но сегодня уже тепло и сижу опять на службе...

Относительно gaffe, о котором Вы писали Бему¹, приходится сказать, что на всякую старуху бывает проруха. Мейер еще не то писал о Белинском² и др. в «Возрождении». Я надеюсь только на то, что «Двойная жизнь» не подойдет, *и не будет напечатана, не ко двору она. Так думает и А. Л. Б.*³ Незнание обстановки — да будет в данном случае объяснением ошибки. Ваши письма я забыл дома, а потому буду отвечать на них по памяти. Гиппиус писала о Блоке в своей книге «Живые лица»⁴. Эту книгу я пошлю Вам на днях. Читали ли Вы переписку Блока и Белого, изданную года три тому назад⁵? Когда я читал рассказ самого Белого об их ссоре (с участием Соловьева, С.⁶), то, несмотря на всю любовь к Борису Николаевичу, все-таки невольно становишься на сторону Блока. Шестов⁷ в Париже. В 1929 г. вышла его книга «На весах Иова (Странствования по душам)». Он много писал в «Совр<еменных> Зап<исках>»⁸. С. Н. Булгаков⁹ живет в Париже, священником у митроп<олита> Евлогия¹⁰. У него много неприятностей было из-за его учения о Софии. И Белград, и Москва обвинили его в ереси, в нарушении догмата о троичности Бога¹¹. Лосский написал «Чувственную, интеллектуальную и мистическую интуицию» (1938 г., 226 стр.), «Свободу воли» <1927>, «Типы мировоззрений (Введение в метафизику)» <1931>, «Ценность и бытие (Бог и Царство Божие, как основа ценностей)» <1931>, «Диалектический материализм в СССР» <1934>, «Бог и мировое зло» <1941>¹². Недавно в берлинской «Летописи»¹³ написал ст<атью> о Достоевском. Чтобы понять Вам умонастроение Николая Онуфриевича, скажу, что я слышал его лекцию, в которой он признает свободу воли даже электронов... Бердяев редактировал журнал (вышло около 80 номеров)¹⁴. Его последняя книга «О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии)». Это, собственно говоря, подытоживание всего

философствования автора (изд. 1939 г.). Вообще Бердяев писал очень много («О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» <1931>; «Дух и реальность. Основы Богочеловеческой духовности» <1937>; «Константин Леонтьев» <1926>; «Новое средневековье» <1924>; «Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы» <1923>; «Философия неравенства» <1923>; «Философия свободного духа» <ч. 1, 1927; ч. 2, 1928>; «Я и мир объектов» <1934> и мн<огое> др.)¹⁵. Эмигрантская религиозно-философская литература очень обширная, т<ак> к<ак> этому содействовала ИМКА, поставив в Париже большое издательство¹⁶. Выходил специальный небольшой журнал (помимо «Пути») — «Новый Град»¹⁷, где главные участники были — Федотов¹⁸, Степун, Бунаков¹⁹, бывш<ая> поэтесса Кузьмина-Караваева, теперь монахиня Мария²⁰, Гессен С. О.²¹ и др. На чешском яз<ыке> вышла история русской философии (600 стр.!) — Яковенко. Возможно, она выйдет на немецком языке. Яковенко издал большой труд «Гегель в России» на нем<ецком> яз<ыке>²². На ту же тему есть работа Чижевского. Чижевский — интересный украинский писатель, хотя и пишет иногда по-русски (о Гоголе)²³. Интересная книга Георгия Флоровского — «Пути русского богословия» (574 стр., 1937 г.)²⁴. Совсем переработаны и обновлены «Очерки русской культуры» П. Н. Милюкова²⁵. Это теперь огромные тома. Один из томов говорит об истории русской литературы.

Ольга Елисеевна²⁶ (я с ней не встречался) живет в Париже. Всех своих трех дочерей она выдала за поэтов и писателей. Младшая — жена сына Леон<ида> Андреева, Вадима. Написал «Повесть об отце». Мне понравилась эта повесть. Старшая за Сосинским²⁷, о кот<ором> я писал в своей ст<атье>, но который не оправдал моих надежд, т<ак> к<ак> забросил литературу и занялся, кажется, кинодеятельностью²⁸. Сама мадам (с супругом своим в эмиграции не живет, т<ак> к<ак> он имеет другую и теперь обитает где-то в Америке²⁹, перенеся здесь тяжелую болезнь и операцию) тоже что-то писала, но не прославилась³⁰. Бальмонт последние годы сидел в доме для нервнобольных³¹. Игорь Северянин³² умер. Есть интересная книга Ходасевича «Некрополь»³³ — о Брюсове, Горьком, Есенине и др. Написано очень хорошо. Вообще Ходасевич — один из умных критиков эмиграции, но злой. Ст<атью> о Брюсове он сначала напечатал в «Совр<еменных> Зап<исках>». В своей статье об этом журнале я написал, что Ход<асе-

вич>, будучи интимно связан с Брюсовым, в свежую могилу его забил осиновый кол³⁴. Он страшно обиделся на меня, прекратил переписку и при разговоре с общими знакомыми заявил, что меня больше не знает. Лет через 8–10 он признался в своем фельетоне³⁵, что напрасно писал так о Брюсове, что, де, так говорить, как он писал, можно только для немногих, понимающих (вроде Цветаевой). И все-таки очень жаль мне Ходасевича. Берберова Нина (тоже много писала из эмигрантской жизни, оставив стихи)³⁶ оставила его и он умер в больнице. У Георгия Иванова попросите его книгу о русских писателях (воспоминания). Он там много сочинял, но талантливо. Писал о Сологубе³⁷. Тоже при-
врал кое-что. Мне оч<ень> нравились стихи Г. Иванова в «Совр<еменных> Зап<исках>», хотя его и выругал Ходасевич³⁸. Сам Ходасевич очень много занимался «поэтическим хозяйством» Пушкина³⁹. Из пушкинистов в эмиграции он первый. Очень большая литература — в связи с столетием со дня смерти Пушкина. Но все-таки больше всего мне понравилась ст<атья> Белинского (!), кот<орую> «Илл<юстрированная> Россия» перепечатала, как передовую ст<атью>⁴⁰, с указанием, что лучше этого не написать... Вы спрашиваете, что нового у евразийцев. Много издавали они, богатые люди были, и много среди них талантливых людей. Это одно из оригинальных и интересных течений эмиграции. Но теперь, как и многое другое, евразийство смолкло. Трубецкой умер в Вене, Савицкий директорствует в гимназии, Алексеев Н. Н. неизвестно где... Вернадский в 1938 году издал «Звенья русской культуры» (до половины XV века). Пока только вып<уск> 1. В 1934 г. издал «Опыт истории Евразии» (с половины VI века до наших дней)⁴¹.

Ну, на сегодня литературы достаточно... А то по этой части могу писать без конца. Может быть, Вы все это уже знаете и Вам хочется узнать что-либо другое, а потому простите за многословие.

Обратимся к более житейским вопросам.

Болезнь наша задержала подготовку второй посылки. Елизавета Викторовна все еще больна, а потому не смогла поехать в город прикупить белья для Варвары Николаевны.

Вы не считайте за собой долга. Деньги, которые посланы Вам, взяты из остатков одного литературного фонда⁴², в который абсолютно возвращать нельзя и невозможно. О наших денежных взаимоотношениях Вы не должны даже думать. Всякую помощь Вам я оказываю

с радостью. Детей мы не имеем, сами старики стали и забота о Вас дает нам только удовлетворение, ничего не отнимая от нас самих. Но я считаю, что Вам нужны будут деньги при вашем выходе из лагеря, а потому подготавливаю для этого некоторую сумму. В крайнем случае я всегда смогу взять в русском банке⁴³ нужные деньги. Так что Вы не стесняйтесь и пишите, когда нужно будет...

Перо я куплю здесь и pošлю вместе с одеждой. Но часы здесь теперь нельзя купить. Раньше они стоили 60–70 кр<он>. А теперь их нет... Если попадутся, то пришлю.

Евразийские издания⁴⁴ я пришлю Вам. Главные их положения были в различных специальных сборниках и журналах, которые теперь трудно найти, но все-таки кое-что я достану.

Привет Вам обоим от нас и пожелание скорее выздороветь.

Ваш С. Постников.

Относительно Вашего приезда сюда я уже написал в Берлин, но не знаю, когда получу ответ. С. П.

Письмо. Авторизованная машинопись. Дата, вставки в текст и подпись — автограф. Выделенные слова в первом абзаце подчеркнуты в оригинале.

¹ «*Gaffe*» — речь идет о посылке Ивановым-Разумником в «Новое слово» первого очерка, что обеспокоило его друзей. См. письмо 4 Бема в наст. изд.

² О Г. А. Мейере см. примеч. 8 к письму 2 Иванова-Разумника Степу-ну.

³ Выделенный текст вписан от руки над текстом. Речь идет о первых очерках, посланных Ивановым-Разумником в газету «Новое слово». См. наст. изд., приложение I, 1 и 2. А. Л. Б. — Бем.

⁴ *Живые лица*: В 2 т. Прага: Пламя, 1925. Отдельные главы воспоминаний печатались в альманахе «Окно»

и в «Современных записках». Блоку посвящен очерк «Мой лунный друг». Об отношениях Иванова-Разумника и Гиппиус см. вступ. статью.

⁵ Александр Блок и Андрей Белый: *Переписка* / Ред. В. Н. Орлов. М., 1940. (Летопись Гос. лит. музея. Кн. 7).

⁶ О С. М. Соловьеве см. примеч. 9 к письму 2 Зайцева.

⁷ Л. И. Шестов умер в 1938 г. См. о нем примеч. 6 к письму 1 Ремизовых.

⁸ В «Современных записках» опубликованы следующие работы Шестова: «Откровения смерти: Последние произведения Л. Н. Толстого» (1920. № 1); «Тысяча и одна ночь» (1921. № 3); «О корнях вещей» (1921.

№ 5); «Преодоление самоочевидностей: К столетию рождения Ф. М. Достоевского» (1921. № 8); «Дерзновения и покорности» (1922. № 13); «Гефсиманская ночь. Философия Паскаля» (1924. № 19); «О вечной книге: Памяти М. О. Гершензона» (1925. № 24); «Сыновья и пасынки времени: Исторический жребий Спинозы» (1925. № 25); «Что такое истина?» (1927. № 30); «Умозрение и Апокалипсис: Религиозная философия Вл. Соловьева» (1927. № 33); «О втором измерении мышления» (1930. № 43); «Ясная Поляна и Астапово: К 25-летию со дня смерти Л. Толстого» (1936. № 61); и последняя статья Шестова, напечатанная за месяц до его смерти: «Николай Бердяев: Гнозис и экзистенциальная философия» (1938. № 67).

⁹ О С. Булгакове см. примеч. 7 к письму 1 Берберовой.

¹⁰ Митрополит Евлогий (Георгиевский, 1868–1946) — епископ Холмский и Волынский, член 2-й и 3-й Государственной Думы. В 1920 г. Высшим Церковным Управлением поставлен во главе русских православных церквей и приходов в Западной Европе. В 1921 г. Патриарх Тихон утвердил это назначение. В 1922 г. — митрополит. В Париже с 1922 г. В 1930 г. возглавил Западно-Европейский Экзархат Вселенского Патриархата. См.: *Путь моей жизни*. Париж, 1947; переизд.: М., 1994.

¹¹ См.: *Игумен Геннадий (Эйкалович)*. Дело прот. Сергия Булгакова: Историческая канва спора о Софии. Сан-Франциско, 1980.

¹² О Н. О. Лосском см. примеч. 3 к письму 1 Бема.

¹³ Личность Достоевского // *Летопись*. Кн. 2. С. 74–132. О «Летописи» см. примеч. 3 к письму 1 архим. Иоанна (Шаховского).

си» см. примеч. 3 к письму 1 архим. Иоанна (Шаховского).

¹⁴ «Путь» — в действительности вышел 61 номер журнала и 9 отдельных приложений. См.: Указатель авторов, предметов, рецензий к журналу «Путь» / Сост. А. П. Оболенский. 1986 (Серия «Записки РАГ»).

¹⁵ О Н. А. Бердяеве см. примеч. 18 к письму 3 Г. Иванова.

¹⁶ «YMCA-Press» («ИМКА») — старейшее русское издательство в эмиграции, основанное в 1920 г. деятелями русского отделения американской организации YMCA (Young Men's Christian Association / Христианский союз молодых людей). Здесь увидели свет труды многих русских религиозных философов и богословов первой половины века (Н. А. Бердяева, о. С. Булгакова, Г. П. Федотова, С. Л. Франка). В начале 1950-х гг. «YMCA-Press» перешло в ведение РСХД. В 1970-е гг. стало издателем А. И. Солженицына (здесь вышел «Архипелаг Гулаг»). Издает «Вестник РХД». См. подробную историю издательства в: *Карташев А. В., Струве Н. А. 70 лет издательства «YMCA-Press»*. 1920–1990. Париж: YMCA-Press, 1990. См. также воспоминания одного из основателей и многолетнего директора издательства: *Anderson P.-B. No East or West*. Paris: YMCA-Press, 1985.

¹⁷ «Новый град» — см. примеч. 7 к письму 3 Г. Иванова.

¹⁸ Георгий Петрович Федотов (1886–1951, псевдоним: Е. Богданов) — историк, публицист, литературный критик. Эмигрировал в 1925 г. С 1926 г. преподавал в Свято-Сергиевском богословском институте. Активный участник Русского студенческого христианского движения. Соредактор

журнала «Новый град» (1931–1939), участник объединения «Православное дело» матери Марии (см. ниже примеч. 20). В 1941 г. уехал в США. В 1943–1951 гг. профессор Свято-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк). Историк русской святости («Святой Филипп Митрополит Московский», 1928; «Святые древней Руси», 1931; «Стихи духовные», 1935). Автор многочисленных статей, собранных посмертно и вышедших в изд-ве «УМСА-Press» в Париже («Лицо России: Статьи 1918–1930», 1967, 1988; «Россия, Европа и мы: Сб. статей», 1973; «Тяжба о России: Статьи 1933–1936», 1982; «Защита России: Статьи 1936–1940 из “Новой России”», 1988).

¹⁹ Бунаков — псевдоним Ильи Исидоровича Фондаминского (1880–1942). Общественный и политический деятель, публицист, редактор, издатель, член ЦК партии эсеров; во Временном правительстве комиссар на Черноморском флоте. В Париже соредактор журналов «Современные записки» и «Новый град», участник объединения «Православное дело», член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. В 1941 г. арестован нацистами, погиб в Освенциме.

²⁰ Мать Мария — Елизавета Юрьевна Скобцова (1891–1945, урожд. Пиленко, по первому мужу Кузьмина-Караваева) — поэт, прозаик, общественный деятель. В 1918 г. городской голова Анапы. С 1923 г. в Париже, активный участник РСХД (с 1930 г. — разъездной секретарь). В 1932 г. приняла монашество, но продолжала жить в миру. Стояла во главе объединения «Православное дело» (1935–1943). Во время оккупации Па-

рижа нацистами помогала скрываться евреям. Арестована в начале 1943 г. Убита в концлагере Равенсбрюк. Книга «Мать Мария. Е. Ю. Кузьмина-Караваева. Избранное» (М., 1991) кроме стихов, статей (в том числе и очерка «Встречи с Блоком», впервые опубликованного в «Современных записках» в 1936 г. в № 62) и писем, включает также отрывки из воспоминаний о матери Марии. Кроме стихов и статей мать Мария (Е. Скобцова) — автор маленьких книжечек житий святых под общим заглавием «Жатва духа» (УМСА-Press), а также недавно опубликованной работы «Типы религиозной жизни» (Вестник РХД. 1997. № 176. С. 5–50). См. о ней: О. Сергей Гаккель. Мать Мария. Париж: УМСА-Press, 1980. См. также: Кузьмина-Караваева Е. Ю. Наше время еще не разгадано... / Сост., предисл., примеч. А. Н. Шустова. Томск, 1996.

²¹ С. О. Гессен — Сергей Иосифович (псевд. Sergius, 1887–1950), сын И. В. Гессена. Философ, соредактор сборников «Логос», в 1924–1934 гг. в Праге, с 1934 г. в Польше, преподавал в Варшавском университете, позднее в Лодзи.

²² Борис Валентинович Яковенко (1884–1949) — философ, историк философии, соредактор сборников «Логос» (Прага, 1925–1928). В Берлине в серии «Всеобщей библиотеки» вышли его «Философия большевизма» (1921) и «Очерки русской философии» (1922). О Яковенко в Берлине в 1922 г. см.: Письма И. А. Ильина к П. Б. Струве // Вестник РХД. 1995. № 171. С. 92. Работы Яковенко о Гегеле в России вышли по-немецки: «Ein Beitrag zur Geschichte des Hegelianismus in Russland» (Prag, 1934) и «Zweiter Beitrag

zur Geschichte des Hegelianismus in Russland. Hegel und die Anfänge des Slawophilentums (1839–1849)» (Prag, 1935). По-чешски вышла книга «Dějiny ruské filosofie» (Praha, 1938).

²³ О Д. И. Чижевском см. примеч. 1 к письму 5 Бема.

²⁴ *Георгий Васильевич Флоровский* (1893–1979) — историк русской богословской мысли, богослов, священник. Жил в Праге (1921–1926), затем в Париже (1926–1939), где был профессором патрологии в Свято-Сергиевском богословском институте. В 1939–1944 гг. — в Югославии, затем снова в Праге (1944–1945) и Париже (1945–1948). С 1948 г. в США: декан и профессор Свято-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк), преподавал в Гарвардском и Принстонском университетах. Кроме «Путей русского богословия», см. его «Восточные отцы IV века» (Париж, 1931; 2-е изд. — 1990) и «Восточные отцы V–VIII веков» (Париж, 1933; 2-е изд. — 1990). См. также: Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman / Ed. Andrew Blane. New York: St. Vladimir Seminary Press, 1993. (Включает библиографию Флоровского.)

²⁵ *Павел Николаевич Милюков* (1859–1943) — историк и публицист, политический и общественный деятель, член ЦК партии кадетов. С 1921 г. в Париже, редактор газеты «Последние новости» (1921–1940), с 1922 г. председатель парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1940 г. переехал из Парижа на юг Франции, умер во время войны. «Очерки по истории русской культуры», неоднократно издававшиеся до революции, вышли в Париже в 1930 г.

²⁶ *О.Е. Чернова-Колбасина*, во втором браке жена В. М. Чернова (см. ниже примеч. 29); см. о ней примеч. 4 к письму 21 Иванова-Разумника Ремизову. Чернова-Колбасина и семьи ее дочерей были близкими друзьями Ремизовых.

²⁷ Постников ошибается, женой *Вадима Леонидовича Андреева* (1902–1976, жил в Париже с 1924 г.; один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей; с 1945 г. член Союза советских патриотов; «Повесть об отце» печаталась в журнале «Русские записки» в 1938 г.) была старшая дочь Черновой-Колбасиной, *Ольга Викторовна* (1903–1979, автор воспоминаний «Холодная зима. 1919–1920 гг.» (Новый журнал. 1975. № 121; 1976. № 122; № 124), вышли в переводе на англ. язык: *Chernov-Andreyev O. Cold Spring in Russia. Ann Arbor: Ardis, 1978*). Ее близнец *Наталья Викторовна* (1903–1992, переводчица на фр. язык книги Ремизова «Подстриженными глазами» (Les yeux tondu. Paris: Gallimard, 1958) и автор воспоминаний о нем: Огненная память. Berkeley, 1980), была замужем за *Даниилом Егоровичем Резниковым* (1904–1970), выпустившим в начале 1920-х гг. сборник стихов «Створы». *Бронислав (Владимир) Брониславович Сосинский* (1900–1987) — литературный критик, прозаик, поэт; в 1960 г. вернулся с семьей в СССР; был женат на младшей дочери Колбасиной-Черновой *Ариадне Викторовне* (1908–1974).

²⁸ В статье «О молодой эмигрантской литературе» (Воля России. 1927. № 5/6. С. 215–225) из молодых прозаиков Постников выделяет Сосинского, Сирина <Набокова> и Василия Федорова. Останавливаясь на рассказах Со-

синского, он добавляет: «Если бы я дал зарок не говорить о будущности молодых писателей, то о Сосинском без особого риска высказал бы свои “гадания”» (с. 224).

²⁹ Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) — политический деятель, член ЦК партии эсеров, министр земледелия во Временном правительстве, председатель Учредительного собрания; в 1920 г. нелегально выбрался в Эстонию. В 1920-х гг. жил в Праге, издавал с Постниковым журнал «Революционная Россия» (1920–1931); с 1931 г. в Париже. Его женой за границей стала Ида Самойловна Сермус (см.: Чернова-Андреева О. В. Холодная зима // Новый журнал. 1975. № 121. С. 145). Неточность Постникова: Чернов уехал в Америку только после Второй мировой войны. Книги воспоминаний Чернова: Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922 (репринт — 1975, включает список публикаций автора); Перед бурей. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953.

³⁰ Чернова-Колбасина печаталась главным образом в «Воле России», где опубликовала несколько рассказов и отрывков из воспоминаний. Ее «Воспоминания о советских тюрьмах» были изданы в Париже Группой содействия партии социалистов-революционеров. Была дружна с Мариной Цветаевой, о которой написала воспоминания (Мосты. 1970. № 15. С. 311–317). См.: Цветаева М. Письма к О. Е. Черновой-Колбасиной и ее дочери Ариадне // Цветаева М. Неизданные письма. Париж: YMCA-Press, 1972.

³¹ О К. Д. Бальмонте см. письмо 1 Зайцева.

³² Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев, 1887–1941) — поэт и переводчик, с 1918 г. жил в Эстонии.

³³ Некрополь. Брюссель, 1939. См. комментарии Н. А. Богомолова к переизданию книги в: Некрополь. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому. М., 1996.

³⁴ В статье-рецензии «Современные записки. (Кн. 17–23)» (Воля России. 1925. № 5) Постников, указывая на непоследовательность редакторской линии в журнале, дает как пример противоречивые отклики на смерть Брюсова: «В 22 книге Д. Святополк-Мирский в своей статье по поводу смерти Брюсова очень бережно говорит об умершем и старается показать то, что внес этот поэт в сокровищницу русской поэзии. В следующей же книге, 23, В. Ходасевич, как справедливо заметил Б. Каменецкий <Айхенвальд>, взял на себя большую нравственную смелость целиком осудить Брюсова» (с. 201). Постников имеет в виду статью Ходасевича «Брюсов: Отрывки из воспоминаний», (Современные записки. 1925. № 23), вошедшую в несколько смягченном виде в книгу «Некрополь». Ходасевич упоминает эту статью, как одну из причин отказа в продлении его советского паспорта. См.: Hughes R., Malmstad J. Vladislav Khodasevich to Mikhail Karpovich: Six Letters (1923–1932) // Oxford Slavonic Papers. 1986. Vol. 19. P. 142–143.

³⁵ Ходасевич писал о Брюсове неоднократно. После статьи, возмущившей Постникова, он опубликовал в «Возрождении» (1927. 14 июля. № 772) большую рецензию «О дневнике Брюсова», где подчеркивал, что дневник подтверждает его воспоминания. Рецензируя том избранных сти-

хов Брюсова, вышедший в год десятилетия его смерти, Ходасевич признается, что чтение этой книги настроило его «на несколько элегический и покаянный лад». Далее, отвергая запрет писать о мертвых правду, он настаивает на своей правоте по существу, но тем не менее признает: «Стало для меня ясно, что пусть моя характеристика Брюсова верна *абсолютно* — она все же не верна *относительно*. Брюсов не более, а порою и менее мещанин, нежели те, перед кем я его обвинял в мещанстве. Да, он был честолюбив и в этом смысле небескорыстен». В конце статьи Ходасевич повторяет: «В нынешнем воздухе мое осуждение Брюсова, справедливое по существу, без самых существенных оговорок, становится несправедливым» (Возрождение. 1934. 5 апр. № 3228).

³⁶ См. письма Берберовой в наст. изд.

³⁷ *Петербургские зимы*. Париж, 1928. Сологубу посвящена гл. 15. См. письма Г. Иванова. О Сологубе см. примеч. 8–11 к письму 10 Постникова.

³⁸ О литературной и личной вражде Ходасевича и Георгия Иванова см.: *Терапиано Ю.* Об одной литературной войне // Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж — Нью-Йорк, 1987. С. 110–124. См. также рецензию Ходасевича на книгу Г. Иванова «Распад атома» (перепечатана в: Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 414–418 и примеч. на с. 563–564. Первая публ.: Возрождение. 1938. 28 янв.; см. также рецензию на сб. стихов Г. Иванова «Отплытие на остров Цитеру» (Париж, 1937), напечатана в: Возрождение. 1937. 28 мая). В рецен-

зии на «Распад атома» Ходасевич приходит к заключению, что автор «не сумел избавиться от той непреодолимой красоты, которая столь характерна для его творчества и которая составляет как самую сильную, так и самую слабую сторону его поэзии» (Собр. соч. Т. 2. С. 415).

³⁹ *Поэтическое хозяйство Пушкина* — над этой книгой Ходасевич работал в 1923–1924 гг., но от вышедшей под этим названием книги (Пг., 1924), включавшей опубликованные статьи и заметки Ходасевича о Пушкине, он отказался в письме, напечатанном в журнале «Беседа» (1925. № 6–7) В его позднюю книгу «О Пушкине» (Берлин, 1937) вошли некоторые переработанные статьи из «Поэтического хозяйства Пушкина». См. примеч. 4 к письму 6 Бема.

⁴⁰ Публикация в журнале «Иллюстрированная Россия» (1937. 6 фев. № 7 [613]) — компиляция со значительными сокращениями («выдержки из его <Белинского> статьи о поэзии Пушкина») из статей 5, 6, 8 и 9, главным образом о «Евгении Онегине». В 1937 г. журнал выпустил также специальный номер «А. С. Пушкин и его эпоха» со статьей М. Л. Гофмана «Пушкин и его эпоха: Юбилейная выставка в Париже», дающей детальное описание выставки, устроенной С. М. Лифарем. Последний отдел, «Пушкинские дни в эмиграции», представляет описание юбилейных торжеств в разных странах русского рассеяния. Номер включает множество иллюстраций.

⁴¹ Постников перечисляет главных деятелей евразийского движения. *Н. С. Трубецкой* (1890–1938) — филолог-славист, лингвист, в 1922–1938 гг.

профессор славянской филологии Венского университета; в 1926 г. один из основателей Пражского лингвистического кружка. *П. Н. Савицкий* (1895–1968) — географ, экономист, публицист; в 1940–1944 гг. директор русской гимназии в Праге; соредактор евразийских изданий; после занятия Праги советской армией в мае 1945 г. арестован, освобожден из заключения в 1954 г., вернулся из СССР в Прагу в 1956 г. В 1961 г. снова арестован, освобожден в 1962 г. Автор книги стихов, написанных в концлагере («Стихи», вышла в 1960 г. в Мюнхене под псевдонимом *П. Востоков*). См.: *Дурновцев В. И., Кулешов С. В.* Жизнь и судьба П. Н. Савицкого // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. М.: Наследие, 1994. Кн. 1. С. 144–152. *Н. Н. Алексеев* (1879–1964) — правовед, философ права; в эмиграции с 1920 г. См. его первые впечатления от Праги в 1921 г. в письме к А. С. Яценко (Русский Берлин. С. 257). Профессор права в Берлине (1924–1931), Страсбурге (1931–1940) и Белграде (1940–1943); с 1948 г. жил в Женеве. *Г. В. Вернадский* (1887–1973) — историк, жил в Праге; в 1927 г. переехал в США, где до 1946 г. занимался научно-исследовательской работой; в 1946–1956 гг. — профессор русской истории в Йельском университете. Библиография: *Андреев Н. Е.* Список трудов Г. В. Вернадского // Записки РАГ. 1975. Т. 9. С. 168–181. См. также: Опыт истории Евразии с половины 6-го века до настоящего време-

ни. Берлин: Изд-во евразийцев, 1934; Звенья русской культуры. Берлин: Изд-во евразийцев, 1938.

⁴² Вероятно, имеется в виду Союз русских писателей и журналистов, одной из целей которого, как и всех Союзов, существовавших в других центрах русского зарубежья, была материальная помощь нуждающимся писателям-эмигрантам. Пражский Союз был основан в 1922 г. и, по-видимому, еще существовал в 1942 г. Подробности организации, состава и деятельности см.: *Постников С.* Русские в Праге. С. 149–153, а также, в особенности о последних годах деятельности: *Агеносов В. В.* Союз русских писателей и журналистов в ЧСР // Пражский сборник. С. 739–754.

⁴³ *Русский банк* — возможно, Постников имеет в виду созданное в 1926 г. в Праге эмигрантское кредитное учреждение — ссудо-сберегательную кассу «Славянская взаимность». См.: *Постников С.* Русские в Праге. С. 205–207.

⁴⁴ Библиографию евразийских изданий см. в: Евразийство: Предчувствия и свершения / Вступ. ст. и сост. О. В. Манихина // Советская библиография. 1991. № 1. С. 78–86. О евразийстве см.: *Riasanovsky N. V.* The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. 1967. № 4. С. 39–72; статьи Н. И. Толстого, Л. Н. Гумилева и С. М. Половинкина («Евразийство и русская эмиграция»), а также комментарии В. М. Живова в: *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995.

7. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

12.V.1942. Прага

Дорогой Разумник Васильевич,

Вчера получил Ваше письмо *от 7 мая*¹, в котором Вы писали о Зайцеве². До этого Елизавета Викторовна получила *письмо* и я *от 2/V*. Следовательно *все* Ваши письма получены. Но вот я до сих пор не имею от Вас подтверждения о получении *вещевой* посылки, посланной 28/IV. 4 мая послано Вам *2 кило хлеба* и папиросы, 7 мая большое *письмо*, 8 мая *третья* посылка с книгами, 11 мая *четвертая* посылка с книгами и сегодня 12 мая *опять 2 кило хлеба*. Особенно беспокоюсь о *вещевой* посылке. Она застрахована в 200 марок. Простите, что посылаю теперь черный хлеб и совсем не посылаем жиров, в которых у нас недостаток.

В третьей посылке книг я послал Вам евразийскую литературу, кот<орую> получил специально для Вас от Савицкого. С ним я в добрых отношениях, и он охотно откликнулся на мою просьбу. Книги можете не возвращать, кроме *Федорова*. И впредь я буду указывать, что подлежит возврату, а, как правило, все *без возврата*. В этой же посылке один экз<емпляр> «Совр<еменных> Зап<исок>». Но вот после белого хлеба духовной пищи («Совр<еменные> Зап<иски>») в четвертой посылке я послал черный хлеб — «Волю России»³. Беллетристика здесь детская. «Воля России» была не в ладах с именитыми писателями, за исключением немногих (Ремизов, Осоргин). Ред<акция> хотела даже упразднить литерат<урно>-худ<ожественный> отдел. Тогда я предложил открыть шире дверь молодняку. Пусть это будет, говорил я, очень слабое, но надо выводить молодых. И, действительно, в истории эмигр<антской> беллетристики и поэзии «В<оля> Р<оссии>» сыграла свою роль. Большинство молодых начали с «Воли России». «С<овременные> З<аписки>» только с сороковых номеров начали приоткрывать двери новым беллетристам, прошедшим уже «В<олю> Р<оссии>». Поэтому не будьте так строги к беллетристике «В<оли> Р<оссии>». Я выбрал номера «В<оли Р<оссии>» с Цветаевой, хочу Вас отравить ею. Грешным делом, я первый начал ее печатать еще в берлинской газете «Голос России»⁴, где заведовал литерат<урным> воскресным отделом. (Там у меня писал Белый, Шкловский, Есенин, Пи-

льняк и др.) После первых же стихов, напечатанных в «Гол<осе> Р<оссии>», Зензинов⁵ ворвался ко мне в кабинет с протестом, т<ак> к<ак> он, де, ничего не понял в этих стихах. На общем собрании редакции я предложил Вла<димиру> Мих<айловичу> вслух прочитать напечатанные стихи. Но когда он прочитал вслух стихи (а нужно сказать, он прочитал их хорошо), то от протеста своего отказался. Теперь Вы отравляйтесь Крысоловами⁶, Полотерами⁷ и пр.

В этих же номерах «В<оли> Р<оссии>» Вы прочитаете мои статьи⁸. Вам покажется, что я ломлюсь в открытые двери, с доказательством того, что само собой подразумевается. Но все это нужно опять брать в историческом аспекте. Тогда мы были еретиками и писали то, что в эмиграции с течением времени было принято.

Белый говорил Вам чепуху про Сашу Черного⁹. Все-таки культурная эмиграция никогда не спускалась до того, чтобы признавать Черного первым поэтом. Черный писал детские и солдатские сказки. Солдатские сказки были совсем фальшивые. Сам Белый печатался, где хотел («Совр<еменные> Зап<иски>», «В<оля> Р<оссии>», «Гол<ос> России», «Эпопея»¹⁰ и др.). Я с Белым в Берлине был близок. Временами он был великолепен. Однажды у меня собрались Чернов, Церетели¹¹, Зензинов и др. Белый стал говорить о Штейнере¹². Я видел, как эта прожженная публика слушала Белого, раскрывши рты. А Белый говорил совсем неподходящие для них вещи... Другой раз Борис Николаевич, совсем пьяный (он много пил в Берлине), в сюртуке, с красной розой в петлице, рассердился на собрании берлинского русского Дома Искусств¹³, когда кто-то делал доклад о Хлебникове и пр<очих>. Белый произнес блестящую речь о заумном языке¹⁴. И все ему поверили. Но часто он был несправедлив, скандалил и везде видел своих врагов. Он часто бывал у нас, подружился с Е<лизаветой> В<икторовной>, и мы его любили. Много забавного было в берлинский период эмиграции, когда, можно сказать, петербургская литерат<урная> братия переселилась сюда, и когда Белый написал свою статью «Россия в России и Россия в Европе»¹⁵. Но все это уже далекое прошлое...

Я не могу пока найти второй том воспоминаний Гиппиус, где напечатана ст<атья> о Блоке. Но я найду и пошлю ее Вам. Из своей библиотеки послать эту книгу не могу. Федоров еще пишет вторую часть

«Канареечного счастья»¹⁶. Он здесь служит чиновником и печатает продуктовые карточки.

В поэзии у нас спец А. Л. Бем. Почти 20 лет он ведет здесь «Скит поэтов»¹⁷. У него есть вкус и знание стиха. Молодые признают его авторитет. И до сих пор около него есть кучка поэтов и прозаиков. На полке его библиотеки у него стоит около 300 сборничков эмигрантских поэтов. Я как-нибудь спровоцирую его на письмо Вам об эмигрантской поэзии.

Вы очень ошибаетесь, когда ищете причину молчания Ивана Ивановича Лапшина¹⁸. Он просто впал в маразм. Я его хорошо знаю, он ставит меня в курс своих философских интересов. Еще год тому назад он послал мне написанный на машинке диалог о Свободе воли. Он за всем следит, много читает, еще больше того говорит и никого не слушает. Но за всем тем он физически опустился, всего боится и никаких политических мыслей не имеет и не хочет *иметь*¹⁹. Все пишет и думает о красоте, музыке, философии и пр. Но насколько сохранился душевно и остался интересным собеседником Лосский, настолько Лапшин (ровесник Лосского — 71 год) мало интересен и опустился. Он все тот же холостяк и одинок.

В большие люди в Америке вышел Сорокин²⁰. Он заведует целым социологическим факультетом. Написал много книг. Но вся его социология — американская, механизированная. При встрече можно рассказать много интересного о нем, о том, как он работает и пишет. Но зырянин в нем нет-нет да и покажется...

Не скучайте, следующую посылку опять составлю из «Совр<еменных> Записок». По существу, они продолжали линию «Русской Мысли», периода ред<акторства> Струве²¹. Я долго с ними был не в ладах, особенно когда секретарем был Вишняк²². Он полемизировал со мной в «Днях»²³, страшно рассердился на статью в «В<оле> Р<оссии>». И только под самый конец их существования я подружился с Рудневым, который почти единолично стал вести журнал (стихи там подбирал Цейтлин²⁴), и дал туда две статьи²⁵. Последняя о Замятине не успела напечататься. Вишняк же вместе с Милюковым издавали тоже толстый журнал «Русские Записки»²⁶. Там богоискательства, конечно, не было. Журнал не так приятен, как «Совр<еменные> Зап<иски>». Послать этот журнал я не могу, так как он запрещен. Но пошлю Вам для разнообразия современные «Числа». Их

вышло 8 номеров. Редактором был поэт Оцуп²⁷. Там Вы найдете совсем новые имена (Шаршун²⁸, Фельзен²⁹ и др.).

Оба мы все еще не оправились от гриппа. Ел<изавета> Викт<оровна> у меня совсем сдала. Нашим эмигрантским женам досталась тоже нелегкая жизнь. Все делает сама. Ждем настоящего лета, чтобы отогреться. Хорошо было бы Вас «заполучить» до июля. Оставили бы Вас одних жить у нас, а сами уехали бы куда-нибудь. В июле я буду иметь отпуск. Почему-то я надеюсь, что Вы будете у нас жить. Райского жития у нас нет, нет изобилия плодов земных, но все-таки не хуже, чем в других местах. Сидели бы Вы у нас в саду на солнце, грелись бы и ждали у моря погоды. Всему бывает конец, кончится и война. Но нужно пережить это время и сохранить себя для будущего. Вам еще не так много лет. У нас профессура умирает после 70 лет. Бабка³⁰ дожила до 90 лет, Немирович³¹ тоже до 90, Лазарев³² до 80 лет, Архангельскому³³ 75, Кусковой³⁴ 75 (в Швейцарии). Очень хорош был Немирович, до конца дней остался джентльменом, совсем не раздавленным пережитым. Но его посмертный роман «Она»³⁵ ужасен, пошлость невероятная, друзья его подложили ему свинью, напечатавши этот роман. Начну личное, а все сбиваюсь на литературу... Неустойчивость характера или что у кого болит, тот о том и говорит?

Передайте наш привет Варваре Николаевне. Вторую посылку пошлем, как только жена немного поправится и сможет поехать в город.

Простите за это безалаберное письмо. Хотелось Вам что-нибудь написать, чтобы Вы не скучали, а самому нездоровится. Но надеюсь завтра выздороветь. У нас в Праге «ледовы мужи» Саврасий, Панкраций и Бонифаций, которые всегда приносят холод. После них придет Жофина, кухажка (кухарка) и затопит печь, а потому будет тепло³⁶.

Всего доброго,

Ваш С. Постников.

Напишите, в каком виде Вы получили «черный хлеб», съедобный ли, сколько дней он в дороге³⁷.

Письмо. Авторизованная машинопись. Заключительное приветствие, подпись и приписка — автограф.

¹ Здесь и далее в тексте подчеркнуто.

² См. письма Зайцева в наст. изд.

³ «Воля России» (1922–1932). Постников активно сотрудничал в журнале. См. вступ. заметку к его письмам.

⁴ В «Голосе России» были напечатаны стихотворения Цветаевой «Ты проходишь на Запад Солнца» и «У меня в Москве — купола горят» (1922. 26 марта. № 926, из цикла «Стихи к Блоку»), «Не растеклась еще» (1922. 11 июня. № 987, из цикла «Ханский полон»), а также «Открытое письмо А. Н. Толстому» (1922. 7 июня. № 983).

⁵ Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) — общественный и политический деятель, публицист, прозаик, член ЦК партии эсеров. В Париже с 1919 г. Сотрудничал в «Современных записках». Член комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. В 1939 г. уехал в США. Мемуаристы неизменно отмечали высокие человеческие качества Зензинова (см. некролог Н. Вороновича: Памяти В. М. Зензинова // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1953. 23 окт.). Зензинов — автор нескольких томов воспоминаний: «Из жизни революционера» (Париж, 1919) и «Русское Устье» (Берлин, 1921) повествуют о деятельности Зензинова до эмиграции (вторая книга — о пребывании в ссылке на берегу Ледовитого океана); «Железный скрежет» (Париж, 1927) — впечатления от поездки в США; «Пережитое» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953). Книга «Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в красную Армию. 1939–1940» (Нью-Йорк, 1944/5) — результат поездки Зензинова в январе 1940 г. в Финлян-

дию в качестве журналиста с целью встречи с советскими военнопленными, но, как русский, разрешения на встречу он не получил. В предисловии к книге он писал: «Весь материал, легший в основу этой книги, собран на полях сражений в Финляндии. Он состоит из писем, подобранных на трупах убитых русских солдат во время войны Советского Союза с Финляндией 30 ноября 1939 — 15 марта 1940 года — письма из России: от жен, матерей, сестер, невест, от родных и друзей» (с. 5). Зензинов изучил более 500 писем и документов, 277 писем воспроизведены в книге полностью. Его комментарии — попытка увидеть Россию, собрать по крохам сведения о России. Отношение Зензинова к материалу — трогательно осторожное, характерное для отношения лучших людей в эмиграции к русским людям в СССР.

⁶ Крысолов // Воля России. 1925. №№ 4–12; 1926. № 1.

⁷ Полотерская // Воля России. 1925. № 1.

⁸ В «Воле России» за 1925 г. в № 1 была напечатана статья «По поводу» (о «Русском современнике»), в № 5 статья о «Современных записках», в № 9/10 — о литературном конкурсе журнала «Звено» и обзор журнала «Печать и революция».

⁹ О Саше Черном см. примеч. 3 к письму 5 Бема.

¹⁰ «Эпопея» — литературный ежемесячник, выходивший в Берлине под ред. Андрея Белого. С апреля 1922 по июнь 1923 г. вышло четыре номера.

¹¹ Ираклий Георгиевич Церетели (1881–1959) — видный эсдек-меньшевик. В 1950–1960-х гг. его статьи печатались в «Новом журнале». См. его

«Воспоминания о Февральской Революции» (В 2 т. Париж, 1963).

¹² О Рудольфе Штейнере см. примеч. 10 к письму 3 Зайцева.

¹³ Андрей Белый был одним из организаторов Дома искусств в Берлине в конце 1921 г. О Доме искусств см.: Струве Г. Русская литература в изгнании. С. 32–35 (главка «Берлин на стыке двух литератур»); Обатнина Е. Р., Белоус В. Г. Берлинская Вольфила (1921–1922): Хроника // Вопр. философии. 1997. № 7. С. 141–155.

¹⁴ Этот эпизод описан Постниковым в мемуарном очерке «Андрей Белый, писатель и человек»: «В берлинском русском “Доме искусств” был доклад о “заумном” языке, в частности о Хлебникове. И докладчик, и остальные выступавшие очень резко отзывались о “заумном” языке. Тогда Борис Николаевич, перед тем изрядно выпивший <...>, предупредил меня, что сейчас разнесет всех этих хулителей Хлебникова. И действительно, зло высмеяв всех говоривших до него, он произнес блестящую речь в защиту “заумного языка”» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 41). См. примеч. 21 к письму 9 Постниковой.

¹⁵ О «России» в России и о «России» в Берлине // Беседа. 1923. Май – июнь. № 1. В тексте письма «Европе» вписано сверх зачеркнутого «Берлине».

¹⁶ Первая часть вышла отдельным изданием в 1938 г.; вторая — в свет не вышла, одна глава напечатана в переиздании романа, вышедшего в Москве в 1990 г.

¹⁷ См. вступ. заметку к письмам Бема.

¹⁸ См. наст. изд., «Русская Прага» и примеч. 1 и 2 к письму 1 Бема.

¹⁹ Вписано над текстом.

²⁰ Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) — известный социолог, родом из Вологодской губернии, мать зырянка-коми. Первые научные труды были посвящены изучению социологии зырян-коми («Пережитки анимизма у зырян», «К вопросу об эволюции семьи и брака у зырян» и др.). По окончании Петербургского университета оставлен для подготовки к профессорскому званию. С 1918 г. возглавлял кафедру социологии в Петроградском университете. Эсер, соредактор «Дела народа» и «Воли народа», выслан за границу в 1922 г. Сначала жил в Праге, где опубликовал брошюру «Современное состояние России» (Прага, 1923), в которой касался разных аспектов послереволюционных перемен в России (демографические потери 1914–1922, социальные и экономические изменения, голод, рост преступности и т. д.). Еще в 1920-х гг. переехал в США, где был профессором социологии в Университете Миннесоты, затем в Гарвардском университете, где основал социологический факультет. Мемуары: *Sorokin P. Leaves from a Russian Diary*. New York, 1924; по-русски были изданы: Дальняя дорога. М., 1992; О русской нации. М., 1994; Статьи разных лет. М., 1994.

²¹ П. Б. Струве был редактором «Русской мысли» в 1906–1918 гг.

²² Марк Вениаминович Вишняк (1883–1975) — общественный и политический деятель, публицист, эсер; один из редакторов и секретарь редакции «Современных записок». С 1940 г. в США. После войны печатался в «Новом журнале». Автор книг «Два пути: Февраль и Октябрь» (1931), «Дань прошлому» (Нью-Йорк: Изд-во им.

Чехова, 1954), «Годы эмиграции, 1919–1969» (Париж — Нью-Йорк, 1970) и «“Современные записки”: Воспоминания редактора» (Bloomington, Ind., 1957; переизд. — СПб., 1993), где одна глава посвящена разбору критики направления журнала, и в частности наиболее подробно обсуждается критика С. П. Постникова. Вишняк писал: «В кн. 5-й “Воли России” за 25 год появилась статья о семи книжках “Современных записок” (кн. 17–23) ближайшего в течение десятков лет единомышленника Чернова, С. П. Постникова. Нельзя сказать, чтобы она целиком отвергала или осуждала дело “Современных записок”. Нет, она многое признавала, но не для себя и не объективно, а для тех, кто не возвысился до понимания автора статьи и его ближайших единомышленников. <...> Постников противопоставил “Современным запискам”, которыми “безраздельно и целиком владеют эмигранты”, — якобы не-эмигрантские “Волю России”, “Революционную Россию” и “Социалистический Вестник”. <...> С. Постников судил о “Современных записках” не по тому, чем они хотели быть, а по тому, какими они должны были быть по мнению Постникова, которому предносился образ эсеровского журнала “Заветы”, издававшегося В. М. Черновым, Р. В. Ивановым-Разумником, С. П. Постниковым и др. незадолго до 1-й мировой войны» (с. 263, 264–265, 268). См.: Дэвис Д. Переписка редакторов журнала «Современные записки» // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 25–31 (письма Фондаминского и Руднева к Вишняку).

²³ «Дни» — газета, выходившая под ред. А. Ф. Керенского (1922–

1933) в Берлине, а затем в Париже, продолжение «Голоса России».

²⁴ Михаил Осипович Цетлин (псевд. Амари, 1882–1946) — поэт, прозаик, литературный критик, редактор отдела поэзии в «Современных записках». В 1940 г. переехал в США. С М. А. Алдановым основатель (и редактор в 1942–1945 гг.) «Нового журнала» в Нью-Йорке.

²⁵ В «Современных записках» была напечатана статья Постникова «Литература эмигрантского сепаратизма» (1937. № 64. С. 450–457) о публикациях казачьих, кавказских и украинских сепаратистов.

²⁶ «Русские записки» (Париж — Шанхай, позднее — Париж, 1937–1939 (№№ 1–20/21)) — общественно-политический и литературный журнал, вначале редактировался четверью редакторами «Современных записок» (Н. В. Авксентьев, И. И. Бунаков, М. В. Вишняк и В. В. Руднев), позднее выходил под ред. П. Н. Милюкова.

²⁷ О «Числах» см. примеч. 8 к письму З. Г. Иванова. Николай Авдеевич Оцун (1894–1958) — поэт-царскосел, с 1923 г. в Париже. Всего вышло не 8, а 10 номеров «Чисел».

²⁸ Сергей Иванович Шариун (1889–1975) — художник, прозаик, в Париже с 1912 г. Посетитель собраний «Зеленой лампы» Мережковских. Печатался в «Числах». Его книги выходили малым тиражом: поэма в прозе «Долголиков» (Париж, 1961) печаталась в «Числах»; в 1960-е гг. вышло еще несколько книжечек: «Неприятные рассказы» (Париж, 1964), «Небо колокол: Поэма. 1919–1965» (Париж, 1965); «Акафист Долголикову. 4-я книга солипсической эпопеи “Герой интереснее романа”» (Париж, 1967);

«Без маяка. Четыре пейзажа» (Париж, 1969) и др., все под маркой издательства «Вопрос». В течение многих лет Шаршун издавал брошюрки-листовки, которые рассылал знакомым. См.: *Андреев М.* Журнал Шаршуна. О «Перевозе ДаДа» и «Летучих листовках» Шаршуна // *Русский Альманах*. Париж — Нью-Йорк, 1981. С. 387–392. Как художник Шаршун получил признание в последние годы жизни (ретроспективная выставка в Музее Современного искусства в Париже в 1971 г.). См.: *Герра Р.* Профиль Шаршуна // *Новый журнал*. 1976. № 122. С. 142–150.

²⁹ *Юрий Фельзен* (псевдоним Николая Бернгардовича Фрейденштейна, 1894–1943) — писатель-прозаик. Автор трилогии: «Обман» (Париж, 1930), «Счастье» (Берлин, 1932), «Письма о Лермонтове» (Париж, 1936); печатался в «Числах», «Встречах», «Современных записках» и др., был секретарем редакции журнала «Числа» (1930–1934). В 1942 г. был арестован, погиб в немецком концлагере.

³⁰ *Бабка* — *Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская* (1844–

1934), «бабушка русской революции», одна из организаторов партии эсеров. В эмиграции с 1919 г.

³¹ *Василий Иванович Немирович-Данченко* (1848–1936) — писатель и журналист, многолетний почетный председатель пражского Союза русских писателей и журналистов.

³² *Егор Егорович Лазарев* (1855–1937) — общественный и политический деятель, публицист, эсер, издатель «Воли России».

³³ *Василий Гаврилович Архангельский* (1868–1948) — общественный и политический деятель, член ЦК партии эсеров, вице-председатель РЗИА в Праге.

³⁴ *Екатерина Дмитриевна Кускова* (1869–1958) — общественный и политический деятель, публицист, принимала активное участие в работе Помгола, выслана за границу в 1922 г.

³⁵ *Она*. Роман моего друга. Таллин, 1938. (Приложение к журналу «Иллюстрированная Россия»).

³⁶ Народные верования, связанные со святыми католического календаря.

³⁷ Приписка от руки вдоль первого листа.

8. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

14.V.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

получил Вашу открытку с извещением о получении Вами вещевой посылки. Сейчас отправил Вам пятую посылку с книгами. Там «С<овременные> З<аписки>» № 54¹, на мой взгляд, упадочнические «Числа» № 4² и разные мелкие лит<ературно->крит<ические> журналы 30-х годов («Встречи»³, «Новый Град»⁴, «Новый Дом»⁵, «Мансар-

да»⁶, «Новая Газета»⁷, «Путь»⁸), кот<орые>, м<ожет> б<ыть>, ознако-
мят Вас с литерат<урной> парижск<ой> русск<ой> атмосферой. Я в
то время уже не писал крит<ические> ст<атьи>, т<ак> к<ак> Слоним⁹
сослал меня в отдел обзора мемуаров и истор<ических> сборни-
ков. Да и «В<оля> Р<оссии>» прекратилась в 1932 г. Обратите внима-
ние на поэта Ладинского¹⁰, кот<орого> у нас очень выдвигали, как
лучшего из молодых. Завтра буду у Бема и попрошу для Вас Гиппиус о
Блоке¹¹. Только что прочитал Ваш фельетон¹². Один знакомый журна-
лист сказал, что сразу видно матерого литературного волка,
кот<орый> немного «своей хваткой» сказал о многом. Я еще напишу
Вам по поводу фельетона, а теперь спешу уведомить о посылке книг.
Привет Варваре Николаевне.

Ваш С. Постников.

«Н<овое> Сл<ово>» богатая газета и может платить нормальный
гонорар. Но там так не пишут, публика литературно не «квалифициро-
ванная». Оба мы теперь уже здоровы: на днях должен держать
экз<амен> по нем<ецкому> яз<ыку>, как служащий протектората. На
старости лет приходится учиться и держать экз<амен>.

Ваш С. Постников.

Открытка. Авторизованная машинопись. Дата, привет и подписи — авто-
граф.

¹ № 54 «Современных записок» открывался портретом И. А. Бунина. В поздравлении Нобелевского лауреа-
та редакция между прочим писала: «Торжественное увенчание творчест-
ва писателя-эмигранта подтвердило перед лицом всего мира, что нам есть
за что бороться, во имя чего не прими-
ряться с теми, кто искажают образ
России. Это признание ценности сво-
бодного эмигрантского слова <...> Мы
радуемся, когда, несмотря на <...> от-
сутствие свободы, мы встречаем выда-

ющиеся произведения *там*. Но мы
знаем, что для истинно высокого твор-
чества необходима свобода, которую
мы храним *здесь*. Эмиграция по самой
сущности своей обречена на внешние
испытания и неудачи, ибо весь смысл
ее в отказе от внешнего во имя духов-
ных ценностей <...> И тем больше ра-
дуемся мы, когда эмиграции сужден,
наконец, ослепительный успех, добы-
тый творческим трудом несравненно-
го и независимого писателя» (с. 195–
196). Вслед за редакционным поздрав-

лением была помещена статья Ф. Степуна, где автор выделял «внутреннюю подлинность и совершенство ее проявлений» в творчестве Бунина. Он подчеркивал, что изображение дореволюционной России у Бунина, — в отличие от более распространенных душевных воспоминаний, — творческая память, и в этом видел провиденциальность присуждения премии Бунину.

В том же номере печаталось продолжение романов «Дом в Пасси» Б. Зайцева и «Пещера» Алданова, а также начало «Отчаяния» Сирина-Набокова и «Дом у старого Пимена» Марины Цветаевой.

² В 4-й книге «Чисел» (1930–1931), помимо начала «Писем о Лермонтове» Ю. Фельзена и отрывка из «Долголикова» С. Шаршуна, а также стихов Г. Адамовича, Г. Иванова. Н. Оцупа, В. Андреева, Б. Поплавского, Ю. Софиева и др., следует отметить статьи С. Франка «По ту сторону правого и левого» и Г. Федотова «О смерти, культуре и “Числах”».

³ В отличие от «толстых» «Современных записок» «Встречи» — это «тонкие» (40–50 стр.) тетрадки. Журнал выходил ежемесячно (всего 6 номеров) в 1934 г. в Париже под редакцией Г. Адамовича и М. Кантора. Первый номер открывался редакционной статьей «Торжество Бунина» («редкий праздник чистого искусства»). Марина Цветаева печаталась почти в каждом номере, здесь был напечатан ее «Стол» («Мой письменный верный стол», № 1, с. 4).

⁴ О «Новом граде» см. примеч. 7 к письму 3 Г. Иванова.

⁵ «Новый дом» — литературный журнал, выходивший в Париже (1926–1927, №№ 1–3) под редакцией Нины

Берберовой (№№ 1 и 2), Довида Кнута, Юрия Терапиано и Всеволода Фохта. В первом номере редакционная статья определяла позицию журнала: «Пора литературе и критике вновь стать идейными, отбросив как нигилизм, так и эстетизм. На этих основаниях и строится “Новый дом”. Основанный молодыми силами, он зовет всех, кто хочет вернуться к подлинному искусству духа: в единении поколений возникает непрерывная преемственность идей. Живя на чужбине и не забывая России, мы, однако, не тоскуем по ее “березкам” и “ручейкам”. Она с нами, в нас самих, — поскольку ее язык, ее литература, ее культура навсегда унесены нами и живы в нас, где бы мы ни были. Но и Европа — старая сокровищница мировой духовности, дорога нам. <...> Направляясь к будущему, мы несем с собой из прошлого то, что нам кажется непреходящим и ценным» (с. 2).

⁶ «Мансарда» — литературно-художественный ежемесячник, выходивший в Риге в 1931 г. (№№ 1–6).

⁷ О «Новой газете» см. ниже примеч. 9.

⁸ О «Пути» см. примеч. 14 к письму 6 Постникова.

⁹ Марк Львович Слоним (1894–1976) — общественный и политический деятель, публицист, литературный критик, эсер. Соредaktor «Воли России» (печатал в журнале «Литературный дневник», посвященный современной русской литературе, как советской, так и эмигрантской), член правления пражского Союза русских писателей и журналистов. Продолжая жить в Праге, много времени проводил в Париже, где был организатором литературного объединения «Кочевье», устраивавшего литературные ве-

чера (1928–1938) и включавшего в основном писателей младшего поколения. В 1931 г. выпускал в Париже «Новую газету», на страницах которой пытался объединить старшее и младшее поколения писателей-эмигрантов. Газета просуществовала недолго (апрель – июнь), прекращение издания было вызвано главным образом финансовыми причинами. (См. публикацию Рашита Янгирова: Литературные дебюты писателей // Русская мысль. 1997. 24–30 июля. № 4184; 31 июля–6 авг. № 4185, с описанием «Новой газеты» и перепечаткой некоторых откликов на анкету с вопросом о первом литературном выступлении, помещенную в первом номере газеты.) С 1932 г. жил в Париже. В 1941 г. переехал в США. См. статью Слонима: «Воля России» // Русская литература в эмиг-

рации: Сб. / Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 291–300.

¹⁰ Антонин Петрович Ладинский (1896–1961) — поэт и прозаик. С 1924 г. в Париже. Один из организаторов Союза молодых поэтов и писателей, сотрудник редакции газеты «Последние новости». С 1944 г. член Союза русских (советских) патриотов, сотрудник редакции «Советский патриот», принял советское гражданство, в 1950 г. выслан из Франции. В 1955 г. вернулся в Москву, с 1960 г. член Союза писателей СССР.

¹¹ Очерк «Мой лунный друг» вошел в книгу Гиппиус «Живые лица». См. примеч. 4 к письму 6 Постникова.

¹² Первый очерк Иванова-Разумника, напечатанный в «Новом слове» 10 мая 1942 г. См. наст. изд., приложение I, 1.

9. Е. В. Постникова — Иванову-Разумнику

<16.V.1942>

Дорогой Разумник Васильевич,

как только получила Ваше письмо, так заболела, очевидно из чувства солидарности. Письмо Ваше очень взволнованное и чрезвычайно грустное, несмотря на то, что Вы на редкость мужественный человек. Может, не принято так писать, но вы оба нам сейчас так дороги, как собственные дети, *что я позволяю <себе> так писать*¹.

Не надо думать, что, посылая Вам хлеб, мы лишаем себя пайка; раз Вы так думаете, то портите себе аппетит и теряете в весе. Мы старожилы, у нас есть друзья, мы делимся. Когда Вы написали порядок своего дня, Ваше «меню», мы не могли обедать; а когда Вы потеряли за последних десять дней два кило, несмотря на лежащее положение, это говорит о том, что Вы форменно голодаете. Дорого яичко на пасхальный день (*ко святому дню*), немножко перефразировала эту пого-

ворку. Надо сейчас есть, чтобы не худеть. В понедельник <18.V>² пошлем Вам в одном пакете два хлеба; а во вторник <19.V> кой-чего к этому хлебу. Это нисколько не лишит нас нашего обыкновенного питания. Я пошлю Вам пол-литра рыбьего жиру, если Вы его сможете переваривать, то он Вам послужит на пользу. Этот рыбий жир у нас очень давно, он может быть и не совсем свежий, но вместе с томатовым пюре его можно есть. Я потому его расхваливаю, что С. П., уроженец севера, не выносит рыбьего жиру. Советую Вам один хлеб дозировать, а другой считать «шальным» и сразу же съедать. Приходится надрезывать хлеб, потому что посылка с оберткой два кило. (Мы получаем по карточкам на двух человек около 15-ти кил<о> хлеба в месяц, если это перевести на фунты, то это не так мало.) Прошу Вас, не беспокойтесь и не совсем верьте письмам Бема. У него две дочери³, двадцатилетние «красавицы», но, конечно, у них молодые аппетиты. Он очень милый и хороший человек. Страшно расстроился, когда узнал, что Вы послали туда свои заметки⁴. Вчера я их читала и Вам скажу, что Ваше появление в той прессе есть вода на мельницу всех нас, потому что для всей эмиграции мы⁵ и большевики одно и то же. Немцы, чехи, французы, англичане и вообще иностранцы прекрасно разбираются в разнице, но русские нет. Они в 90% неграмотны политически. Я не преувеличиваю, когда скажу, что на всю русскую колонию Праги две женщины, из них одна я, читают всю литературу и во всяком случае знают немножко русскую историю и литературу.

Я Вам написала про Ляцкого⁶ только потому, что С. П., передавая мне телефонные разговоры с Е<вгением> А<лександровичем>, не уловил тех нюансов, которые должны были приличествовать Вашему приезду. Я это отнесла за счет Пыпинского наследства, которое он, Ляцкий (говорила мне писательская публика), использовал так, как «Владимир Орлов» использовал Вашу работу над комментариями к произведениям Блока⁷. Потом, Ляцкий выпустил учебник — хрестоматию для чехов — и там дал такой ужасный подбор «художественной литературы», что за него неловко. Вот это, как мне кажется, ему Вам показать неловко. А так он держит себя вполне прилично. Он нигде не участвовал. За двадцать лет эмиграции у него было две жены; первая очень интересная и умная женщина; а вот последних 10 л<ет>, как он женат на молоденькой сербке и вполне счастлив.

Был тут и умер писатель Калинин⁸. Он умер в психиатрической лечебнице. Его романы «Мощи», «Монастырские женки» имели колоссальный успех. Вещи, написанные в сгущенно эротических красках. Его издавали немцы, чехи и русские. После него остался ненапечатанным огромный роман (у его вдовы), где он выводит очень метко и современников; вот в этом романе есть и Ляцкий и его роман «Тундра»⁹ и молодой Гессен¹⁰ (ему, кажется, 50 лет сейчас) и многое другое.

Я хочу вернуться к Гиппиус. Что Мережковский умер, мы узнали только из «Нового Слова», подробностей никаких не знаем, так как после оккупации Франции они все перестали писать. Ведь Гиппиус нигде последние годы не писала. Последнее, что она написала (кажется и в стихах, и в прозе) — это поездку в Италию к Вячеславу Иванову¹¹. [Они]¹² Мереж^{ковс}кие некоторое время редактировали журнал «Иллюстрированную Россию»¹³, в Париже, совсем не похоже на «Ниву», но почему-то «Нива» приходит на ум, когда хочется ее сравнить, может быть потому, что «Ил^{люстрированная} Росс^{ия}» была широко читаема шоферами, барыньками, рабочим русским людом, которым нет времени и досуга разбираться в «высоких материях». Но «Ил^{люстрированная} Росс^{ия}» не была бульвар. Но зато в Риге выходил журнал «Для Вас», редактором, последнее время и очень долгое время, был Брешко-Брешковский.(?)¹⁴

Опять к Гиппиус, она и он (*Философов жил в Варшаве. Он умер во время войны с Польшей*¹⁵) вовсе были не в фаворе. Вечеринки «Зеленая Лампа»¹⁶, которые она устраивала, не привлекали к ней молодежи. Несправедливо к ним относились: молодежь высмеивала, старшие завидовали их удельному весу, а вручение Бунину Нобелевской премии было для них явной обидой¹⁷.

Я читала ее воспоминания «Встреча с Блоком в трамвае»¹⁸, ставлю в кавычки, потому что это было почти двадцать лет тому назад, но где это было и как называлось не знаю точно (чисто женская манера, простите).

Было время, когда Берлин и Париж конкурировали между собою, как Питер и Москва. Когда мы были в Берлине, в жестокое время инфляции, и издавали там газету «Голос России», которая сыграла несомненную роль в эсеровском процессе, который назывался «Двенадцать смертников», тем, что их не казнили и тем, что удалось открыто показать Европе, что на самом деле есть большевики¹⁹. Защита смерт-

ников, посылка туда иностранных юристов, листовки на трех или четырех языках, *(на шести языках)*, увеличенный размер газеты, телеграммы и пр. пр. полностью исчерпали финансовый фонд, который еще уцелел от России. Было время трогательного альянса двух наших течений. Но рано или поздно это должно было лопнуть. Газету у нас купили *правые эсеры*, вернее обменяли на пражскую «Волю России». После нашего отъезда в Берлине стали выходить «Дни» под редакцией Зензинова и Керенского. А в Праге была старая группа сотрудников «Воли России», как Сухомлин, Слоним, о котором речь будет дальше, <со> Сталинским и В. И. Лебедевым, сделавшими резкий поворот налево, *они стали издавать толстый ежемесячный журнал*²⁰. В то время, как мы были в Берлине, это с февраля 1922 года до осени 1923 года, около газеты «Голос России» группировались все писатели, если не участием, то личными знакомствами. Я забыла Вам сказать, что почти таким финансовым чудом, как было возникновение «Заветов», С. П. удалось устроить на чужой стороне газету. Что Вам говорил об этом Андрей Белый, *я не знаю*, но наше знакомство с ним перешло в приятельство... В это время его бросила Ася, для других так выглядело. Бросила, то есть не вернулась, а приехала повидаться с ним. Она выдержала у Штейнера все «искусы» и имела какой-то серебряный круг-пояс на голове. Андрей Белый был тогда блестящий²¹. Элегантный, в сюртуке, белый цветок в петлице, большой, открытый лоб-чело. Он выступал блестяще, все, что он говорил, было так интересно, так ярко и ослепительно, что прошло двадцать лет, я забыла что он говорил, но я вижу его, я вижу аудиторию и я вижу тот триумф, которым его сопровождали. Кажется, на другой день <после> этого выступления он повез нас к Ремизовым. Он был в черной шляпе, в темном пальто, будто траур... (Штейнера он понемножку поругивал, но другим не позволял ничего говорить о Штейнере плохого.)²² Там же у Ремизовых, где я впервые их (Ремизовых) увидела, я вспомнила кое-что из Ваших нескольких замечаний и, конечно, была настороже. Алексей Михайлович с пледом на горбу, с хвостом в руке и с игрушками, развешенными по всей комнате, разыгрывал беспомощного, но очень мне он понравился тем, что так плохо играл, а так как он сам по себе очень оригинальный, то я с интересом его наблюдала. Серафима Павловна, огромная дама, с огромным аппетитом и здоровьем, физически его подавляла. Но с ней мне не хотелось быть настороже, и я

сказала, что мне она известна по рассказам одной эсерки, с которой она участвовала в революционном движении. Это Мария Флоровна Селюк²³. Серафима Павловна преобразилась и забыла, что она жена известного писателя, и стала вспоминать давно прошедшее и юное ушедшее. А в награду за это сказала, что Андрей Белый не принят Асей и что глубоко переживает свою драму. Когда мы ехали обратно, мы знали, что он едет пьянствовать на всю ночь. Потом видели эту Асю Тургеневу в обществе советских писателей и, как потом стало известно, она вышла замуж в тех же днях за поэта Кусикова...²⁴ Андрей Белый уехал на взморье, там страшно пил... Приехал к нам на дачу с женой доктора Васильева (антропософка)²⁵, не представил ее никак и провел с нами сутки и с тем и уехал. Ночью в отеле, где мы их устроили, не мог спать и утром, не зайдя к нам, уехал... Поссорился с Ходасевичами²⁶, но в конце концов, все-таки, его мы видим уже в Москве в добром здравии. Его «восстание в Москве 1905 года» написано с таким темпераментом и подъемом, что мурашки по телу пробегают («На рубеже двух столетий»²⁷). Значит он снова и снова мог работать, да еще как. Кто его жена, не эта ли Васильева?

Сейчас я вышла тоже из равновесия, вспоминая его. Сколько людей прошло за этих полвека перед глазами и сколько в них ценного умерло.

Вернусь в Берлин того времени. Тогда же Алексей Толстой через газету «Накануне»²⁸ вернулся в Россию. Прижился к нам Пильняк²⁹, о нем статья другая. Приехал Осоргин³⁰, Алданов³¹ (он ниже сортом, чем Тынянов) еще не вышел на большую дорогу, Вы, надеюсь, когда ознакомитесь с ним, согласитесь со мной (мне этого хочется), что у Т<ынянова> помимо знаний преподносимой эпохи, лиц и быта есть художественное изображение описываемого. У Алданова совершенно отсутствует способность художественно схватывать изображаемых лиц, события и эпоху. Замечательна вещь «Кюхля» у Т<ынянова> тем, что будто ты сам сейчас смотришь из-за забора на все пушкинские приключения. У Алданова другая культура, другой размах, но к концу своих последних напечатанных произведений он до того офранцузился, что у него половина страниц была по-французски написана. Кажется, у меня такой способ письма получился, как у Пруста, если бы я была писательница, все в сторону от главной темы. А тема моя Берлин, где начала до нас издаваться газета старика Гессена «Руль»³²,

право-кадетского направления, где был литературным критиком до смерти Айхенвальд³³. Его критические обзоры, можно с ними не соглашаться, были преподносимы читателю в изысканно литературном виде. Злые языки говорили, что это шло в ущерб его критическому анализу, не знаю, я получала удовольствие от чтения его очерков. Вы их прочтете в комплекте газеты «Руль». На его племяннице женат Сирин³⁴. Айхенвальд, по всей вероятности, вывел этого юношу в люди. Вы пишете, что у Сирина плохой язык. Правда, он все время в немецком обществе, а среди русских он в «еврейском обществе», потому что в большинстве русская колония в Берлине была еврейская (денежная буржуазия). Когда Набоков был убит (1922) на лекции Милюкова (метили в Милюкова, за редактирование писем царицы к царю), то семья Набокова осталась без гроша, а Сирин стал пробивать себе дорогу сам. (Кстати и меня тогда чуть не подстрелили, как раз Набоков свалился около меня, я видела руку убивающего, лежала сама на спине на полу, а по мне шли и меня давили десятки ног³⁵. Это было в консерватории: были поломаны *все стулья*, все туфли и портфели потеряны. Шесть пуль попали в публику. Набоков был убит со спины в сердце, а один американский журналист схватил Милюкова за ноги и вместе с ним свалился. Через пять минут М<илюк>ов вошел невредимый в ту комнату, где остывал труп Набокова.)³⁶ Набоков вместе с Гессеном основали *эту* газету, и Набоков взял сразу правый уклон. А погиб от случайной пули. Старик Гессен, ведя газету, начал накапливать исторический материал и вскоре стали выходить отдельные книжки на прекрасной бумаге, интересно подобранные воспоминания участников белого движения под названием «Архив русской революции». Их вышло 23 книги³⁷. Этих книг нельзя нигде купить. Это большое культурное дело оставил после себя старик Гессен, после чего уехал в Париж, и «Архив» перестал выходить. После этого старик написал свои воспоминания. История кадетской партии. Воспоминания одни из лучших. Жив ли он, неизвестно³⁸.

Ходасевич и Берборова. Несмотря на то, что эта краснощекая молодая женщина оставила Ход<асевича> и ушла к «везучему», ее слова, понимать, что ему везло, человеку, кооператору, она написала после смерти Ход<асевича>, как он умирал, как страдал и какой он был на больничной койке³⁹. У Ходасевича был момент в жизни, какому мог бы позавидовать любой из его собратьев по перу. В его распоря-

жении была огромная газета «Возрождение», правого направления, где он был литературным критиком и редактором⁴⁰. (Мережковский и Зайцев писали в «Возрождении», а Гиппиус в «По<следних> Нов<остях>».)⁴¹ Писал он много, интересно. Политически не высказывался никогда. Единственный из всех написал хорошо о Горьком после его смерти⁴². (Еще только Шаляпин о Горьком написал несколько ласковых, интимных слов⁴³.) Трудно на память, да еще в письме говорить о его работах. Но помню, он жестоко в своих воспоминаниях треплет Брюсова. Тошнит от Брюсова после того, что Ходасевич о нем рассказал: купеческий дом, стулья, жена с противным именем и отчеством, самоубийство какой-то поэтессы и быстрый отъезд Брюсова, как фальшивомонетчика, из Москвы. Вы в комплекте «Возрождения» прочтете его воскресные номера. То, что я пишу, я средний читатель. У Ходасевича было такое больное лицо и он после нарывов на спине (у него их было около 30-ти) имел такой измученный вид, что я не выдержала и сказала: у Вас голова казненного. Он даже покраснел. Это было страшно давно. Потом он обиделся на С. П. за его заметку⁴⁴, и так мы больше не переписывались.

Берберову он ввел в литературную среду, наверно, руководил ею и, когда они разошлись, она писала сама неплохо, а последняя вещь⁴⁵, где много автобиографического, написана в таких лирических тонах (она использовала, как канву лермонтовское «По небу полуночи ангел летел»), что я удивилась. Мне она, как человек, не нравилась и я совершенно объективно ее хвалю. Я думаю, что Ходасевич умер за год до войны. Это четыре или пять лет тому назад⁴⁶. Ведь у нас война уже три года будет осенью.

Вместе с Ходасевичем я мысленно перевела Вас в Париж. Он до войны был русским центром. Там был Шаляпин. Там была русская опера и драма. Там вырос и сложился Сергей Лифарь⁴⁷. Знаменитый танцовщик, балетмейстер в Grand Opéra. Мой киевский земляк, судя по его воспоминаниям. Его пригрел сначала Дягилев, потом оценил, а потом, если можно так выразиться, духовно усыновил. Дягилев умер, а Лифарь стал всесветной знаменитостью. В Париже издавались две большие газеты. Правая «Возрождение»⁴⁸, издатель Гукасов. И демократическая «Последние Новости», под редакцией Милюкова. Он возглавлял «республиканско-демократическую партию». Об этой газете в другой раз. Там писали все. Но всех было так много, что скоро зам-

кнулся круг возможностей там что-либо заработать на хлеб насущный. Попавшие раньше не терпели вновь рождаемых. Сам папа Милюков говорил С. П., что он видит этот порочный круг, но он должен кормить сверстников. Собственно, только Осоргин, да Екатерина Дмитриевна Кускова⁴⁹ выделялись из общей массы своей особенностью, а все остальные были, как говорил один американец, «неколоритны». Если Вы увидите весь комплект за много лет, то там будет много нового для Вас. Изю дня <в день> там писал Дон-Аминадо⁵⁰ свои юмористические стихотворения. Они были неотъемлемой частью газеты. Петрищев⁵¹ писал что-то очень длинное. Мякотин⁵² имел один фельетон в месяц, чтобы содержать дочь в Париже. Сам он жил в Болгарии с женой и второй дочерью. А в довершение всего его сумасшедшая жена, здесь у нас в Праге, при взрослых дочерях, родила ему от какого-то быв<шего> офицера девчонку. Мякотин все простил, и девчонка, кстати очень способная, обожала Венедикта Александровича. Это известно в очень широких кругах, но среди нас об этом не говорят, потому что память об этом одиноком человеке не позволяет это говорить. Я пишу Вам это совершенно конфиденциально. Мякотин здесь свалился в Праге и умер в Народной больнице. *Он много писал. Сам он очень стал интересный человек.*⁵³

После того, как правая публика постепенно отходила от газеты Керенского «Дни» (он не терпит равных, ему нужны служители), в Париже образовалась группа, которая и затеяла журнал «Современные Записки», средства на них давала Прага (чехи). Эта группа, состоя из старых партийных волков, в самом начале не представляла, во что выльется журнал. Париж, насыщенный писателями с большими именами, был унавоженное поле для богатой литературной жатвы. Журнал пошел самотеком, партийность ему не могла мешать. Все имена редакторов, которые Вы видите на обложке, ни к чему не обязывали авторов. А такой милый, в высшей степени деликатный Вадим Викторович Руднев, так умело вел журнал, что лучшего не надо было желать и писателю и читателю. Тем более, что после окончательного разрыва между правыми и левыми, некому было возражать. Я сейчас смотрю на «Современные Записки», как на большое литературное дело и никаких партийных претензий не может быть.

Теперь повернем в Прагу, после того, как «Голос России» был выменян на пражскую «Волю России», Сухомлин, Слоним, Сталинский

и Лебедев, последних два перебежчика, вернулись в Прагу. Несмотря на все домогательства Сухомлина, чтобы С. П. вошел в редакцию, не вышло. Почему? С. П. был назначен вместе с Сухомлиным и Черновым в редакцию «Революционной России», которая переезжала с нами из города в город⁵⁴. Она существовала на партийные средства и вела определенную словесную борьбу с большевиками (*Воля-россовцы боялись С. П.*). Через год нашей жизни в Праге началась самая нежная дружба у нас со Слонимом и интересная дружба с Сухомлиным⁵⁵. Вас<илий> Вас<ильевич>, как мне кажется, среди всех моих знакомых самый умный и образованный. Говорит плохо, пишет блестяще. Чернов его терпеть не может. Слоним блестящий и милый. С. П. считает его легкомысленным, но он моложе нас на 10 лет, и эту легкомысленность я отношу за счет его молодости. Я его очень люблю и <ему> доверяю. Он после смерти Евгения Ивановича Замятина, как брат возился много месяцев с Людмилой Николаевной⁵⁶. Но это личное. Он литературный критик. Много делал сначала гаффов. Но потом, Вы увидите, как он вырастает. Его лекции на литературные темы привлекали массу народу. Он говорит великолепно, занимается, подбирает материал и вообще солидно работает. В личной жизни несчастлив и материально, после закрытия «В<оли> Р<оссии>», очень бедствовал. Его книги: «Советские писатели», «Золотой тропой»⁵⁷ и др., у нас есть, не послать ли Вам?

«Воля России» — журнал толстый, неинтересный, хотя мы с ними дружили, имеет ту заслугу, что открыл ворота для молодой начинающей публики. Потом эти имена уже появятся на страницах «Современных Записок».

Вы теперь спросите, ну, а что делал Николай Сергеевич⁵⁸. Его С. П. нашел в Париже в 21 году на границе нищеты. Он его взял сначала в Прагу, потом в Берлин в ред<акцию> «Р<еволюционной> Р<оссии>». С Ник<олаем> Сер<геевичем> у меня лично была большая дружба. Работал он мало. Были и осложнения. С В<иктором> М<ихайловичем>⁵⁹, живя в одном городе, мы с 28 года не встречались. Из «Р<еволюционной> Р<оссии>» пришлось уйти и С. П. и В<асилию> В<асильевичу> на 60 номере. Группа «Воли России» с Черновым совершенно порвала. Он был совершенно один, настолько один, что на шестидесятилетнем юбилее его, который ему устроили чехи, был один эсер и несколько малых эсеров «из малых народов».

Срок прошел около десяти лет, когда кто-то пришел и сказал С.П., что в больнице умирает Чернов (тромбоз в легких после операции простаты). С. П. пошел к нему. После трех месяцев смертельной опасности, он выжил и пришел ко мне повидаться. Потом была вторая операция, он чуть под наркозом не умер, но все-таки выжил. Мы помогли ему уехать деньгами и советами и, уже после протектората, его последняя жена уехала к нему. Хотя Ол<ьга> Ел<исеевна>⁶⁰ полагает, что мы ей не симпатизировали (естественно, что после заветовской истории, связанной с нашей поездкой за границу, историей инспирированной ею, больших симпатий не могло быть⁶¹) в момент ее драмы, расхождения с Виктором, она глубоко ошибается. С ним случилась та история, что с мужиком, который нашел золотую голову. Голову переменил на корову, корову на теленка и дальше дошло до иголки. Так вот эта самая иголка у него сейчас.

Но что сказать Вам про отдельных людей. Был такой долговязый юноша Саша Шрейдер⁶². Он «шикарно» жил, на швейцарские франки, потом, когда все кончилось, он влюбился и совершенно неожиданно застрелился. Потом Ште<й>нберг, это другой юноша, написал книгу: «Нравственный лик революции»⁶³. Писал он раза два по просьбе Маруси (жива ли она?)⁶⁴, чтобы ей вернули ее письма к Егору Созонову⁶⁵. Но эти письма находились на сохранении у Савинкова, после его отъезда и смерти, его красавица-жена⁶⁶ продала весь архив сюда к нам в Прагу и уже их получить нельзя было. Туда же она продала все письма Веры Глебовны Успенской⁶⁷, первой жены Савинкова. Так всегда бывает с литературным наследством.

Пришлось в это время С. П. работать над «комментариями», назову так, к письмам Егора Созонова. (Десять листов вышло в «Воле России».)⁶⁸ Подняли мы с ним огромную литературу. Расшифровали все. Ненапечатанных осталось около 20 еще листов.

Есть письма и невесты Созонова Прокофьевой⁶⁹. Влияние на нее Гиппиус и Мережковского. Есть ответы Созонова на их коллективные мысли. Письма — эти человеческие документы — ужасные. Я, Разумник Васильевич, была душевно больна, когда вся эта каторга встала передо мною. Ничего подобного я в жизни не переживала. Как Егор Созонов переживал Азефа⁷⁰, как переживали они там в Акатуе «Коня бледного»⁷¹, как они жили и умирали. Лучше этого не знать. У меня есть эти письма в копии.

Разбирая архив Натансона⁷² (он умер в Швейцарии, а его письма вдова передала партии), я нашла там последнее письмо Азефа, которое он писал жене, после того, как она проводила его на вокзал. Это письмо нигде не опубликовано. Знаете, что он просит свою жену? — чтобы она обязательно выкупила выигрышные билеты, которые заложены, а все остальное ерунда. Азеф умер в Берлине. Во время войны он сидел в тюрьме, как русский агент. Из тюрьмы он руководил тем, какие делать планшеты для корсета, у его немки жены, бывшей артистки, была корсетная мастерская. Очень малый материал о его жизни эта немка передала русским эсде<кам> и Николаевский, такой эсдек архивник, написал толстую книгу, вы ее увидите, но в ней нет ничего интересного⁷³.

Боюсь, Разумник Васильевич, что я Вам столько написала, что Вы не дочитаете моего письма.

А мне хочется Вас спросить, жив ли Камков⁷⁴, из материалов суда над русскими большевиками я знаю, что он себя держал, как свидетель, с большим достоинством. Эти материалы выходили на другой день по окончании суда на французском и немецком языке в роскошном издании⁷⁵. И если это можно и удобно, напишите, кого Вы встречали из наших «смертников» в тюрьме⁷⁶. Их масса умерло.

Я два раза за это время болела. Сегодня я встала. Сегодня суббота <16.5>. В понедельник <18.5> я поеду в город и постараюсь отыскать все те мелочи, которые вам обоим нужны. Мне неловко, что мы задержали посылку для Варвары Николаевны, но мы нагоним сейчас все.

Всего Вам хорошего, страшно хочется вас обоих повидать. Обнимаю Вас крепко и⁷⁷ Варвару Николаевну.

Ваша *Е. Постникова*.

Р. S. Я пишу отдельное письмо Варваре Николаевне. Вчера в 12 ч. ночи я кончила Вам мое письмо-доклад, которое так неопрятно написано, что стыдно посылать. Кроме того, я почти три года не писала и, кажется, отучилась вообще связно писать. Думаю, что Вы отнесетесь ко мне снисходительно, потому что это я сделала, чтобы Вас немножко ввести в эмигр<антскую> жизнь.

Всего хорошего,

Е. П.

Письмо. Авторизованная машинопись. Подпись и постскриптум — автограф. Многочисленные вставки и поправки. Напечатано без полей. Дата по помете на первом листе над текстом рукой Иванова-Разумника. Приписки и поправки отдельных слов не отмечаются.

¹ Выделенные фразы здесь и далее вписаны Е. В. Постниковой от руки.

² Даты в ломаных скобках здесь и далее вписаны над строкой рукой Иванова-Разумника.

³ *Ирина Альфредовна Бем* (в замужестве Голик, 1916–1981) — поэт, член пражского «Скита» (см. вступ. заметку к письмам Бема), выпустила сборник стихов «Орфей» (Прага, 1943). Ее стихотворение «Андромаха» включено в альманах «Перекрестки» (1982. № 6). *Татьяна Альфредовна Бем* (в первом браке Давыдова, во втором Рейзер/ Reiser, 1919–1984), см. ее воспоминания «Украденное счастье» в: *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945: Sborník studií. Praha. 1994. № 2; 1995. № 3.*

⁴ Речь идет о публикации очерков Иванова-Разумника в берлинском «Новом слове».

⁵ Вероятно, имеются в виду эсеры или вообще социалисты.

⁶ *Е. А. Ляцкий* — см. его письма в наст. изд.

⁷ Об использовании В. Н. Орловым комментариев Иванова-Разумника к сочинениям Блока см. публикацию с исчерпывающим комментарием А. В. Лаврова: О Блоке и Пушкине (Царском Селе): Письмо Иванова-Разумника к В. Д. Бонч-Бруевичу // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 143–150. *Пыпинское наследство* — вторым браком Ляцкий был женат на В. А. Пыпиной, дочери акад. А. Н. Пыпина. Как вспоминает Н. Е. Ан-

дреев, ученик Ляцкого: «Злые языки уверяли, что материалы о Гончарове он получил в приданое, женившись на дочери академика Пыпина, что Александр Николаевич Пыпин, мол де, передал собранные им документы, которые не успел обработать, своему зятю» (Пражские годы // Новый мир. 1994. № 11. С. 178). Причину злословия о Ляцком Андреев видит в том, что Ляцкий был хорошо обеспечен материально: он приехал в Прагу по личному приглашению президента Масарика, с кем был знаком до революции, был ординарным профессором Карлова университета по русской литературе, а также одним из директоров издательства «Пламя», субсидировавшегося чехословацким правительством в рамках «Русской акции».

⁸ *Иосиф Федорович Калинин* (1890–1934) — прозаик, жил в Праге. Три тома его романа «Мощи», при посредничестве Горького, были опубликованы в СССР. Том 4 вышел в Берлине («Пещь огненная») в 1920-х гг. Основатель и издатель газеты «Русь» (София), выходившей в 1923–1928 гг.

⁹ «Тундра» — см. вступ. заметку к письмам Ляцкого.

¹⁰ О *С. О. Гессене* см. примеч. 21 к письму 6 Постникова.

¹¹ *Гиппиус* З. Поэт и Тарпейская скала // Иллюстрированная Россия. 1938. 1 янв. См. также описание квартиры Вяч. Иванова на Via di Monte Tagreo, где упоминаются посещения Мережковских, Ф. Ф. Зелинского и Бунина, в статье Ольги Дешарт в: *Иванов*

Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 194–196.

¹² Зачеркнуто.

¹³ Е. В. Постникова ошибается: журнал *«Иллюстрированная Россия»* выходил в 1924–1939 гг. под ред. М. П. Миронова.

¹⁴ Николай Николаевич Брешко-Брешковский (1874–1943) — писатель и журналист. Сын Е. К. Брешко-Брешковской. Ответственным редактором и издателем еженедельного иллюстрированного журнала *«Для вас»*, выходившего в Риге в 1933–1940 гг., был Р. Г. Рубинштейн, редакторами А. В. Коссович и А. К. Перов. Вопросительный знак в тексте авторский.

¹⁵ Дмитрий Владимирович Филоффов (1872–1940) — общественный деятель, журналист и литературный критик, близкий друг Гиппиус и Мережковского. Один из организаторов *«Мира искусства»*, редактор литературного отдела журнала; один из инициаторов и председатель Религиозно-философского общества в Петербурге. В конце 1919 г. вместе с Мережковскими перешел границу в Польшу. Участник сборника Мережковских *«Царство Антихриста»* (München: Drei Masken Verlag, 1922), где помещен его очерк *«Наш побег»*. Сотрудничал с Б. В. Савинковым (член ЦК Народного союза защиты родины и свободы), участник варшавского Союза русских писателей и журналистов. Соредактор газет *«Молва»* (1932–1934) и *«Меч»* (1934–1939).

¹⁶ Встречи *«Зеленой лампы»*, организованные Мережковскими, происходившие с 1927 по 1939 г., подробно описаны Юрием Терапиано в его книгах *«Встречи»* (с. 43–82) и *«Лите-*

ратурная жизнь русского Парижа за полвека» (с. 38–79). Стенографические протоколы собраний были напечатаны в журнале *«Новый корабль»* (литературный журнал под ред. В. Злобина, Ю. Терапиано и Л. Энгельгардта, выходил в Париже в 1927–1928 гг., вышло 4 номера). Терапиано включает эти тексты в свои книги: отчеты первых трех собраний в кн. *«Литературная жизнь»*, а четвертого и пятого в кн. *«Встречи»*. В дальнейшем протоколы не публиковались. См. также: Струве Г. Русская литература в изгнании. С. 135–137.

¹⁷ О присуждении Нобелевской премии Бунину см. примеч. 12 к письму 1 Зайцева и примеч. 1 к письму 8 Постникова. Мережковский был одним из кандидатов на премию.

¹⁸ *«Мой лунный друг»*, воспоминания о Блоке, глава из книги Гиппиус *«Живые лица»*.

¹⁹ *Двенадцать смертников* — приговоренные к смертной казни по процессу эсеров в 1922 г. В 1924 г. смертная казнь была заменена тюремным заключением, затем высылкой. См.: Из переписки Максима Горького // Русский Берлин. С. 337–404; Е. М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. / Публ. Марка Янсена // Минувшее. 1989. № 7. С. 193–231 (письма Тимофеева из ссылки и др. материалы о процессе 1922 г.).

²⁰ Соредакторы журнала *«Воля России»*: В. И. Лебедев (1883–1956) — общественный деятель, публицист, эсер, жил в Праге, Белграде и Париже. Организатор сербско-хорватского журнала *«Русски Архив»*. В 1936 г. переехал в США. Лебедев и его семья были близкими друзьями Марины Цветае-

вой, см.: *Лебедев В., Цветаева М.* Пераст. Perast / Сост., коммент., послесл. В. Швейцер. М., 1997; *М. Л. Слоним* (см. примеч. 9 к письму 8 Постникова); *Е. А. Сталинский* (1880–1952/3) — эсер, публицист, соредактор «Воли России» и «Социалиста-революционера», в начале Второй мировой войны переехал в США; *В. В. Сухомлин* (см. примеч. 13 к письму 5 Постникова). О «Воле России» см. вступ. заметку к письмам Постниковых.

²¹ Андрей Белый приехал в Берлин в ноябре 1921 г., здесь произошла встреча с его первой женой *А. А. Тургеневой* (1890–1966), остававшейся в Дорнахе, когда Белый вернулся в Россию в 1916 г. Эта встреча была концом их совместной жизни; окончательный разрыв, намечавшийся ранее, произошел в начале 1922 г. Белый уехал из Берлина в Москву 23 октября 1923 г. О Белом в Берлине см.: *Цветаева М.* «Пленный дух»: Моя встреча с Андреем Белым // *Современные записки*. 1934. № 55 (С посвящением В.Ф. Ходасевичу. Воспоминания включены в: *Цветаева М.* Проза. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953); *Берберова Н.* Курсив мой. С. 173–191; а также: *Постников С.* Андрей Белый, писатель и человек / Публ. Я. Леонтьева // *Сегодня*. 1994. 5 апр. (фрагменты воспоминаний из фонда А. Белого в РГАЛИ).

²² См.: *Белый А.* Воспоминания о Штейнере / Подгот. текста, предисл. и примеч. Frederic C. Kozlic. Париж, 1982.

²³ *Мария Флоровна Селюк* — из купеческой семьи, член-учредитель и член ЦК партии социалистов-революционеров, кооптирована в 1903 г.

²⁴ *Александр Борисович Кусиков* (1896–1977) — поэт-имажинист, в начале 1922 г. приехал в Берлин с Б. Пильняком. С 1924 г. жил в Париже. См. письмо А. Тургеневой к Белому берлинского периода, опубликованное в мемуарах Берберовой «Курсив мой» (с. 188–189).

²⁵ *Клавдия Николаевна Васильева* (1886–1970) — вторая жена Андрея Белого. Активный деятель русского Антропософского общества. См. о ней предисловие Дж. Мальмстада к ее воспоминаниям: *Бугаева К. Н.* Воспоминания о Белом. Berkeley, 1981.

²⁶ Описание этой ссоры см. у Н. Берберовой (Курсив мой. С. 186–187) и у Ходасевича в мемуарной статье «Андрей Белый», вошедшей в «Некрополь» (см.: Некрополь. Литература и Власть. Письма Б. А. Садовскому. М., 1996. С. 69–70). После смерти Белого Ходасевич опубликовал в «Возрождении» (1934. 13 янв.) некролог, а в «Современных записках» (1934. № 55. С. 256–270) «Три письма Андрея Белого», два — 1921 г. — о смерти Блока и о жизни Белого в послереволюционные годы в советской России, третье, 1923 г., с извинениями о потерянных бумагах Ходасевича. Второе письмо, написанное 11 ноября 1921 г. в Ковно, обращено к А. Тургеневой и, по-видимому, не было отправлено. Ходасевич опубликовал его в сокращении, позднее оно было опубликовано полностью в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк. 1967. № 5. С. 296–309). Здесь кроме подробного описания жизни Белого после революции есть намеки на последовавший разлад с А. Тургеневой. Об отношениях Ходасевича и Белого см.: *Хьюз Р.* Белый и Ходасевич: К истории отно-

шений // Вестник РХД. 1987. № 151. С. 144–165, здесь же обзор работ Ходасевича о Белом. Некролог Ходасевича и его рецензия на «Начало века» включены во второй том его «Собр. соч.: В 4 т.» (с. 288–289 и 315–328).

²⁷ Вероятно, речь идет о главе «Всеобщая забастовка» из третьего тома мемуаров Белого «Между двух революций» (ч. 1, гл. 1).

²⁸ О *А. Н. Толстом*, его возвращении в советскую Россию и о газете «Накануне» см.: Русский Берлин.

²⁹ О *Б. А. Пильняке* в Берлине см.: Русский Берлин.

³⁰ О *М. А. Осоргине* см. примеч. 7 к письму 3 Постникова.

³¹ О *М. А. Алданове* см. примеч. 17 к письму 3 Г. Иванова.

³² *Иосиф Владимирович Гессен* (1865–1943) — юрист, член ЦК партии кадетов; с 1920 г. в Берлине, председатель берлинского Союза русских писателей и журналистов, председатель Берлинского комитета помощи русским литераторам и ученым. С 1935 г. в Париже. Соредактор с *А. И. Каминкой* и *В. Д. Набоковым* газеты «Руль» (1920–1931). Его мемуары: В двух томах. Стэнфорд, 1937. Посмертно вышла книга: Годы изгнания. Париж: YMCA-Press, 1979, см. там историю издательской деятельности автора в эмиграции.

³³ О *Ю. И. Айхенвальде* см. примеч. 8 к письму 5 Бема.

³⁴ *В. В. Набоков-Сирин* был женат на *Вере Евсеевне Слоним* (1902–1991). Биографы Набокова, *Andrew Field* и *Brian Boyd*, авторы наиболее детальной биографии писателя, не упоминают о родстве Веры Набоковой с Айхенвальдом.

³⁵ Далее текст на этой странице напечатан без интервала.

³⁶ См. описание убийства *В. Д. Набокова* в книге Гессена «Годы изгнания» (с. 133–139).

³⁷ Выделенный текст — сноска-приписка в конце страницы. Гессен издавал «Архив русской революции» в 1921–1937 гг. Постникова ошибается: всего вышло 22 книги. Об этом издании см.: Годы изгнания. С. 91.

³⁸ *И. В. Гессен* в 1941 г. переехал в США.

³⁹ См. публикацию Дэвида Бетеа «Письма *В. Ходасевича* к *Н. Берберовой*», охватывающие период с 1926 по 1939 г. (Минувшее. 1988. № 5. С. 228–327). Берберова спасла часть архива Ходасевича после ареста его жены (см.: Курсив мой). Следует добавить, что в послевоенные годы под редакцией и заботами Берберовой вышли книга статей Ходасевича «Литературные статьи и воспоминания» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954) и «Собрание стихов» (Мюнхен, 1961). Берберова также продолжала заботиться о могиле Ходасевича, см.: *Берберова Н.* Могила *В. Ф. Ходасевича* // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1982. 25 нояб.

⁴⁰ В газете «Возрождение» Ходасевич заведовал литературным отделом; редактором был *П. Б. Струве* (1925–1927), а с 1927 г. — *Ю. Ф. Семенов*.

⁴¹ Текст в скобках приписан над текстом вверху листа.

⁴² Вероятно, Постникова имеет в виду «О смерти Горького» (Возрождение. 1938. 11 марта). Ходасевич писал о Горьком неоднократно: «Горький» (Современные записки. 1937. № 63; вошел в «Некрополь»); «Завтрак в

Сорренто» (Возрождение. 1938. 6 мая); «Горький <2>», напечатан посмертно в последнем номере «Современных записок» (1940. № 70). Все перепечатаны в книге «Некрополь. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому». Первые три года за границей Ходасевич близко общался с Горьким, входил в редколлегия Горьковской «Беседы», в 1923–1925 гг. долгое время жил в доме Горького в Сорренто. См. о встречах с Горьким и о жизни в Сорренто: *Берберова Н.* Курсив мой. С. 196–230, а также письма Ходасевича к М. М. Карповичу в «Oxford Slavonic Papers» (1986. Vol. 19. P. 142). О смерти Горького см. примеч. 5 к письму 3 Берберовой.

⁴³ Некролог Шаляпина «Об А. М. Горьком» был напечатан в газ. «Последние новости» 10 июля 1936 г. (№ 5586). Постниковы, вероятно, не знали статью Замятина о Горьком, напечатанную по-французски в «La Revue de France» (1936. № 1) и вошедшую в сб. «Лица», составленный самим Замятиным, но вышедший только в 1955 г. (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова). В очерке речь идет именно о человеке, а не о писателе: «Они жили вместе — Горький и Пешков <...> Я знал обоих. <...> Мне хочется вспомнить здесь о человеке с большим сердцем и с большой биографией» (Лица. С. 83). Сочувственно по отношению к Горькому написана статья Г. П. Федотова «На смерть Горького» (Новая Россия. 1936. 9 июля. № 9; включена в сб. статей Федотова: Защита России. YMCA-Press, 1988), не обвиняющая Горького за возвращение в СССР, но и справедливо осуждающая: «Как мог он <...> скрепить своим именем бесчеловечность беломорской каторги?»

(Защита России. С. 42). Мысли о Горьком наводят Федотова на пессимистическое заключение: «душевная драма Горького не может не вызвать мрачные мысли о немощи современного гуманизма и человека вообще. Сколько их — вчера благородных людей, — предающих свои убеждения» (Там же. С. 42–43). Парижская газета «Последние новости», помимо официальных сообщений о смерти и похоронах Горького, опубликовала очерки Н. Берберовой «Три года с Горьким» (1936. 21 июня. № 5567; 25 июня. № 5571; 28 июня. № 5574; также вошел в «Курсив мой», см. выше примеч. 42), А. Даманской «Горький и “Всемирная литература”» (1936. 25 июня. № 5571), Е. Кусковой «На рубеже двух эпох: Памяти А. М. Горького» (1936. 26 июня. № 5572); дала сводку некролога Бунина, напечатанного в «Nouvelles Litteraires» (1936. 27 июня. № 5573; «вся статья написана очень тепло»); 25 и 26 июня напечатала объявление о литературном вечере памяти Горького, устроенном Объединением писателей и поэтов, с вступительным докладом Г. В. Адамовича, при участии Н. Н. Берберовой, И. И. Бунакова, В. С. Варшавского, М. Л. Слонима, В. Ф. Ходасевича, М. И. Цветаевой, Л. Д. Червинской и др.

⁴⁴ См. примеч. 34 и 35 к письму 6 Постникова.

⁴⁵ Вероятно, Постникова имеет в виду «Лирическую поэму» Берберовой, написанную в 1924–1926 гг. (Современные записки. 1927. № 30. С. 221–230; вошла в: *Берберова Н.* Стихи. 1921–1983. Нью-Йорк: Russica Publishers, 1984. С. 20–28), с отсылками к стихотворениям Лермонтова «Сон» и «Ангел», построенную как

«сон во сне» («Я видел сон. Тот сон во сне / Не рассказать словами мне») с видениями души, несомой над миром. Ставшее знаменитым в применении к эмиграции «Мы не в изгнании. Мы в послании» осмысливается в поэме более широко, как послание — не изгнание — из рая на землю: «Я не в изгнание, я — в послание, / Легко мне жить среди людей».

⁴⁶ Ходасевич умер 14 июня 1939 г.

⁴⁷ *Сергей Лифарь* (1905–1986) — танцовщик и хореограф Парижской Оперы, в 1920-х гг. выступал в «Русском балете» С. П. Дягилева. Коллекционер пушкинианы, устроитель пушкинской юбилейной выставки в 1937 г. в Париже (см. примеч. 40 к письму 6 Постникова).

⁴⁸ Дальше до конца страницы текст напечатан без интервала.

⁴⁹ О *Е. Д. Кусковой* см. примеч. 34 к письму 7 Постникова.

⁵⁰ *Дон-Аминадо* (псевдоним Аминада Петровича Шполянского, 1888–1957) — сатирик-юморист, поэт и прозаик, в эмиграции с 1920 г. Книга воспоминаний: Поезд на третьем пути. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954.

⁵¹ *Афанасий Борисович Петрищев* (1872<?>–1942<?>) — один из организаторов и член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, публицист, выслан за границу в 1922 г.

⁵² *Венедикт Александрович Мякотин* (1867–1937) — историк, один из лидеров партии народных социалистов, член редакции журнала «Русское богатство», выслан за границу в 1922 г. После Берлина переехал в Прагу, где сотрудничал в РЗИА. С 1928 г. профессор историко-филологического факультета Софийского университе-

та. Один из редакторов (с С. П. Мельгуновым и др.) журнала «На чужой стороне» (Прага, 1923–1925) и его продолжения «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж, 1926–1928). См.: Родина и эмиграция: Стенограмма публичного доклада В. А. Мякотина в Париже (январь 1926 г.) / Ввод. ст., подгот. текста и коммент. Е. И. Иогансон // Русское прошлое: Ист.-док. альм. СПб., 1994. Кн. 5. С. 243–258.

⁵³ Приписки после и над текстом.

⁵⁴ О «*Революционной России*» см. вступ. заметку к письмам Постниковых.

⁵⁵ О *В. В. Сухомлине* см. примеч. 13 к письму 5 Постникова.

⁵⁶ О *Л. Н. Замятиной* см. примеч. 11 к письму 13 Иванова-Разумника Ремизову.

⁵⁷ О *М. Л. Слониме* см. примеч. 9 к письму 8 Постникова. Названия его книг: «Портреты советских писателей» и «По золотой тропе».

⁵⁸ *Н. С. Русанов-Кудрин* — см. примеч. 2 к письму 1 Постникова.

⁵⁹ *В. М. Чернов* — см. примеч. 29 к письму 6 Постникова.

⁶⁰ *О. Е. Чернова* — см. примеч. 26 к письму 6 Постникова.

⁶¹ См. вступ. статью к наст. изд.

⁶² *Александр Абрамович Шрейдер* (1894/5–1930) — философ и журналист, один из лидеров левых эсеров, автор книги «Очерки философии народничества» (Берлин: Скифы, 1923). См. о нем: *Гуль Р.* Я унес Россию. Нью-Йорк, 1981. Т. 1. Россия в Германии. С. 124–125.

⁶³ *Исаак-Нахман Захарович Штейнберг* (1888–1957) — эсер, книга «*Нравственный лик революции*» вышла в 1923 г. в изд-ве «Скифы» в Бер-

лине. См. о нем статью Я. Леонтьева в: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 705–707. Библиография работ И. З. Штейнберга: Советская библиография. 1990. № 2 (сост. А. А. Кеда). Брат И. З. Штейнберга *Аарон Захарович Штейнберг* (1891–1975) — ученый секретарь Вольфилы, автор книги «Система свободы Достоевского» (Берлин: Скифы, 1923; переизд.: Париж: YMCA-Press, 1980) и очень ценных воспоминаний «Друзья моих ранних лет (1911–1928)» (Париж: Синтаксис, 1991), со статьей-послесловием Жоржа Нива.

⁶⁴ *Мария Александровна Спиридонова* (1884–1941) — один из лидеров партии эсеров. За террористический акт против подавления революции 1905 г. приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. После Февральской революции 1917 г. — один из организаторов партии левых эсеров. В 1918 г. арестована в связи с левозсеровским заговором, приговорена к одному году заключения, но сразу амнистирована. В течение 1920–1930-х гг. многократно была арестована, содержалась в тюрьме и отбывала ссылку. В январе 1938 г. приговорена к 25 годам заключения, расстреляна 11 сентября 1941 г.

⁶⁵ *Егор Сергеевич Созонов* (1879–1910) — родом из старообрядческой семьи, член боевой организации партии эсеров. В 1904 г. в Петербурге убил министра внутренних дел В. К. Плеве, сам был ранен разорвавшейся бомбой. Был приговорен к каторге, отравился из протеста против телесных наказаний каторжан, лично его не касавшихся.

⁶⁶ Вероятно, имеется в виду вторая жена Савинкова *Евгения Ивановна Зильберберг*, в первом браке Сомова.

⁶⁷ *Вера Глебовна Савинкова*, дочь Глеба Успенского, о ее судьбе после революции упоминает Гиппиус, см: *Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 253–254.

⁶⁸ Публикацию писем Е. Созонова к М. А. Прокофьевой в «Воле России» в 1930–1931 гг. предваряло вступление К. Брешковской «Русская молодежь», откуда цитируем заключительный абзац о Созонове: «Память о нем углубилась в сердца наших, и при имени этого святого героя пред нами встает светлый молодой образ, воплотивший в себе все лучшие стороны прекрасной Русской Молодежи, нашей гордости, нашей славы, надежды нашей» (Воля России. 1930. № 2. С. 138).

⁶⁹ О *Марии Алексеевне Прокофьевой*, невесте и адресате писем Созонова, Постников пишет в своей заметке, следующей за вступлением Брешковской (см. выше). Родом из купеческой семьи города Уфы, Прокофьева была членом партии эсеров с 1902 г., участвовала в боевой организации партии, в 1906 г. была сослана в Сибирь, откуда в 1908 г. бежала за границу, на короткий срок вернулась в Россию с Савинковым. После известия о самоубийстве Созонова, незадолго до его выхода на поселение, заболела туберкулезом и умерла в 1913 г. (См.: Письма революционера и человека // Воля России. 1930. № 2. С. 141.)

⁷⁰ *Евно Фишелевич Азеф* (1869–1918) — провокатор, один из руководителей боевой организации партии эсеров, одновременно служивший в полиции.

⁷¹ «Конь бледный» — роман Б. Савинкова, вышедший в 1909 г. под псевдонимом *В. Ропшин*. О участии Мережковских в литературной карьере Савинкова см.: *Гиппиус-Мережковская* 3. Дмитрий Мережковский.

⁷² *Марк Андреевич Натансон* (1850–1919) — один из основателей «Земли и воли», член ЦК партии эсеров, член боевой организации партии.

⁷³ *Борис Иванович Николаевский* (1887–1966) — общественный и политический деятель, эсдек-меньшевик, архивист, публицист. В 1922 г. (после года в Бутырской тюрьме) выехал в Берлин, в 1930-х гг. переехал в Париж, а в 1940 г. уехал в США. До 1933 г. сохранял советское гражданство, публиковался и в советских, и в эмигрантских изданиях. См. его воспоминания в кн. «Меньшевики» (Сост. Ю. Фельштинский. Benson, VT: Chalidze Publ., 1988) и «Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний» (выпущен тем же изд-вом в 1990 г., составитель-редактор Ю. Фельштинский). Уникальная архивная коллекция Николаевского была приобретена Гуверовским институтом (Стэнфорд, Калифорния). См.: Русский Берлин (там же опубликованы письма М. Горького к Николаевскому). См. также: Живая энциклопедия революционного и освободительного движения // Библиография. 1992. № 5–6. С. 121–137 (здесь же биобиблиогра-

фия Николаевского). Его книга об Азефе «История одного предателя: Террористы и политическая полиция» (Берлин, 1932) переиздана в Москве в 1991 г.

⁷⁴ *Борис Давидович Камков* (Кац, 1885–1938) — один из организаторов партии левых эсеров; в 1918 г. — соредактор с Ивановым-Разумником и С. Д. Мстиславским журнала «Наш путь» (2 номера). См.: Допрос свидетеля Камкова Б. Д. // Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкого блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. <...> М., 1938. С. 223–224.

⁷⁵ Стенографические отчеты о московском процессе 1938 г., по-видимому, передавались из Москвы на Запад по телеграфу, так как английский перевод текста отчетов вышел книгой на другой день после окончания суда. См.: *Роговин В.* Партия расстрелянных. М., 1997. Гл. 17 «Международный резонанс процесса». Здесь же отклики западной общественности, в том числе и левых эмигрантских кругов, в особенности публикации в «Социалистическом вестнике», а также статья Г. П. Федотова «Московский процесс» (Новая Россия. 1938. 21 марта. № 42–43; Защита России. С. 178–184).

⁷⁶ См. выше примеч. 19.

⁷⁷ Далее до конца письма текст написан от руки.

10. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

24 мая 1942. Прага

Дорогой Разумник Васильевич,

Ваше большое письмо от 16 мая, отправленное 18 числа, получено. А. Л. Бем также получил Ваше письмо. Словом, все Ваши письма получены своевременно. Елизавета Викторовна послала Вам километрическое письмо¹. Вами не получены еще две хлебные посылки и две книжных (теперь после Вашей открытки от 21 мая — не получена одна книжная посылка)². 26 мая отправляем Вам вторую «вещевую» посылку. В эту же посылку дадим трубочный табак и мед, полученные для Вас от А. Л.³ Написал последнюю фразу и оказывается, по мнению Ел<изаветы> В<икторовны>, в вещевую посылку нельзя давать продукты, а потому, одновременно с этой посылкой, пошлем и продуктовую, где будет Ваш табак, мед, немного сахара, маргарин и хлеб. В очередную книжную посылку вложу и так желанную для Вас Гиппиус о Блоке, где она Вас ругает, не стесняясь⁴. *Эту книгу я взял у Ляцкого, а потому ее нужно вернуть.* В продаже ее нет. Сам Ляцкий стеснялся ее послать Вам, т<ак> к<ак> он был редактором изд<ательст>ва «Пламя», где вышла книга Гиппиус. Напишите мне размер картины Петрова-Водкина⁵ и приблизительную цену. Я постараюсь ее предложить здесь.

Теперь о месте Вашего будущего жительства. Из Берлина я получил ответ, что мой знакомый немецкий профессор уехал неизвестно куда. Следовательно, этот путь хлопот пока отпадает. (Но попытаюсь использовать еще одно свое немецкое знакомство.)⁶ Я думаю, что Вам следует подать заявление в ту комиссию, которая будет разбирать Ваши дела. В этом заявлении Вы укажите, что получили приглашение от меня (мое положение здесь такое — заведующий библиотекой Русского Исторического Архива Министерства внутренн<их> дел Протектората Богемии и Моравии).

Я хочу послать Вам 100 марок. Все-таки Вам нужно *иметь при себе деньги*, т<ак> к<ак> решение комиссии может быть неожиданное и скорое. Есть ли у Вас еще какие-либо другие причины отказа от денег, кроме того, что не хотите быть должным? Я повторяю, что эти деньги без отдачи посылаются.

О всех необходимых посылаемых вещах напишет Елизавета Викторовна Варваре Николаевне отдельное письмо. А я пошлю Вам на нем<ецком> яз<ыке> приглашение жить у меня, сделаю это в среду, 27 мая.

Вот, кажется, все очередные наши хозяйственные и вообще материальные дела. Нужно Вам теперь поправляться после болезни и готовиться к выходу из лагеря. Будем надеяться, что все наладится, и Вы опять вернетесь к своей любимой литературной работе.

Прочитал Ваши два фельетона. Первый произвел на меня особенное впечатление. Я много читал о гонениях в СССР на интеллигенцию, следил за всеми процессами, где обвиняемые наговаривали на себя всякую ерунду, словом, я представляю себе жизнь интеллигента под большевистским режимом. Но, все-таки, когда опять читаешь о конкретностях этой жизни, что показано в Вашей статье очень сжато, но потому тем выразительнее, то опять и опять не понимаешь смысла этой чекистской политики⁷. Хорошо у Вас сказано о Сологубе⁸. Я как живого вижу его, разговаривающего с Вами. А помните его триолеты, напечатанные у нас в «Заветах». Я вспомнил их в газ<ете> «Дни» по случаю его смерти⁹. У меня сейчас под руками нет нужной книги, а на память не хочу их перевирать, но припом<и>н<а>ю, что в одном из них он писал, что каждый декабрь он угнетен и *«Тьма меня погубит в декабре»*, «в декабре я перестану жить»¹⁰. Так он и умер в декабре. Кстати, в одном из номеров «В<оли> Р<оссии>», кот<орый> я послал Вам, есть моя заметка о последних стихах Сологуба. Прав я или не прав в полемике с Георгием Ивановым?¹¹ Эту заметку тогда отказался напечатать в «Днях» заведующий литературным отделом, Алданов. Особым письмом он уведомил меня, что заметкой боится обидеть Георгия Иванова. Тогда я и отдал ее ред<акции> «В<оли> Р<оссии>». Я хорошо помню Ваш фельетон «Вольга и Микула»¹², он у меня есть, — это прекрасно было написано, и я думаю, что он оправдан жизнью. Но мне кажется, жизнью русской, но не европейской, как Вы думаете теперь. Здесь национальное прежде всего. Но об этом надо говорить много, если встретимся, поговорим.

Для того, чтобы ориентироваться Вам в европейских делах, прочитайте «Мейн Кампф» Гитлера и «Миф двадцатого века» Розенберга¹³. Это Вы легко можете достать в лагере. Проклятье русской жизни — большевистская форма правления, но русское движение могло

быть и иным, если бы огромное народное движение не было задавлено и искажено марксизмом.

На многие вопросы Ваших писем я еще не ответил. Займусь этим. Вот Вам справки о смертях: Ходасевич умер 14 июня 1937 г.¹⁴, Шестов 20 ноября 1938 г., Мережковский в декабре 1941 г. Вячеслав Иванов все время был в Риме, о смерти его не было известий. Писал стихи, некоторые напечатаны в «С<овременных> З<аписках>»¹⁵. Зензинов в Америке. Я не был близок с ним в эмиграции. Он все обижался на меня. Написал он хороший рассказ «Нена» о своей собаке, кот<орая> была у него в ссылке¹⁶. Даманская¹⁷ дала мне рецензию на рассказ (в «Голос России»). Рассказ она хвалила и под конец позавидовала той любви, какую проявлял Вл<адимир> Мих<айлович> к своей собаке. Зензинов случайно увидел рецензию в корректуре и обратился в редакцию с жалобой, что я обвиняю его в скотоложстве. А у меня и в мыслях ничего такого не было, когда я отдавал в набор рецензию обиженной любовью Августы Филипповны. Но Вл<адимир> Мих<айлович> умеет очень хорошо писать, когда берет свою тему. Ему нужно было бы быть на амплуа «собственного корреспондента», а не писать политические статьи, в чем он совсем бездарен. Но как чудесно он описал свою поездку на автомобиле из Парижа на юг Франции; он умеет рассказать то, что видит. Хотел еще о многих Вам написать, но хочется и спросить Вас. В последнем письме Вы вспомнили Евг<ения> Германовича. Он не жаловался Вам, что я его разругал в «Воле России» за то, что он сжег книгу Шестова против большевизма, книгу, которую он сам издал?¹⁸ Только случайно спасли несколько экземпляров этой книги (один экз<емпляр> имеется у меня в библиотеке). Встречали ли Вы в Питере Евгеньева? Я прочитал четыре тома его работы по истории ж<урнала> «Современник»¹⁹. Масса интереснейшего материала, но старый человек заявляет, что теперь он стал марксист и исправляет прежние свои объяснения той же самой истории. Я не мог осилить беллетристики Сергея Дмитриевича²⁰, просто она скучна. Ведь и в «Заветах» он делал попытки давать беллетристику. Помню, Александр Иванович²¹, будучи вообще влюблен в С<ергея> Д<митриевича>, снисходительно говорил, что на этот раз «С<ергей> Д<митриевич> дает свои любовные письма». Я не помню, при Вас или еще до Вашего вхождения они были напечатаны, но во всяком случае письма были изрядно фальшивы²².

Вы пишете, что самый талантливый и интересный поэт — Пастернак. У нас в эмиграции молодые поэты признавали это и учились на его стихах. Очень большим влиянием пользовалась также поэзия Гумилева, больше чем Блока. Какие результаты этих влияний, я не берусь судить, об этом книги в руки Бему. Кстати, Бем, лично не зная Вас, очень хорошо относится к Вам, трогательно заботлив и внимателен. Теперь с ним я даже сблизился, а до этого был просто знакомым, т<ак> к<ак> живем мы в различных частях города.

За последние пять-шесть лет, а может быть, и все десять лет я отстал от советской беллетристики, так как больше занимался историко-литературными и вообще историческими вопросами. Правда, несколько раз добросовестно принимался на досуге читать беллетристику в очередных книжках «Нового Мира» и «Красной Нови», но не мог заставить себя дочитать что-либо. Скучно и очень много так называемого социального заказа*. М<ожет> б<ыть>, я неудачно попадал на плохие вещи... А все-таки, что там наиболее выдающееся? Напишите, хотя бы два слова. А впрочем, не утомляйте себя большими письмами. Берегите свои силы. Ваши сорок кило веса — это страшное дело...

Сегодня праздник — Троица, — сижу дома и вечером пишу Вам. Не сердитесь, что здорово перевираю буквы, начал писать в темноте... Занимаемся мы огородничеством, кормим своих зверей — утку и Бумку — в этом весь день и прошел. А в будни и дня не вижу. Домой прихожу усталый в 5 часов. Но, слава Богу, жаловаться мы не имеем права, в других местах хуже.

Ну, на сегодня достаточно. Идем спать.

Спокойной ночи и Вам обоим,

Ваш С. Постников.

Утро, понедельник, Духов День. Только что получили Вашу открытку с извещением о получении Вами ПИСЬМА <выделено автором> Ел<изаветы> Викт<оровны> и книжной посылки с «В<олей> Р<оссии>». Да — написала Вам Е<лизавета> В<икторовна> письмецо, я не могу с ней конкурировать. 30 листов воспоминаний своих написала. Но они так и лежат в столе. Не имеет времени привести их в надлежащий вид. А в «Архиве» Гессена описала Петербург 21 года и

наше бегство²³. Мякотин нашел, что это не история, а «Последние новости» выразили большое удовольствие от чтения. Словом, жена моя пишет лучше меня, интереснее...

А если хвастаться женой, то еще — воспоминания о 20-х годах продала за доллары в Америку. Вот только историки говорят, что у нее большой недостаток, не умеет писать суконным языком.

* Года три тому назад я читал разные книги о Маяковском (их тогда вышло 14 книжек) и дискуссию по поводу книжек в «Литературной Газете». Тогда спорили Фадеев и Лебедев-Кумач²⁴. Были выступления и других. Меня поразили уровень этих выступлений. И вдруг в одном из номеров газеты прочитал удивительный фельетон, резко отличающийся, как своим тоном, так и изощренной культурностью. Глазам своим не верил. Но когда дочитал до конца, обратил внимание на автора. Оказалось, что фельетон принадлежал... старому Горнфельду²⁵. Разница между ним и другими сотрудниками газеты разительная...

Недавно мне попала хорошая книга о Стендале. Автор Виноградов²⁶. Знаете Вы его? По книге можно судить, что это культурный литератор, хорошо знающий свою тему.

Крепко Вас обнимаю,

Ваш С. Постников.

Письмо. Авторизованная машинопись. Заключительные приветствия и подпись — автограф.

¹ Письмо 9.

² В скобках — приписка на полях вдоль первого листа.

³ А. Л. Бем.

⁴ Очерк Гиппиус о Блоке «Мой лунный друг» в кн. «Живые лица». См. вступ. статью.

⁵ См. письмо 1 Степуна.

⁶ Текст в скобках — приписка сверху листа над текстом.

⁷ См. наст. изд., приложение I, 1 и 2.

⁸ Постников имеет в виду окончание второго очерка, заканчивавшегося рассказом о Сологубе, гадающем за чаем у Иванова-Разумника о том, когда кончится советская власть. Следующие два очерка были посвящены Сологубу, его последней болезни, смерти и спешной передаче его архива в Пушкинский Дом (см. наст. изд., приложение I, 3 и 4). См. также письмо Иванова-Разумника к Андрею Белому от 7 декабря 1927 г. (написано в день похо-

рон Сологуба), где, вспоминая, что в середине 1920-х гг. Сологуб был его близким соседом в Детском Селе, Иванов-Разумник пишет: «...Я благодарен судьбе, что она дала мне узнать милого, простого, детски-смеющегося Федора Кузьмича, а не того Сологуба, каким раньше я его знал (вернее — представлял): “комантного”, обидчивого, брюзгливого, резкого, тщеславного. Все это — было, но было той внешней шелухой, за которой таилась детская, добрая душа; он был очень застенчив (право!) — и скрывал эту застенчивость в резкости; он был очень добр и отзывчив — и стыдился своей доброты; был широк — и окутывал себя часто досадной мелочностью» (Андрей Белый и Иванов-Разумник: Переписка. С. 553; 1-я публ. этого письма: On the Death of a Poet: The Final Days of Fyodor Sologub (An Unpublished Letter of Ivanov-Razumnik to Andrei Bely) / Introduction and Notes by S.-J. Rabino-witz // Russian Literary Triquarterly. 1978. № 15. P. 361–368).

⁹ В газете «Дни», где непосредственно после смерти Сологуба были напечатаны сообщения и некрологи (7 декабря 1927 г. (№ 1260) — сообщение о смерти (с. 1) и некролог «Федор Сологуб», подписанный М. А. (с. 2); 11 декабря (№ 1264) — заметка о похоронах по информации в «Правде» и «Известиях» и некролог «Памяти Федора Сологуба» Николая Оцуца (с. 3); 1 января 1928 г. (№ 1285) — «Федор Сологуб» С. Познера (с. 4)), в номере от 16 декабря 1927 г. была напечатана сводка по информации из «Красной газеты» о болезни, смерти и похоронах поэта — «Последние дни Сологуба» (№ 1269. С. 2). За нею следовала небольшая заметка «К смерти Ф. Со-

логуба», подписанная С. П.: «Сологуб предрек свою смерть в декабре. В мартовской книжке “Заветов” за 1914 год напечатаны были следующие его стихи», далее воспроизводился текст триолета «Каждый год я болен в декабре» (в 5-й строке вместо *демонской* <игре> было напечатано *демонической*), и заметка заканчивалась: «Помню, — когда я прочитал эти стихи еще в рукописи, я поверил, что Сологуб умрет в декабре».

¹⁰ Две последние строки триолета «Каждый год я болен в декабре». Выделенные слова вписаны над текстом. В 3-м номере «Заветов» за 1914 г. было напечатано четыре триолета Сологуба: «Земля докучная и злая», «Как ни грозит нам рок суровый», «Рудо-желтый и багряный» и «Каждый год я болен в декабре». В Конице, получив от одного из солагерников 17-й том сиринского «Собрания сочинений» Сологуба, Иванов-Разумник записал 19 ноября в ЗК: «Триолеты. Перечел, как старину стародавнюю». В изд.: Сологуб Ф. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М. И. Дикман. Л., 1975. (Большая серия Библиотеки поэта), в примеч. к последнему стихотворению Сологуба («Подыши еще немного», напечатанному впервые в очерке Иванова-Разумника в «Новом слове»), дана ссылка (с. 633) на публикацию в кн. Иванова-Разумника «Писательские судьбы» (см. наст. изд., приложение, I, 4, с. 324–325). 2 июля Иванов-Разумник записал в ЗК: «Замечательное письмо от неизвестного мне Sonderführer’a, некоего А. Herlit’a — по-русски с фронта; перевод стихотворения Сологуба “Подыши еще немного”». В собрании АИШ сохранилось два письма А. Р. Герлита

(1891–1945), черновик ответа Иванова-Разумника и перевод стихотворения. Приводим текст перевода по сохранившейся машинописи:

Das Ahnen des Todes

Atme noch ein bisschen weiter
Mit dem schweren Erdehauch,
Armer, schwacher Gottesstreiter,
Schwindend wie 'ne Wolke Rauch.

Was dem Schöpfer deine Schmerzen?
Tropfen in dem Lebensmeer!
Bald lebst nur in fremden Herzen,
Bald lebst nicht im Herzen mehr.

Scheint wie früher Morgenröte,
Klar wie früher ist das Licht,
Schlagen Wellen in der Weite, —
Nur bist Du, bist Du da nicht.

Atme doch ein bisschen weiter
Mit dem süßen Erdehauch,
Armer, schwacher Gottesstreiter,
Und verschwinde wie ein Rauch.

Theodor Ssologub
(Übersetzt von A. Herlit).

В первом письме (22 июня 1942 г.) Герлит писал: «В заключение позвольте высказать радость, что Вам удалось вырваться из большевистского застенка. Германец по происхождению, русский по воспитанию (ученик, между прочим, С. Ф. Платонова) <я> не мог не болеть сердцем за своих учителей — за русскую интеллигенцию».

¹¹ В заметке «Последние стихи Федора Сологуба» (Воля России. 1928. № 1. С. 166–167) Постников защищал Сологуба от утверждения Георгия Иванова в статье-некрологе, вошедшей в «Петербургские зимы» (с. 173–176), что Сологуб якобы писал бержереты *после* смерти А. Н. Чеботаревской. Постников приводит даты

публикации этих стихов, а также даты их написания. Между прочим он упоминает: «Рукопись же стихов <которые вошли в кн. «Небо голубое» (Ревель: Библиофил, 1921), где напечатаны бержереты>, как точно известно пишущему эти строки, вывезена издателем из Петербурга летом 1921 года» (с. 166). Представляется вероятным, что именно Постников был тем, кто вывез рукопись стихов Сологуба. Постников цитирует стихи Сологуба, опубликованные в последние годы, в том числе в «Современных записках» (1922. № 12) и в «Русском современнике» (1924. № 1), как доказательство трагического настроения в последних стихах поэта. См. публ. стихотворений Сологуба 1920-х гг. в: Дружба народов. 1989. № 1 (публ. А. В. Лаврова); Рус. литература. 1989. № 2 (публ. М. М. Павловой); Наше наследие. 1989. № 3 (публ. А. В. Лаврова); Азаль. 1992. № 1 (публ. С. Федякина); см. также: Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. Там же о последней болезни и смерти Сологуба: Черношвинова О. Н. Материалы к биографии Ф. Сологуба. С. 240–244. Ср.: Голлербах Э. Ф. Из воспоминаний о Федоре Сологубе / Публ., вступ. ст. и примеч. М. М. Павловой // Рус. литература. 1990. № 1. С. 218–224.

¹² «Вольга и Микула» — в этой статье (опубликована в: Дело Народа. 1917. 28 марта. № 11) Иванов-Разумник противопоставляет тех, для кого Февраль только начало революции, тем, кто уже через месяц хотел ее остановить. Он ссылается на былинку, где Микула, раскачавшись, набирает скорость, а Вольга сразу начинает отставать и старается остановить Микулу:

«Пусть Вольге “отстаивается и поспеть не в мочь”, пусть остаются позади целые группы и партии, стоящие за одну политическую революцию <выделено здесь и далее Ивановым-Разумником>, — Микуле незачем и не для чего останавливаться: путь его лежит к революции социальной» (цит. по: Из дневника революции // *Иванов-Разумник*. Год революции: Статьи 1917 года. СПб., 1918. С. 11). Статьи из этого цикла публиковались в газете «Дело народа», центральном органе партии социалистов-революционеров, где Иванов-Разумник стоял во главе литературного отдела.

¹³ *Hitler A. Mein Kampf; Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts*. 30 мая Иванов-Разумник отметил в ЗК отсылку в русский магазин в Берлине заказа на эти книги, а также на немецкие учебники и словари.

¹⁴ В тексте письма, вероятно, описка: Ходасевич умер 14 июня 1939 г.

¹⁵ С 1936 г. до закрытия журнала (№ 62–70) стихи Вячеслава Иванова регулярно появлялись в «Современных записках».

¹⁶ *Нена* // *Современные записки*. 1922. № 12. Вышла отдельным изданием в 1925 г. в Берлине. О В. М. Зензинове см. примеч. 5 к письму 7 Постникова.

¹⁷ О А. Ф. Даманской см. примеч. 36 к письму 3 Постникова.

¹⁸ *Евгений Германович Лундберг* (1883–1965) — прозаик и литературный критик. Ученик и последователь Шестова. Шестов помог Лундбергу уехать за границу после выхода из тюрьмы в 1909 г., поддерживал его материально. С 1912 г. Лундберг печатался в петербургских журналах, в том числе и в «Заветах». В 1920 г. — в Берлине, в 1922 г. — сменовеховец, сотруд-

ник газеты «Накануне», в 1924 г. вернулся в СССР. В 1920 г. в Берлине вместе с левым эсером А. А. Шрейдером организовал издательство «Скифы», где напечатал, а затем уничтожил работу Шестова «Что такое большевизм?». См. о скандале в связи с сожжением книги Шестова: *Русский Берлин*. С. 28–31; *Гессен И. В.* Годы изгнания. С. 221–222; а также: *Баранова-Шестова Н. Л.* Жизнь Льва Шестова. Т. 2. С. 307–310. В своих воспоминаниях о 1917–1919 гг. «Записки писателя» (Берлин: Огоньки, 1922), где Лундберг часто обращается к мыслям Иванова-Разумника и встречам с ним в эти годы, он пишет о начале расхождения с Шестовым по вопросу о свободе печати (май 1918 г.): «Лев Шестов прочел в “Знамени труда” статью — мою же, без подписи — о том, что в переходное время свобода печати невозможна. — Что за нововременцы стали у вас писать? — спросил он меня — и я слышал негодование в его голосе» (с. 163).

¹⁹ *В. Е. Евгеньев-Максимов* (1885–1955) — ученый-литературовед; его книги о «Современнике»: «“Современник” в 40–50-х гг. от Белинского до Чернышевского» (1934), «“Современник” при Чернышевском и Добролюбове» (1936) и «Последние годы “Современника”, 1863–1866» (1939).

²⁰ *Сергей Дмитриевич Мстиславский* (Масловский, 1876–1943) — эсер, прозаик и публицист, вел отдел внутренней политики в «Заветах». После революции стал писать романы, главным образом с революционной тематикой («На крови», «Союз тяжелой артиллерии», «Без себя» и др.). Наиболее известный роман — «Грач, птица весенняя», неоднократно переиздавался.

Был помощником главного редактора 1-го изд. БСЭ; руководил мастерской прозы в Литературном институте им. Горького.

²¹ Александр Иванович Иванчин-Писарев (1849–1916) — фактический издатель «Заветов». См. примеч. 5 к вступ. статье.

²² В № 8 «Заветов» за 1912 г. были напечатаны «Песни из плена» Мстиславского (с. 62–71) — 12 коротких «песен» лирической прозы. Пришвин записывает в дневнике о Мстиславском и Иванове-Разумнике: «Разумник любит в Мстиславском перманентного революционера, то есть человека, который сегодня говорит “нет”, и завтра “нет”, и послезавтра “нет”, и никогда не складывает это “нет” в сумму. “Нет!” — чтобы на нем отдохнуть и повластвовать» (Пришвин М. Дневники: Книга третья. Дневники 1920–1922. М., 1995. С. 292, запись 26 декабря 1922 г.).

²³ См. вступ. заметку к письмам Постниковых.

²⁴ А. А. Фадеев (1901–1956) — советский писатель, один из руководителей Союза писателей СССР с его осно-

вания в 1934 г. до конца жизни. После разоблачения Сталина покончил жизнь самоубийством. В 1940 г. в «Литературной газете» было напечатано несколько выступлений Фадеева о Маяковском (см.: Русские советские писатели: Прозаики: Биобиблиографический указатель. М.: Книга, 1968. Т. 5). В. И. Лебедев-Кумач (1898–1949) — советский поэт, автор массовых песен и стихов, в частности текстов песен к популярным кинофильмам 1930-х гг.

²⁵ А. Г. Горнфельд (1867–1941) — литературовед и критик, в конце XIX в. сотрудник «Русского богатства».

²⁶ Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888–1946) — писатель-прозаик, автор историко-литературных работ о французских писателях XIX в. Его книги о жизни и творчестве Стендаля: «Три цвета времени» (1931), «Потерянная перчатка (Стендаль в Москве)» (1931) и «Стендаль и его время» (1938). См. о нем: Шумихин С. Москва, 1938-й. Delirium persecutio А. К. Виноградова // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 264–300.

11. С. П. Постников — Р. В. и В. Н. Ивановым

4.6.1942

Дорогие Варвара Николаевна и Разумник Васильевич, сейчас отправил Вам 100 марок, а 27 мая отправлена «вещевая» посылка. Продуктовая посылка задержалась из-за отсутствия хлеба, но завтра обязательно пошлем. От Вас вчера получено большое письмо, в кот<ором> Вы писали о своих литовских родственниках¹ и пр. До этого получили Ваши открытки, словом, все Ваши письма получены. Гиппи-

ус Вам отправлена вчера: там она пишет о трамвайной встрече. Для Вас самое лучшее, если бы попасть на два месяца в Литву на молочное питание. Пишите об этом теперь же заявление в Ваш Амт <от нем. *Amt* — учреждение, министерство>. А потом к нам приедете. В Виленск<ий> Ун<иверситет>² я тоже не верю, как не верю и в Париж. Вообще о Ваших делах я наводил здесь справки, все-таки это все сложно. Но надо Вам самому подать прошение о Праге и ждать. В конце концов разрешают, если нет полит<ических> препятствий. Не понимаю, почему Вы не получили пятой посылки с книгами, там были только литературные журналы. Но, м<ожет> б<ыть>, еще она придет.

Сегодня получили новые карточки на хлеб и завтра получим самый хлеб. Будете писать Ал. Мих.³, передайте ему мой привет. Я потерял его адрес, то есть нового его адр<еса> не знаю. Все эти дни буду держать... экзамен нем<ецкого> яз<ыка> — письменный и устный. Это обязательно для всех служащих.

Всего доброго,

Ваш С. Постников.

Открытка. Авторизованная машинопись. Текст, начиная с «Все эти дни», подпись, адреса отправителя и адресата — автограф.

¹ О литовских родственниках см. вступ. статью.

² Еще 19 февраля Иванов-Разумник записал в ЗК текст запроса о возможности преподавания русской литературы в университете в Каунасе, предварив запрос короткой справкой о себе. Вероятно, это была его первая

попытка выбраться из лагеря. 19 мая он получает письмо от Янковских, его литовских родственников, с приглашением приехать в Данилишки и сообщением, «что Виленский Ун<иверсите>т возбудил ходатайство о моей профессуре!!??» (ЗК).

³ А. М. Ремизов.

12. С. П. Постников — Р. В. и В. Н. Ивановым

5.VI.1942

Итак, дорогие Варвара Николаевна и Разумник Васильевич, теперь Вам послано:

1. Вещевая посылка. <27.V>¹

2. Финансы — 100 м<арок>. <4.VI; пол<учено> 6.VI>

3. Духовная пища: номера «Совр<еменных> Зап<исок>» и Гиппиус. <3.VI>

4. Пища телесная (один хлеб, мед, сахар, чай и табак. Все это в небольших дозах, а в общем 2 кило). <5.VI>

Думаю, что дня через четыре пошлем еще 2 кило хлеба, т<ак> ч<то> не сокращайте свой паек.

Относительно картины Петрова-Водкина будем наводить справки. Один мой знакомый просит узнать у Вас, нет ли среди Вашей публики бывших морских офицеров. Он сам морской офицер и мог бы помочь им, чем может².

В Париже Ваш хороший знакомый — проф. С. И. Метальников³. Он работает в Пастеровском институте. В парижском научном мире его хорошо знают.

Желаю Вам всего доброго,

Ваш С. Постников.

<На об.> Посылки отправлены «экспрессом», т<ак> ч<то> они должны скорее прийти, чем прежние.

С. Постников.

Открытка. Авторизованная машинопись. Подпись, дата, адреса, приписка и заключительное приветствие — автограф.

¹ Даты в угловых скобках здесь и далее помечены рукой Иванова-Разумника.

² В собрании АИШ сохранилось несколько писем к Иванову-Разумнику, запросов о родных и знакомых из Царского Села, написанных после опубликования его адреса в «Новом слове».

³ Сергей Иванович Метальников (1870–1946) — известный биолог, уче-

ник И. П. Павлова, занимался вопросами иммунитета; в эмиграции возглавлял одну из лабораторий в Институте Пастера в Париже; принимал активное участие в русской эмигрантской общественной деятельности. См. о нем статью Т. Ульянкиной в: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 408–410.

13. С. П. Постников — Р В. и В. Н. Ивановым

19.6.1942

Дорогие Варвара Николаевна и Разумник Васильевич, последнее Ваше письмо мы получили от 9 июня, на немецком языке (открытку)¹. Вот уже десять дней мы не получаем от Вас никаких известий, а потому беспокоимся о Вашем здоровье. Здоровы ли Вы оба? Была ли у Вас комиссия и рассмотрен ли Ваш вопрос? Я опять говорил со своими знакомыми немцами о возможности Вашего приезда сюда, но они говорят, что все это зависит от той комиссии, которая подробно будет исследовать Ваш личный вопрос. Отсюда ничего нельзя сделать.

Мы постоянно вспоминаем Вас и думаем, что еще можно сделать для Вас. В чем Вы еще остро нуждаетесь?

Я говорил со специалистами о продаже Вашей картины. Трудно, конечно, что-либо определенное сказать, не имея ее здесь в руках. Но все-таки, не можете ли Вы послать хотя бы фотографию ее. У меня есть такой благожелатель, который совершенно бескорыстно хочет все это дело устроить. Я не знаю, стоит ли теперь торопиться с продажей. Ситуация такая, что за картину Петрова-Водкина трудно получить ту цену, по которой продавались его картины в прежнее время. Решайте этот вопрос сами. Если решите положительно, то я начну действовать энергичнее.

Получили ли Вы книгу Гиппиус? Последнее Ваше письмо к Бему я еще не читал, все эти дни был очень занят и не мог съездить к нему. Наверное Вы там писали о своих впечатлениях от наших поэтов. На днях увижу Бема, тогда узнаю, что Вы там писали.

Между прочим, книга Гиппиус принадлежит Ляцкому и по использовании ее придется вернуть ему.

6-го июля начинается мой отпуск (четыре недели). Но, всего вероятнее, мы останемся в городе и никуда не поедем. У нас есть небольшой сад, будем там отдыхать. Пропитание же в деревне нисколько не лучше, чем в городе.

Я не знаю, как часто Вы можете теперь писать нам, но во всяком случае, по мере возможности, давайте о себе весть. А то мы начинаем думать, что Вы больны и не можете писать.

Сами мы здоровы и живем по-прежнему: служу, читаю и гуляю за городом «в лугах»: живем мы на самой окраине Праги.

Елизавета Викторовна шлет привет. Сейчас она на уроке немецкого языка: бесплатно учит одного чешского мальчика и очень горда, что этот мальчуган имеет высший балл.

Холодно у нас опять стало, неуютно. Погода стала очень неустойчивой. Надеюсь, что в июле будет хорошо.

Посылать ли Вам книги, может быть, Вы скоро выйдете из лагеря? Напишите, если еще не приближается срок Вашего выхода из лагеря, то я пошлю Вам дальнейшие номера «Современных Записок».

А больше всего я желаю Вам съездить на два месяца к родственникам, чтобы там подкормиться на деревенских хлебах. Прежде всего, Вам нужно привести себя в нормальное состояние, т. е. увеличить свой вес.

Обнимаю Вас и желаю всего доброго,

Ваш С. Постников.

Письмо. Авторизованная машинопись. Подпись — автограф.

¹ 8 июня вышел приказ начальника лагеря в Конице («новелла», как его торжественно и иронически называет Иванов-Разумник в ЗК) о запрещении писать из лагеря письма по-русски, однако запрет на получаемые письма не распространялся. Сразу после этого переписка Иванова-Разумника значительно сократилась. Ниже приводим текст двух черновиков его писем Постниковым, которые затем переводились на немецкий язык. Внизу страницы оригинала — черновик текста открытки, помеченной № 1: «21.VI.1942. Lieber Freund S. P.! <Дорогой друг С. П.! — Нем.> только что получил Ваше письмо от 19.6, сам писал Вам Postkarten <открытки. — Нем.> 9.6 и 16.6, каждый раз обещаю написать подробнее. Клянусь сделать

это завтра, отвечая на сегодняшнее Ваше письмо, а пока — я целую Вас, а В. Н. — Елизавету Викторовну. Ваш Р. Иванов». На обороте — черновик обещанного письма: «С. П. Постникову. 22.VI.1942. Mein lieber Freund S. P.! <Мой дорогой друг С. П.! — Нем.> Если бы Вы знали, как нелегко писать мне in deutscher Sprache <по-немецки. — Нем.>, Вы не сетовали бы на меня за краткость и редкое писание моих писем. Большие письма мои закончились в день приказа от 8.VI, когда я послал километлическое письмо к А. Л. Бему (не знаю, получил ли он его). Только что получил Ваше письмо от 19.VI и кратко отвечаю:

1. Мы оба, Gott sei dank <слава Богу. — Нем.>, живы и здоровы.

2. Кроме 9.VI, послал Вам открытку 16.VI с извещением о получении в один день обоих Ваших посылок от 3 и 5 июня. Значит — книгу Гиппиус получил, верну ее с благодарностью, а пока — пишу eine Skizze <очерк. — Нем.> — “Александр Блок и Зинаида Гиппиус”. Что если бы мне можно было получить (тоже с возвратом) сборник “Огни”, о котором она упоминает? <Здесь была напечатана большая статья З. Гиппиус: Судьба Аполлона Григорьева (по поводу статьи А. А. Блока, приложенной к «Стихотворениям Аполлона Григорьева», изд. К. Ф. Некрасова, М., 1916) // Огни. (История. Литература). Кн. I. Пг., 1916. С. 263–278.>

3. Вы спрашиваете — посылать ли еще книги? Как ни совестно Вас обременять — а просил бы. “Современные Записки” читаю с интересом; многое имею сказать Вам о “Воле России”, когда увидимся. <Знак вставки и приписка в конце страницы:> Очень хвалят “Взвихренную Русь” А. Ремизова, “После России” М. Цветаевой, “На весах Иова” Л. Шестова, “Атлан-

тиду” и “Тутанкамон” Д. Мережковского.

4. Комиссию из Берлина ждали в мае и июне, теперь ждут в июле. До ее прибытия ничто не может быть решено. Пока сидим в Конице без перемен.

<Продолжение на верхней половине страницы с текстом открытки.>

5. О картине Петрова-Водкина надо временно отложить попечение. Фотографии снять не могу, переслать не могу — ничего поделать нельзя.

6. Писать Вам могу без ограничения числа писем, а потому ждите от меня по одной-две бессодержательных открытки каждую неделю.

Пусть это мое письмо будет тем оригинальнее предыдущих, что в нем не будет ни одного слова благодарности Вам. Впрочем — не ручаюсь за Варвару Николоевну, которая именно на эту тему хотела писать Елизавете Викторовне. Обнимаю Вас и очень хочу видеть. Ваш Р. Иванов. <Приписка:> НВ “Вещевая посылка” от 27.V получена была нами 8.VI, о чем сообщил С. П. П. 9.VI».

14. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

22.VI.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

20.VI я послал Вам два кило хлеба, 19-го письмо. Вашу нем<ецкую> открытку от 16.VI получил.

Бем также получил Ваше большое русск<ое> письмо. Получили ли Вы в посылке табак, о кот<ором> в Вашем письме Вы не упомянули.

Привет Варваре Николаевне. Посылаю Вам вид Праги.

Е<лизавета> В<икторовна> шлет привет.

Ваш С. Постников.

Открытка с видом Праги: Карлов мост и Градчаны. Автограф.

15. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

2.VII.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

Прочитал Ваше большое письмо к А. Л. Бему. Жаль, что Вы его прервали на самом интересном месте, когда стали говорить о Вашей «рабочей гипотезе» для эмигрантской художественной литературы¹.

Конечно, мне интересно было узнать Ваше мнение о «В<оле> Р<оссии>», хотя я никогда не состоял в редакции этого журнала. Нужно сказать, что редакция совсем не работала над составлением журнала, а материал шел самотеком. Но все-таки у редакции были свои позиции, свое направление, отличное от всех других изданий. Но подождем нашей встречи и тогда о многом интересном поговорим.

Я все-таки надеюсь, что сидение Ваше в лагере скоро кончится, и мы увидимся. С воскресенья у меня начинается отпуск. Раньше я надеялся устроиться где-нибудь в деревне, но теперь выяснилось, что должен остаться в городе. Поэтому продолжайте писать мне по старому городскому адресу.

Ваше письмо и письмо Варвары Николаевны мы получили, а также Вашу открытку от 26.VI.²

Вы просите послать Вам сборник со статьей Гиппиус о Блоке. Но я только что вторично проверил и установил, что в сборнике «Окно» (№ 1)³ статья Гиппиус «Мой лунный друг» — это та самая статья, которая напечатана в ее книге «Живые лица». В том же «Окне», № 2 и 3, напечатаны ее статьи о Розанове и Брюсове. Больше она о Блоке ничего не писала. Но о Блоке есть воспоминания Кузьминой-Караваевой — теперь монахини Марии⁴.

Сегодня я посылаю Вам три номера «Современных Записок», в которых Вы найдете «Атлантиду» Мережковского, статью Шестова и

др.⁵ Если вес посылки позволит, то прибавлю и «Тутанкамона»⁶. К сожалению, Шестова «На весах Иова»⁷ и Цветаевой «После России»⁸ пока не имею в своем распоряжении.

Пишу я Вам теперь реже, но это не значит, что мы меньше думаем о Вас. Настроение стало препротивное. Жизнь осложняется всякими привходящими обстоятельствами. Я не жалею на личную свою жизнь, слава Богу, нет никаких крайних положений, но, видимо, переутомление и пр. вызывает «депрессию»⁹. Читаете ли Вы берлинские немецкие газеты? Если Вы их не имеете вследствие дороговизны, то я мог бы высылать Вам нашу пражскую немецкую газету «Дер неуге Таг»¹⁰.

Приехала бы сюда Варвара Николаевна, стал бы я с ней говорить по-немецки. А то — книги и газеты немецкие я читаю и понимаю, а говорю совсем неважно. Елизавета Викторовна знает слов значительно меньше моего, а говорит бойко... Я хотя и выдержал обязательный устный и письменный немецкий экзамен, а все-таки свободно объясняться не могу. А вообще, я думаю, что Варвара Николаевна здесь очень быстро нашла бы себе заработок.

А потому кончайте Вы скорее свою лагерную жизнь и выбирайтесь к нам. Будем жить вместе и ждать того времени, когда и в России можно будет свободно вздохнуть. Сегодня мне исполнилось 59 лет. Жить осталось еще не так много, а все-таки хотелось бы пожить и на родине. Много у нас в Праге умерло народу. Русское кладбище¹¹ насчитывает до тысячи могил, среди которых Вы найдете много знакомых Вам. Все они (не могилы, а похороненные в них) тоже мечтали вернуться в Россию. Вот видите, какое у меня сегодня совсем неподходящее настроение.

Крепко обнимаю Вас обоих.

Ваш С. Постников.

Елизавета Викторовна шлет привет. С. П.

Письмо. Авторизованная машинопись. Подпись, а также заключительные приветствия и приветы — автограф.

¹ См. вступ. статью о попытке Иванова-Разумника вхождения в эмигрантскую литературу.

² См. черновики писем Иванова-Разумника от 21 и 22 июня с обещанием посылать «бессодержательные открытки» раз или два в неделю (примеч. 2 к письму 13 Постникова).

³ «Окно» — трехмесячник литературы (Париж, 1923), издатели-редакторы М. О. и М. С. Цетлины; всего вышло три номера. В черновике письма Постникову (см. примеч. 1 к письму 13) Иванов-Разумник упоминает о сборнике «Огни» (1916), где была напечатана большая статья Гиппиус о Блоке.

⁴ О матери Марии и ее воспоминаниях о Блоке см. примеч. 20 к письму 6 Постникова.

⁵ «Атлантида» печаталась в № 41 и 43 («Отчего погибла Атлантида») «Современных записок». В № 43 напечатаны афоризмы Шестова «О вто-

ром измерении мышления: Из книги «Афины и Иерусалим»».

⁶ «Тутанкамон» — «Рождение богов: Тутанкамон на Крите» печатался в № 21 и 22 «Современных записок». См. примеч. 21 к письму 3 Постникова.

⁷ *На весах Иова*. Париж, 1929.

⁸ *После России, 1922–1925*. Париж, 1928. Последняя книга стихов Цветаевой.

⁹ Подразумеваются события, последовавшие за покушением на Р. Гейдриха (R. Heydrich). См. примеч. 2 к письму 6 Бема.

¹⁰ «*Der neue Tag*» — немецкая газета («*Tageszeitung für Böhmen und Mähren*»), выходившая в Праге во время германского «протектората» с 5 августа 1939 г. по 4 апреля 1945 г., с 1941 г. — ежедневная.

¹¹ Ольшанское кладбище («На Ольшанах») — кладбище в Праге, где на большом русском участке был построен храм Успения Божией Матери.

16. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

8.VII.1942

Дорогой Разумник Васильевич,

3-го июля я послал Вам книги, а сегодня, 8-го июля, два кило хлеба. К сожалению, в последние два месяца мы получаем только полтора кило хлеба в неделю на человека, а потому реже удастся Вам посылать. На днях зайду к Бему, узнаю, как у него с табаком. Сижу я теперь дома, читаю всякую чепуху и никуда не хочется идти. Серьезно заболел Ляцкий, удар на почве уремии. Ему уже 73 года, не знаю, выживет ли он¹.

Елизавета Викторовна пишет Вам письмо, но никак не поставит точки. Все-таки я ее ограничиваю в размерах. Если что-либо из посланного Вам не подходит, то Вы выменяйте на подходящее, но ничего не посылайте обратно.

Скучаю без Ваших интересных писем, но ничего не поделаешь, будем ждать нашей встречи, чтобы вдоволь наговориться о литературе. Передайте привет Варваре Николаевне от нас обоих.

Всего доброго,

Ваш С. Постников.

Открытка. Авторизованная машинопись. Дата, подпись и заключительное приветствие — автограф.

¹ О болезни и смерти Е. А. Ляцкого см. его письма в наст. изд.

17. Е. В. Постникова — Р. В. и В. Н. Ивановым

<20.VII.1942>¹

Дорогие Варвара Николаевна и Разумник Васильевич, не писала я Вам из-за одного недоразумения. У нас сейчас было военное положение², и я думала, что, чтобы не затруднять цензуру, лучше писать только о личных делах в сокращенном виде. Но это предложение относилось к началу войны и имело отношение к письмам, идущим за границу, а Германия не заграница, и я сама себя наказала.

С. П. писал, что все наши попытки устройства Вас сюда зависят от хлопот с Вашей стороны. Комиссия по вселению немцев в родные края обращает сугубое внимание на бывших советских граждан. Она запрашивает высший орган, который называется в сокращенном виде: С. С., а по-немецки полностью Schutzstaffel. Этот орган дает отзыв о политической благонадежности того или иного. Хотя Ваша десятилетняя каторга в советских тюрьмах — лучшая политическая благонадежность. Хотя Ваши все четыре фельетона в газете — достаточное доказательство Вашего антибольшевицкого умонастроения, но мне кажется, нужно еще что-то. Нужно, чтобы какой-нибудь человек, хотя бы редактор русской газеты Деспотули³, сам дал о Вас отзыв. То, что Вы, утомленный советскими тюрьмами и годами, не можете у них продолжать писать, ничего не значит, я думаю, они с готовностью это сделают.

Здесь в Праге очень много таких переселенцев, они работают в музеях и книгохранилищах, где нужно знание немецкого и русского языка и соответствующая квалификация. Эти люди говорили об обязательной политической благонадежности. Спросите совета этого Деспотули и его разрешения на него сослаться. Ваш случай не первый, и у них есть опыт.

Прага есть тихое убежище от налетов, потому сюда очень трудно пускают. Главная причина — нет квартир, нет комнат. Но раз мы берем Вас к себе под кров, то главная причина отпадает.

Смущает меня одно, что Вам, истощенным, будет голодно, но везде сейчас так. Планы С. П., ехать сначала к брату, а потом сюда это очень сложно. У брата есть молоко и все остальное, но там близко граница. Можно очутиться опять в том же положении, что и раньше. Впрочем, я твердо не представляю, где это имение⁴.

У нас было до этого времени очень спокойно жить. Мы лично ненависти от местного населения не ощущали, но сейчас так обострены национальные инстинкты, что иногда просто не хочется жить.

Жить!

Все же живешь и наблюдаешь. Свидетели истории, как удачно написал Осоргин⁵. Теперь начну о другом, что я считаю сам<ым> главн<ым> и о чем я давно должна была Вас предупредить.

Большевики не оставляют в покое лиц, удравших из их сферы обладания. Последним крупным событием был побег из Соловков трех Солоневичей. (Впоследствии Вы ознакомитесь с книгами, принадлежащими этой семье. Лучшая книга — Тамары Солоневич, жены одного из них и матери третьего.) Их героический побег, их испытания, их книги, их разоблачения, их богатырское телосложение и выносливость сделали их героями эмигрантского царства. Примыкая к правому направлению с одной стороны и духовно выросшие в советской атмосфере с другой, они были совершенно новым течением. Они были интересны, занимательны, действительны и от них пахло Россией и дул ветерок России. Два брата Солоневича несомненно прирожденные литераторы, которые сразу нашли массу предложений редактирования и т. д. Во всяком случае вскоре возникла газета в Белграде, и очень скоро случилось огромное несчастье. Большевики послали по почте адскую машину (или посыльный принес), и когда Тамара Солоневич вскрыла пакет, то произошел адский взрыв. Погибла она. Ей

оторвало обе руки и пострадали все внутренности. Когда сын и муж вылезли из-под обломков и отнесли израненное тело в больницу... то она не пришла в сознание и умерла⁶. Я пишу об этой замечательной женщине так подробно, потому что ее книга, ее красота, ее любовь к сыну и обратно неповторяемы и незабываемы. Я им совершенно чужой человек, но даже сейчас, когда пишу это письмо, слезы выступают у меня на глазах.

Другой, нашумевший побег из Соловков, был побег проф<ессора> ихтиолога Чернавина⁷ вместе с женой и маленьким сыном, которые приехали из Москвы, чтобы вместе проделать весь путь испытаний побега вместе с отцом. Испытания были длительные, и они заблудились в лесу... Чтобы понять весь ужас 17-ти дневного блуждания в финских лесах, куда человеческая нога не ступала, надо пробыть только час где-нибудь в комарах на болоте, чтобы представить воочию что это такое. Лекции Чернавиной, ее выступления, его статьи, их удельный вес были таким разоблачительным ударом для большевиков, что Чернавины сразу поняли, что нужно уехать в Америку. Ей удалось продать свою книгу, получить для мужа кафедру и уехать в Новый Свет. Она приезжала в Прагу, была у нас очень обласкана, а лекция ее была звуковым наслаждением. У нее чудная дикция и тембр голоса. Она москвичка. Вернусь еще к финским болотам; я пошлю Вам мои напечатанные заметки о переходе финляндской границы⁸, которые хотя и не носят следов моих страданий, но второй раз я не хотела бы их повторять.

Часто я думала, почему Вы с семьей не ушли тогда из России, чтобы это пришлось сделать через двадцать лет, да еще в такое неудачное время. Ну, лучше поздно, чем никогда, *но надо остерегаться большевиков. Даже Троцкий в Америке убит секретарем в начале войны, а сын его отравлен в Париже⁹. Когда Вы уедете из лагеря, всю корреспонденцию надо получать по чужому адресу. Это все совершенно серьезно¹⁰.*

Писал ли Вам С. П., что Е. А. Ляцкий на днях умер¹¹. Он умер от уремии, на почве простаты. На похоронах было много чешских профессоров и венков, а также русская колония. Его последняя жена, доктор Вида Ляцкая (сербка), была совершенно одинокая на похоронах. Там все фотографировались (кинооператор, сам от себя фотографирует всю процессию и предлагает наследникам), и Бем и С.П. могли выйти на одном снимке, когда мы достанем этот снимок, то пошлем

Вам. Вы увидите С. П. совершенно седым стариком, с нахмуренными бровями, и маленького Бема.

Вы пишете, не надо терять мужества, да разве за себя теряешь это мужество. Жалость к людям съедает с лица улыбку, и снегом посыпает волосы, шаги становятся короче, и сам чего-то спешишь.

У нас страшный холод второй день, а перед этим мы ездили за город за ягодами. Так как в этом году мало кто поехал на дачу, то леса не вытоптаны и в траве черно от черники, а в просеках красно от земляники. Я за час одна собрала литр земляники. У моей знакомой я несколько лет тому назад посадила клубнику, так как в городе фрукты главным образом для детей, то я съездила туда на свой маленький кусочек, кое-что там собрала, а потом с клубникой, собакой, с дорогим С. П., который не имел папирос в тот день, я собирала землянику. Вы себе представляете, какое это было «наслаждение» при невыносимой жаре. Потом попали в поезд с опозданием, куда выбивающийся из сил обыватель тащил свой скарб, потому что в эти дни надо было всем освободить летние хаты (в Европе на американский лад строились такие деревянные беседки, закрытые со всех сторон, на берегах рек, куда летом уезжали жители больших городов. Туда они натаскивали старые матрасы, посуду, ванны, с продырявленными боками и т. д.). Вот в наш день и было такое переселение старых вещей, с которыми обыватель до смерти не может расстаться. Было нечто похожее на то, как ездили в советской России. Жара невероятная, и вот в одну из минут молчания наш Бумка поднял мордочку и завыл на весь вагон... Все сразу стали как-то тише, милее, любезнее, предупредительнее, так что мы все-таки приехали благополучно домой, и я сварила на электричестве ночью клубничное варенье, которое мы будем с вами есть.

Пишу вам такие глупости, чтобы познакомить вас с нашей жизнью; надеюсь, что Вас пустят жить сюда. Здесь чудесный край, здесь так красиво, здесь столько цветов и фруктов, что трудно вообразить. Благодаря горам один край живописнее другого. А народ. Народ, как и все, воображает, что он первый. Ну, а разве мы с Вами, *Разумник Васильевич*¹², там в душе не думаем, что наш народ самый первый. Это, как мать думает о своем ребенке: говорят, что он некрасив, это неверно, он особенный, он лучший, он первый.

Чехи думают, что у них очень мелодичный язык, это им внушают со школьной скамьи. Но, если Вы из русских слов выбросите боль-

шинство гласных; букву Р будете произносить, как РЖ (например вместо река, будет ржека), то будете иметь представление, достаточно ли это мелодично. Этот маленький народ выработал в себе такое упрямство и настойчивость, что никому за ними не угнаться. Он совсем не сентиментальный, и русской мягкости и открытости в нем не ищите. Благодаря этому качеству с ними удобно жить. Бывают исключения, тогда это исключение поразительное.

Я не написала, дорогая Варвара Николаевна, Вам тогда никакого письма, потому что была у меня ужасная депрессия. Я не извинилась перед Вами, что послала заштопанные чулки и старые кашне. Но нельзя ничего достать. В шею дует. Мужское кашне — шелковое, его можно хорошо сложить и на шее будет все-таки тепло. К Вашей шляпе коричневой подойдет тот коричневый шарфик, а воротник в черном пальто низенький. Я не могу выдежурить новые чулки, но сейчас С. П. в отпуску, и я смогу это сделать. Хлеб посылаем с перебоями, потому что кончилась зимняя картошка. Если Вы приедете сюда, то устроим Вам хорошее одно платье, если же Вам надо будет шерстяное платье или юбка на каждый день, то у меня уже есть один проект, кое-что кое с чем скомбиновать. Напишите, пожалуйста, теперь же, как обстоит дело с зимним костюмом у Разумника Васильевича. Спасибо Вам большое за Ваше немецкое письмо, все-таки из него что-то о Вас узнаешь. О, я тоже верю, что Вы встретите Вашу дочь¹³. Тем более, что у нее сейчас поспокойнее. Я верю всегда в хорошее. Я верю, что дорогой Разумник Васильевич напишет мне большую книгу, а не письмо, тем более, что сейчас большие письма — недозволенная роскошь.

Всего хорошего, пишите нам хотя бы маленькие открытки, беспокоимся о Вас, когда нет известий. Никогда не забываем Вас, а если бывают перебои в наших письмах, то сейчас жизнь очень неровная.

Крепко целую и обнимаю вас обоих,

Ваша *Е. Постникова*.

P.S. У С. П. опять есть для Вас папиросы от Бема. Бем уехал вчера на дачу, его жена из Киева, они туда тоже посылают посылки ее братьям. В Киеве голод, но ничего удивительного: война есть война. Были в кино. Видели картины взятия Севастополя и др.

P.S.S. Ночные туфли можно обрезать носки и тем укоротить. Все-таки нога отдыхает в них. Обратно посылать не надо. С. П. шлет привет.

Письмо. Авторизованная машинопись. Подпись и постскриптумы — автограф.

¹ Дата по помете Иванова-Разумника.

² См. примеч. 2 к письму 6 Бема.

³ О *В. М. Деспотули* см. примеч. 14 к вступ. статье.

⁴ Речь идет о имени двоюродного брата Иванова-Разумника, П. К. Янковского, жившего с семьей в Литве. Иванов-Разумник узнал о смерти брата, скончавшегося 27 ноября 1941 г., из письма, полученного 19 мая.

⁵ «Свидетель истории» (1932) — роман М. А. Осоргина о деятельности террористов в 1905–1906 гг.

⁶ Побег Солоневичей был вторым (после Чернавиных, см. ниже примеч. 7) удавшимся побегом целой семьи из СССР (см.: *Струве Г.* Русская литература в изгнании. С. 167). Братья Солоневичи, Иван и Борис, и сын Ивана в 1934 г. бежали из Беломорско-Балтийского концлагеря и перешли финскую границу. Жена И. Солоневича работала в Берлине в советском полпредстве. *Иван Лукьянович Солоневич* (1891–1953) — очень плодовитый публицист и энергичный полемист, в 1928–1930 гг. был заместителем председателя Всесоюзного бюро физической культуры в Москве, был арестован в 1933 г. при попытке перехода границы. В Париже в «Последних новостях» он опубликовал 117 статей под названием «Россия в концлагере» (выходили два

раза в неделю в 1935–1936 гг.). В 1936 г. вышла книга «Россия в концлагере» (в двух томах), которая пользовалась большой популярностью и была переведена на иностранные языки (англ. изд.: *Solonevich I. Russia in Chains: A Record of Unspeakable Suffering.* London, 1938), что скоро обеспечило Солоневичу финансовую независимость. И. Солоневич печатался также в «Современных записках» («В деревне», № 58; «“Реформы” в колхозах», № 59; «По поводу стахановщины», № 60). Из Парижа Солоневич переехал в Софию (не в Белград, как ошибочно утверждает Постникова), где издавал газету «Голос России» (1936–1938); после покушения и убийства жены (был также убит секретарь Солоневича Н. П. Михайлов) переехал в Берлин, где издавал «Нашу газету» (1938–1941). В своих писаниях Солоневич подвергал эмиграцию жесточайшей критике. В послевоенные годы жил в Аргентине, где издавал газету «Наша страна». Книги *Тамары Владимировны Солоневич* (1894–1938): Записки советской переводчицы. София, 1937; Три года в берлинском Торгпредстве. София, 1938. *Борис Лукьянович Солоневич* — по профессии врач, писатель (роман о Тухачевском «Заговор красного Бонапарта» (1958) и др.). См. о Солоневичах, их деятельности и отношениях с эмиграцией в кн.: *Прянишни-*

ков Б. Незримая паутина. Silver Springs, MD, 1979.

⁷ Владимир Вячеславович Чернавин (1887–1949) — ученый-ихтиолог, работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала; в 1932 г. с женой и сыном перешел финскую границу. Татьяна Васильевна Чернавина — историк искусства, мемуаристка, печаталась в «Современных записках» («Советская молодежь», № 55) и в «Последних новостях». Из Франции Чернавины переехали в Англию.

⁸ См. вступ. заметку к письмам Постниковых.

⁹ Высланный из СССР в 1929 г., Троцкий был убит в августе 1940 г. у себя дома в Мексике, где поселился после высылки из Норвегии (по требованию советского правительства). Сын Троцкого Лев Седов умер в Париже в 1938 г. от осложнений после повторной операции аппендицита при весьма подозрительных обстоя-

вах. См.: *Deutscher I. The Prophet Outcast. Trotsky: 1929–1940.* London: Oxford Univ. Press, 1963; а также: *Роговин В. Партия расстрелянных.* М., 1977. Гл. 47. Смерть Льва Седова.

¹⁰ Выделенный текст вписан от руки в продолжение печатной строки и продолжен на полях следующего листа. Иванов-Разумник принял совет Е. В. Постниковой к сведению: послевоенные письма в собрании АИШ адресованы на имя его жены (W. Iwanowa), а после ее смерти на адреса друзей или родственников. О провокациях и террористических актах ГПУ/НКВД в среде эмиграции см.: *Прянишников Б. Незримая паутина; Войцеховский С. Л. Трест: Воспоминания и документы.* London, ONT.: Заря, 1974.

¹¹ О смерти Е. А. Ляцкого см. его письма в наст. изд.

¹² Вписано над строкой.

¹³ И. Р. Иванова — см. примеч. 3 к письму 5 Ремизовой.

18. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

29.7.1942. Прага

Дорогой Разумник Васильевич,

Получил Вашу открытку, посланную на имя Елизаветы Викторовны. Как хороший подарок, получили мы Ваше сообщение, что в лагерь прибыла долгожданная комиссия¹, которая рассмотрит Ваше положение. Надеемся, что теперь Вы скоро сможете выйти из лагеря и начать новую жизнь. Очень хотелось бы, чтобы Вам разрешили приехать к нам. Я понимаю, что достигнуть этого разрешения трудно, но Вы столько претерпели, что, наконец, должна же быть и удача Вам. Все-таки у нас в Праге Вы отдохнете от всех треволнений физическо-

го и духовного характера и восстановите свои силы. Ну, будем надеяться на это. А то я из-за Вас духом пал.

Кончается мой отпуск. Еще имею три дня. Прежде мы всегда на то время ездили в деревню. Ходили в лес, собирали грибы и ягоды, купались, смеялись и забывали о всякой культуре. Ни одной книги, ни одного журнала не брали в руки. Не слушали радио, не читали газет... А то еще много ездили на автомобиле по Чехии: один наш приятель возил нас на своем автомобиле. А в этом году холод, дождь — весь месяц отпуска. Сидели мы дома и сделали только один «вылет» (по-чешски перевод «аусфлюга»). Занимался я хозяйством, помогал Ел<изавете> Викт<оровне>, вел всю внешнюю политику, то есть ходил по лавочкам и получал по карточкам. Возился с собакой, уткой и начал пилить дрова. А потом раскладывал пасьянс (приучился это делать еще с «заветных» лет, чтобы отвязаться от дневных редакционных забот и иногда неприятностей²) и читал, читал без конца, чтобы забить чем-нибудь свою голову, т<ак> к<ак> ни о чем думать не хотелось. Но последнюю неделю совсем себе испортил. Давно я не перечитывал Достоевского и теперь взял «Подростка» для чтения. Залпом я не умею читать Достоевского, и он замучил меня за эти дни. Как взял в клещи, так и не отпускал. Как у него все значительно... Его ни с кем нельзя сравнить. Шпенглер в свое время писал, что Достоевский является единственным властителем дум в Европе...³ Конечно, это теперь не так⁴, но все-таки такое заявление само по себе уже знаменательно. А между тем, лет шесть тому назад у нас в Праге был диспут — русско-чешский — на тему: Горький или Достоевский? Здешний чешский Айхенвальд — но сортом ниже, проф. Горак⁵ и другой литератор, переводчик Горького и многих др<угих> русских писателей, Горького ставили выше, чем Достоевского. Трудно было им даже возражать. Они реалисты и талантливого рассказчика Горького предпочитают гениальному Достоевскому. Даже самая постановка такого вопроса — как Достоевский или Горький? — для нас нелепа...

А теперь опять к хлебу земному. Я знаю, что Вы никогда не говорите неправды, а вот не верю Вам, что Вы получаете хлеба больше, чем мы. Это Вы написали нам из своей деликатности. Когда мы посылаем Вам хлеб, то, поверьте, себя не обижаем. Я только сожалел, что не можем посылать больше. А потому завтра pošлю Вам кило хлеба и табак. Ешьте и курите на здоровье. Книги еще не получил. Не знаю,

посылать ли Вам еще книги, м<ожет> б<ыть>, Вы на днях выйдете из лагеря...

В понедельник иду опять на службу, а это значит — буду сидеть у себя в библиотеке от 7 до 5 часов. Занимаюсь теперь описанием русских журналов. Когда я описывал «Русскую Мысль», периода ред<акторства> Струве⁶, то завидовал хорошему составлению журнала. А потом, при описании «Заветов», особенно тех номеров, в редактировании которых Вы принимали участие, увидел, что и у нас неплохо составлялся журнал, а беллетристика значительно лучше была, чем в «Р<усской> М<ысли>». Зато «Современный Мир»⁷ — это «крест на могиле» — помните наше заветовское выражение... Но что меня поражает при чтении публицистики того времени, это взаимные обвинения в недобросовестности и других грехах. А между тем, все это были порядочные, хорошие люди. Особенно резкая полемика была у всех с Изгоевым⁸. Я здесь познакомился с ним. Он полгода жил в Чехии и полгода в Эстонии, где находилась его душевнобольная жена. Изгоев скромный человек, очень дружил с В. В. Водовозовым и его женой, дочерью проф. Введенского (оба кончили самоубийством)⁹. Но Изгоев всегда держался в стороне от других, и в нем замечалась какая-то озлобленность в отношении прежних своих идейных недругов, чего совсем нет у Струве и др<угих> сотрудников «Р<усской> М<ысли>». Лет семь тому назад Изгоев умер в Эстонии.

Похоронили мы и Евгения Александровича Ляцкого¹⁰. Это был барин, таким он остался и до последнего времени. Старался быть благожелательным к людям, но от эмиграции он был в стороне. Главные связи и знакомства его были в чешской среде, а последние десять лет и среди сербов, так как его молодая жена (на сорок лет его моложе) сербка. Еще за две недели он звонил мне по телефону и приглашал сговориться относительно работы в его подготавливаемой русской хрестоматии. В своем учебнике он использовал некоторые мои статьи о России. Вообще у меня с ним были добрые отношения.

Так уходят люди прежней русской культуры. А когда-то в Праге много было интересных, значительных людей: Н. И. Астров¹¹, Сер<гей> Влад<иславович> Завадский¹² (юрист по профессии и большой любитель русской литературы, самый цветистый наш лектор и оратор), Новгородцев¹³, очень приятный А. А. Кизеветтер¹⁴, с которым я работал двенадцать лет в Архиве (он был председатель нашей

ученой комиссии), Н. М. Могилянский¹⁵, аввакумистый до последних дней своих Венедикт Александрович Мякотин¹⁶ и мно<огие> другие. Теперь на сцене новое, другое поколение. У нас здесь было две больших русских гимназии (теперь одна)¹⁷. Представляете себе, что теперь там учатся дети бывших воспитанников этих гимназий. Это уже, можно сказать, не русские дети, т<ак> к<ак> они выросли в чужой атмосфере, в стихии чужого языка и чужой культуры, хотя им и стараются прививать любовь к России.

Интересное второе поколение¹⁸, т. е. молодые люди, получившие здесь высшее образование (гимназисты уже третье поколение). Это хорошие инженеры, некоторые из них выдающиеся, неплохие врачи, торговые люди, юристы. В большинстве они хорошо обеспечены, деловые люди, идеями не заражены. Многие из них и не думают возвращаться на родину, где они не найдут тех условий жизни, к которым привыкли здесь.

Недавно, на экзамене немецкого языка, профессор немец спросил меня, хочу ли я вернуться на родину. Я ответил, что хотелось бы еще поработать там, но на самом деле я начинаю сомневаться в себе, что могу дать родине. Ведь все силы уже потрачены здесь в эмиграции и в 60 лет на многое не способен. Но хочется еще пожить в родной стихии. Читали ли Вы в «Новом Слове» статью приехавшего в Псков эмигранта-корреспондента о том, что его больше всего поразило в России... Он сильнее всего почувствовал, что там все — и бабы на базаре, и уличные мальчишки — говорят по-русски. Вот эта тоска по русской стихии всего сильнее в нас. Хотелось бы хотя на время оказаться в этой стихии. Мы, великороссы, особенно сильно чувствуем свою стихию. Вся метаморфоза А. В. Пешехонова¹⁹, его смена вех, объясняется только этой тоской по своей родной речи, неумением приспособиться к чужому. Наоборот, есть немногие люди, вроде Н. С. Русанова²⁰, по своему характеру космополиты. Для Николая Сергеевича отечество было там, где больше солнца, фруктов, природы... Он, полиглот, везде чувствовал себя дома. А Пешехонов жил здесь, как рыба, выброшенная на берег. В первом поколении много таких людей, во втором поколении их почти нет, а третье поколение, думаю, будет себя чувствовать на положении рыбы, выброшенной на берег, когда окажутся в России, да еще теперь разбитой и разрушенной.

Боюсь, что и мы, старое поколение, после уничтожения большевиками носителей культуры, окажемся в России тоже иностранцами среди нового советского поколения.

Вот такие мысли приходят, когда начинаешь думать о будущем...

Желаю скорой нашей встречи, тогда наговоримся о всем этом.

Елизавета Викторовна <и я> обнимаем Вас обоих, помним и любим.

Ваш С. Постников.

Письмо. Авторизованная машинопись. Подпись — автограф.

¹ Комиссия прибыла в лагерь 25 июля.

² О «заветовских» неприятностях см. вступ. статью.

³ Во втором томе «Заката Европы», говоря о Достоевском, Шпенглер пишет, что христианству Достоевского принадлежит следующее тысячелетие: «Dem Christentum Dostojewskis gehört das nächste Jahrtausend» (*Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. München, 1990. Bd. 2. Kap. III:1. S. 794*). Первым русским откликом на знаменитую книгу Шпенглера (т. 1) был сборник «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”» (М.: Берег, 1922), объединивший статьи Н. А. Бердяева, Я. М. Букшпана, Ф. А. Степуна и С. Л. Франка. Статья Бердяева «Предсмертные мысли Фауста» вошла в т. 1 двухтомника «Философия творчества, культура и искусство» (М., 1994).

⁴ В действительности на Западе в период между Первой и Второй мировыми войнами (как и позднее) интерес к Достоевскому возрастал. Среди писавших о нем упомянем имена Андре Жида, Стефана Цвейга и Томаша Масарика. В 1923 г. вышла работа Бердяева «Миросозерцание Достоевского»

(англ. пер. — 1934); в 1932 г. — книга Вяч. Иванова на немецком языке («Dostojewskij»), а в 1952 г. — на английском («Freedom and the Tragic Life: A study in Dostoevsky»); в 1946 г. на французском вышла книга Л. А. Зандера: *Zander L. A. Dostoïevsky: Le Problème du Bien*.

⁵ Иржи Горак — профессор и декан славянского отделения Карлова университета, читал курс сравнительной истории славянских литератур; председатель чешского Общества Достоевского (секретарем был А. Л. Бем). В 1947 г. Горак был послом Чехословакии в Москве.

⁶ П. Б. Струве был редактором «Русской мысли» в 1906–1918 гг.

⁷ «Современный мир» — вероятно, Постников имеет в виду ежемесячный литературно-общественный журнал, основанный после закрытия в 1906 г. журнала «Мир Божий», в основном меньшевистского направления. См.: *Скворцова Л. А. Современный Мир // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Большевистские и общедемократические издания. М., 1984. С. 118–161.*

⁸ *Александр Соломонович Изгоев* (Ланде, 1872–1935) — историк и публицист, член ЦК партии кадетов, участник сборника «Вехи» («Об интеллигентной молодежи»); выслан за границу в 1922 г., с середины 1920-х гг. жил в Эстонии.

⁹ *Василий Васильевич Водовозов* (1864–1933) — автор книги «Новая Европа» (Прага, 1925). О самоубийстве Водовозова (бросился под поезд) и его жены, Ольги Александровны, покончившей с собой в сороковой день смерти мужа осенью 1933 г., рассказывает Н. О. Лосский в своих «Воспоминаниях». О причинах, создавших подавленное состояние у Водовозова, Лосский пишет: «В последнее время глухота Водовозова стала все более усиливаться, платной работы у него было все меньше. Победа гитлеризма в Германии произвела на него удручающее впечатление» (с. 265).

¹⁰ См. письма *Е. А. Ляцкого* в наст. изд.

¹¹ *Николай Иванович Астров* (1868–1934) — общественный и политический деятель, член ЦК кадетской партии, активный деятель Белого движения. В эмиграции жил в Праге. Член Совета и Ученой комиссии РЗИА. Автор книги «Воспоминания (мирового судьи)» (Париж: YMCA-Press, 1940).

¹² *Сергей Владиславович Завадский* (1871–1935) — юрист, прокурор Петербургской судебной палаты, член Временного правительства. Жил в Праге, писал о Пушкине, Тургеневе, Л. Толстом, Достоевском. Автор кн. «Гражданское право» (Прага, 1923); соредактор сб. «Право Советской России» (Прага: Пламя, 1925), а также сб. Союза русских писателей в Чехословакии «Ковчег» (1926). Некролог

А. Бема «Мастер слова: Памяти С. В. Завадского» был напечатан в таллиннском журнале «Новь» (1935. Кн. 8).

¹³ *Павел Иванович Новгородцев* (1866–1924) — общественный и политический деятель, профессор права Московского университета, член ЦК партии кадетов. В Праге (с 1922 г.) основатель и декан Русского юридического факультета, пражского Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева, первый председатель Русской академической группы.

¹⁴ *Александр Александрович Кизеветтер* (1866–1933) — историк, профессор Московского университета. Профессор Русского юридического факультета в Праге, председатель Совета РЗИА и член его Ученой комиссии. Автор книги «На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914 годов» (Прага: РЗИА, 1929); соредактор юбилейного сборника «Московский университет 1755–1930» (Париж, 1930).

¹⁵ *Николай Михайлович Могиланский* (1871–1933) — педагог и этнограф, сотрудничал в Русском педагогическом институте в Праге.

¹⁶ О *В. А. Мякотине* см. примеч. 52 к письму 9 Постниковой.

¹⁷ *Русская реформированная реальная гимназия в Праге* была организована Земгором в 1922 г. С 1928 г. перешла в ведение чехословацкого Министерства народного просвещения. С 1922 по 1927 г. число учащихся выросло с 44 до 297. *Русская реформированная реальная гимназия в Моравской Тржебове* была переведена (включая учеников и преподавателей) из Константинополя, где была организована Всероссийским союзом горо-

дов в 1920 г. В Чехословакии находилась в ведении Министерства иностранных дел («Русская акция»). Гимназия была расположена в бывшем лагере военнопленных Первой мировой войны, ученики жили в интернате, что давало возможность учиться в гимназии детям из провинции. См. об организации и работе гимназий в кн.: *Постников С. Русские в Праге*. С. 100–110. В годы войны в Чехословакии оставалась одна русская гимна-

зия в Праге. Директором был П. Н. Савицкий, уволенный в 1944 г.

¹⁸ Ср.: *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение.

¹⁹ *Алексей Васильевич Пешехонов* (1867–1933) — один из организаторов и член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, выслан за границу в 1922 г., жил в Берлине, Праге и Риге, сменовеховец.

²⁰ О *Н. С. Русанове* см. примеч. 2 к письму 1 Постникова.

19. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

12.VIII.1942. Прага

Дорогой Разумник Васильевич,

Что с Вами? Давно от Вас нет писем. Как Ваше здоровье? Мы очень беспокоимся о Вас. Напишите немедленно, хотя бы самое маленькое письмо.

Я послал Вам маленькую посылку, большое письмо¹ и открытку. Получили ли Вы все это?

Сами мы живем по-прежнему. Ждем Вас к себе. Как у Вас обстоит это дело, т. е. с выходом из лагеря?

Крепко обнимаем Вас обоих.

Ваш С. Постников.

Посланные книги получены мною. Пока не посылаю Вам книг. Не знаю, как долго Вы задержитесь в лагере.

Пишите.

Ваш С. Постников.

Открытка. Авторизованная машинопись. Адреса, текст на обороте (приписка), дата и подписи — автограф.

¹ Письмо 18.

20. С. П. Постников — Иванову-Разумнику

<8.IX.1942>¹

Дорогой Разумник Васильевич,
сейчас отправил Вам 30 марок. Простите, что задержал немного. Хотел послать в два раза больше, но не удалось это мне. Покупка угля на зиму и др. немного «подкузьмило» меня. Читал Ваши фельетоны. Меня поразила гибель Пильняка². Я был с ним дружен, в Берлине и Ревеле он жил у меня. Жалко мне его, он был хороший человек и талантливый, хотя и бестолковый в жизни и совсем не занимался политикой. Он к Ел<изавете> Викт<оровне> и <ко> мне относился очень нежно и во всех своих горестях прибегал к нам. А Седенко³, как хохол, перехитрил, ловчил он, а лучше всего ему нужно было эмигрировать, что я ему и советовал неоднократно. Читали ли Вы замечательную брошюру «Переписка из двух углов» Вяч<еслава> Иванова и Гершензона?⁴ Случайно она лежит у меня на столе. Один из них эмигрировал и до сих пор жив, а другой умер в Москве преждевременно⁵. И сколько так погибло людей.

Ждем Вас сюда. Из Литвы привозите с собой жиров⁶. Я верю, что Вы там оправитесь и еще поработаете на пользу русской литературы.

Сами мы живем по-прежнему. Оба здоровы.

Наш привет Варваре Николаевне.

Обнимаю Вас,

Ваш С. Постников.

Открытка. Авторизованная машинопись. Адреса, заключительное приветствие, подпись и дата — автограф.

¹ С. Постников ошибочно датировал письмо 8.VIII, рукой Иванова-Разумника вписана дата 8.IX. Даты на почтовых штемпелях: 8.IX (Прага) и 10.IX (Кониц).

² Своему пребыванию в Берлине Борис Пильняк посвятил повесть «Третья столица» (опубл. в альманахе артели писателей «Круг» (Москва — Пе-

тербург, 1923)), где в предисловии говорит: «Я писал “Третью столицу” сейчас же по возвращении из-за границы, — по сырому материалу, писал, главным образом для Европы, — поэтому <...> я смотрел на Запад, не боясь Востока». Повести предпослано посвящение: «Эту мою повесть, отнюдь не реалистическую, я посвящаю Алек-

сею Михайловичу Ремизову, мастеру, у которого я был подмастерьем». О Пильняке см. наст. изд., приложение I, 14, с. 367. Согласно архивным документам, Пильняк был арестован 28 октября 1937 г., расстрелян 21 апреля 1938 г. См.: *Шенталинский В.* Рабы свободы: В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 192–206.

³ О *Ф. И. Седенко* см. примеч. 11 к письму 5 Бема, а также наст. изд., приложение I, 6.

⁴ *«Переписка из двух углов»* (Пг.: Алконост, 1921) — обмен письмами, в котором Вяч. Иванов выступал защитником, а Гершензон отрицателем культуры. См. комментарии О. Дешарт в т. 3 *«Собрания сочинений»* Вяч. Иванова (с. 807–818).

⁵ *М. О. Гершензон* (1869–1925) — историк культуры, философ, участник

сб. *«Вехи»* («Творческое самосознание»). Осенью 1922 г. получил разрешение на выезд с семьей за границу для лечения в Германии, где жил до августа 1923 г., когда вернулся в Москву. См. его: Письма к Льву Шестову (1920–1925) / Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя // *Минувшее*. 1988. № 6. С. 237–312. См. также вступ. статью и коммент. В. Проскуриной к последней книге Гершензона *«Пальмира»* (Тенаф-лу, N. J.: Hermitage, 1997); гл. «Гершензон» в книге Ходасевича *«Некрополь»* (М., 1996); Переписка В. Ф. Ходасевича и М. О. Гершензона / Публ., подгот. текста, предисл. и примеч. И. Андреевой // *De Visu*. 1993. № 5. С. 12–51.

⁶ Речь идет о предполагавшемся отъезде Ивановых к родственникам в Литву, куда они уехали только в августе 1943 г.

ЭПИЛОГ

После передышки в Литве, где Ивановы жили в деревне, в имении Янковских с августа 1943 по февраль 1944 г., начался еще раз их исход на Запад. Сначала они вернулись в Кониц, где поселились в доме Олафа Федоровича Вельдинга¹, который принимал участие в судьбе Ивановых во время их пребывания в коницком лагере. Здесь они провели 1944 г. и январь 1945 г. В начале маленькой записной книжечки, сохранившейся в собрании *АИШ* и озаглавленной рукой Иванова-Разумника «*И.-Р. Адреса. 1945*» (книжечка надписана: «Р. В. Иванову-Разумнику», с припиской рукой Иванова-Разумника: «от Е. В. Постниковой»), дана хронология начала 1945 г.: «1.I.1945 — Konitz (Westpr.), Denkmalsplatz 2 / 27.I — 20.II — скитания / 20.II.1945 — 24 Rendsburg, Neuwerker Gärten II-ter Gang, Haus № 5, bei Frau Gebhardt». Судя по этой адресной книжечке, Иванов-Разумник поддерживал переписку со многими солагерниками по Коницу, постепенно рассеявшимися по Германии. Среди этих временных адресов, большая часть которых перечеркнута, не вычеркнут адрес И. Н. Гладцына в Рендсбурге. Представляется вероятным, что Ивановы стремились попасть в Рендсбург и осели там именно потому, что там жил коницкий солагерник Гладцын, письмо которого, написанное в день смерти Иванова-Разумника («9.VI.46. Троицын день, ветреный, мокрый и прохладный») и посланное из Рендсбурга в Мюнхен, также сохранилось в собрании *АИШ*.

Как и в предыдущие годы, основная тема переписки 1945–1946 гг. — поддержание и восстановление связи с корреспондентами, до конца войны оказавшимися по ту сторону границы, в освобожденной союзниками Франции или занятой советской армией Прибалтике, или же, как и Ивановы, переменившими адрес, то есть уехавшими на запад при наступлении советской армии. Надо отдать справедливость настойчивости Иванова-Разумника, а также, по-видимому, его уверенности, что почта должна работать вне зависимости от обстоятельств. Пишет он своим корреспондентам и в 1944 г. из Коница, и в

1945 г. из Рендсбурга, и в последние месяцы жизни, уже после смерти Варвары Николаевны и переезда в Мюнхен.

Помимо восстановления связи с родственниками, друзьями и знакомыми, второй значительной темой переписки послевоенного времени становится вопрос переезда в США. В собрании *АИШ* сохранилось несколько писем, обсуждающих возможные пути переезда в Америку, среди них письмо П. А. Сорокина, несколько писем двоюродного брата Иванова-Разумника, И. К. Окулича, жившего в районе Ванкувера на западном побережье Канады, а также пересланное им письмо проф. Г. К. Гинса из Калифорнии, ответ на запрос Окулича.

Профессор Гарвардского университета Питирим Сорокин (см. о нем примеч. 20 к письму 7 Постникова в наст. изд.), получив от представителя UNRRA² сообщение о необходимости помощи с переездом Иванову-Разумнику, пишет ему письмо (31 января 1946 г., посланное через UNRRA), в котором предлагает выслать продуктовую и вещевую посылки, сетует, что Иванов-Разумник не «известный Америке профессор», которому можно было бы устроить университетские лекции, сообщает, что обращается в две русские организации в Нью-Йорке с просьбой о помощи Иванову-Разумнику, и указывает на «Новый журнал» как на возможное место публикации его работ.

С Иосифом Константиновичем Окуличем Иванов-Разумник обменивается семейной информацией за прошедшие годы. Окулич пишет о трудностях иммиграции в Канаду, присылает вырезки из газет об условиях въезда. После первого (14 февраля 1946 г.) неутешительного письма, через день (16 февраля) он пишет подробно о «Новом журнале» и его новом редакторе М. М. Карповиче, перечисляет печатающихся там авторов, упоминает М. В. Добужинского, дает его адрес, а также адрес редакции в надежде, что «Новый журнал» не только напечатает работы Иванова-Разумника, но и поможет ему с переездом. Окулич сообщает, что пишет проф. Г. К. Гинсу³, а в следующем письме (12 марта 1946 г.) посылает ответ Гинса, упоминая, что он был приват-доцентом Петроградского университета, а теперь лектор в Калифорнийском. В этом же письме Окулич просит прислать ему все анкетные данные, перечисленные Гинсом. Письмо Гинса Окуличу обсуждает возможность переезда Иванова-Разумника в Калифорнию: «Я получил заверение, что если только Ваш кузен Иванов-Разумник *приедет в Сан-Франциско и будет способен работать в газете, его*

примут с распростертыми объятиями. Мне это сообщили конфиденциально»⁴. Далее в письме следует обсуждение необходимости — для получения визы — предоставления гарантии от состоятельного человека, что выписываемое лицо не станет *public charge* (англ. «обузой для общества»), а также говорится о запрете выписывать человека на определенное место работы⁵. Гинс подробно перечисляет необходимые для оформления вызова анкетные данные и заканчивает письмо, выражая личную заинтересованность в переезде Иванова-Разумника в Сан-Франциско: «Я лично был бы очень рад, если б газета получила грамотного, культурного человека. Сейчас, из-за отсутствия постоянного наблюдения, многое хромает».

Наладив после многочисленных неудачных попыток переписку с Ивановым-Разумником в начале 1946 г., Г. П. Янковский и его жена сразу подняли вопрос о переезде Ивановых в Мюнхен, но Варвару Николаевну уже нельзя было перевезти по состоянию здоровья (Иванов-Разумник пишет, что у нее «воспаление лимфатических желез»). После смерти Варвары Николаевны 18 марта 1946 г. Г. П. Янковский перевез Разумника Васильевича в Мюнхен, где он прожил в семье двоюродного племянника всего несколько недель до собственной кончины 9 июня⁶.

* * *

Ниже мы помещаем следующие письма 1945–1946 гг. Иванова-Разумника и его корреспондентов: письмо архимандрита Иоанна, три письма С. П. и Е. В. Постниковых, письмо Иванова-Разумника к Н. Н. Берберовой и ее ответ, последние письма Иванова-Разумника и А. М. Ремизова, два письма Иванова-Разумника Ф. А. Степуну, а также послевоенные письма А. Ф. Лютера. Кроме последнего письма Лютера и письма Ремизова, все письма адресованы в Рендсбург, письмо Берберовой отправлено в Рендсбург и переслано в Мюнхен.

¹ Олаф Вельдинг (Olaf Welding, 1893–1960) — юрист и генеалог, окончил юридический факультет Московского университета, в 1917 г. работал в Петроградской Судебной палате, в 1923–1939 гг. жил в Эстонии, в 1939 г.

в Данциге, а в 1941–1945 гг. был судебным советником в Конице. После войны работал в области балтийской генеалогии, был членом Балтийской исторической комиссии, основателем немецко-балтийского биографическо-

го лексикона (Deutsch-Baltisches Biographisches Lexikon. 1710–1960. Köln: Böhlau, 1970). Вельдинг помогал Ивановым во время их пребывания в лагере в Конице: выхлопотал для них пропуск для выхода из лагеря в город, где они регулярно были гостями в его доме; в дальнейшем добился разрешения Ивановым, числясь за лагерем, жить у него в доме; в начале знакомства, когда Ивановы еще не имели пропуска в город, помогал им продуктами; но, может быть, самой значительной помощью Вельдинга Иванову-Разумнику было приглашение пользоваться книгами его библиотеки. Судя по заметкам в ЗК, Вельдинг следил за русской эмигрантской прессой, и доступ к его библиотеке значительно скрасил полугодовое пребывание Ивановых в лагере. О знакомстве и помощи Вельдинга см.: *Равеская-Хьюз О.* Иванов-Разумник в 1942 году.

² UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) занималась устройством и переселением многочисленных перемещенных лиц в Европе после Второй мировой войны.

³ *Георгий Константинович Гинс* (Guins, 1887–1971) — юрист, помимо академической деятельности (приват-доцент Петроградского университета; профессор Юридического факультета и председатель Русской Академической группы в Харбине) был членом Сибирского правительства и правительства Колчака; в Харбине

был главным контролером Китайской Восточной железной дороги, возглавлял многие русские общественные и просветительные организации; в Калифорнийском университете в Беркли читал историю советского права; автор многочисленных трудов по вопросам права, работ: «Сибирь, союзники и Колчак: В 2 т.» (1921), «Soviet Law and Society» (1954), «Communism on the Decline» (1956) и мн. др.; работал на радиостанции «Голос Америки».

⁴ Подчеркнуто карандашом Ивановым-Разумником. Имеется в виду газета «Русская жизнь», выходящая в Сан-Франциско с 1921 г.

⁵ Правила иммиграции в Америку, на которые ссылаются корреспонденты Иванова-Разумника, и в частности правило, упоминаемое Гинсом, действовали до принятия в Конгрессе США законопроекта о массовом переезде (вне квот) послевоенных перемещенных лиц, когда гарантия рабочего места в Америке поощрялась и способствовала ускорению процесса прохождения предварительных переезду формальностей (так, например, набирали рабочих на сбор апельсинов в южной Калифорнии).

⁶ О последних годах жизни Иванова-Разумника см.: *Белоус В. Г.* Изгнание Скифа // Вестник РХД. 1997. № 175. С. 151–172; а также: *Шерон Ж.* Военные годы Иванова-Разумника: Реконструкция по письмам и воспоминаниям // Иванов-Разумник: Личность. Вып. 1. С. 44–54.

1 (4)*. Архимандрит Иоанн — Иванову-Разумнику

7.III.1945

Дорогой Разумник Васильевич,

Вы меня очень обрадовали Вашей записочкой в бутылке, сиречь открыткой, которая прибилась как раз к моему берегу (вместе с морской пеной и пением сирен). *Думал* о Вас, когда многозначительно звучало в морском воздухе слово: «Конец»... И до, и после этого... И вот — весточка... Жду теперь Вашего «большого» письма. Книгу теперь не напишешь, а если и напишешь, то не пошлешь — в пространство. А вот письмо можно, конечно опять чрез посредство бутылки и морских волн — почты... Напишите, поручив сиренам — доставить.

Да, я здесь под Мюнхеном, пока, сел на землю... Все вышло, с моей поездкой, довольно неожиданно для меня самого. Так, думаю, было надо¹. А смысл более глубокий сего, м<ожет> б<ыть>, уразумеем позже.

Под Килем, думаю, теперь можете вздохнуть спокойно. Напрасно славянофилы считали Запад целиком вредным. На западе (на крайнем) — солнце опытно; оно уже прошло — еще один раз — по лицу земли и многое что еще «заметило себе» (входя во все вышки и щели эмисферы)... На западе оно мудрее все же светит; как и осенью, не напрасно воспетой русскими...

Что с книгой Вашей?.. Надеюсь, не в Коннице же она печаталась?

Привет супруге Вашей. Мир и благословение да будут на внутренних и внешних Ваших путях!

С любовью Архим. Иоанн.

Прошу Вас очень, в первых, средних или последних строках письма сообщить мне о самом пустом и малоценном — о матер<иальных> средствах. Т<ак> к<ак> Конница — новое «Пушкино», для Вас, откуда Вы эвакуировались, то я думаю Вы простите мне этот вопрос, требующий точного ответа. Точность — предупреждаю — будет эквивалентна дружественности.

Для нас с Вами бумага, как для лошади сено. Простите потому, что прилагаю маленькую охапку. Долг конюшенной вежливости! Человечья — недостижима.

* Первая цифра нумерации — порядковый номер писем в «Эпilogе», вторая (в скобках) — номер письма автора в наст. изд. — О.Х.

Письмо. Автограф чернилами. Адрес отправителя: A.J., b/ Wühnsen. 13b Ga-uting b/ München. Hangstr. № 307.

¹ См. вступ. заметку к письмам архим. Иоанна в наст. изд.

2 (21). Е. В. Постникова — Р. В. и В. Н. Ивановым

8.III.1945

Дорогие друзья,

наконец мы имеем Ваш адрес. Сегодня 7-го получили В<аши> три открытки <от> 17, 19, 22-го. Вчера от<крытку от> 18.II, а позавчера секретку с новым адресом, по которому С. П. уже написал. Писал он также по адресу Гладкова, это после В<ашей> открытки, где Вы пишете, что сидим на вокзале и ждем рассвета, чтобы идти к Гладкову...¹

Что я и что мы передумали и перечувствовали за Вас обоих, не могу говорить... Единственное спасение было то, что моя голова, после того, как я побывала на развалинах после первого налета на Прагу², чувствует себя так, как бы меня кто-либо ударил по голове и боль застряла в шейных позвонках. Мы считали, что Вы оба погибли еще в дороге. Ведь миллион людей двинулся с востока пешком на Берлин, и спасенные, прибежавшие в Прагу, по месту жительства, это рассказывали. То, что Вы попали на север ж<елезной> д<орогой> чудо, как чудо, что Вы не погибли в Берлине, когда в те дни были самые жестокие налеты, единственно я думаю, что это было накануне прибытия.

Когда получили одновременно две открыточки <из> Берлина, да еще со Stettin Bahnhof'a, я прямо рассмеялась, а ведь теперь разучился человек смеяться.

Милые, дорогие, обнимаю Вас горячо, как вновь восставших из гроба... Знаю, знаю, как Вам было тяжело, знаю и то, что война — жестокое дело.

Пишу Вам, а кажется сирена бьет тревогу. Это у нас каждый день, т<ак> к<ак> последний раз обстреливали паровозы, то тем самым почта и все остальное крайне запаздывает.

Нам вернули письмо из Кониц и там были карточки, котор<ые> нам оставил племянник «наш». Знаете ли Вы, что сын Нади умер во вр<емя> трехдневного юбилея³, что сам Владимир⁴ так изменился после 25 дней болезни, что его не узнать. Где он теперь? Он был у нас в день начала восточного наступления. Не верил в него. Отправился через Дрезден в Бреслау. Дальше неизвестно что. После этого Дрезден разбит...

Пока целую Вас крепко, если не увидимся, ждем осады Праги, то знайте, что я Вас обоих очень любила.

Ваша *Е. Постникова*.

Рада что Оливеры⁵ живы.

Как только почта начнет принимать посылки, пошлем хлеб.

Живем недурно!

Štefková ulice, как по-русски⁶.

Письмо. Автограф. Адрес: An Herrn Ivanov, 24 Rendsburg, Neuwerker Gärten 5, 2 Gang, bei Frau Gebhardt, Deutschland.

¹ *Гладкова*, как и выше, следует читать *Гладцына*. См. вступ. заметку к «Эпilogу».

² Прага избежала союзных бомбардировок вплоть до последних месяцев войны.

³ В начале переписки с Ивановым-Разумником в 1942 г. Н. П. Янковская-Лилеева, сестра В. П. и Г. П. Янковских, описывая их жизнь в Данилишках «на земле», сообщала о сыне: «Сын мой приходит домой в 9 час. вечера, из дому уходит в 5 утра — весь в навозе, босой, красный — он ведь у меня гигант — весит 96 кг — косая сажень в плечах — и один свалит трех. Кудрявый светлый блондин, я ему дохожу еле до плеча, а ведь я не маленькая. Зовут Данилой — очень хочет вас увидеть и засел

за историю “Русской общест<венной> мысли”» (Собрание *АИШ*). В конце 1944 г. Данила Карабинович был мобилизован на работу (*Reichsarbeitsdienst*) и убит по доносу (собрание *АИШ*).

⁴ *Владимир Платонович Янковский* — двоюродный племянник Иванова-Разумника, брат Георгия Платоновича.

⁵ Приписка вдоль первого листа. *Оливеры* следует читать как *Клеверы*. Художник Оскар Юльевич Клевер и его сестра Мария Юльевна — коницкие соллагерники Ивановых. См. наст. изд., приложение III.

⁶ Первая из трех последних приписок — вдоль второго листа, две последние — между строк в обратном направлении тексту письма.

3 (22). С. П. Постников — Р. В. и В. Н. Ивановым

27.III.1945

Дорогие Варвара Николаевна и Разумник Васильевич,

Десятый раз я пишу Вам за время Вашего отъезда из Кониц¹, а от Вас получаю письма о полном моем молчании. Я не знаю, почему Вы не получаете моих писем (писала и Ел<изавета> Викт<оровна>²). Ваши, с большим опозданием, но получены «почти» все.

Недавно послал Вам на всякий случай немецкую открытку. Писал и по адресу Гладцына³. Несколько раз повторял содержание своих писем. Еще раз посылаю это — десятое — письмо. Боюсь, что скоро совсем плохо будет для переписки.

Были у нас налеты, мы живы и здоровы.

Хотя бы одно письмо Вы получили. Бем получил Ваше письмо.

Телеграмму, кот<орую> я хотел послать Вам, не приняли.

Целуем Вас,

Ваши *Е. и С. Постниковы.*

Отчаяние нападает, что Вы не получаете наших писем. *С. П.*

Письмо. Автограф.

¹ Ивановы покинули Кониц 27 января и прибыли в Рендсбург 20 февраля 1945 г., см. вступ. заметку к «Эпилогу».

² См. письмо 2 (21) от 8.III.1945.

³ См. вступ. заметку к «Эпилогу».

4 (23). Е. В. Постникова — Р. В. и В. Н. Ивановым

14 февраля <19>46 года

Дорогие и горячо любимые друзья,

Я вчера получила Ваше письмо и так взволновалась, что не могу Вам писать, это четвертое письмо, которое я пишу Вам, а те рву. Вот уже девять месяцев, как я одна¹. Ни одного письма, никакой весточки не имею. Начались и мои юбилейные торжества².

Пришло Ваше письмо и как бы я очнулась, позвольте мне Вас обоих крепко обнять и выплакать мои слезы. Я совсем, оказалось, немужественная женщина.

Напишите подробнее, что с В<арварой> Н<иколаевной>³, почему она лежит и что надо, чтобы ее поставить на ноги.

Я не писала Вам потому, что у меня не было Вашего адреса, но я думала, что Ал<ексей> Мих<айлович>⁴ Вам написал. Недавно через Прагу в Париж проехал Лосский к сыну и он знает о пражских событиях⁵. Я его не видала лично, я напрасно ездила в Баден у Вены. Очень жалела, что его не захватила, а то могла бы хоть часть Ваших вещей переслать⁶, а главное носильные вещи и меха, которые можно продать в Америку и тем жить.

Как мы живем, не знаю, наверно все живут неплохо в смысле еды, мы не пользуемся УНРРОЙ, но сейчас ее надо будет искать⁷. Я могу Вам послать хлеба, этого мы имеем достаточно и хоть этим я смогу облегчить Вашу жизнь.

Я Вас никогда не забывала, даже в минуты страшного отчаяния Вы меня сдерживали, я думала, как же их одиноких так оставить и не сказать им ни слова... Я ждала, что рано или поздно Вы к нам напишете, и вот дождалась.

Как я живу, до двенадцати бегаю по всяким учреждениям, это наркоз своего рода, после затапливаю буржуйку в кухне и приходят ученики, чтобы убить время, каждый час растягиваю на два. После пяти начинаю читать, читаю до пяти утра, а там снова повторяю. Когда плачу, собака на меня лает и не позволяет этого делать.

На этом кончу. Обнимаю Вас крепко и так же люблю, как всегда.

Любящая Вас,

Ваша *Е. Постникова*.

Письмо от 8.I. пришло 13.II.

Письмо. Авторизованная машинопись. Приписка и подпись — автограф. Адрес на конверте: «Mme. B. Ivanov, Rendsburg (Schl. Hols.), Neuwerker Gärten 5. UNRRA Team 247. 1208 D. P. Assembly Centre, 800 Control Unit, Germany. B. A. O. P. via Great Britain», на конверте печать военной цензуры.

¹ С. П. Постников был арестован после занятия Праги советской армией в мае 1945 г. В 1994 г. было опубликовано его письмо В. Б. Шкловскому из лагеря от 22 марта 1946 г., где он пишет о себе: «Теперь, почти через 25 лет, волею судеб, я из Праги, где жил и работал в Русск<ом> Ист<орическом> Архиве <...>, переселен на Урал, в лагерь. Грехов особенных за мной нет, кроме литературно-критических и исторических статей, писанных еще в двадцатые годы. Статьи были направлены главным образом против Бухарина, Покровского и др., теперь — в опале. Срок у меня — 5 лет. Отсидел я 10 мес<яцев>. <...> Во время войны я был горячим патриотом, помогал нашим военнопленным и сов<етским> интернированным гражданам посылкой хлеба. Спасал русских и др<угих> евреев, чему представил доказательства своему следователю. Около 20 русских эм<игрантов> евреев так спасли в Праге. Во время подготовки восстания в Праге я все время был в контакте с чешскими патриотами, а в дни самого восстания я и жена были на баррикадах. С радостью я встретил сталинскую танковую дивизию, которая примчалась на помощь восставшим пражанам. Я знал, что я буду арестован, т<ак> к<ак> в прежде занятых городах головка эмиграции арестовывалась. Но я, при полной возможности, не ушел в зону америк<анских> и англ<ийских> оккупаций, т<ак> к<ак> не хотел ничего общего иметь с немцами, туда убежавшими. И вот в результате всего — я в лагере на 5 лет. Но я бодр и не упал духом. Надеюсь на помилование» (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 674. Опубл. А. Ю. Галушкиным в: De Visu. 1994. № 5/6. С. 131).

О дальнейшей судьбе Постникова см. вступ. заметку к его письмам. Следует добавить, что в действительности на помощь восставшим чехам пришла первая дивизия Русской освободительной армии (РОА) ген. А. А. Власова. См. об этом: Хоффманн Й. История Власовской армии. Париж: YMCA-Press, 1990. (ИНРИ). Гл. «РОА и Пражское восстание»; Andreyev S. Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigre Theories. Cambridge, 1987 (рус. пер.: Андреева Е. Генерал Власов и Русское освободительное движение. London, 1990); а также: Артемьев В. П. Первая дивизия РОА: Материалы к истории освободительного движения народов России (1941–1945). Изд-во СБОНР, 1974.

² Подразумевается «Юбилей», раздел книги Иванова-Разумника «Тюрьмы и ссылки», повествующий об аресте автора в 1933 г.

³ После приезда Ивановых в Рендсбург В. Н. Иванова тяжело заболела, слегла и скончалась 18 марта 1946 г.

⁴ А. М. Ремизов. Так как Постниковы писали Ивановым в Рендсбург еще до конца войны в 1945 г. (письма 2 (21) и 3 (22)), можно предположить, что адрес (адресная книжка?) был изъят при обыске и аресте С. П. Постникова.

⁵ Об отъезде Н. О. Лосского летом 1945 г. из Чехословакии в Париж см. примеч. 9 к письму 1 Бема. *Пражские события* — подразумеваются аресты русских эмигрантов после прихода советской армии в Прагу. О создании комитета по восстановлению памяти русских эмигрантов, арестованных в Чехословакии НКВД в 1945 г., «Они были первыми» см.: Дмитриева О. Предала ли Прага рус-

ских эмигрантов? // Комсомольская правда. 1993. 28 апр.

⁶ Можно предположить, что В. П. Янковский, который, судя по предыдущему письму, бывал у Пост-

никовых в Праге еще во время войны, мог оставить у них какие-то вещи Ивановых.

⁷ Вероятно, для пересылки этого письма.

5 (14). Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой

7.IV.1946 Rendsburg

Chère Nina Nikolaevna, comment allez-Vous, Rémisoff, Zaïtzeff? C'est toute une éternité que je n'avais pas de Vos nouvelles; j'espère de les recevoir maintenant.

Mes nouvelles sont bien tristes: ma femme est morte ce 18 Mars, — et je suis resté tout seul dans ce mauvais trou qui s'appelle Rendsburg en particulier et l'Allemagne «en gros».

Je serais bien content de recevoir Votre réponse. Ecrivez à l'adresse suivante:

À Mr. R. Ivanoff
Rendsburg (Schleswig-Holstein)
Neuwerken Gärten, II Gang, 5
UNRRA. Team 247
1208 D.P. Assembly Centre
B. A. O. R.¹
Germany, via Great Britain

Tout à Vous *R. Ivanoff*.

Перевод:

7.IV.1946 Рендсбург

Дорогая Нина Николаевна, как Вы, Ремизов, Зайцев? Я целую вечность не имел от Вас новостей; надеюсь теперь их получить.

Мои новости очень грустные: моя жена умерла 18 марта, — и я остался совсем один в этой дыре, которая называется Рендсбург, в частности, и Германия, в целом.

Буду очень рад получить Ваш ответ. Пишите по следующему адресу: <см. выше во фр. тексте>.

Весь Ваш Р. Иванов.

Письмо. Автограф.

¹ В. А. О. Р. (British Army Occupation Region) — «английская зона», одна из четырех зон оккупации в послевоенной Германии.

6 (15). Н. Н. Берберова — Иванову-Разумнику

3 Mai 1946

Cher Razoumnik Vassiliévitch,

Votre lettre¹ m'a procuré une très grande joie. Il y a si longtemps que je n'ai pas eu de vos nouvelles! Je vous croyais parti très loin et avais de grandes inquiétudes². Je communiquerai immédiatement à Remizov et à Zaïtzev Votre adresse. Ils Vous écriront certainement.

Depuis la libération de la France j'habite à Paris. Les temps étaient extrêmement durs pour moi en 1944³. Maintenant cela va mieux. Je travaille — j'écris en français, (avec l'aide d'une amie à moi) et j'ai la grande joie d'écrire en ce moment un livre sur la vie et l'œuvre de Blok (25 ans en août de sa mort!)⁴. Je tâche de travailler aussi dans les hebdomadaires, ainsi que dans le cinéma (scénario). Avec des amis français j'ai retrouvé un peu de compréhension et beaucoup de sympathie, ce qui est un réconfort.

Nous sommes très divisés ici, et entre les anciens amis j'ai perdu quelques uns. Il y a 2 journaux, l'un sous la rédaction de Moskovsky⁵, et l'autre — dans le même genre. Zaïtzev et moi sommes toujours très liés — plus encore, qu'avant. Chmelev est éliminé de partout⁶. Remizov, presque aveugle, écrit pour les français⁷. G. Ivanov⁸ travaille chez Moskovsky. Bounine, Teffi, Adamovitch — dans le deuxième hebdomadaire, qui s'appelle encore *Les Nouvelles Russes* (au lieu de s'appeler *Les Dern<ières> Nouvelles*)⁹. Avec mes amis d'Amérique (Ker<enskii>¹⁰, Zenzinov¹¹, Nikolaevsky¹², etc.) je suis en correspondance. Ils sont tous très pessimistes, veulent que je vienne les retrouver là-bas, mais je ne voudrais pas quitter Paris, ou j'ai passé 20 ans¹³. Et que ferai-je en Amérique? Zenz<inov> m'a

demandé une fois de vos nouvelles; maintenant je vais lui écrire, que vous êtes en bonne santé.

Ce que vous deviez avoir vécu de choses terribles! J'espère qu'un jour vous me les décrirez. Avez-vous l'intention de rester en Allemagne? Ne pourriez-vous pas aller en Amérique? Je vous envoie à tout hasard l'adresse de Zenzinov — c'est un homme loyal, et il fera pour vous ce qu'il pourra. Ici nous ne pouvons rien. W. Zenzinov. 294 Riverside Drive. New York City (U.S.A.) Si vous connaissez quelqu'un dans le *Courrier Socialiste* — leur adresse est la suivante: *The Socialist Courier*. 7 East 15th St., Room 401, New York City. (N.Y.)¹⁴. (Nikolaevsky, Abramovitch, Daline, Voline, Schwarz, Deniké, Aronson¹⁵).

Mes profondes et sincères condoléances pour la mort de Votre femme. Ne disparaissiez-pas, je serai très inquiète.

Amitiés. N. Berberova.

Перевод:

3 мая 1946

Дорогой Разумник Васильевич,

Ваше письмо¹ принесло мне большую радость. Я уже давно не имела от Вас новостей. Я думала, что Вы уехали очень далеко, и очень волновалась². Я немедленно сообщу Ваш адрес Ремизову и Зайцеву. Они, несомненно, Вам напишут.

После освобождения Франции я живу в Париже. Для меня было очень тяжелое время в 1944 году³. Сейчас лучше. Я работаю — пишу по-французски (с помощью одной моей приятельницы) и имею огромную радость в данный момент писать книгу о жизни и творчестве Блока (в августе — 25 лет со дня его смерти!)⁴. Я стараюсь работать также в газетах и кино (сценарии). У моих французских друзей я нашла немного понимания и много сочувствия, и это поддерживает.

Здесь мы очень разобщены, и из былых друзей я кое-кого потеряла. Есть две газеты, одна под редакцией Московского⁵, другая — в том же роде. С Зайцевым мы по-прежнему очень близки — даже больше, чем раньше. Шмелев отовсюду исключен⁶. Ремизов, почти слепой, пишет для французов⁷. Г. Иванов⁸ работает у Московского. Бунин, Тэффи, Адамович — во второй газете, которая снова называется «Русские

Новости» (вместо «Посл<едних> Новостей»)⁹. Я переписываюсь с моими друзьями в Америке (Кер<енский>¹⁰, Зензинов¹¹, Николаевский¹² и др.). Они настроены очень пессимистически, хотят, чтобы я приехала туда к ним, но я не хочу уезжать из Парижа, где провела 20 лет¹³. И что я буду делать в Америке? Зенз<инов> однажды спрашивал меня о Вас; теперь напишу ему, что Вы в добром здоровье.

Сколько ужасного Вам, должно быть, пришлось пережить! Надеюсь, что Вы когда-нибудь мне это опишете. Намереваетесь ли Вы остаться в Германии? Не могли бы поехать в Америку? Я Вам даю на всякий случай адрес Зензинова — это человек верный, и он сделает для Вас все, что сможет. Здесь мы не можем ничего. W. Zenzinov. 294 Riverside Drive. New York City (U.S.A.) Если Вы кого-нибудь знаете в «Социалистическом Вестнике» — их адрес следующий: The Socialist Courier. 7 East 15th St., Room 401, New York City. (N.Y.)¹⁴. (Николаевский, Абрамович, Далин, Волин, Шварц, Денике, Аронсон¹⁵).

Мои глубокие и искренние соболезнования в связи со смертью Вашей жены. Не исчезайте, я буду очень беспокоиться.

Дружески *Н. Берберова.*

Письмо. Автограф. Над датой адрес: «21, rue de Miromesnil/Paris 8». Это письмо было послано через Великобританию на адрес Ивановых в Рендсбурге, затем переслано по адресу Янковских в Мюнхен.

¹ См. упоминание о письме Берберовой в письме 7 (22) Иванова-Разумника Ремизову от 8.V.1946.

² По-видимому, не получая писем от Иванова-Разумника, Берберова решила, что Ивановы попали в зону советской оккупации.

³ В дневнике Берберовой 1944 г. читаем: «Август. Г-н <...> объявил в деревне, что теперь, когда немцы ушли и идут союзники, во Франции будет коммунизм. Он будет мэром и нас повесит, как “белых” русских. Немцы ушли в воскресенье 20 августа. 21-го Г-н, пьяный пришел за нами с веревкой, и объявил, что повесит всех “богатых” на “де-

реве свободы”, которое стоит посреди деревни. Арестованы были, кроме нас, фермеры. <...> Я лежала, связанная толстой веревкой в каком-то сарае Г-на, около часу <...> Мари-Луиза, однако, дала знать в полицию (хотя телефоны не действовали), и нас всех освободили. Жандармы арестовали Г. и повезли его в Рамбуйе, в тюрьму. У него были заготовлены револьверы (три), и он то один, то другой, то третий представлял к моему левому уху <...> Потом жена Г-на бросилась ко мне с поцелуями. Она ужасно боится, что мы подадим на него в суд. <...> Жандармы велели нам на всякий случай дома не

ночевать и сказали фермерам, чтобы они были осторожны» (Курсив мой. С. 512–513). О массовых арестах «белых» русских в 1944 г. и работе по их освобождению см.: *Зернова С. М.* Освобождение Парижа // За рубежом: Хроника семьи Зерновых. Париж: YMCA-Press, 1973. Ч. 4. Гл. 9.

⁴ По-французски книга Берберовой о Блоке вышла в 1947 г. в Париже под названием «Alexandre Blok et son temps» (англ. пер.: Aleksandr Blok: A Life / Trans. from the French by R. Marsack. New York: George Brazillier, Inc., 1996).

⁵ ...*l'un <journal> sous la rédaction de Moskovsky...* / ...одна <газета> под редакцией Московского... — Подразумевается газета «Советский патриот», о которой Г. П. Струве пишет: «“Советский патриот” <...> был органом новообразованного Союза советских патриотов и как бы официозом советского посольства в Париже» (Русская литература в изгнании. С. 255).

⁶ О И. С. Шмелеве см. примеч. 5 к письму 1 Берберовой.

⁷ См. ниже письмо 8 (23) Ремизова.

⁸ Г. В. Иванов — см. его письма в наст. изд.

⁹ «Русские новости», выходившие с мая 1945 по ноябрь 1970 г., Струве характеризует как проводившие «советскую линию более осторожно и завуалированно, напирая на тождество советских и национальных русских интересов и таким образом возрождая в новой форме национал-большевизм» (Русская литература в изгнании. С. 255). Благодаря этому газета удержалась и после закрытия Союза советских патриотов и газеты «Советский патриот».

¹⁰ А. Ф. Керенский (1881–1970) — политический деятель, в октябре 1917 г. — министр-председатель Временного правительства. С 1924 г. жил в Париже, в 1940 г. уехал в США.

¹¹ О В. М. Зензинове см. примеч. 5 к письму 7 Постникова.

¹² О Б. И. Николаевском см. примеч. 73 к письму 9 Постниковой.

¹³ О решении уехать в США см.: Курсив мой. Ч. 7; а также вступ. заметку к письмам Берберовой.

¹⁴ «Социалистический вестник» — центральный орган РСДРП (меньшевиков), основан Л. Мартовым, в 1921–1933 гг. издавался в Берлине, с 1933 по июнь 1940 г. в Париже, с ноября 1940 по 1963 г. в Нью-Йорке.

¹⁵ Берберова перечисляет видных меньшевиков, как и Николаевский, публиковавшихся в «Социалистическом вестнике»: Рафаил Абрамович Абрамович (Рейн, 1880–1963) — один из основателей (с Мартовым) и редактор (1921–1963 гг.) журнала; Давид Юльевич Далин (Левин, 1889–1962) — соредактор журнала в 1923–1933 гг., в США стал известным советологом, автор книг по вопросам внешней политики СССР, а также книги (в соавторстве с Николаевским): *Forced Labor in Soviet Russia*. New Haven: Yale Univ. Press, <1947>; Семен Юльевич Волин (Левин, 1892–?) — брат Д. Ю. Далина, см. его воспоминания в кн.: *Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона* / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. Vermont: Chalidze Publications, 1990; Соломон Меерович Шварц (1883–1973) — автор статей по рабочему вопросу в международной социалистической прессе, в «Социалистическом вестни-

ке» печатал работы по экономическим и социальным вопросам в СССР, его жена *Вера Александровна* (1895–1966) — редактор Изд-ва им. Чехова в Нью-Йорке; *Юрий Петрович Денике* (1887–1964) — соредактор журнала в

1954–1963 гг., многолетний регулярный автор «Нового журнала», работал на радиостанции «Свобода»; *Григорий Яковлевич Аронсон* (1887–1968) — автор статей о евреях в СССР, печатался в «Новом журнале».

7 (22). Иванов-Разумник — А. М. Ремизову

8.V.1946 Мюнхен

Дорогой Алексей Михайлович!

После годового перерыва в нашей переписке, делаю попытку снова связать разорванную ниточку. Если Вы еще на прежней квартире, если это письмо дойдет до Вас и если я получу ответ, то напишу Вам подробнее, а сегодня лишь несколько слов.

Минувший год был черным годом для нас: в апреле прошлого года Варвара Николаевна тяжело заболела, и, пролежав 11 месяцев в кровати, скончалась 18-го марта этого года, в Рендсбурге. Сорок три года странствовали мы с нею рука об руку по всем тропинкам жизни, теперь мне надо заканчивать недолгий оставшийся путь одному, как это нелегко — Вы поймете лучше всякого другого: Серафима Павловна тоже ушла первою от Вас.

Где, как и чем буду дальше жить — совершенно не знаю. Чтобы не быть никому в тягость, мне надо было бы жить там, где есть большая русская колония и где поэтому есть возможность работы. В былые времена я в первую очередь подумал бы, конечно, о Париже; не думаю, чтобы это было осуществимо при нынешних условиях. Как Вы полагаете?

Получил недавно письмо от жены Сергея Порфирьевича и узнал о тяжелой его участи. В ее письме сказано между прочим: «Я думала, что Алексей Михайлович Вам уже обо всех наших делах написал: он должен знать все от Н. О. Лосского, который недавно проехал в Париж к сыну». Сама она в коротеньком письме ничего не сообщает ни о А. Л. Беме, ни о других. Может быть Вы что-либо знаете?

Сообщите также и о знакомых парижанах. Сегодня же пробую написать Б. К. Зайцеву — не твердо уверенный в его адресе (38 rue

St. Lambert, Paris XVI, или 110 Rue Thiers, Boulogne s/S ?). Писал и Н. Н. Берберовой. Если случится — сообщите им мой адрес и передайте мой привет.

Написал бы Вам еще о многом, да не хочется писать впустую: подожду сперва Вашего отклика. Перекликаться нам уж недолго осталось.

Землю с могилы Варвары Николаевны взял с собою, — а где меня ею посыпят? Мы теперь как перекати-поле носимся по ветру мировой истории вот уже пять лет. Вы счастливее — давно уже стоите на якоре.

Сердечный привет.

Ваш *Р. Иванов.*

Письмо. Автограф. Над текстом адрес отправителя: «13b München 42, Zündterstrasse 28, Prof. Georg Jankauskas». На первой странице под датой помета рукой Ремизова: «5.VI». (Письмо находится в Amherst Center for Russian Culture: Remizov Collection. Box 10. Folder 1. № 173.)

8 (23). А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику

5.VI.1946

Дорогой Разумник Васильевич,

Обрадовался Вашему голосу и погоревал о Варваре Николаевне¹: кроткая она была. Знаю, надо покориться, но сердце не отпускает, и про это знаю.

Три года живу, как в затворе. Никуда не выхожу и редко кто заглянет. Глаза мои: 15 диоптрий, а правый <на> 9/10 погас (склероз); зимы без отопления, простудил ногу, мой стол у окна, и год, как охвостился, анемия на правой, ничего не больно, а чувство, как хвост, ну, и не ходок стал. Так все и сижу у стола. И только на кухню, что-нибудь приготовить. Стараюсь не выходить на волю, а приходится за хлебом и папиросами, когда выдают. Часы у меня только маленькая стрелка, и всегда бегут. Живу приблизительно².

За все эти годы по-русски здесь печатался дважды: в «Русском сборнике»³ (попросил послать Вам). Это из моей книги 1943 г. интермедия «Очарование», глава третья «Мышкина дудочка», а первые главы в «Новоселье» (New York): I «Чудеса в решетке», II «Чаромутие»⁴.

«Русский сборник» на один номер, не думаю, что будет второй. Еще напечатали во «Встрече» в № 2 и последнем. Писал для франц<узского> изд<ания> «Скверного анекдота», как предисловие: «Потайная мысль Достоевского из каторжной памяти», с примечаниями (их не напечатали). «Встреча» — тоненькая тетрадка⁵. В самом лучшем сборнике «Saisons 1946», весна, появился по-франц<узски> «Черный араб» и я написал *Coprésentation*. А по-русски в «Новоселье» (2 страницы)⁶.

Кое-что печатаю по-французски и вышли три книжки: для детей с картинками «Мышка-Морщинка» из «Посолони», «Sentiers vers l'invisible», это «Петушок» и др<угие> рассказы и второе изд<ание> «Крестовых сестер»⁷.

И зачем все это, я не знаю, перевести меня на франц<узский> нельзя, да и вообще монгольский на латынь, совсем другой лад. А денег — почти ничего: все уходит переводчику и тому, кто исправляет перевод. В двух здешних газетах я не участвую, еженедельные. Да с моим, если бы меня и приняли, так в год раз. Приходится обращаться за «вспомоществованием». Такая судьба, значит, до последнего дня. Точно о Беме не могу узнать, как и о Серг<ее> Порф<ирьевиче>⁸. Н. О. Лосского⁹ не видал — п<отому> ч<то> никуда не выхожу, а он ко мне не придет. Для Вас, не думаю, чтобы было что в Париже. Русских книг не издают. И все в оглядку. Но это мое чувство. Зайцев и Берберова, они на людях.

Мне очень трудно писать с электричеством. В Лихо одноглазое обратился.

А занимаюсь я документами XVII в., — заговорит ли Россия по-русски — на русский лад? — вот о чем и думаю и ищу, как *говорилось по-русски*. Я заметил, что проза наша серая и все сереет — надо природный дух жизни.

До свидания, Разумник Васильевич!

А. Ремизов.

Письмо. Автограф. Обращение с росчерком и завитушками, подпись простая. Это письмо — конверт и бумага — как и большинство писем Ремизова после смерти Серафимы Павловны — с траурной рамкой. Над текстом адрес: «А. Remizoff, 7 Rue Voileau, Paris XVI» и приписка: «<Ответ> на 8.V / 5.VI». Это

письмо уже не застало Иванова-Разумника в живых: у него случился инсульт 6-го и он скончался 9 июня. В заключительной части книги снов и о снах «Мартын Задека» (Париж: Оплешник, 1946), «Тонь ночи», Ремизов пишет: «Когда мне сказали, помер Иванов-Разумник, я не хотел верить, всего несколько дней, как было от него письмо. И в ту ночь мне приснился Иванов-Разумник: “про меня говорят, что я помер, не верьте, сказал он, я жив, я только переменял имя”. Я поверил и всех уверял, что Иванов-Разумник в Америке под чужой фамилией. А ведь, действительно, он помер» (с. 94).

¹ В. Н. Иванова скончалась 18 марта 1946 г.

² О жизни Ремизова в военные и послевоенные годы см.: *Резникова Н. В.* Огненная память.

³ *Русский сборник*. Кн. 1. Париж: Подорожник, 1946. Кроме «Мышкиной дудочки» Ремизова, сборник включает стихи и прозу, а также публикации, связанные с юбилеями И. А. Бунина и А. Н. Бенуа. Марине Цветаевой и ее самоубийству, о котором еще почти ничего не было известно, посвящен некролог А. Бахраха «Звуковой ливень» («В необъятном перечне утрат, понесенных за эти черные годы, значится и трепетное имя Марины Цветаевой», с. 183). Раздел стихотворений открывается стихами З. Гиппиус и М. Цветаевой, как дань умершим в военные годы. Большинство стихотворений, вошедших в сборник, написаны во время войны. Последнее — «1945», стихотворение Л. Червинской, заканчивается строфой: «На торжество разобраны места / (Герои фронта, тыла и изгнания). / Да. А для нас свобода — нищета / И одинокий подвиг созерцанья» (с. 148).

⁴ См. примеч. 4 к письму 20 Иванова-Разумника Ремизову. «Очарование» — первое название книги «Мышкина дудочка», в которой глава с этим названием — пятая. В журнале «Новоселье» первая глава («Чудеса в ре-

шете») напечатана в № 22/23 (1945. Нояб./дек.); глава вторая («Чаромутье») в № 26 (1946. Апр./май).

⁵ Журнал «Встреча», сб. Объединения русских писателей во Франции под ред. С. Маковского (Париж, 1945). Вышло два номера (тоненькие тетради), в июне и ноябре. Во втором номере напечатана статья Ремизова «“Скверный анекдот”: Потайная мысль Достоевского из каторжной памяти» (с. 22–28). Эта статья вошла в кн. «Огонь вещей» с заголовком «Потайная мысль». «Скверный анекдот» в переводе на французский язык Ремизова и Jean Chuzeville: *Dostoïevski Th. M. Scandaleuse Histoire* / Илл. Ю. Анненкова. Paris, 1945.

⁶ *Prischvine M. L'Arabe noir* / Trad. par Jean Chuzeville, présentation de l'auteur par Alexeï Remizov // *Saisons: Almanach des Lettres et des Arts*. 1946. № 2. P. 109–140. В «Новоселье» (1946. Февр./март. № 24/25. С. 55–57) озаглавлен «М. М. Пришвин». См. перепечатку в: *Вопр. лит.* 1970. № 9. С. 254–255; вошел в кн. «Встречи».

⁷ *L'Aventure de Rongetout-Trapue et Trotinette-Moustachue*, racontée par Alexis Remizov, illustrée par Jean Cagnard. Paris, 1946. («Мышка-морщинка»); *Sentiers vers l'invisible: Nouvelles* / Trad. et préface de Jean Chuzeville. Paris, 1945. 207 pp.; *La Maison Bourkov. (Soeurs en Croix)*: Roman / Trad. du rus-

se par Robert et Zénita Vivier. Paris, 1946.

⁸ Бем и Постников были арестованы после прихода советской армии в

Прагу. См. вступ. заметки к их письмам в наст. изд.

⁹ О переезде *Н. О. Лосского* в Париж см. примеч. 9 к письму 1 Бема.

9 (4). Иванов-Разумник — Ф. А. Степуну

26.III.1945 Рендсбург

Многоуважаемый Федор Августович,

Не очень уверен, что это письмо дойдет до Вас, во-первых, аппарат почты теперь расхлябан, а во-вторых — может быть, Вы после 14.II¹ и уехали из Дрездена в более спокойные места. Во всяком случае, если это письмо дойдет до Вас — отзовитесь. Я писал Вам с месяц тому назад, бросив якорь на берегу Кильского канала после месячного пребывания в состоянии Flüchtling'a. Ответа не получил; а между тем на днях пришло письмо из Праги от А. Л. Бема, который между прочим спрашивает, не получал ли я от Вас каких-нибудь известий. Это напомнило мне о моем письме к Вам, которое могло до Вас и не дойти, а потому делаю попытку еще раз протянуть разорванную нитку связи между нами. Эти нитки теперь так легко рвутся.

В надежде, что у Вас лично все благополучно и с пожеланием всего лучшего

Ваш *Р. Иванов.*

Складной почтовый листок. Автограф чернилами. Послано по старому адресу Степуна: «An Herrn Fedor Stepun, 10 Dresden A 24, Schnorrstrasse 80». Этот адрес, как и части следующего, зачеркнут, переслано по другому адресу, сохранившемуся частично, предположительно тому же, по которому отправлено следующее письмо 10 (5).

¹ Имеется в виду бомбардировка союзной авиации, разрушившая Дрезден.

10 (5). Иванов-Разумник — Ф. А. Степуну

3.VI.1946 Мюнхен

Многоуважаемый Федор Августович!

С тех пор, как мы переписывались с Вами — Вы из Дрездена, я из Коница — прошли века (если считать по переживаниям, а не по тиканию маятника), — и теперь мы оказались с Вами близкими соседями по Мюнхену. Недавно прочел Вашу статью в «Süddeutsche Zeitung» и одновременно получил письмо от А. Ф. Лютера с указанием Вашего адреса.

Если Вы бываете в Мюнхене, то очень рад был бы встретиться с Вами. Я живу в семье моего племянника (адрес на обороте), имею отдельную комнату, могу работать — хотя и без всякой возможности реализации (печатной) своих работ. Много погубило во время бегства из Коница. Удалось ли Вам спасти свое самое ценное (т. е. рукописи), уезжая из Дрездена?

Если будете писать мне — пишите на имя моего племянника, не упоминая моего имени. Мы здесь все еще живем под Дамокловым мечом «репатриации», но очень надеемся на защиту и UNRRA, и UNO. А впрочем — надо быть готовым ко всяческим дальнейшим неожиданностям, и не только в нашей личной судьбе, но и в судьбах мировых. Впереди еще много всего будет.

С искренним приветом,

Ваш *Р. Иванов.*

Почтовый листок — «закрытка». Автограф. Надписано: «Russian»; адрес: «An Herrn Prof. Fedor Stepun, 13b Rottach am Tegernsee, Prinz-Wittgenstein Strasse 120 1/2, (bei Mildner)». Обратный адрес: «Prof. Georg Jankauskas, München-Leim, Zündterstrasse 28».

Артур ЛЮТЕР

Имя Артура Лютера, переводчика русской литературы на немецкий язык и автора немецкой истории русской литературы, появляется в первом письме Ремизова к Иванову-Разумнику от 20 апреля 1942 г. (см. о Лютере и его письмах к Иванову-Разумнику в 1942 г. примеч. 13 к черновику письма 2 Иванова-Разумника Степуну). Кроме трех писем 1942 г., в собрании *АИШ* сохранилось также три письма А. Ф. Лютера 1946 г., написанных из Марбурга в Рендсбург и Мюнхен. Эти письма — не только свидетельство усилий Иванова-Разумника по восстановлению прерванной концом войны переписки, но также продолжающегося участия А. Ф. Лютера в судьбе Иванова-Разумника.

11 (1). А. Ф. Лютер — Иванову-Разумнику

24.II.46

Многоуважаемый Разумник Васильевич!

На днях получил Вашу открытку от 12.II. Если письмо мое, писанное по-немецки, шло целый месяц, то, по-моему, нечего стесняться; можно писать и по-русски; авось разберут.

А в конце января я получил Ваше письмо от 25.II.45 г., в котором Вы сообщаете о своем переселении в Рендсбург — как видите, почта работает с чисто немецкой аккуратностью, хотя и медленно.

Вполне сочувствую Вам — тяжело без книг и знакомых в провинциальном городе. Не знаю, сообщил ли я Вам адрес Dr. Erich Müller'a¹. Он живет Bonn a. Rhein, Koblenzer Str. 87.II. Может быть, он даст Вам какие-либо указания, т<ак> к<ак> он уже завел кое-какие связи.

О пражских и парижских друзьях не знаю ничего. Даже всеведущий Дм<итрий> Ив<анович> Чижевский² ничего не мог сообщить мне.

Жизнь здесь по-прежнему течет тихо и мирно. Университет работает, я слушаю кое-какие лекции; наш кружок изучения восточно-европ<ейской> культуры по-прежнему собирается в две недели раз; последние два заседания были посвящены различным вопросам русского языка. До этого я прочел доклад о немецком поэте Henry von

Heiseler (1875–1928), родившемся и выросшем в Петербурге, авторе трех драм из русской истории («Peter und Alexei», 1912; «Die magische Laterne», 1919; «Die Kinder Godunows», 1929) и замечательной повести «Wawas Ende» (дневник арестованного и приговоренного к смерти большевиками молоденького русского офицера)³. В след<ующем> заседании темой будет «Spengler und Russland»⁴. В ноябре – декабре Чижевский читал о «периодизации истории русск<ой> литер<атуры>», граф Вал<ентин> Плат<онович> Зубов⁵ о «художественных собраниях Петербурга», немецкий богослов Бенц⁶ об отношении Вл. Соловьева к немецким мистикам, я о влиянии немецкой литературы на русскую. Собирается человек 12–15 в доме одного «мецената», родом из Прибалтики, страстного любителя России и особенно русской музыки.

Вести «оттуда» <из советской зоны оккупации> малоутешительны. Приемы Вам, конечно, хорошо известные, хотя может быть применяются не так резко и не так открыто, как в Ваше время. Первенствующую роль играет партия, отнюдь не представляющая собою большинства населения, но протезируемая властью имущими. Едят мало и плохо и зябнут. В университете в Halle читается «Введение в марксизм», но история (включая и ист<орию> искусства и музыки) программе отсутствует. Но в том же Halle с большим успехом идут в театре «Бешеные деньги» Островского в моем переводе, а Лейпциг в моем же переводе ставит «Женитьбу» Гоголя и «Чайку» Чехова. Коль посравнить да посмотреть век нынешний и век минувший⁷ — вспоминается разговор между Осипом и Мишкой в «Ревизоре»: Так твой барин не генерал? — Генерал, да только с другой стороны. — Что ж, это больше или меньше настоящего генерала? — Больше!

Собираемся мы втроем, т. е. Зубов, Чижевский и я, прочесть ряд публичных лекций о русской культуре — разрешение после долгих мытарств получили, теперь дело только за аудиторией. Зубов будет читать о дворцах Петербурга, Царск<ого> Села и Петергофа, я о русском театре и Московск<ом> университете, Чижевский о Гоголе, Достоевском и Лескове.

Знали ли Вы в Петербурге писателя Сергея Горного (он же Александр Авдеевич Оцуп)?⁸ Он сейчас в Госларе *persona gratissima* у англичан, работает в комитете попечения об иностранных (т. е. преимущественно русских) рабочих, понемногу отправляемых на родину, и

делает очень интересные наблюдения над психологией как этих простых русских людей, так и приезжающих для переговоров с англичанами советских офицеров — причем, кажется, недостаточно задумывается о том, что присылают-то к англичанам только избранных⁹.

Всего хорошего! Рад был опять получить вести от Вас! Пока остается только ждать. Хоть война и кончилась, но 1946 г. все же еще критический, и даже очень.

Искренно Вам преданный

А. Лютер.

Письмо. Автограф. По старой орфографии без конечного твердого знака. На конверте наклейка о цензурной проверке «Examined by» и штемпель «Military Censorship Civil Mails». Во всех трех письмах перед датой адрес: «16. Marburg a. d. Lahn/Teichwiesenweg 3».

¹ *Dr. Erich Müller* — см. ниже письмо 12 (2), примеч. 3.

² О *Д. И. Чижевском* см. примеч. 1 к письму 5 Бема.

³ *Wawas Ende: Ein Dokument*, 1928. См. об авторе: *Gronicka von, A. Henry von Heiseler, a Russo-German Writer*. New York, 1944; а также письма Heiseler'a: *Zwischen Deutschland und Russland. Briefe 1903–1928*. Heidelberg, 1996.

⁴ См. примеч. 3 к письму 18 Постникова.

⁵ *Валентин Платонович Зубов* (1884–1969) — историк искусства, основатель Института истории искусств в Петербурге. Его воспоминания «Институт истории искусств» (Мосты. 1963. № 10. С. 370–391) посвящены истории института, а «Страницы воспоминаний. I. Гатчина» (Новый журнал. 1960. № 61. С. 160–201) рассказывают о работе по сохранению памятников искусства после революции. Еще одна статья Зубова, «Проблемы композиции в русской иконопи-

си», была напечатана в альманахе «Мосты» (1961. № 6. С. 159–171).

⁶ *Ernst Benz* (р. 1907) — ученый богослов, с 1935 г. профессор церковной и догматической истории в Марбургском университете, много писал о Православии; после Второй мировой войны основал экуменический семинар при Марбургском университете, куда часто приглашались православные богословы для лекций и участия в конференциях; получил почетную докторскую степень от Свято-Сергиевского богословского института в Париже. Среди его трудов о Православии следует отметить книгу об Афоне и о Русской Церкви и западном христианстве. Его небольшая, но ценная книга «*Geist und Leben der Ostkirche*» (Hamburg, 1957; пер. на англ. яз.: *The Eastern Orthodox Church, Its Thought and Life*. Anchor Books, 1963) свидетельствует не только о широких познаниях автора, но и о глубоком понимании Православия.

⁷ Слегка измененная цитата («Как посравнить...») из монолога Чацкого в «Горе от ума» Грибоедова (Дейст. 2. Явл. 2).

⁸ О *Сергее Горном* см. примеч. 9 к письму 1 Степуна и черновик письма 2 Иванова-Разумника Степуну.

⁹ Рабочие, вывезенные из СССР, назывались «Ostarbeitern» («восточные рабочие») и носили нагрудный знак «Ost», по-русски их обычно называли «остовцы». Хотя были «остовцы», которые добровольно возвращались в СССР, здесь поражает несколь-

ко отрешенный и наивный взгляд Сергея Горного («интересные наблюдения над психологией...»), так как значительное число «остовцев» пытались стать невозвращенцами и их подвергали насильственной репатриации. См.: *Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация*. М., 1996. См. также: *В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей и документов / Сост.: В. С. Карпов, А. В. Попов, Н. А. Троицкий*. М., 1997, см. там же библиографию.

12 (2). А. Ф. Лютер — Иванову-Разумнику

10.4.46

Многоуважаемый Разумник Васильевич! Только что получил Ваше письмо от 4-го апреля. Надеюсь, что этот мой ответ пройдет мимо цензуры и попадет к Вам еще до Пасхи.

Прежде всего позвольте выразить Вам искреннее соболезнование по поводу постигшей Вас тяжелой потери. Я слишком хорошо знаю, что значит лишиться человека, с которым десятки лет делил все — и радость и горе. Ведь и я потерял жену — теперь тому уже 20 лет — после очень долгой и мучительной болезни, а пережили мы с ней вместе потерю всего нашего московского имущества, войну в Германии на положении полу-пленных, неизвестность будущего и т. д. и т. д. А ведь все это не сравнится с тем, что Вам и Вашей супруге пришлось пережить и в России и в Германии... <...>

В Мюнхен переселиться я очень бы советовал Вам. Не говоря уже о Ваших родственниках, Вы там будете в совершенно иной атмосфере, чем в теперешнем захолустье. Найдете там и людей, живо интересующихся всем русским, как напр<имер> проф. Hans von Eckardt¹, питомец московского университета, лишенный кафедры в Гейдельберге после «Machtergreifung» <«захват власти»>. — *Нем.*> Гитлера и теперь занимающий видный пост в баварском министерстве просвещения.

В мюнхенском университете имеется и специальная кафедра славистики, к^{<ото>}рую теперь получил проф. Diels², писавший между прочим и о Каролине Павловой. Я не помню, какой адрес Эриха Мюллера я дал Вам в свое время. Он сначала жил в St. Goarshausen'е, теперь окончательно обосновался в Бонне. Адрес: Dr. Erich Müller, Bonn a. Rh., Koblenzer Strasse 87. II. Манускрипт Ваш, кажется, погиб со всеми другими имевшимися у него бумагами...³

Получаю иногда вести из русской зоны, не слишком утешительные. Театры, концерты работают «вовсю», наша лейпцигская «Deutsche Bücherei» денно и нощно занята составлением библиографий по всем отраслям науки для русск^{<ого>} командования; не менее усердно работает и ГПУ, которого, однако, русск^{<ие>} солдаты боятся гораздо больше, чем немцы. В университете в Halle читается обязательный для всех факультетов курс введения в марксизм.

Здесь, в Марбурге, наконец, удалось открыть цикл публичных лекций, «Kunst und Kultur des Ostens». Граф В. П. Зубов читал о царских дворцах в Петергофе, Павловске, Ц^{<арском>} Селе, Гатчине, я — две лекции о русском театре от Иоганна Готфрида Грегори до Станиславского, Дм. Ив. Чижевский о старо-русских легендах. В мае думаем продолжать — Зубов об иконописи, Чижевский о Лескове, я о московском университете⁴. Публики много, слушают очень внимательно и усердно аплодируют.

Всего хорошего! Дай Бог Вам сил не унывать. И не забывайте меня!

Искренне Вам преданный

А. Лютер.

Письмо. Автограф.

¹ *Hans von Eckardt* (1890–1957) — родился в Риге, образование получил в Москве, Берлине и Гейдельберге; после 1946 г. профессор социологии, русской культуры и социологии религии Гейдельбергского университета. Среди его трудов отметим следующие работы о России: «Russland»

(1930), «Iwan der Schreckliche» (1947, 2-е изд.), «Russische Christentum» (1948).

² *Paul Diels* (1882–1963) — ученый-филолог, славист. Среди прочего автор книги «Die Slawen» (1920) и грамматики церковно-славянского языка «Altkirchenslavische Grammatik»

(1932); см. библиографию его трудов в: Festgabe für Paul Diels. München, 1953. S. 9–13.

³ Так как в письмах Лютера 1942 г. обсуждается возможность публикации книги Иванова-Разумника «Тюрьмы и ссылки», можно предположить, что Эриху Мюллеру была послана машинопись этой книги.

В письме 24 февраля 1946 г., как видно, в ответ на сообщение Ивано-

ва-Разумника о пропаже рукописей во время бегства из Коница в Рендсбург, Г. П. Янковский пишет: «Неужели все экземпляры твоей машинописи пропали, ведь их было кажется 4 штуки. Очень жаль, что у меня ни одного экземпляра не было. Не пропало бы!» (Собрание АИШ). Здесь неясно, о какой книге идет речь.

⁴ См. выше письмо 11 (1) Лютера от 24.II.1946.

13 (3). А. Ф. Лютер — Иванову-Разумнику

6.5.46

Многоуважаемый Разумник Васильевич!

От души поздравляю Вас с благополучным переселением в Мюнхен. Надеюсь, что Вы там отдохнете душой и вновь найдете в себе силы «мыслить и творить».

Мне думается, что и помимо Вашего племянника в составе профессоров университета найдется немало людей, любящих и знающих Россию, и Вы скоро войдете с ними в общение, а через них и со всей русской колонией. В мюнхенском Unterrichtsministerium, сколько мне известно, видную должность занимает профессор Hans von Eckardt, окончивший в свое время Московский университет, бывший потом профессором журналистики (Zeitungswissenschaft) в Гейдельберге и в 1933 г. отрешенный от должности. Он, несомненно, рад был бы с Вами познакомиться¹. Федор Августович Степун живет в Tegernsee и, вероятно, часто заезжает в Мюнхен².

Странное учреждение этот университет UNRRA³. Насколько мне известно, он предназначен прежде всего для студентов и профессоров, не желающих вернуться в советскую Литву, Латвию и Эстонию, т. е. в страны, союзные учредителям университета! В этом, по-моему, великая ложь настоящего положения и причина, почему так трудно верить в прочность мира. Дай Бог, чтобы я был неправ и чтобы неразрешенные и как будто даже неразрешимые конфликты разрешились без вой-

ны — иначе оправдаются пророческие слова Мережковского: *Europa fuit* <Европа была. — Лат.>⁴.

На днях мне исполнилось 70 лет, и я знаю, что мне не дожить до полного «замирения», как говорят наши солдаты, но хотелось бы, покидая «сей мир в его минуты роковые» не испытывать «блаженства»⁵, но быть уверенным, что, хотя пока еще

Призраки пляшут в дрожании красного цвета,
В небе другое: сквозь дым и сквозь тучи сквозя,
Вольно, раскидисто ширится радость рассвета.
(Бальмонт)⁶

Надеюсь, что это письмо дойдет до Вас без задержки. Рад буду и в дальнейшем получать от Вас вести — как Вы устроились в Мюнхене и как обстоит дело с «американскими» планами.

Искренне преданный Вам

А. Лютер.

Письмо. Автограф. Адрес на конверте: «Herrn Professor Georg Jankauskas. Für R. Iwanow. 13B München 42. Zündterstr. 28».

¹ О *Hans'e von Eckardt'e* см. выше примеч. 1 к письму 12 (2).

² О Ф. А. Степуне см. его письмо и письма Иванова-Разумника к нему в наст. изд.

³ Университет UNRRA был организован в Мюнхене в 1946 г., см. о нем: Павлов Б. Воспоминания Ди-Пи // Новый журнал. 1983. № 151. С. 147–163.

⁴ *Europa fuit?* — заглавие предисловия Мережковского к книге Александра Элиасберга: *Eliasberg A. Russische Literaturgeschichte in Einzelporträts*. München, 1922. Апокалиптический мотив конца европейской культуры, как и конца света, — один из устойчивых мотивов в творчестве Мережковского.

В статье «Царство Антихриста: Большевиизм, Европа и Россия» он писал: «Мир с большевиками означает неминуемую мировую катастрофу, нечто, в самом деле, подобное кончине мира, апокалипсическому царству Зверя» (Царство Антихриста. Мюнхен, 1921. С. 24); в книге «Тайна Запада. Атлантида — Европа» (Белград, 1930): «Запад — закат, конец дня; день человечества — всемирная история; тайна Запада — тайна Конца» (с. 6).

⁵ Неточная цитата из стихотворения Тютчева «Цицерон» (1830): «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые».

⁶ Эту цитату разыскать не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ОЧЕРКИ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА
В ГАЗЕТЕ «НОВОЕ СЛОВО»

II

Ирина Бушман
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДРУЗЬЯХ

III

Евгения Сидорова
ИЗ ВСТРЕЧ С ДРУЗЬЯМИ

ОЧЕРКИ ИВАНОВА-РАЗУМНИКА В ГАЗЕТЕ «НОВОЕ СЛОВО»

1. Хождение над бездной

(1942. 10 мая. № 37 [419]. С. 4–5)

Имя литературного историка и критика И. <так!> Иванова-Разумника хорошо известно русскому читателю. Он был всегда (см. «Энциклопедический словарь» Павленкова) резким и боевым противником марксизма, занимая народническую платформу. Советская власть, борясь со всеми инакомыслящими, начиная от «правых» и кончая «эсерами», преследовала и его: аресты, тюрьма, ссылка, затем небольшая пауза, разрешение заниматься «библиографической» деятельностью и снова ссылка и тюрьма. В последние годы И. Иванов-Разумник жил под Петербургом в Царском Селе, где и был освобожден германскими войсками. «Новое слово» дает место ряду его критических и бытовых очерков, начиная с эпопеи мытарств автора по тюрьмам, этого хождения над бездной в «самой счастливой в мире стране».

Редакция <газеты>

«Новое слово» просит меня написать несколько слов «о самом себе». Привожу краткую «повесть временных лет, откуда есть пошла советская литература». Для подробного перечисления арестов, ссылок, тюрем, допросов, угроз расстрелом, освобождений и повторных арестов не хватило бы газетного номера. Перечисляю главные:

В феврале 1919 года — первый арест органами ЧК, увоз в Москву, на Лубянку. Первый раз — вынырнул благополучно.

В 1923 году выход моей последней «душевной» книги — «Вершины», посвященной Александру Блоку и Андрею Белому. После этого в течение двадцати лет — ни одной «своей» книги, хотя и был ряд книг по истории литературы: в 1926–1927 гг. — до 30 печатных листов комментариев к Салтыкову; в 1930 году — первый том монографии о жизни и творчестве Салтыкова. Но «своих» книг, «душевных» — больше не было: цензура не пропустила ни «Весны и Европы» <«России и Европы»>, ни «Оправдания человека».

С 1930 года редактировал двенадцатитомное собрание сочинений Александра Блока; за три года, до весны 1933 года, успел проредакти-

ровать, а «Издательство писателей в Ленинграде» успело выпустить первые семь томов. Пять последних томов (прозу) выпустить не успел, так как в феврале 1933 года был арестован — и начались многолетние скитания по тюрьмам и ссылкам.

К семи томам стихов и театра Блока написал до 50 печатных листов комментариев, но еще до ареста они, набранные, сверстанные и отчасти отпечатанные, были вырезаны из издания и погибли. Впрочем — не совсем. Сменивший меня на посту редактора (после моего ареста) молодой коммунист Владимир Орлов щедрой рукой черпал из предоставленного ему издательством экземпляра моих комментариев для последующих томов Блока. Он оказался достаточно грамотным переписчиком. А для меня начались годы — «сидений» и скитаний.

1933 год: с февраля девять месяцев сидения в одиночной камере «на Шпалерной», а потом — ссылка в Новосибирск на три года, вскоре замененная ссылкой на такой же срок в Саратов.

1936 год: по «отбытии ссылки» — разрешение поселиться в Кашире, но отнюдь не вернуться домой, к семье, в Царское Село.

1937 год, сентябрь: арест в Кашире, перевоз в Москву, в Бутырскую тюрьму, в общие камеры, где пребывал год и три четверти, — до середины июня 1939 года. Освобождение без новой ссылки, но и без права вернуться домой, в Царское Село. Удавалось бывать там только хитростью, прописываясь «временно». Так проходит время до начала войны 1941 г. и до занятия германскими войсками Царского Села 17 сентября 1941 года.

Обвинения?

1. Был «идейно-организационным центром народничества» (обвинение 1933 года).

2. Продолжал после ссылки «контр-революционную деятельность» в Москве, проживая в Кашире (обвинение 1937 года).

3. Покупал в 1921 году берданку, подготавливая вооруженное восстание против советской власти (обвинение 1937 года).

4. На втором Съезде Советов, в апреле 1918 года, произнес анти-большевистскую речь, и «был стащен с кафедры одним из возмущенных коммунистов, ныне готовым подтвердить свои слова на очной ставке» (обвинение 1938 года).

Не привожу всех таких обвинений (десятки!), столь же серьезных, но останавлиюсь еще на одном, самом замечательном, однако требую-

щем небольшого предисловия. А пока скажу: само собой понятно, что берданки я никогда не покупал («И как это вы не понимали, что нельзя же берданкой бороться с танками!» — играя в наивность, удивлялся следователь); на Съезде Советов вообще не был (хотя достоверный лжесвидетель и стащил меня там с кафедры); «контр-революционная деятельность» моя в Кашире и Москве в 1936–1937 гг. заключалась, очевидно, в комментировании большого тома (40 печатных листов) для государственного литературного музея в Москве — «Письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику, 1912–1932 гг.». Но самое пикантное обвинение впереди; к нему однако и требуется небольшое предисловие.

В камере № 113 Бутырской тюрьмы, в конце 1938 года сидело нас не так много — всего человек 60 на 24 места; среди нас — один моряк, который жил свыше года в Париже, служа в торговом секторе полпредства; а во главе его стоял тогда «товарищ Потемкин», к началу 1939 года бывший уже заместителем и помощником Молотова — быть может, к тому времени уже дисквалифицированный и назначенный народным комиссаром просвещения РСФСР (не помню). Так вот, моряк этот вернулся как-то вечером с допроса в очень подавленном настроении и с явными признаками на лице весьма веских «аргументов» следователя. Впрочем, он был подавлен не самым фактом таких аргументов, а своим «добровольным» признанием в том, в чем он был столь же виноват, как я в покупке берданки. А именно: он признался в том, что в 1937 году, в Париже, товарищ Потемкин организовал среди членов полпредства боевую троцкистскую организацию, в которой и он, моряк, принимал участие...

Конечно — все это фантастично, то есть фантастично то, что органы НКВД в конце 1938 года составляют лживый протокол о человеке, являющемся в это же самое время заместителем комиссара по иностранным делам; еще фантастичнее то, что такому протоколу не дается никакого хода. Он остается лежать в делах НКВД — «на всякий случай»: авось пригодится, авось можно будет арестовать и товарища Потемкина, так вот обвинение уже и готово. «То ли еще бывало!» — в эти ежовские времена!

После этого предисловия, возвращаюсь к обвинению против меня; помню, что оно было предъявлено мне 31 декабря 1937 года:

«В апреле 1936 года, временно проживая в Ленинграде, виделся в подпольной явочной квартире с академиком Е. В. Тарле, с которым

имел беседу по поводу участия в ответственном министерстве, после свержения советской власти»...

Та же история, что и с Потемкиным. Академика Тарле я никогда в жизни не видел, ни «подпольно», ни «надпольно», даже портрета его не видел — и не знаю: с бородой он или бритый, с шевелюрой, или лысый... Но представьте себе, что я согласился бы показать все то, чего требовал следователь: в архивах НКВД лежало бы готовое обвинение, если бы представился удобный случай изъять из обращения академика Тарле. А я по наивности подумал тогда, что почтенный академик, обвиняемый в таком преступлении, наверное уже арестован... Ничуть не бывало! Он и не подозревал, какие сети хочет сплести вокруг него НКВД, благоденствовал и продолжает благоденствовать даже до сего дня.

Все это на грани фантастики; но ведь в СССР всем известно, что девяносто девять процентов «обвинений», предъявляемых ГПУ, НКВД, Госбезом или как бы они там ни назывались — сплошная ложь, «липа», никого из обвиняемых не удивляющая.

Обо всем этом рассказывать подробно здесь не место и не время; достаточно и тех немногих строк, которые даны выше. Но к ним нужны существенные оговорки: да не подумает читатель, что рассказывая обо всем пережитом, я считаю себя страдальцем, столь жестоко претерпевшим от советской власти: годы тюрем и скитаний по ссылкам! В том-то и дело, что сравнительно с другими (миллионами!) претерпел я очень мало: не сидел в изоляторе, не был в концлагерях, в ссылке был в больших городах, во время допросов никогда не подвергался никаким веским «аргументам» следователя, — многие ли могли этим похвастаться? Конечно — европейские масштабы и понятия о праве совершенно другие; но ведь я рассказываю о жизни в СССР, где моя судьба была еще одной из легчайших.

Чтобы закончить о себе — скажу еще о событиях самого последнего времени. За тридцать пять лет моей писательской деятельности я постепенно «обрастал» книгами; небольшой шкаф 1906 года обратился к 1941 году в одиннадцать больших шкапов с десятью тысячами томов. Одновременно с этим в течение ряда лет и десятилетий у меня накопился очень большой литературный архив, с драгоценными *рукописными* материалами (Блок, Белый, Сологуб, Ремизов, Есенин, Замятин и многие другие), десятки папок, около 5000 писем, два громадных шкапа.

Осенью 1941 года наш небольшой деревянный домик в Царском Селе, на самой окраине города — оказался в то же время и на самой линии фронта. Разрушение его началось бомбами с аэропланов в августе — сентябре, а закончилось снарядами в последние месяцы 1941 года. Когда я посетил его в последний раз — библиотека и архив представляли собою сплошную кашу бумаги на полу всех трех комнат домика; теперь от него осталось одно только воспоминание... И вместо воспоминаний в нескольких томах, пишу теперь здесь только «листки из воспоминаний»...

Воспоминания эти хочу предварить небольшой «концовкой» к настоящему очерку, которая одновременно послужит и «заставкой» к очерку следующему — о Федоре Сологубе.

Сологуб до конца дней своих (он умер в декабре 1927 года) люто ненавидел советскую власть, а большевиков не называл иначе, как «туполобые». Жил он в 1923—1924 гг. в Царском Селе, стена в стену с нашей квартирой на Колпинской улице, и ежедневно — в ответ на мой условный стук в стену — приходил к нашему послеобеденному чаю. Как-то раз, летом 1924 года, он пришел мрачный, насупленный, сел за стакан чая, помолчал — и неожиданно спросил:

— Как вы думаете, долго ли еще останутся у власти туполобые?

Не имея возможности серьезно ответить на такой вопрос, я отделался шуткой:

— По историческим аналогиям, дорогой Федор Кузьмич: в России триста лет стояли у власти татары, триста лет царили Романовы, вот и большевики пришли к власти на триста лет...

Сологуб очень — и по-серьезному — рассердился:

— Какой вздор! Теперь — век телеграфов, телефонов, радио, аэропланов! Время летит безмерно быстрее, чем в эпоху Романовых или татар! Триста лет! Теперь не средние века с их ползучим временем!

— Ну, хорошо, Федор Кузьмич, пусть так; сколько же времени, по-вашему, большевики будут стоять у власти?

Сологуб сперва серьезно задумался, потом искорки юмора блеснули у него в глазах (он был чудесный юморист, о чем знали только немногие) и как будто нехотя, но с полной серьезностью (что было особенно пикантно) он ответил:

— Ну... лет двести!

И тут же сам расхохотался.

Я охотно подарил Сологубу сто лет: триста или двести — не все ли равно? И неужели нашему поколению так и остаться навсегда при второй (кошмарной) жизни султана Махмуда? Неужели так и задохнемся мы под водой?

При подобных вопросах всегда неутешительно вспоминался мне один эпизод из истории средних веков с их «ползучим временем»; ведь у истории другие масштабы и сроки, чем у нас.

Последний крестовый поход закончился большой неожиданностью: крестоносцы, идя в Палестину через Византию, решили, что Константинополь нисколько не хуже Иерусалима, а потому взяли столицу Византии и вообще овладели всей европейской частью этого государства; император Комнин вынужден был бежать в свои малоазийские владения. Это было в 1204 году. Мой гимназический учебник истории (ведь вот запомнилось же на целые полвека!) бесстрастно и кратко продолжал и заканчивал:

«...Власть крестоносцев была непродолжительна: уже в 1264 году внук изгнанного императора в свою очередь изгнал крестоносцев из Византии»...

«Непродолжительна», — благодарю вас! Шестьдесят лет!

Триста, двести, шестьдесят лет — небольшие сроки для народа, хоть и весьма разные; для отдельного человека между ними почти нет разницы, и юмор Федора Сологуба в этом случае вполне уместен.

Но история умеет делать иногда и неожиданные подарки. Вместо шестидесяти, двухсот или трехсот лет, она иной раз укладывает события огромного масштаба на протяжении какой-нибудь четверти века, — время уже соизмеримое с длительностью человеческой жизни. Так, например, — от начала французской революции до Ватерлоо (ее конца) прошло ровно двадцать пять лет. И с октября 1917 года четверть века заканчивается как раз в нынешнем 1942 году...

2. Две жизни султана Махмуда

(1942. 17 мая. № 39 [421]. С. 5)

Среди чудесных сказок «Тысячи и одной ночи» есть одна под заглавием «Две жизни султана Махмуда». (Этот самый Махмуд был по случайности, раньше чем надо — быть может к некоторому недоумению читателей — упомянут в моем первом очерке). Пришел к султану дервиш, предложил ему сесть в бассейн с водой и погрузить голову в воду. Чуть только сделал это султан, как очутился на каком-то острове, посреди бушующего моря, да к тому же еще (ужасная вещь для почитателя Корана!) — султан Махмуд оказался превращенным в женщину! Ею овладел откуда-то взявшийся грубый мужлан, и она (султан Махмуд!) год за годом нарожала ему восемь человек детей... И так далее, и так далее, час от часу не легче, с нарастанием кошмаров этой второй жизни султана Махмуда. А когда, наконец, он поднял из воды погруженную в нее голову — оказалось, что эту вторую свою жизнь султан Махмуд прожил в течение нескольких секунд...

История султана Махмуда (с одним «маленьким» изменением...) повторилась — да только наоборот! — с нами, со мною и с моими сверстниками, ровесниками Александра Блока и Андрея Белого, вступившими в XX век — в 1901 год — как раз в год своего совершеннолетия (оно тогда считалось в 21 год). Пришел к нам Дервиш — имя ему было Революция — и в 1917 году мы погрузили головы в воду... а когда, задыхаясь, вынырнули, то оказалось, прошло не несколько секунд, а — страшно сказать! — целых двадцать пять лет, четверть века. Когда мы погрузили в воду головы, нам не было и сорока лет, каждый из нас был (по вежливому французскому выражению) «un jeune homme de quarante ans»; были мы молодыми людьми, а очнулись от второй жизни султана Махмуда (те, кто уцелел и очнулся) — в возрасте за шестьдесят!

Стояли мы в свое время за «углубление» политической революции до социальной; «мы» — это наша литературная группа, так называемые «скифы» (по имени двух сборников такого заглавия, вышедших в 1917 году) — Александр Блок, Андрей Белый, Николай Клюев, Сергей Есенин и немногие другие. Скажу о себе: еще в самом начале февральской революции я напечатал статью «Вольга и Микула» (вошла в мою книгу

«Год Революции», 1918 г.) — о революции политической и социальной — и не склонен считать ее ошибкой. Ошибка была, да только совсем в ином плане. Социальная революция висела в воздухе, доказательством чего являются и Италия 1920 года, и Германия 1933 года. Ошибка была в другом. Как мог я, всю свою литературную жизнь боровшийся с русским марксизмом, да еще в лице самого умного его представителя, Георгия Плеханова, — как мог я на минуту поверить в возможность хотя бы временного «пакта» с большевизмом, с его обманной «диктатурой пролетариата», с его компромиссами и всем тем, что восхищает его сторонников: «нет краше зверя сего!» Зверь сей сумел, сперва прикинувшись лисой, поодиночке проглотить всех: в январе 1918 года — учредительное собрание и правых эсеров, в апреле — анархистов, в июле — левых эсеров... Да что там эсеры! Вот и четверть века прошло, а лисий хвост и волчья пасть остаются верны себе: теперь зверь сей пытается обмануть Черчилля с Рузвельтом...

Политика — случайная для меня область, а потому перехожу к примерам из дел литературных, которые лучше всяких теорий расскажут о второй жизни султана Махмуда за эти жуткие четверть века. Начну хотя бы с красочной истории самой «Тысячи и одной ночи», — истории как раз на тему сказки; только сказка — сказкой, а здесь пойдет быль.

Жил-был человек, влюбленный в книгу; звали его Кроленко (не смешивать с знаменитым народным комиссаром *Крыленко*, ныне расстрелянным или вообще исчезнувшим с лица земли). Дело было в самом начале НЭП'а, о котором Ленин сказал, что она («новая экономическая политика») вводится «всерьез и надолго». Наивные люди поверили — в числе их и энергичный, молодой Кроленко, основавший в эти годы издательство «Академия». Верное чутье прирожденного «книжника» подсказало ему, в какой области книге суждены успехи в эти годы усталости от успехов революции. Разгром Деникина, разгром Юденича, разгром Колчака, разгром интервентов, разгром за разгромом —

А в душе истома,
И как будто тошно...

Так, вероятно, тошно было султану Махмуду рожать восьмого ребенка... «Зарыться бы в свежем бурьяне, забыться бы сном навсегда!»

Книжник Кроленко чутко понял, что в эти годы НЭП'а, в годы усталости от революции, три разряда книг имеют шансы на успех, и в первую очередь — *мемуарная литература* (забыться бы в рассказах о прошлом!). И он начал в «роскошных изданиях» — и с громадным успехом — издавать и переиздавать мемуарную литературу XIX века.

Вторая удача его чутья: он понял, что в середине двадцатых годов, после десяти лет революции, среди «актуальнейших» пролетарских романов, вроде «Фабрики Раблэ», честного, но бесконечно бездарного пролетария Михаила Чумандрина, романы которого критика (печатно!) ставила выше «Войны и мира»...

Прерываю себя на полуфразе, чтобы вспомнить, как однажды потряс меня мощный образ первых же строк одного из многочисленных романов этого соперника Льва Толстого: «Наденька вышла на балкон, опираясь на тяжелые, дубовые перила», — которые она, бедная, очевидно, так и носила за собой по всей квартире, из комнаты в комнату, словно палку.

Так вот, частный издатель понял, что в эпоху таких даже грамматически беспомощных и абсолютно бездарных сюжетно и композиционно пролетарских Львов Толстых, величайшим успехом среди приунывших читателей должен пользоваться такой несомненный сюжетно-композиционный гений, как Александр Дюма (отец). И издатель стал выпускать в «роскошных изданиях» и — надо отдать ему справедливость — впервые в хороших переводах роман за романом Александра Дюма. Успех превзошел все ожидания.

Наконец — третий разряд книг, которые могли рассчитывать на успех в эти годы утомления от победоносного, дубоватого и очень прозаического русского марксизма: запретная область *сказки*. (К слову сказать, отношение к ней марксизма с годами являло «ряд волшебных изменений милого лица», но это пока выпадает из моей темы.) И тут молодой издатель решил, не ограничиваясь изданием отдельными томами областных и национальных сказок, с особенной роскошью издать впервые на русском языке полную «Тысячу и одну ночь», переведенную не с французского издания (да еще с сокращениями), а с арабского подлинника и с возможной полнотой. Перевод текста был заказан одному молодому ученому, под редакцией академика Крачковского, а «оформление» книги, — стилизованная графика, — предоставлено было художнику Ушину, довольно удачно справивше-

муся с поставленной перед ним задачей. Особенно поражала российского читателя обложка, блестящая золотом, серебром и всеми лакированными красно-сине-желтыми тонами радуги. Впрочем — зачем я все это рассказываю? Издание это (в восьми томах) дошло до Европы, а в советской России представляло «библиографическую редкость», котируясь у букинистов (государственных, конечно) в 1200–1500 рублей за все издание. Кстати сказать: Александр Дюма, в ужасном издании Сойкина, но зато в 50-ти томиках, стоил и того дороже: 2500–3000 рублей...

Государственное издательство ревниво следило за успехами частного издания мемуарной литературы (как это само раньше не догадалось!), но мужественно перенесло эту удачу частного издательства: ведь НЭП — «всерьез и надолго», ничего с этим не поделаешь! Терпеть не стало мочи, когда Александр Дюма в роскошных изданиях и с блестящим успехом продефилировал на книжном рынке. Кстати — и НЭП стала немного колебаться... Но когда появился первый том «Тысячи и одной ночи» и произвел сенсацию — терпение исчерпалось! Для чуткого издателя (не будь чутким!) началась вторая жизнь султана Махмуда.

Значит: пожалуйста в ГПУ! Этому органу власти пришлось волей-неволей арестовать издателя и убедительно объяснить ему все указанное выше неприличие его поведения. Сравнительно с другими случаями — дело кончилось быстро и благополучно: издатель просидел «на Шпалерной» (или «в Крестах», не знаю) сколько-то месяцев, никуда не был ни сослан, ни выслан (редкий случай!), но зато убедился в полной анти-государственности своего поступка, и «добровольно» решил, что издательство его, «Академия», должно именно под этой, зарекомендовавшей себя маркой, стать неразрывной частью Государственного издательства (что и случилось), а сам он, издатель, может отныне заниматься чем хочет, — кроме, конечно, издательства.

«Академия» после этого существовала еще лет десять, как составная часть Государственного издательства, а обокраденный государством издатель мог на досуге вспоминать сказку из «Тысячи и одной ночи» о двух жизнях султана Махмуда...

3. Федор Сологуб

(1942. 31 мая. № 43 [425]. С. 4–5)

Еще не светало рано утром 5 декабря 1927 года, когда мы с женой получили в Царском Селе телеграмму от О. Н. Черносвитовой (свояченицы Федора Сологуба, у которой он жил): «Федор Кузьмич в агонии, приезжайте немедленно». Оправдывалось его предсказание о самом себе:

Смерть меня погубит в декабре,
В декабре я перестану жить...

Мы с женой сейчас же поехали на Ждановку (Петербургская сторона), где жил, а теперь умирал большой русский поэт, но застать его в живых уже не привелось: он скончался незадолго до нашего приезда и теперь лежал на своей оттоманке, под одеялом — похолодевший, бесстрастный, со спокойным, одновременно и строгим и добрым (как было и при жизни) выражением лица. Другие его строки о себе самом — не оправдались:

Перехитрив свою судьбу,
Уже и тем я был доволен,
Что весел был, когда был болен,
Что весел буду и в гробу...

Судьбы своей он не перехитрил, и в гробу не был весел, как обещал; но и многомесячные страдания (он тяжело умирал от уремии) не отпечатались на его спокойном лице.

А как ему не хотелось умирать! Это был уже не тот дерзкий Сологуб, который ненавидел «дебелую бабищу Жизнь» и воспевал хвалу Смерти-освободительнице. За несколько дней до прихода к нему этой неизбежной гостии, я был у него по литературным делам (по каким — еще скажу ниже) — и впервые в жизни увидал его плачущим и тщетно пытающимся скрыть слезы.

— Умирать надо? Гнусность! Только-только стал понимать, что такое жизнь... Разве раньше старости человек понимает это?

А вот — надо уходить. Зачем? За что? Как смеют? (Это безличное: «Как смеют?» — очень мне запомнилось).

Чем утешить умирающего? Я попробовал сказать ему, что смерть приходит к человеку только тогда, когда сам он теряет волю к жизни, а пока воля эта есть — смерть над ним бессильна. Смерть явление столько же духовного (вернее — душевного), сколько и физического плана... Но Сологуб не слушал.

— К лягушкам? В болото? Не хочу!

А когда я имел неосторожность (скажем уж прямо: глупость) напомнить ему о «дебелой бабище Жизни», то он до того рассердился, что я даже обрадовался: была еще у него эта воля к жизни!

Но теперь — все было уже решено и кончено. Смерть-освободительница избавила его и от физических, и от душевных страданий.

День прошел в суете, в хлопотах, посетителях, а к ночи, когда гроб с телом, засыпанный цветами, уже стоял посредине комнаты, когда после вечерней панихиды разошлись многочисленные друзья, почитатели, знакомые и незнакомые, — я начал разбор оставшихся после Ф. Сологуба бумаг и проработал всю ночь напролет, вызвав на помощь одного доброго приятеля, страстного книжника и большого знатока русской поэзии XX века.

В начале 30-х годов этот приятель был арестован по совершенно бессмысленному обвинению; провел несколько лет в одной из уральских тюрем, а после нее — еще несколько лет в ссылке в одном из северных городов. Когда срок ссылки в начале 1937 года закончился, он снова был арестован, и на этот раз бесследно пропал для родных и друзей, был вычеркнут из числа живых. Что с ним теперь и где он, жив ли, нет ли — не знаю; но если жив, то не рискую компрометировать его знакомством с собою, ныне вынырнувшим из воды.

Итак: мы с ним проработали всю ночь напролет. Такая спешка нужна была оттого, что Сологуб — Федор Кузьмич Тетерников — умер бездетным, вообще наследников не оставил, и каждую минуту мог явиться «фининспектор», чтобы наложить арест на выморочное имущество. Всю ночь мы разбирали и переносили бумаги, рукописи, книги с автографами, ящики, альбомы, фотографии, пачки писем — из комнаты Сологуба в другие комнаты квартиры.

Настало утро — и я отправился в «Пушкинский Дом Академии наук». Это было как раз незадолго до его разгрома, до разгрома

всей Академии, до ареста и последующей гибели в самарской ссылке академика С. Ф. Платонова, а в других ссылках — скольких других академиков и профессоров!

Но в 1927 году разгрома еще не было, Пушкинский Дом осеняло еще имя честного и скромного ученого, П. Н. Сакулина, а заместителем его был милейший и обязательнейший Б. Л. Модзалевский, один из авторитетнейших наших пушкинистов; рукописным отделом заведовал зять С. Ф. Платонова, тоже «пушкинист», но сравнительно молодой, Н. В. Измайлов. Наконец, — секретарем Академии наук был тогда племянник семьи Римских-Корсаковых (композитора), а через них давно знакомый и мне, Б. Н. Молас. Привожу все эти имена в связи с последующей их судьбой. Впрочем — Б. Л. Модзалевский счастливо избежал ее, — скоропостижно скончался незадолго до разгрома Академии и Пушкинского Дома. Б. Н. Молас и Н. В. Измайлов были менее счастливы — и получили (без вины виноватые) по десять лет Соловков каждый. Измайлов впоследствии снова появился на «пушкинском» научном горизонте, а Молас, отбыв ссылку, был вторично арестован, и с начала 1937 года пропал бесследно. Все это — такие знакомые в СССР «переживания»!

Молас, Модзалевский и Измайлов в полчаса «оформили» дело, устроили все, что было нужно, и выдали мне охранную грамоту на весь архив Федора Сологуба, как подлежащий передаче в Пушкинский Дом Академии наук. Теперь мы могли спокойно заняться разбором и описью архива, не боясь фининспектора (он явился в тот же день и пощелкал зубами), — и занялись этой работой немедленно после похорон. Она продолжалась каждый день почти три месяца — и лишь в конце февраля 1928 года мы закончили наш труд, и сдали разобранный и описанный архив Сологуба представителям Пушкинского Дома.

Архив Федора Сологуба представлял собою нечто исключительное не только по богатству материала, но и по величайшему порядку, в весь этот материал содержался. Стихи и рассказы были собраны и в хронологическом, и в алфавитном порядке, датированы, разложены по алфавитным ящикам; письма разобраны по фамилиям, фотографии надписаны.

Тремя годами позднее, когда мне пришлось столь же близко ознакомиться с архивом А. А. Блока, находившимся у меня на дому (при редактировании мною собрания его сочинений), я убедился, что не один

Федор Кузьмич умел содержать свои бумаги и тетради в образцовом порядке, но все же пальму первенства приходилось отдать Ф. Сологубу. Через десять лет, в 1940 году, мне привелось приводить в порядок и описывать архивы живого Михаила Пришвина и покойного моего друга А. Н. Римского-Корсакова, — и я тогда не раз поминал добрым словом величайшую аккуратность и систематичность Сологуба.

Тяжка судьба писателя — в расцвете сил чувствующего, что ему есть еще что сказать — и вынужденного умолкнуть и писать только «в письменный стол». Такова была судьба и Ф. Сологуба после 1917 года. Десять лет прожил он еще, писал — много (опись архива показала нам это), напечатать не мог почти ничего: он был «неактуален»... Аргумент — поистине идиотский, ибо все великие произведения всегда «не-актуальны», они стоят выше узких интересов своего времени. Правда, это не значит, что всякое «не-актуальное» произведение должно считаться «великим», ибо, как известно из математики, не все обратные теоремы справедливы: когда идет дождь — я раскрываю зонтик, но из этого не следует, что когда я раскрою зонтик, то пойдет дождь...

Произведения последних десяти лет жизни Сологуба не были, быть может, «великими», но они были безмерно талантливее того «актуального» и сугубо бездарного, что начало заполнять собою страницы журналов и что получило название «пролетарской литературы». Ужасные стихи Уткиных, Алтаузеных, Светловых и Ко. — печатались; замечательные стихи Ф. Сологуба этого же десятилетия — складывались им в письменный стол. О судьбе последних тетрадей этих стихотворений мне и хочется теперь вспомнить.

4. <Федор Сологуб: Окончание>

(1942. 7 июня. № 45 [427]. С. 4–5)

В обычную «школьную» тетрадку Ф. Сологуб почти ежедневно записывал иногда одно, иногда и несколько стихотворений. Лишь ничтожная часть их напечатана в тех сборниках, которые выходили в самом на-

чале двадцатых годов: «Фимиамы», «Соборный благовест» и немногие другие. А за два последних года жизни Ф. Сологуба (1925–1927) ему уже не удавалось проводить в печать ни своих сборников, ни отдельных стихотворений. Как раз к этому времени он тяжело заболел, на глазах умирал, очень хотелось хоть чем-нибудь скрасить последние месяцы его жизни. Я предложил ему — отобрать несколько десятков наиболее «подходящих» стихотворений и взялся хлопотать об их издании отдельным сборником в Государственном издательстве, где тогда литературным фронтом командовал некий Ангерт, известный мне по делам издания комментированного мною в 1926–1927 гг. «избранного Салтыкова».

(В скобках: что этот товарищ Ангерт вытворял, как «хозяин русской литературы» в Ленинграде — говорить об этом не стоит; делал он, что левая нога его хотела. Но — года через два после описываемого времени — и на него нашла беда: был арестован, сидел в заточении, а затем был отправлен в многолетнюю ссылку на побережья Лапландии. Дальнейшая судьба его мне неизвестна, да, по правде сказать, и неинтересна.)

Сологуб отказался сам произвести отбор «подходящих» стихотворений и передал мне пять толстых тетрадей со стихами 1926–1927 годов, чтобы я проделал эту работу за него; сам он был уже настолько тяжело болен (дело было в октябре 1927 года), что даже и такая работа была бы для него непосильной. Я взял эти тетради, чтобы из нескольких сот отобрать несколько десятков последних стихотворений Ф. Сологуба (всего я отобрал их восемьдесят); они действительно оказались — *последними*. Самое последнее, замыкавшее собою пятую тетрадь, было трогательным прощанием с жизнью поэта, увидевшего приближающуюся смерть:

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым.

Давнишний любитель и ценитель стихов Сологуба, я все же был поражен великой простотой этих последних его стихотворений, экономией слов и образов, отказом от всякого бывшего «барокко». Вспомнился недавний разговор с ним о Царском Селе (он нежно любил этот городок и мечтал снова переехать туда, — «лишь только поправлюсь»): «сперва восхищаешься роскошью Растрелли, а к старости на-

чинаешь ценить величавую простоту Камерона»... Поэт-Сологуб всегда был «прост», но теперь трудная эта простота дошла до пределов классичности — и величайшим трудом было отобрать восемьдесят стихотворений из нескольких сот: каждое хотелось взять в сборник.

К середине октября работа была завершена, стихотворения отобраны и отбор этот санкционирован Ф. Сологубом; после этого жена моя переписала весь этот сборник на пишущей машине в трех экземплярах — один из которых я и отнес к Ангерту. Дальнейшая судьба трех экземпляров: один — конечно, погиб в Государственном издательстве; два других, после смерти Ф. Сологуба, были поделены между О. Н. Черносвитовой и мною. Мой экземпляр погиб с моим архивом; о судьбе экземпляра О. Н. Черносвитовой — когда-нибудь узнаем.

Сперва казалось, что Государственное издательство хочет пойти навстречу желанию друзей поэта — издать еще при его жизни *последний* сборник его стихотворений. Был даже намечен художник для обложки — общий наш друг и приятель Петров-Водкин. Но потом — дело застопорилось: сборник был признан «не-актуальным», а отдельные его стихотворения — «контр-революционными». Особенно напирал Ангерт на одно стихотворение, которое — считаю я — когда-нибудь войдет во все хрестоматии и которое здесь оглашаю я впервые:

Спорит Башня с черной Пашней:

— Пашня, хлеба мне подай!

Спорит Пашня с гордой Башней:

— Приходи и забирай!

Башня поиск высылает,
Панцырь звякает о бронь,
Острие копья сверкает,
Шею гнет дугою конь.

Пашня Башне покорилась,
Треть зерна ей отдала,
А другой — обсеменилась,
Третьей — год весь прожила.

Шли века. Упала Башня
И рассыпалась стена.
Шли века. Ликует Пашня,
Собирая семена.

— Как же вы не хотите понять, что Башня — это коммунизм, а Пашня — это крестьянин-единоличник! — возмущался Ангерт, услышав мое мнение об этом стихотворении, как о «классическом».

Так и не удалось издать книги при жизни Ф. Сологуба. Но не удалось это и после его смерти: сборник замечательных стихотворений большого поэта вот уже 15 лет лежит «готовый к печати» — и никому не нужный; нужны и печатаются «актуальные» вирши пролетарских поэтов. Более того: вот уже 15 лет находится в Пушкинском Доме архив Сологуба — а в архиве этом, как я уже сказал, сотни неопубликованных стихотворений, незаурядные рассказы, планы романов и повестей, — не говоря уже о черновиках «Мелкого беса» и других романов Сологуба. И что же? Ни одна живая душа не заинтересовалась за все эти 15 лет ознакомлением с этим исключительным архивом.

И дело тут, конечно, не в Сологубе и его «актуальности» или «неактуальности», а в органическом понижении русской культуры. Когда князь Д. И. Шаховской открыл новые, неизвестные «Философические письма» Чаадаева (ведь это же — исключительная сенсация! В былое время вся печать России трубила бы об этой находке!), то и это прошло в большевистской печати совершенно незамеченным. А то — сотни неизданных стихов Сологуба, подумаешь!

Это органическое понижение окружающей культуры и было для Сологуба (не для него одного, конечно) внутренней трагедией.

Жизнь раздвоилась, и чем дальше шло время, тем менее было надежды, что когда-нибудь удастся соединить эти раздвоенные половины... К тому же и в личной жизни случилась трагедия: жена поэта, Анастасия Николаевна Чеботаревская, покончила самоубийством. Скончался Блок; был расстрелян Гумилев, — и А. Н. Чеботаревская решила, что «судьба жертв искупительных просит», намечая к гибели трех больших русских поэтов: третьим будет Сологуб. Но его можно еще спасти, если кто-нибудь пожертвует собою за него: вот она и бросилась в ледяную воду Невы с Тучкова моста, рядом с тем домом на Ждановке, где ждал ее к вечернему чаю Сологуб.

После этого жизнь его пошла раздвоенно. С одной стороны Сологуб — бессменный председатель Союза писателей, лояльный гражданин СССР, вполне подчинившийся государственной власти — одно лицо, одна жизнь. Другая жизнь, другое лицо — ненависть к «туполобым», ожидание чуда, страстное ожидание свержения ненавистной власти.

За чайным столом любил он поговорить о «пролетарской литературе» (он много читал) — и беспощадно приговаривал ее «к небытию». Писал ядовитые эпиграммы на деятелей этой литературы. Мечтал об отъезде за границу, — но знал, что его туда не выпустят. Мечтал о том, что ему еще удастся напечатать новые рассказы, новые стихи, но в трезвые минуты сам понимал, что мечты эти — несбыточные и что печататься ему не дадут. Чтобы зарабатывать на жизнь (нельзя же было жить на восьмидесятирублевую пенсию, да и то пожалованную всего за три года до смерти) — пришлось обратиться к переводам французских романов и к редактированию других переводов. Конечно, хорошие переводы — дело полезное и почтенное; но заставить Сологуба заниматься ими, значило то же самое, как будто Менделеева засадили в гимназию преподавателем химии и физики. Хороший учитель гимназии — дело тоже почтенное, но экономно ли Менделеева делать педагогом, а Сологуба — переводчиком? Но советская власть об экономии не заботилась, ибо органическое понижение культуры входило в ее планы: поднять «пролетариат» до высшего уровня «интеллигенции» — дело долгое и трудное; проще и скорее — понизить этот уровень. В достижении этой цели большевики добились за четверть века больших успехов.

Так и умер Федор Сологуб. За последние месяцы жизни он знал, что умирает и что ему уже не дожидаться освобождения. Последнее его стихотворение (первую строфу которого я привел выше) говорит о том, что умирающий поэт примирился с тяжелой своей судьбой:

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым.

Что Творцу твои страданья?
Капля жизни в море лет!
Вот — одно воспоминанье,
Вот — и памяти уж нет.

Но как прежде — ярки зори,
И как прежде — ясен свет,
«Плещет море на просторе» —
Лишь тебя на свете нет.

Подыши ж еще немного
Сладким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
И — уйди, как легкий дым...

Это — последнее его стихотворение, такое простое и такое обреченное. Прошло полтора десятилетия после его смерти — и Сологуб, как писатель, совершенно забыт в СССР, точно его и не было («Вот — и памяти уж нет»!); он заслонен десятками калифов на час, память о которых погибнет без шума как раз тогда, когда вновь воскреснет имя Федора Сологуба и начнет разрабатываться замечательный его архив, ныне мертвым грузом лежащий в Пушкинском Доме.

5. Писательские судьбы

(1942. 26 авг. № 68 [450]. С. 2)

Читатели «Нового слова» часто спрашивают о судьбе ряда писателей в советской России. Особенно часто интересуются судьбой Анны Ахматовой, молчавшей почти двадцать лет; спрашивают о «репатриировавшихся» и вернувшихся в Россию Марине Цветаевой, князе Святополк-Мирском — и о многих других. Известный литературовед Иванов-Разумник, лишь недавно покинувший СССР, любезно согласился поделиться с читателями тем, что он знает о судьбах писателей и *погибших* за эти четверть века (расстрел, самоубийства, ссылка, изолятор), и о *задушенных цензурой*, а потому молчавших, и о *приспособившихся* «попутчиках»...

<Редакция газеты>

I. Погибшие

Велик синодик писателей, тем или иным путем погибших за эти тяжелые годы, — настолько велик, что дать полный перечень их в коротком очерке вряд ли возможно. Расскажу лишь о сравнительно немногих, ибо знаю далеко не о всех; так, например, судьбы провинциальных и областных писателей, подвергшихся «ежовскому» погрому в 1937 году, мне почти неизвестны. Но и без них синодик этот достаточно велик.

Можно считать, что синодик этот открывает собою Александр Блок († 7 августа 1921 года), задушенный той волной духовной контр-революции, которую обрушили на наши головы большевики. Через полтора месяца после его смерти был расстрелян Н. Гумилев <25 августа 1921 г.> — нельзя ведь было уступить пальму первенства великой французской революции, которая гильотинировала же поэта Андре Шенье! Гумилев был первой, но не последней жертвой; афишированных расстрелов писателей больше не было, но сколь многие погибли потом «под шумок», не то расстрелянные, не то получившие «десять лет строгой изоляции без права переписки», по официальной терминологии. Вот, например, столь много шумевший Борис Пильняк, — что с ним? В камерах Бутырской тюрьмы в Москве, в 1937–1938 году, говорили о его расстреле «за шпионаж», — а тюрьма, вообще говоря, хорошо осведомлена о судьбах своих сидельцев.

По тем же моим «тюремным сведениям», несомненно были расстреляны в это же время такие «киты» советской литературы, как пресловутые Авербах и Михаил Кольцов. Первый из них, зять чекистского диктатора Ягоды, возглавлял собою знаменитую ВАПП (Всесоюзную ассоциацию пролетарских писателей) и чувствовал себя хозяином русской литературы. Смешно было читать, как в редактируемых им литературных газетах и журналах («На посту») торжественно сообщалось: «Генеральный секретарь ВАПП'а тов. Авербах, вернувшийся из поездки за границу, вступил сего 5-го марта в исполнение своих обязанностей...» Смешно, но смех выходил действительно горький, так как этот полновластный секретарь, автор бездарных, полуграмотных критических статей, травил направо и налево кого хотел, раздавал литературные чины и ордена, требовал безусловного уничтожения всех «попутчиков», как врагов большевизма. Загадочное до сих пор самоубийство Маяковского (вот и еще один из погибших) в значительной мере объясняется этой травлей.

К слову — о Маяковском. Перед тем, как застрелиться, он написал большое письмо и надписал кому-то адрес на конверте; кому родные в отчаянии и суете не досмотрели. Это досмотрел немедленно явившийся на место происшествия всеильный тогда помощник Ягоды, специально приставленный «к литературным делам» Агранов — и письмо исчезло в его кармане, а значит, и в архивах ГПУ. — Об этом Агранове, его «дружбе» с писателями, его характерных беседах с Андреем Белым и

Замятинным надо бы при случае тоже рассказать подробно. После падения и расстрела Ягоды, Агранов тоже «пал» и был расстрелян; жена его, пребывавшая в 1937–1938 гг. в женской камере Бутырской тюрьмы, покушалась на самоубийство (вскрыла себе вену в бане) и ходила потом с парализованной рукой. Сослана или расстреляна?

Гибель Есенина в 1925 году тесно связана не только с его болезнью (смотри его предсмертную поэму «Черный человек»); ведь и сама болезнь была следствием невозможности писать и дышать в гнетущей атмосфере советского рая. Знаю об этом из разговора с Есениным за год до его смерти, когда он приехал ко мне летом 1924 года в Царское Село, — о чем тоже надо будет рассказать подробно. Десятилетием позднее покончила с собою в Москве неосторожно вернувшаяся в советский рай Марина Цветаева, наряду с Борисом Пастернаком — самы<й> талантливы<й> поэт современности...

Возвращаюсь, однако, к всесильному в начале тридцатых годов «генеральному секретарю ВАПП» Авербаху. Закат его начался в 1932 году, когда апрельским декретом, под шумок подготовленным Максимом Горьким (переехавшим из Сорренто в Москву и мечтавшим самому стать во главе русской литературы), уничтожена была ВАПП, а самое генеральный секретарь сослан на уральские заводы руководителем одной из провинциальных литературных ячеек: не из грязи, да в князи, а наоборот... Это было настоящее литературное землетрясение: все бывшие друзья и лакеи всесильного литературного временщика поспешили от него «отмежеваться», раскаяться, принести повинную... Еще через три-четыре года, после расстрела Ягоды, такая же участь постигла и Авербаха. Жена его, дочь известного В. Д. Бонч-Бруевича, тоже писательница, в виду больших партийных связей отца получила «только» бессрочное заключение в одном из женских специальных концлагерей.

Чтобы покончить с этими подонками литературы, надо упомянуть здесь и о пресловутом «очеркисте» Михаиле Кольцове, игравшем не менее крупную роль, чем Авербах. В самом начале периода «ежовщины», родной брат Михаила Кольцова, присяжный карикатурист «Известий» Бор. Ефимов нарисовал появившуюся в этой газете карикатуру «Ежовые рукавицы»: рукавица, утыканная шипами и гвоздями, сжимает мертвой хваткой в ужасе вопящего «контр-революционера»... Мог ли художник предполагать, что одними из ближайших жертв этой рука-

вицы явится не только он, но и только что со славой вернувшийся из Испании его могущественный брат, член редакции «Правды», Михаил Кольцов! В один прекрасный день явились в эту газету два адъютанта Ежова, вызвали М. Кольцова из редакционного заседания и увезли его с собой — в недра Лубянки, откуда он больше не возвращался. К Бор. Ефимову судьба была благоприятнее: в 1940 году он вынырнул на страницы газет со своими карикатурами.

Хоть и не на тему — о писателях — но к слову о художниках: известна тяжкая судьба талантливого Шухаева, приехавшего в середине тридцатых годов с женою из Парижа в советский парадиз. В «ежовские» времена и его, и жену, столь не вовремя «репатриировавшихся», сослали в разные лагеря Сибири — конечно, по штампованному обвинению «в шпионаже»: жена и он переписывались с парижскими друзьями...

6. <I. Погибшие: Окончание>

(1942. 30 авг. № 69 [451]. С. 4–5)

Но вот и крупный представитель подлинной литературы: князь Святополк-Мирский. Как известно, он занимал видное место в «европейской» русской литературе, был критик и историк, особенно признанный в Англии. Он прельстился увещаниями Максима Горького (много зла натворил этот человек!), его рассказами о расцвете писательской деятельности в России после падения ВАПП'а, «репатриировался», вернулся на родину и скромно встал там просто «Мирским» в печальные ряды советских критиков и историков литературы, вынужденных поголовно стать марксистами. Не один раз приходилось печатно каяться бедному писателю в якобы совершенных им ошибках и проступках против «марксистской идеологии» в своих статьях; но все же при жизни его высокого покровителя, Максима Горького, его еще терпели и не трогали. Но вот умер Максим Горький, родился пресловутый Ежов — и Святополк-Мирский был немедленно арестован: конечно и он тоже по обвинению в «шпионаже», ибо и он тоже имел неосторожность переписываться со своими оставшимися в Европе родными и друзьями. Его сослали на Дальний Восток, в гиблое место — бухту Ногаево, где он и умер в 1939 или 1940 году (не помню).

Умер — от голода, как сообщил из этого гиблого места находившийся там в ссылке (если тоже уже не умер) другой писатель, известный пушкинист Юлий Оксман, — еще одна из жертв нелепого террора.

Я ручаюсь за достоверность всего здесь рассказываемого, но не всегда могу поручиться за точность сведений о конечной судьбе писателей, вошедших в этот небывалый в мире писательский синодик: расстрел или «десять лет строгой изоляции без права переписки» — как узнать сквозь туман глубочайшей тайны, каким ГПУ окутывает все такие дела? Вот, например, гремевший во всех театрах советской России драмодел Киршон, «советский Шекспир и Мольер» (в эпитетах лакейская критика не стеснялась), друг и приятель Ягоды, заполнявший плохими комедиями театральные подмости всех городов, зарабатывавший до миллиона рублей в год, имевший дачи на черноморском побережье — и прямо из собственной дачи попавший в 1937 году в отдельную камеру Лубянской тюрьмы: как знать — расстрелян ли он (о чем в тюрьме уверенно сообщали) или запятан «на десять лет» в каменный мешок изолятора? Так или иначе, но вот и еще один писатель (каков бы он ни был), вычеркнутый из числа живых.

А если от этих низин перейти к литературным вершинам — то вот горькая судьба замечательного мыслителя, ученого, писателя о. Павла Флоренского, еще тридцать лет тому назад прошумевшего книгой «Столп и утверждение истины». Мужественно отказавшийся снять с себя священнический сан, претерпевший в ряде лет гонения и ссылки — он в начале тридцатых годов неожиданно был возвращен в Москву и поставлен во главе одного ученого учреждения (названия не помню), разрабатывавшего вопросы теории и практики электричества: о. Флоренский — не только писатель и философ, но и острый математик, автор ряда интереснейших книг по метаметрии и высшему анализу. Опять-таки в «ежовские времена» он был изъят из числа живых: расстрелян? Заточен? — Семья его, с которой я встретился в 1940 году в Троицко-Сергиевске (ныне город Загорск), считала, что о. Павел погиб, но тоже не знала о путях его гибели.

А вот два-три воспоминания из тюремных встреч. В камере № 45 Бутырской тюрьмы я встретился мимолетно с довольно известным марксистским «литературоведом» А. Лежневым, — в самое густо населенное время тюрьмы, осенью 1937 года, когда нас на 24 койки было 140 человек. Дня три мы с ним пролежали рядом, плечо к плечу, на на-

рах (чтобы повернуться на другой бок, надо было встать, сделать оборот стоя, и потом уже снова втиснуться между двумя лежащими соседями). Он был совершенно растерян от недоумения, как могли арестовать его, верноподданного марксиста, автора нескольких лояльнейших критических книг!.. Через три дня его перевели во внутреннюю тюрьму на Лубянку и дальнейшая его судьба мне неизвестна, но, во всяком случае, на литературном горизонте он до 1942 года больше не появлялся и находится, несомненно, где-либо в изоляторе или концлагере, хорошо еще, если в ссылке. Обвинялся по пресловутой статье 58, пункту 10 — «контрреволюционная деятельность».

Кстати сказать, этого А. Лежнева не надо путать с известным переметчиком И. Лежневым, который за границей ходил в «сменовеховцах», потом вернулся в Москву, полевел до коммунизма, втерся в доверие власть имущих и был допущен в редакционные святилища самой «Правды»; фигура очень темная. Но не поручусь и за его нынешнюю судьбу: рука ГПУ длинна, а террор во время войны достиг «сверх-ежовских» размеров.

Годом позднее и в другой общей камере Бутырок, уже менее густо населенной, я провел несколько месяцев рядом с известным венгерским поэтом и романистом, печатавшим свои объемистые романы в московских журналах, выпускавшим их многотиражными изданиями и вообще весьма благоденствовавшим вплоть до дня ареста. Это был Анатолий Гидаш, венгерский коммунист, женатый на дочери слишком известного Бела Куна, что сперва было причиной всяческого процветания Гидаша, а потом и причиной его гибели, — когда в 1937 году Бела Кун попал в тюрьму (в Лефортово, в самую страшную по приемам допросов московскую тюрьму, где самые стойкие люди — за редкими исключениями — через неделю-другую «признавались» во всем, в чем угодно). Анатолий Гидаш был обвинен в принадлежности к троцкистской подпольной группировке и, после ряда убедительных допросов на Лубянке, не выдержал и во всем «признался». Судьба его была предрешена: многолетний изолятор или концлагерь; вряд ли — расстрел.

Признаюсь, не без некоторого удовлетворения узнал я от Гидаша, что его тесть, Бела Кун, палач, в свое время заливший кровью весь Крым — сидит тут же, в соседней камере Бутырской тюрьмы, больной, разбитый допросами, в ожидании решения своей участи...

И еще одна тюремная встреча с писателем, хоть и не личная, а через следователя. Ферапонт Иванович Седенко (псевдоним — «П. Витязев») был неутомимым исследователем литературного наследства П. Л. Лаврова, издавал его сочинения, открывал неизвестные из них, составил картотеку в 20 000 карточек, посвященную жизни и творчеству П. Лаврова. В 1919–1926 гг. Витязев-Седенко стоял во главе книгоиздательства «Колос», в котором издавались и мои книги; по этим издательским делам мне приходилось встречаться с ним часто. В 1930 году Витязев-Седенко был сослан, картотека его — работа всей жизни — разгромлена, богатый архив по Лаврову погиб. В 1937 году он, уже вернувшийся из ссылки, был снова арестован, заключен на Лубянке, где и подвергался допросам — очевидно с применением сильно действующих методов. Сужу об этом по тем подписанным им протоколам его допросов, которые предъявил мне следователь в качестве обвинительного материала против меня. Прочитав их, я пришел в ужас — не за себя, а за несчастного Витязева-Седенко. Протоколы — обширнейшие! — начинались примерно так: «Теперь, когда я убедился, что следственным органам НКВД все известно, — считаю дальнейшее заpiresательство бесцельным и готов дать чистосердечные показания...» И дальше на многих листах шло признание во всех семи смертных антибольшевистских грехах, с перечислением десятка фамилий сообщников, признание в подпольной работе, в организации террористической группировки... и мало ли еще в чем, столь же фантастическом. Что это была сплошная фантастика — я вполне уверен, ибо упоминаемое в десятках мест мое имя связано было с никогда не бывшими делами. Я с изумлением прочел, что мною была налажена связь группы Витязева-Седенко с границей, что я доставал для него, Седенко, выходившие в Европе антисоветские книги, что он с имя-рек таким-то и таким-то бывал у меня в Царском Селе, где мы вели контрреволюционные разговоры... (Все эти показания были даны в начале июня 1937 г., а я был арестован в конце сентября: долго же собирались арестовать меня после таких обвинений бдительные следственные органы!) Я заявил следователю, что все, касающееся в этих показаниях меня, — дикий бред (что следователь и без того прекрасно знал), но дело тут не во мне, а в Витязеве-Седенко. Это был энергичный, мужественный человек, член эс-эровской боевой организации еще в 1905 году, повидавший на своем веку еще в царское время всякие виды —

и тюрьмы, и ссылки, и побеги, и новые аресты. Как же должны были замучить на допросах этого стойкого человека, чтобы заставить его дать такие самоубийственные «признания»! Полагаю, что после них участь его была решена, и что Витязева-Седенко можно причислить к тому сонму погибших писателей, далеко не полный синодик которых дается в этих строках.

В заключение, рассказ о судьбе трех «народных поэтов», имена которых обычно принято было ставить рядом: Николай Клюев, Сергей Есенин и Петр Орешин. Судьба Есенина — известна, о ней можно еще многое порассказать при случае. Петр Орешин пробовал попасть в стан приспособившихся, что удавалось ему с трудом; в двадцатых годах он кое-как еще держался, приспособлялся; в середине тридцатых годов — стал жертвой очередной волны террора, попал в тюрьму, а из нее — куда-то в ссылку, в концлагерь или в изолятор, дальнейшие следы его теряются. Николай Клюев, один из замечательнейших поэтов недавних лет, попал в Нарымский край, в ссылку, еще в 1933 году — и погиб в ней: умер в августе 1937 года. Но судьба его и его литературного наследия настолько горька, что я еще остановлюсь на ней впоследствии подробнее. А пока, для конца — о судьбе еще одного народного поэта, малоизвестного, но подававшего надежды — Алексея Ганина.

Алексей Ганин вступил на литературный путь в самый год революции, — в сборнике «Скифы» (1917 г.) было напечатано яркое его стихотворение «Облачные кони». Потом, в самые острые годы типографской разрухи, в 1918–1919 году, он, живя в Вологде, напечатал «китайским способом» (собственноручно вырезая на досках!) в нескольких десятках экземпляров целый сборник своих стихотворений, показавших в нем силу растущего мастера. Свободолюбивый и с открытой душой человек, он не умел скрывать своих антибольшевистских настроений. Был расстрелян большевиками в Вологде в 1920 году. Таким образом, не Блок и не Гумилев открывают собою синодик писателей, а Алексей Ганин, погибший еще годом раньше их.

* * *

Довольно! Я не перечислил, вероятно, и десятой доли имен погибших за четверть века в советском раю русских писателей, но и этого более чем достаточно. Большевики могут гордиться: они далеко

обогнали великую французскую революцию. Там — один крупный поэт, Андрэ Шенье; здесь — десятки расстрелянных, погибших и ныне погибающих в ссылках, концлагерях, изоляторах. А сколько погибших иными путями, — сколько задюшенных цензурой, или — что еще хуже — сколько приспособившихся! Но об этом — в другой раз.

7. II. Задюшенные

(1942. 20 сент. № 75 [457]. С. 4–5)

Духовно задюшенными цензурой были все без исключения советские писатели, физически погибшими была лишь часть их: первые — «род», вторые — «вид», говоря языком естествознания. Эта часть исчисляется многими десятками людей; но уже не десятками, а сотнями надо числить писателей, изнывавших под игом цензуры — и либо замолкавших волей-неволей на долгие годы, либо приспособлявшихся к «веваниям времени». «С волками жить — по волчьи выть», — говорил мне один из видных советских романистов; за чайным столом он высказывал одни мнения, печатно — диаметрально противоположные. Об этих приспособившихся — речь впереди, сперва же о тех немногих, которые не хотели и не могли идти в коровьем стаде приспособляющихся. Этот список будет очень невелик.

Русская литература издавна знала писателей этих трех типов. Погиб на виселице поэт Рылеев, задюшен был Чаадаев (высочайше объявлен сумасшедшим и тем самым отрезан от литературы), приспособился, в конце концов, Полевой, — если брать примеры людей одного поколения. Но не всегда возможно определить — по крайней мере нам, современникам, — к какой из этих трех групп относится тот или иной писатель. Вот и пример: на фоне убогой советской философии, на фоне жалких споров «диалектиков» с «механистами» (читая их — вспоминал свои гимназические годы) — в течение целого десятилетия выделялся интересный и острый мыслитель, неогегельянец А. Ф. Лосев. Ему удавалось печатать объемистые свои труды лишь потому, что он догадался делать это в глухой провинции, вроде Тулы, где цензура была совсем провинциально наивной. Таким путем Лосеву удалось напечатать с десятков томов на темы философии культуры, пока пре-

державшие власти не спохватились и не прекратили такое безобразие: провинциальные пути были Лосеву отрезаны, о столичных и говорить нечего. Так был задушен единственный из представителей подлинной философии, ухитрившийся в течение ряда лет подавать свой голос; но вот вопрос — только ли печатно задушен, или потом физически погиб? По крайней мере, 1938 год застал Лосева в одной из московских тюрем; дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Чтобы закончить речь о представителях подлинной философии, упомяну еще о двух «религиозных философах»: профессоре С. Аскольдове (Алексееве) и А. А. Мейере. Первого сперва задушили невозможностью и преподавать и печататься, а потом погубили и ссылкой: до последних военных дней середины 1941 года он жил в Новгороде (еще очень милостивое место ссылки), — А. А. Мейер испытал, кроме литературного задушения, нечто горшее: десятилетие ссылок, начиная с изолятора Соловецкого монастыря. Скончался все же в Петербурге — в 1939 году, в больнице (от рака).

Но обращусь к «чистой литературе» — беллетристике и поэзии, — и к писателям, избежавшим личной гибели, но задушенным литературно — невозможностью печататься. Эта невозможность проявлялась у разных по-разному — в большей или меньшей степени: некоторым удавалось до поры до времени пробиваться сквозь цензурные теснины, а некоторых останавливали у самого входа в эти круги Дантова ада. Примером этого может служить судьба Е. И. Замятина, о которой не буду рассказывать подробно, полагая, что «европейскому» русскому читателю судьба эта достаточно известна: последние годы своей жизни Е. И. Замятин провел в Европе, благополучно выехав из советского парадиза. Но все же напомним: когда роман Евг. Замятина «Мы» не был пропущен советской цензурой, а вскоре появился в Европе и Америке в переводах, — против Замятина началась травля, предпринятая «Литературной газетой», к которой благородно присоединился и Союз писателей (прямой задачей которого была бы наоборот — защита своего сочлена). Замятин ответил выходом из Союза писателей, после чего все его литературные приятели, друзья и знакомые попрятались от страха в кусты, — прекратили знакомство с таким опасным человеком. Цензура же сделала свои выводы: не мытьем, так катаньем прекратить литературную деятельность такого вредного писателя. Пьеса «Блоха», шедшая с большим успехом и в Петербурге и в

Москве, была снята с репертуара; пьеса «Атилла», уже дошедшая до генеральной репетиции на сцене Большого драматического театра в Петербурге — была запрещена к представлению. Рассказы и повести не допускались к печати — по мотивам иной раз более, чем анекдотическим. Помню рассказ Е. И. Замятина о том, как цензура запретила одну из его повестей за первую же вступительную фразу: «На углу Блинной улицы и улицы Розы Люксембург»... Цензор счел такое сопоставление названий улиц издевательством и потребовал исключения фразы; а так как она была по духу не одинока в ткани повести, то последняя и не увидела света. Не буду увеличивать числа примеров; подробно обо всем этом могла бы рассказать Л. Н. Замятина, разделявшая и «советскую» и «европейскую» судьбы своего мужа. Скажу только, что, благодаря содействию Максима Горького, Замятину с женой удалось в 1930 году уехать «на год» в Европу; характерное письмо Е. И. Замятина к Сталину с просьбой об этом отпуске — ходило по рукам в писательских кругах Петербурга. Так или иначе, но факт налицо: задушили и вынудили бежать из советского рая. Хорошо еще, что позволили уехать, а не засадили в изолятор! Доживи Е. И. Замятин на родине до «ежовских» времен, до 1937 года, — вряд ли избежал бы он за старые свои грехи тюрьмы, изолятора или ссылки. К счастью для него — он не погиб, а был «только» литературно задушен...

Узнав о судьбе Евг. Замятина, о том, что его выпускают за границу, другой затравленный цензурой писатель, М. Булгаков, обратился с такой же просьбой к лицам «на заставах команду имеющим» (по выражению Салтыкова-Щедрина). Полагаю, что и «европейскому» русскому читателю известен этот молодой и талантливый писатель (по профессии — врач, Замятин был судостроитель), известен его роман «Белая армия» <«Белая гвардия»>, его пьеса «Дни Турбиных», его ядовитые рассказы «Роковые яйца» и «Дьяволиада». Спohватившись слишком поздно, цензура решила впредь не пропускать ни единой печатной строки этого «неуместного сатирика» (так выразился о М. Булгакове некий тип, на цензурной заставе команду имеющий). С тех пор рассказы и повести его — запрещались (читал я в рукописи очень остроумную его повесть «Шарик» <«Собачье сердце»>), пьесы — либо не допускались на сцену, либо снимались с репертуара («Багряный остров» <«Багровый остров»>, «Мольер» и др.). Вообще — литературно задушили. Не выдержав такой тяжелой судьбы и имея в виду

пример Замятина, выпущенного «на год» за границу, М. Булгаков обратился с такой же просьбой к вершителю судеб человеческих, мудрому Сталину. Этот положил резолюцию: за границу не пускать, цензурных шлюзов не открывать, а предложить московскому Художественному театру принять М. Булгакова в качестве литературного консультанта. Так и свершилось: вместо того, чтобы писать свое, М. Булгаков вынужден был заняться для театра обработкой «Мертвых душ» (последняя постановка Станиславского), литературно-театральной консультацией и прочими, подобными же делами, — до самой своей смерти в 1939 году. Еще один из задушенных литературно, но избежавших физической гибели в сетях ГПУ. И на том спасибо!

Мне уже приходилось рассказывать о трагической литературной судьбе Федора Сологуба, вынужденного умолкнуть и продолжавшего писать «не в журналы, а в свой письменный стол» (по его выражению). Но у Федора Сологуба хоть «прошрое» было, — собрание сочинений в двадцати томах (в издательстве «Сирин»); но каково было молодым, начинающим писателям, желавшим творить, но не желавшим приспособляться. Характерным примером является «пролетарский поэт» В. Казин, автор тоненькой книжки стихов «Рабочий Май»; эта тоненькая книжка была поистине «томов премногих тяжелей», — чувствовалось из нескольких десятков стихотворений, что перед нами подлинный лирический, милостью Божией, поэт. Но этот подлинный поэт был в то же время, к сожалению, и членом коммунистической партии, весьма строго контролирующей направление мыслей своих адептов. Писать на заказанные темы Казин не мог, не умел, или не хотел, — и предпочел замолчать. В течение двух десятилетий он написал (или, по крайней мере, напечатал), кроме многообещавшего «Рабочего Мая», только поэму «Любовь и лисья шуба», не считая немногих отдельных стихотворений в журналах. А между тем он был несомненно глубже и тоньше дарованием многословного П. Васильева, тоже вынужденного замолчать, но по другой, не менее уважительной причине: был посажен в Суздальский изолятор.

Надо сказать, что добровольно замолчавших — тоже немало, но называть их имена не всегда удобно, до поры до времени.

Но вот имя, которое можно назвать: Анна Ахматова. В течение двадцати лет она — печатно — молчала; поэзия ее была «не-актуальна»... Правда, в конце двадцатых или начале тридцатых годов «Изда-

тельство писателей в Ленинграде» получило цензурное разрешение издать в двух томах собрание стихов Анны Ахматовой — под редакцией, с комментариями и со вступительной статьей Демьяна Бедного... От этой чести Анна Ахматова категорически отказалась, предпочитая оставаться неизданной.

Кстати сказать, в середине тридцатых годов сам всемогущий до того времени Демьян Бедный оказался — ко всеобщей радости даже коммунистов — тоже «задушенным», и несколько лет нигде не мог печататься. Причиной этого была не цензура, а особое приказание оскорбленного Сталина, в руки которого, при помощи ГПУ, попали дневники секретаря Демьяна Бедного, некоего М. Презента. История эта весьма шумела («кому горе, кому смех!») в России, вероятно, дошла и до русских в Европе, а потому я и не рассказываю здесь подробно о литературно задушенном Демьяне Бедном; впрочем он получил прощение и воскрес к началу войны 1941 года.

Возвращаясь к Анне Ахматовой: вдруг случилось невероятное, было свыше разрешено издать том избранных ее стихотворений, который и вышел в 1940 году под заглавием «Шестикнижие» <«Из шести книг»> и, надо думать, дошел и до «русских в Европе», почему я о нем и не распространяюсь. Не знаю, известно ли зато окончание всей этой эпопеи? Прошло всего полгода после выхода в свет этой книги, как появление ее было признано ошибкой, книга была негласно изъята из продажи и из библиотек... Анне Ахматовой более идет быть задушенной цензурой, чем преуспевающей. — К слову сказать, за эти долгие годы молчания ей удалось сделать ценный вклад в пушкиноведение, указав на истоки «Золотого Петушка» в произведениях Вашингтона Ирвинга (статья об этом Анны Ахматовой была напечатана, если не ошибаюсь, в журнале «Звезда»).

В заключение — позволю и себя включить в этот краткий список литературно задушенных писателей. Когда в 1923 году вышла в издательстве «Колос» моя книга «Вершины» — цензура предложила издательству впредь не предъявлять для цензурования книг этого автора, ибо они вообще, независимо от их содержания, пропускаться не будут. Поэтому, не могли выйти в свет, а потом и погибли мои книги — «Россия и Европа» и «Оправдание человека»; пришлось укрыться за псевдоним, чтобы напечатать в 1925 году в издательстве «Мысль» сборник «Современная литература», вышедший под моей

редакцией, но без моего имени. А под своей статьей «Взгляд и нечто» я поставил в этом сборнике подпись: *Ипполит Удушьев*. Действительно — удушили.

Заканчивая этот список литературно задушенных, повторяю: он намеренно краток, ибо о многих, оставшихся по ту сторону рубежа, говорить по разным причинам еще неудобно.

8. III. Приспособившиеся

(1942. 21 окт. № 84 [466]. С. 2–3)

О погибших в советских тюрьмах и ссылках писателях рассказывать хоть и горько, но легко: им уж ничем не повредишь. О писателях, задушенных советской цензурой, говорить гораздо труднее: говори с оглядкой, чтобы не повредить людям, доселе живущим в советском раю. И уже совсем трудно говорить о легионе приспособившихся: во-первых, их так много, что не знаешь, о ком и сказать; а во-вторых, — никак нельзя передать частные разговоры с ними, в которых эти бедняги, иной раз с почтенными литературными именами, говорят искренно (но — наедине!) о своем подлинном отношении к власти предержащей. Оправдывают себя они лишь бескрылыми поговорками: против рожна не попрешь, плетью обуха не перешибешь, с волками жить — по волчьи выть; официально говорят они одно, в частной беседе (но — наедине!) — диаметрально противоположное. Нельзя же теперь оглашать эти имена и эти разговоры, когда НКВД особенно свирепствует в поисках «инакомыслящих».

Помню ужин в 1940 году в дружеском кругу пяти-шести виднейших советских писателей, среди которых было три «орденоносца», с европейскими именами. Вино развязало языки — и даже не наедине, а в тесной компании, люди стали откровенными, — и чего только не наговорили они о себе, о властях предержащих, о горькой необходимости либо приспособляться, либо молчать. В тюремном быту я привык к откровенности, — людям там все равно нечего терять, и они выражаются иной раз весьма круто и солоно о лицах, на коммунистических заставах команду имеющих; но орденосносцы-писатели за этим товарищеским ужином побили все рекорды в выражении своей нена-

висти к советскому строю. А через несколько дней я читал в «Литературной газете» восторженный панегирик мудрому правительству за постоянные заботы о писателях, — и автором панегирика был как раз тот из орденоносцев, который за товарищеским ужином красочнее других клеймил мудрое правительство.

Таких примеров — десятки и сотни, но примеры все «безыменные»: нельзя же огласить имя этого орденоносца, и поныне пребывающего под властной рукою мудрого правительства. Но есть имена, которые можно огласить без всякой опасности для «оглашенных» — и во главе этих имен стоит, конечно, имя «пролетарского графа» Алексея Толстого. Талантливый писатель (Федор Сологуб грубо, но метко говорил про него, что он «брюхом талантлив»), весьма беспомощный в области «идеологии» и вполне равнодушный ко всякого рода моральным принципам — он проделал классический путь приспособленчества: от эмиграции к «сменовеховству», от «сменовеховства» (после возвращения в Россию) — к писанию халтурных пьес, вроде «Заговора императрицы», от этой театральной халтуры — к халтуре публицистической, детски беспомощной, на столбцах «Известий». Зарабатывая ежегодно больше сотни тысяч (переиздания сочинений! пьесы! кинофильмы!), он сам откровенно признавал, что делать это он может лишь благодаря беззастенчивой халтуре: рядом с «Петром Первым» или «Хождением по мукам» — приходится писать для прославления начальства такие ужасные романы, как «Хлеб» или «Черное золото». Ничего не поделаешь — приходится приспособляться, чтобы заслужить и благоволение начальства, и сотни тысяч, и титул «пролетарского графа»... Это приспособление «графа» к «пролетариату» происходило на глазах у всех нас в Царском Селе со второй половины двадцатых годов, — и можно было бы рассказать не один красочный анекдот об эпизодах характерного процесса этого приспособленчества.

Другой пример, значительно менее яркий — история приспособленчества гремевшего некогда (очень давно! — в 1906–1910 гг.) Сергея Городецкого, ныне совершенно — и по заслугам — забытого. Он, вероятно, очень хотел бы повторить путь пролетарского графа, но переборщил: вступил членом в коммунистическую партию (чего у Алексея Толстого хватило ума не сделать), стал сотрудничать в безграмотном журнале «Безбожник» и печатать в нем во всех смыслах «безбожные» вирши. Не процвел, но приспособился вполне. Последним литератур-

ным подвигом его было перелицевание текста оперы «Жизнь за царя» в текст оперы «Иван Сусанин». Эта юмористическая история очень шумела в последние годы в Петербурге и Москве, — и не прославила имени Сергея Городецкого, когда-то так славно начавшего свой литературный путь (сборники стихов «Ярь» и «Перун»), для того, чтобы так бесславно закончить его к началу сороковых годов.

Лет десять тому назад очень насмешил «читающую публику» яркий эпизод приспособленчества: в апреле 1932 года писатель Алексей Чапыгин и поэтесса Елизавета Полонская огласили в газетах заявление о своем вступлении в РАПП (Российскую ассоциацию пролетарских писателей), — как раз за неделю до того, как эта организация была уничтожена декретом правительства. Некий остроумец (фамилию знаю, но не могу огласить) сложил такую эпитафию по случаю смерти этого недоброй памяти литературного застенка:

Под камнем сим лежит РАПП божий...
Чего ж ты пятишься, прохожий?

Алексей Чапыгин и Елизавета Полонская не вовремя решили приспособиться, — что не мешало Алексею Чапыгину быть автором хороших романов («Разин Степан», «Гулящие люди» и др.), а Елизавете Полонской — посредственной поэтессой, счет которых ведется дюжинами. Советскую власть Чапыгин ненавидел (в беседах — наедине!), и тем не менее шел же он покорно записываться в стадо приспособившихся!

Да что там Чапыгин, что там отдельные имена, когда перед глазами у всех прошел такой массовый пример приспособленчества, как пресловутый Съезд советских писателей в Москве, летом 1934 года. Десятки, сотни именитейших и безымянных писателей, начиная с Максима Горького, выступали с кафедры этого съезда — и все эти десятки и сотни, без исключения, явили собою такой махровый цвет приспособленчества, а то и лакейства перед властью, что невольно приходило на память крылатое слово Герцена о бюрократической лестнице в эпоху Николая I. Бюрократия эта, говорил Герцен, представляла собою лестницу восходящих господ, если смотреть снизу, и лестницу нисходящих лакеев, если смотреть сверху. Такой писательской лестницей нисходящих лакеев явил себя и Съезд советских писателей

(ССП — эти же буквы означают и Союз советских писателей — <и> по грубому выражению того же Максима Горького они расшифровываются как «сукины сыны приспособляются»... Максим Горький был не лучше других, но с высоты лестницы весьма презрительно смотрел на «нисходящих лакеев»). Десятки и сотни именитых литераторов выступали с кафедры Съезда с речами о нуждах писателей, о положении русской литературы — и все эти речи в конце концов сводились к восхвалению советской власти и мудрости Сталина. Хоть бы один из этих лакеев осмелился сказать о диком произволе советской цензуры (я уж не говорю — о свободе слова: где уж требовать такого мужества от закабаленных людей!); хотя бы один осмелился критиковать безграмотность редакторов «толстых журналов», разных Гронских и Ставских; хоть бы один осмелился возвысить подлинно писательский, а не лакейский голос! Это была жуткая картина для любящего русскую литературу и привыкшего в старые времена уважать звание русского писателя. Было, впрочем, одно утешение: несколько — очень немного! — из видных старых писателей, присутствовавших на Съезде, имели мужество... промолчать и не выступить с речами, несмотря на всяческое понуждение к этому президиума Съезда. Иногда и молчание может быть мужественным — там, где все обязаны хором возглашать осанну. Когда-то Шевченко писал про николаевскую Россию, что в ней

На всех языках вси молчат,
Бо благоденствуют...

В советские времена молчание стало признаком не столько благоденствия, сколько неблагомыслия: молчит, значит что-то про себя таит... И промолчавши на Съезде писателей видные два-три (не более!) представителя подлинной литературы, своим молчанием только подтвердили старое латинское изречение: *cum tacent — clamant*, когда молчат — вопиют...

* * *

Погибших в советской действительности писателей были десятки и десятки, задушенных цензурой — сотни, приспособившихся — тысячи: где уж тут говорить о них поименно! А следовало бы: например,

о вершине приспособленчества, Максиме Горьком, и его действительно горькой предсмертной участи (за два-три года до смерти), надо бы рассказать подробно вещи, неизвестные «зарубежной России». Или о погибающем ныне в концлагере талантливом поэте Заболоцком <в тексте *Заболотский* или, далее, *Заволотский*> — надо было бы рассказать совершенно невероятную историю, связанную с историей тоже талантливого поэта Тихонова, приспособившегося и орденоносного. Да и мало ли еще о ком следовало бы порассказать, пока не стерлись в грохоте мировой войны все эти имена и деяния! А если говорить не об одних писателях, а вообще о деятелях культуры, то здесь и конца края не будет рассказам о погибших, о задушенных, о приспособившихся. Все ли известно «в зарубежной России» о короле провокаторов, знаменитом ученом Рамзине, европейской известности в области теплотехники — и в то же время сопернике Азефа в области провокации? Или о гибели Мейерхольда и его жены, артистки Зинаиды Райх? А если ограничиться сферой моих личных тюремных впечатлений, то вот несколько имен: я сидел в Бутырской тюрьме в 1937–1939 гг., в Москве — либо в одной камере, либо в соседней камере с такими тюремными сидельцами, как знаменитый «АНТ» (А. Н. Туполев), как бывший товарищ министра генерал Джунковский, как начальник всей военной авиации Дальнего Востока советский генерал Ингаунис (сотрудник известного Блюхера), как... да мало ли еще кто, вплоть до пресловутого наркомюста Крыленко! На моих глазах погиб в Бутырской тюрьме (от острой цынги и не менее острых допросов) второй в России, после Рамзина, специалист по теплотехнике, проф. Худяков. Все это мною записано и, надеюсь, когда-нибудь увидит свет.

Но, суживая тему и возвращаясь к писательским судьбам, надо бы рассказать пока о горькой гибели большого русского поэта Николая Клюева и о фантастических причинах заключения в концлагерь талантливого советского поэта Заболоцкого. И в малой капле вод отражается солнце, — то бишь солнце сталинской конституции и радостной жизни счастливых советских россиян.

9. Николай Клюев

(1942. 20 дек. № 101 [483]. С. 4–5)

«Три горькие доли имела судьба» — этот стих Некрасова применим не только к русской крепостной женщине, но и к русскому советскому писателю. Погибнуть физически (расстрел, тюрьма, концлагерь), быть задушенным цензурой, или — третье — приспособиться и начать плясать от марксистской печки и по коммунистической дудке — это ли не горькие доли? И все эти три доли легли на плечи одного из крупнейших поэтов XX века, «последнего поэта деревни», Николая Клюева.

Судьба его была вообще необычна. Уроженец глухих олонецких лесов (около города Вытегры), сын старого николаевского солдата и духовно одаренной крестьянки (ее жизни он посвятил потом целую поэму), воспитанный в глубинах старообрядческой культуры — Клюев с юных лет обнаружил глубокое дарование и «песенный дар». Молва о нем разнеслась по округе — и в возрасте пятнадцати лет он стал «Давидом хлыстовского корабля», то есть присяжным слагателем духовных песен для одной из общин («корабля») секты хлыстов. Здесь, в глубине лесов, в хлыстовском «корабле», он пробыл три года и сложил за это время ряд духовных песен, которые впоследствии составили второй сборник его стихов — «Братские песни». Снискав полное доверие хлыстов, Клюев был послан ими в Баку, где был хозяином своеобразной «конспиративной квартиры», служившей явочным местом для посетителей из секты «бегунов», державших постоянную «эстафетную связь» между хлыстами олонецких и архангельских северных лесов и разными мистическими сектами жаркой Индии... Все это похоже на сказку — и в то же время это доподлинная быль, о которой Клюев рассказывал интереснейшие вещи (далеко не всем). Место этим рассказам — в подробной его биографии; здесь же достаточно сказать, что он пробыл в Баку несколько лет, много работая над собой, много читая, пока не почувствовал, что окреп достаточно и может уже попробовать свои силы. Он уехал в Москву, явился со своими стихами к Валерию Брюсову, при содействии которого и был издан в 1908 году первый сборник стихов Николая Клюева — «Сосен перезвон», сразу показавший, что у нас появился новый «поэт Божьею милостью». Через год-другой был напечатан второй сборник — «Братские песни», за ним последовал третий — «Лесные были», а вскоре после начала войны 1914 года и

четвертый сборник — «Мирские думы». Уже эти четыре томика позволили Клюеву занять видное и своеобразное место среди таких корифеев русской поэзии того времени, как Блок, Белый, Брюсов, Сологуб, Бальмонт, Вяч. Иванов и немногие другие. Правда, своеобразная поэзия Клюева не сразу получила общее признание — и сам он так рассказывает об этом в одном из прекрасных, но малоизвестных стихотворений:

Оттого в глазах моих просинь,
Что я сын великих озер.
Точит сизую киноварь осень
На родной беломорский простор.

На закате пляшут тюлени,
Загляделся в озеро чум...
Златороги мои олени —
Табуны напевов и дум.

Потянуло душу, как гуся,
В золотой, полуденный край:
Там Микола и светлый Исусе
Приготовят пшеничный рай.

Прихожу. — Вижу: избы — горы,
На водах стальные киты...
Я запел про синие боры,
Про *сосновый* звон и скиты.

Мне ученые люди сказали:
«К чему такие слова!
Укоротьте поддевку до талии
И обузьте у ней рукава!»

Я заплакал *Братскими* песнями, —
Порешили: «В рифме не смел!»
Зажурчал я ручьями полесными
И *Лесные* были пропел.

В поученье дали мне Игоря
Северянина пудренный том...
Сердце поняло: заживо выгорят
Те, кто смерти задет крылом...

Лихолетья часы железные
Возвестили войны пожар —
И *Мирские думы* болезные
Я принес отчизне, как дар;

Рассказал, как еловые куколи
Осеньяли солдатскую мать.
И газетные дятлы загукали:
«Не поэт он, а буквенный тать!»

«Русь Христа променяла на Платовых»,
«Рай крестьянский — мужический бред...»

Мало по малу, однако, Николай Клюев добился общего признания; больше того, — он стал оказывать влияние и на другие сильные индивидуальности. В подробной биографии Блока еще будет рассказано, какое сильное влияние оказал на него Клюев (около 1910 г.).

Подверглись этому влиянию и Сергей Есенин, и Петр Орешин, и Алексей Ганин — все «последние поэты деревни», все по-разному испытывавшие впоследствии горькую долю советских поэтов.

Не только февральскую, но и октябрьскую революцию 1917 года Николай Клюев вместе с Сергеем Есениным, Александром Блоком и немногими другими — встретил восторженно: политическая революция должна была углубиться до социальной. Но разное бывает углубление, иной раз оно выливается в упрощение и уплотнение; в области духовной и культурной жизни это и совершили большевики в первые же годы своего господства. «Последний поэт деревни», Николай Клюев, был объявлен «кулацким поэтом» и сразу же оказался в числе задущенных советских писателей. Редко и с трудом удавалось ему прорывать цензурные рогатки и выпустить два-три маленьких сборника стихотворений; совсем чудом удалось получить разрешение на издание двух томов собрания стихотворений («Песнослов»). Вскоре пришлось совсем отказаться от печатания и перейти к писанию «для себя» и для немногих друзей и знакомых. К сожалению, нельзя было уберечься от шпионства и провокации, нельзя было ручаться за «знакомых знакомых», перед которыми приходилось читать новые свои произведения. «Приходилось» — потому что это вскоре стало единственным источником жизни Николая Клюева. «Раскулаченный» в вы-

шегорской деревне, он поселился в Петербурге, читал свои произведения у друзей и знакомых, которые делали среди присутствующих сборы и вручали этот гонорар за чтение задушенному цензурой поэту. Кто слышал эти чтения, тот никогда их не забудет.

Со второй половины двадцатых годов Клюев на этих собраниях чаще всего читал свою поэму «Погорельщина»; она настолько замечательна, что требует особого рассказа. Скажу только, что слухи о ней распространились очень широко — и послужили причиной гибели поэта. Впрочем, арестован он был только в 1933 году, когда уже переехал на жительство в Москву.

Эти годы — конец двадцатых и начало тридцатых — были годами расцвета творчества Николая Клюева. Кроме десятков стихотворений он в эти годы писал обширную поэму (раза в три больше «Погорельщины») — «Песнь о Великой Матери». Поэма исключительной силы и глубокого содержания; но, к сожалению, она, кажется, навсегда погибла для литературы.

Арестованный по обвинению в «кулацком уклоне» и в контрреволюции, в чтении и распространении контрреволюционной поэмы «Погорельщина», Клюев, отсидев несколько месяцев в московских тюрьмах, был приговорен к ссылке в Нарымский край. Там он жил в самых ужасных условиях (знаю об этом по его письмам), но продолжал заканчивать поэму «Песнь о Великой Матери» и писал такие стихотворения, выше которых никогда еще не поднимался. В середине 1934 года он обратился с мольбой о помощи к Максиму Горькому, который был тогда на вершине силы и славы (возглавлял Съезд советских писателей); Горький «протянул руку помощи» — и Клюева перевели в Томск, но вскоре снова арестовали и в Томске. Так, сперва задушенный цензурой, погибал в сибирской ссылке один из самых больших наших поэтов XX века.

Задушенный, погибший... Но я сказал, что он испытал и третью горькую долю, — судьбу приспособившегося. Увы! из песни слова не выкинешь. Сломленный нарымской ссылкой и томской тюрьмой, потом снова попавший в Нарым, Клюев пал духом и попробовал вписаться в стан приспособившихся. В 1935 г. он написал большую поэму «Кремль», посвященную прославлению Сталина, Молотова, Ворошилова и прочих вождей; поэма заканчивалась воплем: «Прости, иль умереть вели!» Не знаю, дошла ли поэма «Кремль» до властителей

Кремля, но это приспособленчество не помогло Клюеву: он оставался в ссылке до конца срока, до августа 1937 года.

К слову сказать: поэзия не терпит неискренности и насилия. Вымученный «Кремль», если бы он даже сохранился, не прибавил бы лавров в поэтический венок Клюева; а он мог и не сохраниться, как и все поэтическое наследие Клюева этих последних годов его жизни.

Судьба этого наследия была трагическая. Лучшую и крупнейшую свою вещь, поэму «Песнь о Великой Матери» в трех частях Клюев дописывал в ссылке. Вторую часть он прислал на хранение своему другу Николаю Архипову, который был тогда хранителем музея Большого Петергофского дворца; не зная, как вернее сохранить драгоценную рукопись, Архипов положил ее на одну из высоких кафельных печей в одной из зал дворца. Вскоре после этого он был арестован, а Петергофский дворец был разрушен войной 1941 года.

В моем личном архиве хранилась объемистая папка — свыше ста писем и пятидесяти стихотворений Клюева эпохи 1933–1937 годов, в том числе и список первой части «Песни о Великой Матери». Папка эта вместе со всем моим архивом погибла в Царском Селе зимой 1941–1942 года.

Но, разумеется, у самого Клюева должны были сохраниться подлинники всех этих произведений. И тут судьба оказалась немилостивой к нему и к его поэтическому наследию. Отбыв срок ссылки, он получил разрешение выехать в Москву, где должны были определить его дальнейшую участь; в августе 1937 года он выехал из Томска — как он сам писал — «с чемоданом рукописей». По дороге, в вагоне, он скончался от сердечного припадка и похоронен на одной из станций Сибирской магистрали; на какой? — друзья его не могли дознаться до все того же 1941 года; а теперь — им до того ли? Чемодан с рукописями пропал бесследно, как бесследно погибли, надо думать, и вторая и третья части «Песни о Великой Матери», и все замечательные предсмертные стихотворения Николая Клюева. Правда, у одного его близкого друга хранились списки их в Ленинграде, но кто может теперь сказать — сохранились ли они в настоящее время у него и сохранился ли он сам?

К счастью, сохранился — и, вероятно, не в одном экземпляре — список поэмы «Погорельщина», той самой поэмы, которая сыграла такую трагическую роль в писательской судьбе Николая Клюева. Случайно сохранился этот список и у меня; перечитывая поэму, вспоминая ее в изумительном чтении самого поэта, сперва задуманного,

потом погубленного, неудачно пытавшегося приспособиться, и все-таки окончательно загубленного тюрьмой и ссылкой со всеми их жуткими условиями.

Если «Песнь о Великой Матери» не сохранилась — «Погорельщина» останется вершиной творчества Николая Клюева, памятью о его трагической писательской судьбе.

10. Лакейство

(1943. 3 янв. № 1 [487]. С. 4–5)

Остроумная и ядовитая характеристика Герценом бюрократической лестницы эпохи Николая I, как лестницы восходящих господ если смотреть снизу, — и лестницы нисходящих лакеев, — если смотреть сверху, — как нельзя более применима к советской действительности. Лакейство в ней доходило и доходит до таких пределов, которым не поверил бы Герцен, если бы ему сказали, что будет среди «русской общественности» через сто лет после этих его пророческих слов. И лакейство это разлилось широким потоком от горных вершин до болотных низин. Примеров не оберешься: хочу рассказать, как очевидец, об одном из них, красочнее и ярче которого мне не приходилось встречать за всю долгую жизнь в советском раю.

О том, что Алексей Толстой талантливый беллетрист («животом талантлив»), по выражению о нем Федора Сологуба) — спорить не приходится. О том, что в многочисленных произведениях его три четверти «халтуры» — сам он откровенно говорил в частных разговорах. О том, что он стоит на верхней ступени лакейства — достаточно известно по его публицистическим выступлениям, которые не делают чести ни его уму, ни его таланту. Но здесь я хочу рассказать не об его слабей, а о сильной его стороне, о настоящем художественном его произведении «Петр Первый» и о том, как даже здесь, в области творчества, махровым цветом может распуститься лакейство.

Два слова о самом романе «Петр Первый» — об одном связанном с ним характерном эпизоде, который мне достоверно известен. Когда профессор и академик С. Ф. Платонов сидел в ленинградском ДПЗ («Доме предварительного заключения») на Шпалерной улице, «дело»

его вел следователь Лазарь Коган, предложивший однажды своему «подследственному» взять в камеру первый том «Петра Первого» (С. Ф. Платонов его еще не читал) и написать о нем «в свободные минуты» отзыв «с исторической точки зрения». Недели через две С. Ф. Платонов передал своему следователю объемистую рукопись в 80 страниц — о «Петре Первом» Алексея Толстого с исторической точки зрения. В первом томе этого романа С. Ф. Платонов нашел до тысячи мелких и крупных ошибок против исторической истины. Конечно, роман — не историческое исследование, но все же факт характерен. Знаю о нем со слов того же самого Лазаря Когана, когда через несколько лет его «подследственным» был уже не С. Ф. Платонов (к тому времени скончавшийся в ссылке в Самаре), а я. Интересно, что стало с этой рукописью С. Ф. Платонова, являвшейся собственностью Лазаря Когана, когда последнего расстреляли «в ежовские времена», в 1937 году...

Но все это — только между прочим; перехожу к самому роману Алексея Толстого, или, вернее, к его авторской переработке в пьесу, которая шла и в ленинградских и в московских театрах. Впрочем, речь должна идти не о переработке, а о переработках, так как таковых было целых три — и в них автор последовательно опускался все ниже и ниже по ступенькам лакейства, тем самым восходя все выше и выше в иерархии господ. Остановлюсь только на последней сцене пьесы.

В первой редакции переработки сцена эта представляла собою смерть Петра. Царь — в агонии; за окном — буря на Неве; тонет любимый фрегат Петра «Ингерманландия». Для Петра это символ: с его смертью погибнет и все «дело Петрово». В горьком и безнадежном монологе Петр говорит о том, что нет впереди просвета, что гибнет не «Ингерманландия», а вся Россия. Умирает не герой, а слабый, отчаявшийся человек.

В этой первой редакции пьеса была поставлена МХАТ-ом II — и на генеральной репетиции (о которой расскажу ниже) выяснилось, что Петр здесь изображен «недостаточно героически», — однако пьеса была разрешена к постановке и шла в этой редакции целый год на сцене московского МХАТ-а II, а автор тем временем занялся переработкой этой пьесы во второй редакции, приняв к сведению сделанные свыше указания. Во второй редакции — Петр выведен «героичнее»; сцены смерти вообще нет, — а пьеса кончается казнью Монса и моно-

логом Петра перед Екатериной на тему о том, что сильные люди — всегда одиноки. (Взято напрокат из ибсеновского «Доктора Штокмана».) Но этот финал не удовлетворил ни начальство, ни тем самым автора. Пришлось заняться третьей редакцией, в которой пьеса шла потом на ленинградской сцене. В этой редакции финальная сцена — заседание Сената и речь Петра к сенаторам на тему о том, что «дело Петрово» — не пропадет: «Знайτε, товарищи (!), что хоть и не скоро, а придет человек, который будет по-своему, по-новому, но продолжать дело Петра»... До имени Сталина дело не дошло, но ведь и без того всякому имеющему уши, чтобы слышать, было понятно, на кого намекает — не Петр, а лакействующий автор.

Так лакействуют на верхних ступенях лестницы «восходящих господ». Еще характернее это же явление на нижних ступенях лестницы «нисходящих лакеев». Рассказ о генеральной репетиции первой редакции пьесы «Петр Первый» в МХАТ-е II послужит этому красочным примером.

Почти до конца двадцатых годов директором этого театра и одновременно главной его артистической силой был М. А. Чехов, гениальнейший из русских актеров двух последних десятилетий. После его эмиграции за границу, во главе МХАТ-а II встал неплохой актер и режиссер Берсенеv, но он уже не мог удержать театр на прежней «чеховской» высоте. Попыткой поднять театр явилась постановка «Петра Первого» (в первой редакции), пропущенного цензурой «Главреперткома» (Главного репертуарного комитета) с трудом, ибо опасались, что пьеса эта может быть воспринята, как «пропаганда монархизма». Поэтому актеру, игравшему Петра, предложено было режиссером «не нажимать на педаль героизма». И несмотря на это — театр трепетал: удастся ли провести пьесу, разрешение на которую Главрепертком дал под условием, что окончательное решение (разрешение или запрещение) будет вынесено лишь после просмотра пьесы начальством на генеральной репетиции, которая должна была состояться за день до спектакля.

На дневной генеральной репетиции театр был переполнен всеми властями, на коммунистических заставах командующими: от членов Политбюро — во главе с «самим Сталиным» — в ложах, до многочисленных представителей «красной профессуры» в партере и до бесчисленных представителей ГПУ во всех щелях театра. Партер и весь те-

атр смотрел не столько на сцену, сколько на «правительственную ложу» и на «самого Сталина» — чтобы уловить, какое впечатление производит пьеса на «хозяина земли русской», и соответственно с этим надо ли ее хвалить или стереть с лица земли. Пьеса подходила уже к концу — и все не удавалось определить настроение «хозяина»: сидел спокойно и не аплодировал. Но часа за четверть до конца, когда Петр уже агонизировал, а «Ингерманландия» тонула — произошла сенсация: Сталин встал и, не дождавшись конца пьесы, вышел из ложи. Встревоженный директор и режиссер Берсенеv побежал проводить «высокого гостя» к автомобилю, чтобы узнать о судьбе спектакля. Он имел счастье довольно долго беседовать в фойе с вершителем судеб пьесы и России, и, когда вернулся в зрительный зал, — занавес уже упал при гробовом молчании публики, решившей, что судьба «Петра Первого» уже предрешена...

Маленькое отступление: позвольте напомнить подобный же случай «в анналах русского театра». В собрании сочинений Кузьмы Пруткова, при рассказе о постановке на Александринской сцене в 1851 году водевиля «Фантазия», сообщается, что когда присутствовавший на спектакле Николай I, не дождавшись конца водевиля, «с признаками неудовольствия изволил выйти из ложи» — публика начала свистать, шикать, выражать негодование... Во все времена и при всех режимах лакеи остаются лакеями.

Занавес упал, но публика оставалась на местах, ибо по окончании пьесы тут же, на сцене, должна была состояться «дискуссия», решающая судьбу спектакля. Через немного минут занавес снова поднялся: на сцене стоял стол для президиума и кафедра для ораторов; записалось уже до сорока человек — все больше из состава «красной профессуры». Заранее можно было предсказать содержание речей, — в иных случаях легко быть пророком в своем отечестве. Один за другим выступали «красные профессора», «литературоведы-марксисты», театральные критики-коммунисты — и, стараясь перещеголять друг друга в резкости выражений, обрушивались на пьесу, требуя немедленного ее запрещения. Требовали привлечения к ответственности деятелей Главреперткома, пропустивших к постановке явно контрреволюционную пьесу; обрушивались на театр и режиссера, изобразивших Петра «героически», явно в целях пропаганды монархизма; взывали к «мудрости Сталина», который, конечно же, разглядел всю контрреволюци-

онность спектакля и несомненно запретит распространение его в массах; нападали и на автора, требуя не только запрещения пьесы, но и конфискации самого романа «Петр Первый», — первого его тома, — и запрещения цензурой предстоящего второго тома... В таком же духе высказались в течение часа один за другим десять ораторов, причем каждый последующий старался «увеличить давление» и оставить за флагом всех предыдущих в выражении своих верноподданных чувств и своего безмерного негодования.

На кафедре появился одиннадцатый оратор, — толстый «красный профессор» с таким же толстым желтым портфелем под мышкой. Он прислонил портфель к подножью кафедры, поднялся на нее и едва начал речь словами: «Товарищи! В полном согласии с предыдущими ораторами, я не нахожу достаточно сильных слов негодования, чтобы заклеймить эту отвратительную контрреволюционную пьесу, в которой так героически подан Петр, явно в целях пропаганды монархизма...» — как его перебил директор и режиссер Берсенеv, попросивший у председателя слова «с внеочередным заявлением». Получив его, Берсенеv, не поднимаясь на кафедру, где оставался одиннадцатый оратор, а стоя за спиной президиума, сказал приблизительно следующее:

«Товарищи! Французская народная мудрость говорит, что из столкновения мнений рождается истина, — и сегодняшний наш обмен мнениями о спектакле “Петр Первый” несомненно послужит лишним доказательством справедливости этой поговорки. Я рад, что десять-одиннадцать первых ораторов высказались столь единогласно в своем отрицательном и резком суждении о пьесе, — рад потому, что уверен, что многие из последующих ораторов выскажутся об этой пьесе в смысле совершенно противоположном. По крайней мере, мне уже известно одно из таких суждений. Час тому назад товарищ Сталин, в беседе со мной, высказал такое свое суждение о спектакле: “Прекрасная пьеса. Жаль только, что Петр выведен недостаточно героически”. Я совершенно уверен, что если не все, то по крайней мере некоторые из последующих ораторов присоединятся к этому мнению товарища Сталина, и таким образом из столкновения мнений родится истина. А теперь прошу меня извинить за то, что я прервал столь поучительный обмен мнениями своим внеочередным заявлением...»

Впечатление от этой краткой речи, которой нельзя отказать в ехидстве, было потрясающим. Сначала наступило гробовое продол-

жительное молчание, затем — вихрь землетрясения, буря оваций и крики: «Да здравствует товарищ Сталин!» Волной этого землетрясения был начисто смыт с кафедры толстый «красный профессор» — исчез неведомо куда, забыв даже свой толстый желтый портфель у подножия кафедры. (Берсенев потом рассказывал, что портфель этот три дня лежал в конторе театра, пока за ним не явились от имени толстого «красного профессора»). Его сменил на кафедре новый, двенадцатый оратор, очередной «красный профессор», который начал свою речь примерно так: «Товарищи! Слова бессильны передать то чувство глубочайшего возмущения, с которым я прослушал речи всех предыдущих ораторов. Как! Отрицательно относиться к замечательной прослушанной и виденной нами сегодня пьесе, о которой товарищ Сталин так верно и мудро сказал: “Прекрасная пьеса”. Как! Считать героическую фигуру Петра, про которую товарищ Сталин так мудро и верно заметил, что он выведен недостаточно героически, — в чем, действительно, единственная ошибка и автора, и театра...»

И так далее.

Стоит ли досказывать? Ну, конечно же, и само собой понятно, что все последующие ораторы «всецело присоединились» к мудрому суждению товарища Сталина, что они клеймили негодованием контрреволюционные выступления десяти первых ораторов, что пьеса была единогласно разрешена к постановке и что автор немедленно же принялся за вторую редакцию пьесы, чтобы Петр был в ней выведен «более героически»...

Ну разве не пророчески прав был Герцен? Какая замечательная лестница восходящих господ, — если смотреть снизу, и лестница нисходящих лакеев, — если смотреть сверху!

11. Фантастическая история

(1943. 25 апр. № 33 [519]. С. 3)

В разгаре пресловутой «ежовщины», в 1938 году, в Ленинграде была арестована группа писателей по обвинению в организации «троцкистской ячейки» с террористическими целями. Арестованные, как водится, под давлением неоспоримых физических аргументов призна-

лись во всем — и были разосланы по изоляторам, концлагерям и ссылкам, смотря по тяжести обвинения и по размаху следовательского усердия. Среди осужденных был и «подававший надежды», а отчасти и выполнивший их, молодой поэт Заболоцкий, попавший не то в изолятор, не то в концлагерь (не знаю), «на десять лет без права переписки».

Вскоре после этого разразилась эпидемия — награждения писателей орденами. Много курьезов можно было бы рассказать об этом позорном эпизоде в истории русской литературы; достаточно было просмотреть список награжденных, чтобы убедиться, что ордена эти давались не по литературному весу награждаемых, а по соображениям политическим, ничего общего с литературой не имеющим. Бездарные или полуталантливые виршеплеты и беллетристы получали высший из орденов — орден Ленина; многие талантливые представители старой литературы были оттеснены на задворки, в задние ряды и получили только жетончик «знак почета». Несомненно крупнейший из современных русских поэтов, уже немолодой Борис Пастернак — вообще не удостоился на этот раз никакого ордена. Кое-кто получил сравнительно «по заслугам», — если вообще может существовать литературная табель о рангах и если вообще вся эта орденосная вакханалия не была бы позором для литературы.

Среди получивших — сравнительно по заслугам — высокие ордена были между другими поэт Тихонов и беллетрист Федин. Не помню сейчас, какие ордена они получили — орден Ленина или Красного Знамени, но не в этом дело; существенно для дальнейшего лишь то, что оба эти писателя были почтены высокою государственною наградой. Кто бы мог предположить, что между осужденными за троцкизм и терроризм писателями и писателями-орденосцами существует тесная и неразрывная связь?

Пришел 1939 год. Ежов сошел со сцены (не то в могилу, не то в сумасшедший дом), появились новые птицы со старыми песнями; предполагалось, однако, что Берия, заместивший Ежова, склонен подвергнуть пересмотру осудительные приговоры двухлетней эпохи ежовщины. Но ведь приговоров этих были миллионы! На пересмотр всех этих дел потребовались бы годы и годы! Можно бы ограничиться лишь одними «вопиющими случаями»; но ведь все дела одинаково вопияли! Вот хотя бы случай с поэтом Заболоцким, — случай совершенно фантастический и тем не менее достовернейший.

К концу 1939 года или началу 1940 года стало ходить по рукам в писательских кругах Петербурга и Москвы письмо поэта Заболоцкого, пребывающего в концлагере или изоляторе, к поэту Николаю Тихонову, пребывающему в орденоносцах. Каким-то путем удалось Заболоцкому (быть может через одного из выходящих, отбывших срок в изоляторе или концлагере) переслать письмо Николаю Тихонову; письмо это в копии было и в моих руках. Содержание его было приблизительно следующее:

«В наше место заключения — писал поэт из тюрьмы поэту на свободе — не доходят сведения из внешнего мира в виде писем или газет; но благодаря неожиданной случайности, попал к нам обрывок того номера “Известий”, в котором дан перечень писателей, удостоенных высоких государственных наград. Среди ряда знакомых имен я с несказанным удивлением встретил Ваше имя, товарищ Тихонов, а также имя и товарища Федина. Искренне рад за вас обоих, что вы живы, здоровы и не только находитесь на свободе, но даже удостоены награждения высокими орденами; несказанное же удивление мое связано именно с этим обстоятельством, с одной стороны, и с моей личной судьбой — с другой. Полтора года тому назад я и ряд писателей (перечислен ряд имен) были арестованы по обвинению в принадлежности к террористическому троцкистскому кружку; на допросах, под давлением убедительнейших аргументов, мы вынуждены были признать, что действительно состояли членами такого кружка, и были завербованы в него возглавляющими кружок писателями — Николаем Тихоновым в Ленинграде и Константином Фединым в Москве. Теперь вам понятна и моя радость за вас — вы живы и на свободе, и мое глубочайшее изумление: каким образом вы, главы террористической организации, завербовавшие в число членов и меня, получили высокую государственную награду, в то время как я, рядовой член этой организации, получил за это же не орден, а десять лет строгой изоляции? Очевидно, что тут что-то неладно, концы не сходятся с концами, и Вам, находящемуся на свободе и награжденному государственным отличием, надлежит постараться распутать этот фантастический клубок, и либо самому признать свою вину и проситься в изолятор, либо сделать все возможное, чтобы вызволить из него нас, совершенно невинно в нем сидящих...»

О дальнейшем я знаю только по рассказам третьих лиц, так как после этого ни с Тихоновым, ни с Фединым не встречался. Рассказы-

вали, что перепуганные на смерть орденосцы, Тихонов и Федин, составили коллективное письмо на имя Берии, приложили к нему письмо Заболоцкого и просили о перерасследовании дела «группы ленинградских и московских писателей-террористов», ибо из выяснившихся обстоятельств видно, что следователь вел это дело приемами, заслуживающими некоторого сомнения, если не сказать осуждения... Было якобы получено обещание о пересмотре дела, — но до середины 1941 года никаких перемен в этой области не последовало: орденосцы продолжали оставаться орденосцами (хотя якобы возглавляли собою террористическую организацию писателей-троцкистов), а тюремные и лагерные сидельцы продолжали пребывать таковыми (хотя были только мелкими сошками, якобы завербованными в преступную организацию будущими орденосцами).

* * *

Я нисколько не сомневаюсь, что если бы фантастика мировой войны не свела на нет всю мелкую фантастику советского быта, если бы теперь были мирные времена и мой рассказ дошел бы до властей литературных русских судеб, то могло бы последовать литературное «опровержение ТАСС-а»: из глубины тюрьмы поэт Заболоцкий написал бы, что он никогда не сидел в тюрьме, а орденосцы Тихонов и Федин сообщили бы, что никогда не получали никакого письма от Заболоцкого, и что все рассказанное выше — сплошная фантастика. Я тоже склонен считать всю эту историю фантастической, но не потому, что ее не было, а потому, что много фантастического совершалось в застенках НКВД. Я был свидетелем и более фантастических случаев, которые, однако, были неоспоримой реальностью, так что не имею оснований не верить и рассказанному выше эпизоду.

12. «Пролетарская литература» и «социалистический реализм»

(1943. 2 мая. № 35 [521]. С. 2)

Когда более года тому назад мне довелось из-за китайской стены Советского Союза попасть в преддверье Европы, передо мной развернулись страницы сотен томов недоступных ранее, и я жадно принялся за пополнение своего литературного образования. Благодаря помощи старого друга, щедро снабжавшего меня книгами, и содействию ново-явленных друзей, усердно помогавших в этом же деле, мне удалось за этот год ознакомиться с некоторой частью того, что создала «русская эмигрантская литература» за четверть века своего существования. Конечно, судить о ней в целом я еще не могу, слишком многого я еще не знаю, но кое-что уже стало ясным, а кое-что, наоборот, еще вызывает недоумение.

Недоумение вызывает прежде всего эмигрантская литературная критика своим отношением к советской художественной литературе. И не то удивительно, что некоторая часть критики считает эту литературу вообще несуществующей, ибо — что доброго из Назарета? Гораздо удивительнее для меня то приподнятое отношение к ряду советских писателей, которое проявляется в другой части этой критики. С большим изумлением, например, прочел я в одном из журналов статью некоего критика под заглавием «Гоголь и Зощенко»; у нас, в Советском Союзе, никому не пришло бы в голову ставить такую тему, ибо маленький литературный рост Зощенко был ясен всем и каждому. Правда, дружественная автору критика пыталась раздувать значение этого писателя, но кто же обращал внимание на мнения советской критики, упавшей так низко, как никогда еще не падала критика в России! Ведь могла же она, эта критика, убеждать читателей, что романы пролетарского писателя Михаила Чумандрина превзошли собою «Войну и мир»! Да и мало ли что критика эта провозглашала, держа нос по ветру и вынюхивая, что из литературы нравится сильным мира сего, там, в Кремле. Отсюда раболепная канонизация Маяковского, — сперва затравленного РАПП-ом (Российская ассоциация пролетарских писателей) и доведенного до самоубийства, а потом канонизированного той же самой критикой, которая его травил. Еще бы! Ведь стало известно, что «сам Сталин» считает Маяковского первым пролетарским поэтом!

Итак — с мнениями советской критики никто не считался, ибо все знали, что это критика лакейская: кого прикажут, того и похвалит, кого прикажут, того и затравит. Как-то раз «сам Молотов» изволил отрицательно отозваться о балетной музыке Шостаковича, Боже ты мой, какая со всех сторон поднялась тут травля! Такими примерами — хоть пруд пруди: они общеизвестны и останавливаться на них не стоит. Но на одном частном случае остановиться следует.

Дан был приказ свыше: разработать понятие «пролетарская литература», подчеркнув, что основным свойством ее является «социалистический реализм». И — пошла писать губерния! Горы бумаги изведены для этого безнадёжного предприятия, ибо никто не знает, что такое «пролетарская литература», и еще менее того — что такое «социалистический реализм».

Пролетарская литература, — это, во-первых, такая литература, авторами которой являются пролетарии; а все авторы не-пролетарии являются лишь «попутчиками». Пусть так, — но не все здесь так просто, как кажется. Вот, например, граф Алексей Толстой: он был в «попутчиках», пока не удостоился кремлевского внимания, после чего его романы стали «украшением пролетарской литературы», а сам он стал ходить под кличкой «пролетарского графа». Значит — не в происхождении тут дело, а в мировоззрении. Вот Федор Сологуб был происхождения самого пролетарского (сын сапожника и кухарки), однако, вся советская критика именovala его писателем «буржуазным».

Пролетарская литература, — это, во-вторых, такая литература, которая, независимо от происхождения авторов, художественно проявляет идеалы пролетарского мировоззрения. Если бы я знал, что такое «пролетарское мировоззрение», то готов был бы принять такое определение. Но вот, например, — «величайший художественный представитель пролетарской литературы», Максим Горький: с какого конца его мещанское происхождение является пролетарским, а его индивидуалистические концепции — не противоречащими «пролетарскому мировоззрению»?

На помощь этому недоумению идет требование, чтобы пролетарская литература пользовалась методом «социалистического реализма». Час от часу не легче! О том, что такое реализм — идут вековые дебаты в европейской и русской критике, а тут, не угодно ли, надо говорить о реализме социалистическом. Откровенно скажу, — совершенно не пони-

маю сочетания этих двух слов, несмотря на блестящее определение, идущее с высоты Кремля: «литература должна быть реалистической по форме, социалистической по содержанию», — вот что такое пролетарская литература! Здесь сколько слов, столько и недоумений, ибо к прежним присоединяется еще и наивное противопоставление формы и содержания. Не говоря уже о том, что «социалистический» здесь надо понимать как «марксистский», иначе и Глеб Успенский оказался бы пролетарским писателем: несомненный «реалист» и несомненный «социалист», но — народнического толка; значит — не подходит под ранжир марксистского пролетарского писателя.

Да, «социалистический реализм» нисколько не помогает определению «пролетарской литературы»; горы бумаги извели и о нем, но без всякого толка, — воз и ныне там. Мне представляется, что с этим термином надо поступить по примеру одного из героев Диккенса, рассказывавшего о рецепте писания статьи на тему «Китайская метафизика»: в энциклопедическом словаре берут слова «Китай» и «метафизика», разбалтывают их вместе — и статья «китайская метафизика» готова. Возьми спорные слова — «социализм», «реализм», болтай о них вместе, и получишь «социалистический реализм», ни для кого не понятный, да и никому не нужный.

Краткий вывод: нет никакого «социалистического реализма», да заодно и никакой «пролетарской литературы». Есть просто — русская литература по ту и по сю сторону границы, одна — в счастливых условиях свободного слова, другая — на прокрустовом ложе цензуры и марксистского мировоззрения. И если эта вторая могла все же дать за тяжелые четверть века несколько неумирающих произведений, которые прочно войдут в историю русской литературы, то честь и хвала ей за это! Но, конечно, это не смешные рассказы Зощенко, которого эмигрантский критик готов сопоставить с Гоголем. Я знаю: он сравнивает не величину талантов, а «комическое» у этих двух писателей; мог же тот же самый критик в другой статье проводить параллель между Сервантесом и...Тэффи! Но все же — сравнение обязывает, и лучше не сравнивать несравнимого.

Возвращаюсь к тому, с чего начал: я считаю, что и презрительное, и приподнятое отношение разных лагерей эмигрантской критики к советской литературе — одинаково несправедливо: она и не так ничтожна, как об этом писали критики типа Антона Крайнего, и не так заме-

чательна, как об этом говорят критики другого лагеря. Здесь, конечно, как и во всякой оценке, многое субъективно, но все же можно попытаться наметить ряд имен и произведений, которые останутся в истории русской советской литературы, — хоть абзацем, хоть фразой, хоть упоминанием. О русской «европейской» литературе не говорю, ибо еще слишком мало ее знаю: надо еще много прочесть, чтобы иметь право сравнивать эти два русла единой русской литературы, отделенных друг от друга китайской стеной вот уже четверть века.

13. Советская литература

(1943. 12 мая. № 38 [524]. С. 2–3)

I. Поэзия

Что представляет собою советская художественная литература — проза, поэзия, критика, — если взглянуть на нее «с птичьего дуазо»? (по бессмертному выражению Глеба Успенского). Четверть века — срок немалый и в человеческой жизни и в жизни литературы; можно ли прийти к некоторым общим выводам, если проследить течение советской литературы от ее истоков, то есть от революции 1917 года, и до того рубежа, который поставила война 1941 года? Тема эта — для большой статьи, а не маленького очерка; в последнем можно лишь наметить самые основные вехи, которые все же покажут, если и не детали, то хоть общее направление пути.

Я сразу выскажу тот общий вывод, к которому можно прийти лишь в конце пути: все ценное в советской художественной литературе дано людьми старого поколения, вступившими уже в зрелом возрасте в эпоху революции. Исключения — очень незначительные — как всегда лишь подтверждают правило.

Прежде всего скинем со счетов один из трех отделов литературы — поэзия, художественная проза, критика — скинем со счетов последнюю, ибо нет критики там, где нет возможности личного мнения. Характерен эпизод с одним из литературных критиков, Корнелием Зелинским (есть такой, и сравнительно довольно грамотный), который написал критическую статью с неким твердым суждением о только

что вышедшем тогда в свет романе Леонова «Скутаревский», сдал ее в редакцию журнала — и в тот же день узнал, что в высоких кремлевских кругах высказывают об этом романе диаметрально противоположное суждение. Критик немедленно побежал в редакцию журнала, взял свою статью и через день-другой принес ее уже в исправленном виде: все плюсы в ней были переменены на минусы и наоборот, так что статья в новом виде пела в унисон с нотою, заданной кремлевским камертоном. Нескромность редакции журнала разгласила это событие, после которого Корнелия Зелинского стали именовать Корнелием Вазелинским. Это случай анекдотический, но в то же время типичный: критика в советской литературе превратилась в сплошное лакейство, в постоянное «чего изволите?» — и тем самым перестала существовать; ее свободно можно скинуть со счетов литературы.

Поэзию — со счетов не скинешь; в ней за последние четверть века появились такие произведения, которые прочно войдут в историю русской литературы, — но все они были произведениями людей отнюдь не «революционного поколения». Начиная с изумительной поэмы «Ночной обыск» Хлебникова (изумительно и то, как могла пропустить ее цензура в пятитомном собрании сочинений этого поэта), продолжая исключительным по мастерству «Первым свиданием» Андрея Белого, затем поэмой Владимира Гиппиуса «Лик человеческий», и кончая поэмами Клюева, стихами Есенина — все это было продолжением и завершением «золотого века» русской поэзии, начало которого совпало с началом XX века. Прошумел Маяковский, но и он в эпоху революции не пошел дальше сильного «Облака в штанах» и остроумной, но мелкой «Мистерии-буфф», написанной еще до периода «советской литературы». Почти совсем замолчал незадолго перед смертью ставший членом ВКП(б) Валерий Брюсов; много писал наоборот, сидя в своем Коктебеле, Максимилиан Волошин; шел своим путем не-орденоносный Борис Пастернак, и даже орденоносный Николай Тихонов продолжал поэтические традиции расстрелянного Гумилева. Совершенно умолкла по причинам цензурным Анна Ахматова, а по причинам дипломатического свойства — такой большой поэт, как Балтрушайтис (ставший послом в Москве новоявленной Литовской республики).

Но ведь все это — имена, известные еще задолго до «советской литературы»; они-то и дали ей те произведения, которые так или ина-

че (главой, абзацем, названием) войдут в историю русской литературы. Нарочно не упоминаю десятков имен второстепенных поэтов того же поколения, вроде паточного Рождественского (ставшего верным Личардой власть имущих); острого Пяста (умершего после ссылки непримиримым в 1941 году), — автора ряда ненапечатанных поэм; Павла Антокольского, талантливое эпигона — и еще многих и многих других поэтов «до-революционного» поколения. Иные из них замолчали, иные «продали шпагу свою» (впрочем, не шпагу, а перо), иные погибли — расстрел, тюрьма, концлагерь, ссылка; но перечисление еще десятков и десятков имен «до-революционных» поэтов не прибавило бы ничего к тому основному положению, что все «историческое» в советской поэзии было создано людьми до-советского поколения.

Действительно, какие же имена поэтов можно назвать в противовес выше названным, — кого можно перечислить, как поэтов «советского поколения»? Назвать и перечислить можно бы многих, — ведь в одной Москве было, как говорили, зарегистрировано 1600 поэтов; но ведь мы говорим не о казенной регистрации, а о поэтах, вошедших в историю «советской литературы», или «имеющих войти» в оную. Выше я назвал — далеко не полностью — ряд имен старших и младших богатырей русской поэзии «до-советского» поколения. Да, —

То был век богатырей,
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки, —

разные Герасимовы, Александровские, Уткины, Кирсановы, Светловы и прочие, и прочие, и прочие (имена же их, Ты, Господи, веши, — хотел было прибавить я, если бы Господу Богу было хоть малейшее дело до этих имен).

Однако, если постараться припомнить, да к тому же скромно ограничиться малым, то вот три имени, о которых еще кое-что можно сказать.

Первый — Павел Васильев, поэт не без таланта, губивший себя чрезмерной поэтической многоречивостью; эпигон Клюева, он был тоже причислен к «кулацким поэтам», за что и попал на три года в Суздальский изолятор. Прав на «историю литературы» у него еще нет

никаких; но горькая его участь заслуживает всяческого уважения и сожаления. Если судьба пощадит его, а он сумеет много и серьезно поработать над своим дарованием, то из него может еще выработаться хороший поэт. Но и тогда до Клюева ему, как до звезды небесной далеко.

Второй — Сельвинский, бойкий и ловкий версификатор, поэт не без остроумия, но такой же эпигон Маяковского, как Павел Васильев — Клюева. Когда Маяковский посмертно вошел в силу и славу, то подражателей у него оказалось — несть числа, и какой-нибудь Николай Асеев, старый «до-революционный» поэт, всегда бывший на задворках поэзии, тут вдруг нашел путь и к славе, и к ордену — хорошим политическим поведением и слепым подражанием стилю Маяковского, Сельвинский в этом отношении несколько выше: он — эпигон Маяковского, но с попытками на самостоятельность, иногда и удающимися, но не Бог весть какими интересными. Не думаю, чтобы в будущей истории русской поэзии ему было отведено больше абзаца.

Наконец — третий... Вот этот третий и есть то единственное исключение, которое, как и всегда, только подтверждает правило. Третий, а в сущности первый и единственный — Василий Казин, автор тоненькой брошюрки — сборника стихов «Рабочий Май». В ней все его права на бессмертие, так как после нее он — партийный коммунист — отошел от поэзии: петь то, что в душе пелось — он не мог; петь то, что свыше приказывалось — не хотел, и предпочел совсем отойти от литературы. После этой первой и последней книжки стихов написал очень немного (поэму — «Любовь и лисья шуба») и ушел с головой в партийную работу. И это — немалая потеря для русской поэзии, так как «Рабочий Май» подавал большие надежды. Казин — единственный глубоко даровитый «советский поэт» и даже «пролетарский поэт» (рабочий от станка); но в Пролеткульте, юношей, он прошел большую поэтическую школу у преподававшего тогда (в самом начале революции) в этом учреждении Андрея Белого... И пролетариату не обойтись без «буржуазной» преемственности!

Заканчивая этим краткий путь по вершинам «советской поэзии», повторю тот вывод, который высказал вначале: за все двадцать пять лет этой поэзии все ценное в ней дано людьми до-советского поколения, старшими и младшими богатырями предыдущей эпохи. Казалось бы — за четверть века революция могла бы взрастить свое собствен-

ное поколение поэтов, но — не взрастила, и по понятной причине: там, где слово заковано в цепи — нет места росту новых сил. Так обстоит дело с «советской поэзией»; интересно поговорить и о советской художественной литературе прозаической.

Перечел написанное выше — и не жду такого возражения: почему это, говоря о советской поэзии, я не упомянул про такого ее кита, как Демьян Бедный? Не жду потому, что к поэзии Демьян Бедный не имеет ни малейшего отношения.

14. Советская литература

(1943. 19 мая. № 40 [526]. С. 2–3)

II. Проза

Общая формула — «все ценное в советской художественной литературе дано людьми до-революционного поколения», — вполне оправдывающая себя в отношении советской поэзии, возбуждает с первого взгляда большие сомнения, когда речь заходит о советской художественной прозе. Действительно, за четверть века — такая плеяда имен молодых талантливых беллетристов и так мало имен писателей предыдущего литературного поколения! Но, конечно, дело не в количестве, а в весе: небольшой рассказ, например, очерк Михаила Пришвина «Охота за счастьем», на весах критики и истории литературы может оказаться «томов премногих тяжелей», — хотя бы, например, многотомного и вполне бездарного романа Панферова «Бруски».

Но это лишь случайный пример; вообще же надо сказать, что эта область оценок в высшей степени субъективна, а потому я нисколько не претендую на общезначимость своих суждений. Должен сказать сразу: не принадлежу ни к числу читателей, огулом отрицающих «советскую литературу», ибо де, что доброго из Назарета, ни к числу читателей, склонных приподнято относиться к достижениям советских беллетристов и сравнивать Зощенко с Гоголем. Считаю, однако, что «золотой век» русской прозы начала XX столетия — прошел, что десятилетие, в котором могли появиться такие «эпохальные» романы, как «Мелкий бес» Федора Сологуба и «Петербург» Андрея Белого —

не повторится, что после золотого века пришел, как и следовало ожидать, серебряный (хорошо еще, если не медный), что и в области художественной прозы

...смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Счету нет, сколько этих мошек и букашек расплодилось в советской беллетристике, — и, конечно, упоминать о них здесь не придется. Как-то, в начале тридцатых годов меня привело в восторг заглавие одной журнальной критической статьи: «Творчество Ивана Уксусова». Был такой «пролетарский беллетрист», написал два-три рассказа, повесть, роман — и погиге имя его без шума: и в Советском Союзе никто не вспомнит теперь имени этого беллетриста, о «творчестве» которого печатались статьи. Так вот, вся массовая советская беллетристика — это сплошной коллективный Иван Уксусов, о котором говорить не приходится. Поговорим о подлинной художественной литературе.

Но и здесь, по французской поговорке, есть фаготы и фаготы. Не угодно ли обратить внимание на такой беллетристический фагот (или еще более гнусавый инструмент), как на одиннадцатое издание романа Федора Гладкова «Цемент», переведенного и на ряд европейских языков. Ведь это же типичный Иван Уксусов, средняя рядовая беллетристика, пришедшая<ся> ко двору и ко времени, но не имеющая ничего общего с литературой художественной. О таких Гладковых, как бы велики ни были их успехи, говорить тоже не буду; прибавлю только, что Федор Гладков — писатель старого поколения, печатавшийся еще до первой мировой войны, так что никак не может служить представителем «молодой советской литературы». Это же относится и к Пантелеймону Романову, роман которого «Русь» тщетно ходил по разным редакциям и издательствам задолго до революции, и процвел, как жезл Ааронов, лишь в советское время. Это все — «старики» (отнюдь не золотого века), а нас интересует поколение молодых советских талантов.

Обращаясь к ним, надо прежде всего скинуть со счетов ряд прославленных имен и произведений «пролетарских писателей»: Михаила Чумандрина, романы которого были объявлены критикой выше «Войны и мира»; Панферова, «Бруски» которого (в четырех томах!) можно

было дочитать до конца лишь при большом запасе мужественного терпения; Либединского, тоже «прославленного» за повесть «Неделя», — и многих им подобных. Все это такой низкий сорт литературы, что останавливаться на нем не приходится; число же литературных имен — безмерно велико. Для меня они все объединяются в двух созвучных именах молодых советских беллетристов — Малашкине и Малышкине. Знаю, что один из них — бездарный графоман, а другой — «подающий надежды» беллетрист, но никак не могу запомнить, кто из них автор романа «Севастополь», кто из них талантлив и кто бездарен. Так вот, о бесчисленных Малашкиных и Малышкиных говорить много тоже не приходится. Знаю, что романы Михаила Слонимского — потрясаяюще бездарны, что романы Михаила Козакова много грамотнее, что Каверин может состряпать занимательную авантюрную повесть, — но подлинная художественная литература здесь еще и не ночевала. Итак — мимо Малашкиных и Малышкиных: никакого литературного ущерба мы от этого не потерпим.

И еще мимо, — мимо таких авторов, которые дали то малое, что могли, и потом ушли из литературы — либо потому, что исчерпали себя в первой книге, либо потому, что рано ушли из жизни. Примером первого является Бабель, написавший неплохую характерную «Конармию» и исчерпавший ею весь свой талант; примером второго служит Неверов, подававший надежды своим «Ташкент, город хлебный», но рано умерший. Небольшой абзац в будущей истории русской литературы займет, вероятно, каждый из них.

После всего этого не слишком строгого отбора (ибо при более строгом, вряд ли такие авторы, как Бабель или Неверов попадут в историю литературы) — остается быть может с десятков имен «молодых советских авторов», являющихся вершинами современной советской литературы. Я перечисляю их, чтобы никому не было обиды, в порядке алфавитном, заранее допуская, что в памяти моей могут быть и пробелы:

Булгаков, Зощенко, Ильф и Петров, Леонов, Олеша, Пильняк, Фадеев, Федин, Шолохов, Эренбург.

Первые три имени характеризуют собою так называемую «советскую сатиру». Насколько это вещь опасная — показала судьба Михаила Булгакова, который после двух довольно острых и остроумных повестей («Роковые яйца» и «Дьяволиада») был вообще изгнан из литературы и больше уж ничего не мог напечатать. Зощенко более по-

счастливилось: благодаря удачно найденной (но очень не новой) форме «мещанского сказа», в большом количестве нестерпимо надоедливому, благодаря с другой стороны скромности размаха сатиры, остающейся в пределах дозволенного и даже поощряемого — Зощенко процвел и стал по распространенности одним из первых советских писателей. Попытки его вырваться из формы «мещанского сказа» кончились неудачей, и, по-видимому, Зощенко писатель уже до конца определившийся; небольшой абзац в будущей истории русской литературы, вероятно, заслужил и он. Наконец, Ильф и Петров, авторы прищумевших «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» — остроумных, но беззлобных гротесков — тоже в прошлом: Ильф умер, а Евгений Петров получил за него орден и благоразумно прекратил литературное творчество.

Леонид Леонов, автор многих романов и пьес, — имя вполне литературное, но отнюдь не советского происхождения. Его давнишний «Петушихинский пролом» показал в нем хорошего подмастерья школы Алексея Ремизова; в позднейших романах он набил себе руку, усвоил советскую тематику и выдвинулся в первые ряды советской литературы. В главу об этой литературе он, конечно, попадет, но отдельной главы собою не составит. Это же можно сказать и о Юрии Олеши с его хорошо скомпонованной «Завистью»; но в то время, как Леонов печет роман за романом и пьесу за пьесой — Олеша далеко не так продуктивен. Надо прибавить к стати, что и он не принадлежит к поколению «советской молодежи», будучи, как и Леонов, далеко более чем среднего возраста.

Борис Пильняк стоит особняком, как по своим писаниям, так и по своей судьбе. Расхлябанный стиль, в котором он пробовал подражать Андрею Белому (недаром кто-то сострил, что Пильняк пишет черным по Белому), попытка стать советским экспрессионистом, многописание, неумение отделять написанное — все это делало его эпигоном, не имеющим сил подняться до уровня мастера. Горькая его судьба (расстрел или десять лет изолятора — до сих пор неизвестно) будет помянута в синодике русских писателей, но ведь это не повышает его художественного уровня. Мы скорбим об участи Полежаева, что не мешает ему занимать вполне второстепенное место на русском Парнасе. Разница еще в том, что Полежаев был погублен в самом начале своего жизненного и литературного пути, а Пильняк — был автором

доброго десятка романов, вполне определивших его литературную физиономию и удельный вес (не очень большой).

Спешно прохожу мимо Фадеева, «Последний из Удегэ» которого был бы не плохим романом, если бы автор не следовал рабски всем приемам письма, взятым им напрокат у Льва Толстого. Константин Федин — хороший четкий писатель, первый роман которого, «Города и годы», является в то же время и лучшим его романом. Наконец, — если пропустить Шолохова, — Эренбург: об этом писателе можно сказать, что у него сколько романов, столько и физиономий: своего лица у него совсем нет, он всегда кому-нибудь подражает. В романе «Хулио Хуренито» он рабски следует по стопам Анатоля Франса; в «Жанне Ней» — пытается подражать традиции романов Диккенса; «Жизнь и смерть Николая Курбова» — неудачное и неумелое подражание ритмической прозе романов Андрея Белого. Не писатель, а подражатель; место таким в лучшем случае — на задворках истории литературы.

Остается Шолохов, автор хорошего романа «Тихий Дон» и плохой «Поднятой целины». Я очень уважаю автора-коммуниста за то, что он в конце романа отказался от мысли (предписывавшейся ему из Кремля) сделать своего героя, Григория Мелехова, благоденствующим председателем колхоза, а предпочел погубить его нераскаянным. Но не в этой частности дело, а в том, что «Тихий Дон» представляет собою наклонную плоскость с вершиной в первом томе; дальше от тома к тому письмо слабеет, образы повторяются и выветриваются, интерес падает. У Шолохова много поклонников, считающих его вершиной советской литературы; может быть оно и так, но не в обиду им будь сказано — сорок лет тому назад выходили сборники «Знания», в которых вполне мог быть напечатан и «Тихий Дон». Печатался там Кондурушкин — кто его теперь помнит? На те же «казачьи темы» писал свои очерки Федор Крюков, и писал совсем не плохо, — боюсь, что теперь никто не вспомнит и его имени. И если Шолохов подлинно «вершина советской литературы», то надо сказать, что вершина эта далеко не Эльбрус и не Монблан, а гора значительно более скромной высоты.

Этим я сегодня и кончу, так как разговор о подлинных вершинах «советской литературы» за минувшую четверть века — разговор особый и длинный. Скажу только, что он вполне подтвердит общее поло-

жение о том, что все ценное в советской художественной литературе дано писателями старого поколения. Такие романы, как «Москва» и «Маски» Андрея Белого, как «Кашеева цепь» Михаила Пришвина — являются вершинами не только русской, но и европейской литературы. И «пролетарский граф» Алексей Толстой со своим «Петром Первым», и Сергеев-Ценский, и Новиков-Прибой со своей «Цусимой» — все это писатели старого литературного поколения и в то же время вершины советской литературы, на много превышающие тот десяток сравнительно молодых имен, который был назван выше. Но об этом как-нибудь до другого раза.

Ирина Бушман

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ДРУЗЬЯХ

Разумник Васильевич был частым гостем в семье наших близких друзей. В первый раз я увидела его, когда еще была ребенком. Как сейчас помню, какое большое впечатление произвел на меня весь его облик. Все в нем — и огромный породистый нос, и живые, быстрые и умные глаза, и даже маленькая круглая черная шапочка, казавшаяся частью его самого, так как он никогда с ней не расставался, до такой степени напоминали птицу, что птичья голова, вырезанная на его любимой трости, казалась портретом ее обладателя. Я его немного побаивалась, хотя он охотно принимал участие в наших *petits jeux* <игра в фанты. — *Фр.*> и рассказывал много интересного.

Потом он на много лет исчез из Царского Села и вообще из нашего поля зрения — погрузился в один из тех страшных черных «провалов», в которые советская власть погружала время от времени все и вся, не разучившееся еще самостоятельно мыслить. «Выпорхнул» он опять перед самой войной, когда я уже училась в университете. Похудел, постарел, немного сгорбился, но тот же живой пронизательный взгляд из-за дымчатых очков. По-прежнему был он деятельным участником наших литературных игр и викторин. Но какая-то робость овладевала мною при виде его и мешала прочесть ему те стихи, которые я без особого страха давала читать тем из моих университетских профессоров, кто этим интересовался. Мне казалось, что Разумник Васильевич может искать в литературе нечто, о существовании чего профессора советского университета забыли или, вернее, боялись даже вспомнить, не только сказать нам. Я чувствовала, что он может потребовать от моих литературных опытов чего-то, чего советские литературоведы давно уже не ждали от нас, молодежи.

И все-таки я принесла ему на суд мои строки при совсем необычных обстоятельствах. Это было через несколько недель после взятия немцами города Пушкин (Царское Село было переименовано в город Пушкин, а не в город Пушкино, как ошибочно считают многие).

Страшно выглядел наш город, опутанный сетью оборванных проводов, усыпанный битым стеклом и осколками снарядов, грустно смотрел он пустыми зияющими рамами на своих голодающих обитателей, с трудом ползавших по его улицам. И в этих нечеловеческих условиях жизни интеллигенты-энтузиасты во главе с Ивановым-Разумником решили устроить независимую от немцев организацию людей умственного труда, призывая в свои ряды молодежь и стариков, профессуру и студенчество. Их первый призыв был: спасайте книги!

Книги в это время валялись просто на улицах около разрушенных снарядами домов или в квартирах, перевернутых вверх дном немецкими обысками. Их поливал дождь, топтали солдатские сапоги, немцы брали их на растопку. И вот в вымирающем от голода городе раздался клич: «Спасите нашу пищу духовную! Собирайте книги! Собирайте их на улицах и в брошенных квартирах. Снесите их в городскую библиотеку или в свои собственные, ибо право собственности на них отмерло в это страшное время. Они не вещи — они наши друзья, и их надо спасти!»

По инициативе этой группы книги собирались, складывались в ящики и прятались в надежных местах. Распухшие от голода люди, бравшие на себя этот почти непосильный им труд, знали, что не им придется воспользоваться его плодами, но торопились спасти книги, пока они не погибли и пока не погибли люди, способные их спасти. Спаси для русского читателя, для Родины под любым правительством...

А новый советский служащий, перебирающий теперь картотеку городской читальни в Пушкине, не посмеет помянуть добрым словом ни полумертвых энтузиастов, спасавших под перекрестным артиллерийским огнем сокровища родной литературы, ни их инициатора и организатора — Иванова-Разумника.

Слова, которые сказал мне Разумник Васильевич по поводу моих стихов, действительно были требованием, которое не посмели бы предъявить мне связанные «социальным заказом» и «социалистическим реализмом» советские литературоведы. Это было требование подлинной художественной правды, а главное *собственной* художественной правды — поисков непроторенных еще путей. Этому завету я следую посильно до сего дня.

Группа пушкинских интеллигентов распалась зимой 1941–1942 гг. Часть их, как например, профессора Ч.¹ постигла голодная смерть, дру-

гие стали жертвами обстрела, «инцидента по недоразумению» (повешение без всякой вины), доносов советских провокаторов или немецких прихлебателей. Иванов-Разумник оказался в то время одним из немногих выживших и отправился пополнять список своих скитаний переездами из одного немецкого лагеря в другой.

Ирина Николаевна Бушман (урожд. Сидорова-Евсеева, р. 1921) — царско-селка, солагерница Ивановых по Коницу; поэт, литературовед и переводчик. Ее стихи печатались в «Новом журнале» (Нью-Йорк), в журналах «Свобода» (Мюнхен), «Наш современник» (Мюнхен), в альманахе «Мосты» (Мюнхен) и сборниках «Встречи» (Филадельфия, США), а также вошли в антологию «Содружество» (Вашингтон, 1966) и антологию поэтов второй волны «Берега: Стихи поэтов второй эмиграции» (под ред. В. Синкевич. Philadelphia: Encounters, 1992). Бушман — автор книги «Поэтическое искусство Мандельштама» (Мюнхен, 1964), ее статья «Пастернак и Рильке» вошла в «Сборник статей, посвященных творчеству Б. Л. Пастернака» (Мюнхен. 1962); в переводе Бушман на немецкий язык напечатана повесть Федора Абрамова «Вокруг да около» («Ein Tag im "Neuen Leben"», 1964); работала на радиостанции «Свободная Европа». Живет в Мюнхене. Текст воспоминаний печатается по машинописи в собрании *АИШ*. Приношу благодарность И. Н. Бушман за разрешение напечатать ее воспоминания, а также за расшифровку имен в ее воспоминаниях и в воспоминаниях Е. А. Сидоровой.

¹ Проф. С. Н. Чернов. Иванов-Разумник записал 5 января 1942 г. в ЗК: «Был у проф. С. Н. Чернова; очень слаб. Выхлопотал бумагу о помещении его в больницу»; 6 января: «В ночь

на сегодня скончался проф. С. Н. Чернов»; и 12 января: «Неделя, как С. Н. Чернов лежит на столе: нет гвоздей, нет гроба, нет копальщиков».

Евгения Сидорова

ИЗ ВСТРЕЧ С ДРУЗЬЯМИ

Царское Село, поистине «Город муз»¹, как назвал его Эрих Голлербах в своей книге, охватывающей время начала двадцатого столетия. Колыбель Пушкина, воспетая им, с тех пор неизменно привлекала к себе людей искусства и литераторов, вплоть до последних лет. Во время нашей многолетней жизни в Царском Селе мы уже привыкли постоянно встречать на уютных зеленых улицах и в парках людей, чьи имена знает вся Россия, в том числе и зарубежная. С некоторыми из них мы встречались и у общих знакомых, некоторые были нашими личными друзьями (к последним относится ныне покойный художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин, композитор Д<ешевов>², художник К<левер>³, лучший иллюстратор сказок Андерсена, замолчанный большевиками, и другие). Очарование Царского Села было неизмеримо велико, ему поддался и Алексей Толстой, поселившийся там в уютном особняке неподалеку от лицейского сада, там же жил Шишков и другие. Впоследствии, после переезда Ал. Толстого в Ленинград, особняк его отошел под дом отдыха для писателей.

Разумник Васильевич (Иванов-Разумник) тоже любил Царское Село и неизменно возвращался после очередных ссылок туда, где, как преданная Пенелопа, оставалась ожидать его жена. В годы долгих разлук с другом-мужем она тихо и терпеливо коротала дни в своем скромном уголке среди книг, лишь изредка появляясь по делам в городе. И тогда она шла по улицам с рассеянной улыбкой и немного отсутствующим взглядом грустных голубых глаз, бедно одетая, скромная и тихая. Некоторые уверяли, что Разумник Васильевич женат на своей бывшей прислуге, но это было полнейшим абсурдом, так как жена Разумника Васильевича была культурным и образованным человеком, говорила на иностранных языках, всегда интересовалась литературой и свято хранила библиотеку мужа. Но жизнь ей приходилось вести более чем скромную и замкнутую. И она и Разумник Васильевич трогательно любили свою дочь, отвечавшую им такой же нежной привязан-

ностью и заботой. В последние годы, окончив высшее учебное заведение, она где-то работала и перед войной была куда-то откомандирована. Был у них и сын, но очень неудачный. Как часто это случилось при советской власти, он попал в дурную компанию и совершенно сбился с пути. В конце концов он куда-то исчез или погиб. Это было огромным несчастьем для бедных родителей, они никогда ничего не говорили о сыне, как будто его у них и не было, но я хорошо знаю, какую душевную травму нанесла эта потеря. Но не в их силах было что-либо изменить.

С Разумником Васильевичем и его супругой мы встречались в Царском Селе у наших общих друзей П<люшко>вых. Как только Разумник Васильевич появлялся на горизонте, нас извещали, и мы собирались в этот день у наших друзей, проводя время в интереснейших беседах. Но это длилось недолго, и Разумник Васильевич снова исчезал. Как раз перед войной он снова возвратился в Царское Село из ссылки и перенес весь ужас почти полугодового сидения на линии фронта под артиллерийским обстрелом и воздушной бомбардировкой, почти умирая с голода, но все же не теряя окончательно надежды и бодрости. Совершенно больного его вывезли в Германию при очистке Царского Села, как фронтовой полосы от гражданского населения. Он остался жив только благодаря заботам его жены.

В феврале 1942 года мы очутились вместе с Разумниками (так у нас всех было принято их называть) в одном из лагерей западной Пруссии в городе К<онице>, где просидели почти год за колючей проволокой без права выхода за пределы лагеря. Чтобы придать какой-то смысл нашей безрадостной лагерной жизни, мы иногда собирались в бараке у Разумников. В комнате, где они помещались, кроме них находилась вдова поэта А<ннен>ского⁴ с дочерью и сестрой и еще другие люди. Р. В. устраивал интересные чтения и беседы, а иногда и политические дискуссии, уже тогда точно предсказывая исход войны и возлагая огромные надежды на Англию и Америку, в победе которых он никогда не сомневался. Так же верно обрисовал он заранее, какое положение создастся в мире по окончании Второй мировой войны. Мысли о каком-либо продолжительном сотрудничестве между демократическими державами и Советским Союзом Разумник Васильевич просто не допускал. Иногда мы сидели все вместе вокруг простого деревянного стола, покрытого вместо скатерти серым лагерным одея-

лом, иногда же, когда Разумник Васильевич чувствовал себя плохо, он председательствовал, свешиваясь со второго этажа лагерной кровати, похожий на большую умную птицу, выглядывавшую из своего гнезда. Несколько раз мы собирались и у художника К<левера>, который в невозможной обстановке все же продолжал писать свои картины и портреты, среди которых был замечательный портрет Разумника Васильевича. К счастью, лагерное начальство не обращало внимания на то, о чем могут рассуждать «унтерменши» на своем варварском наречии. Мы с Разумником Васильевичем оказались товарищами по несчастью, так как его (за его нос), а меня (за мои вьющиеся волосы) подозревали в еврействе, делали нам исследование крови и таскали в Гестапо, но так и не пришли ни к какому заключению. К счастью, в городе К<онице> нашелся один юрист (из русских немцев)⁵, заинтересовавшийся пребыванием в лагере Разумника Васильевича. Он хлопотал ему с женой отпуск из лагеря, и на некоторое время Разумники переселились к этому симпатичному и культурному человеку, имевшему прекрасную русскую библиотеку и дававшего на прочтение книги многим в лагере. Однако вскоре Разумников перевели вместе с многими лагерниками в другой лагерь в Pr<eussisch> St<a>rg<ard>, и им пришлось покинуть гостеприимный дом их покровителя.

В Pr<eussisch> St<a>rg<ard> часть людей расселили по деревянным баракам в парке, часть же попала в каменные дома, находившиеся на территории психиатрической лечебницы Конрадштейн. Это был целый городок. Мы попали в деревянные бараки и были счастливыми, так как не были в непосредственной близости с душевнобольными, но Разумники попали в каменную казарму и им приходилось вечно сталкиваться на улице с сумасшедшими или видеть их из окна в доме напротив, где они цеплялись за решетки, лезли на окна и кричали. Кроме того у нас в бараках жизнь была свободнее, так как наш начальник был очень ленив и беспечен и мало нами интересовался, а в каменных домах был придирчивый и грубый начальник лагеря, который ввел там свой режим и порядки. В шутку наших начальников лагеря так и прозвали «деревянный» и «каменный».

Разумники ежедневно навещали нас после четырех часов дня. В нашей комнате жила теперь с нами бывшая соседка Разумников и тоже царскоселка, вдова поэта А<ннен>ского с дочерью и сестрой, сестры Я<коб>и⁶ (одна художница, другая искусствовед), еще дама с до-

чуркой, которую очень любили Разумники, вспоминая, видно, свою дочь. Побеседовав, мы всей гурьбой шли на прогулку по кладбищенской березовой аллее до изгороди, выходящей в поле, где любовались солнечным закатом. Это называлось у нас «гулять на Стрелке». Привожу здесь свои стихи, которые я тогда посвятила своим друзьям и которые очень порадовали Разумников.

Посвящение друзьям

На память скромную безделку
Хочу оставить я в заклад,
Чтоб каждый помнил нашу «Стрелку»
И пламенеющий закат.

Уходит солнце за ометом
И розовеют облака...
В березах ветер шепчет что-то,
Их ветви шевеля слегка.

На крышу аист вниз садится —
В гнезде так четок силуэт.
А над полянами струится
Чуть меркнувший вечерний свет.

Волшебна сказка отзвучала
Для Красной Шапочки*. Ей спать
Пора ложиться. И устало
За ней в барак плетется мать.

Бесшумно воздух рассекая,
Проносится летучья мышь...
Квартет лягушек нарушает
Вечернюю квартетом тишь.

Остановясь под липой старой
На миг, чтоб аромат вдохнуть,
«Разумники» неспешно парой
К «анштальту» держат дружно путь.

Их провожаем мы до башни,
Где бьют одиннадцать часы,

Где ходит «каменный и страшный»,
Ворча в подбритые усы.

Мы говорим «Спокойной ночи!»
И, расходясь в который раз,
Считаем — на день жизнь короче,
Но ближе днем рассвет для нас!

Вскоре друг Разумников из К<оница> снова отхлопотал их к себе в гости, и они уехали опять к нему в К<ониц>, а оттуда их отпустили в конце концов к их родственникам в Литву. Но недолго пришлось им там отдыхать — наступление большевиков заставило Разумников бежать в Германию, но обстоятельства жизни и события разделили нас и нам уже не пришлось больше встретиться.

* Красная Шапочка — прозвище дочурки нашей соседки по комнате, данное ей Разумником Васильевичем, который каждый день рассказывал ей какую-нибудь сказку.

Евгения Алексеевна Сидорова (1899–1981) — писательница, печаталась под псевдонимом Е. Мор, а также Д'Актиль; мать И. Н. Бушман. Более пространный вариант этих воспоминаний был опубликован Владимиром Белоусом и Жоржем Шероном в «Русской мысли» (1996. 24–30 окт. № 4146. С. 11–12). Здесь текст печатается по машинописи из собрания АИШ.

¹ Голлербах Э. Ф. Город муз. Л., 1927.

² Владимир Михайлович Дешевов (1889–1955).

³ Оскар Юльевич Клевер из лагеря в Конице попал в Быдгощ (Bydgoszcz, в то время в Западной Пруссии), где был учителем музыки и рисования в школе. После войны вернулся в Советский Союз.

⁴ Елена Александровна Анненская, вдова сына Иннокентия Анненского, Валентина Кривича, скончавшегося до войны.

⁵ Олаф Федорович Вельдинг — см. о нем вступление к «Эпилогу».

⁶ Сестры Елизавета Николаевна Якоби, искусствовед и художник, и Анастасия Николаевна Якоби (в замужестве Армадерова) до войны работали в Эрмитаже, жили в Царском Селе, после войны жили в Нью-Йорке, похоронены на кладбище женского монастыря Ново-Дивеево в штате Нью-Йорк. См.: Голлербах С. Наброски по памяти («Эрмитажные» старушки) // Грани. 1998. № 185. С. 197–198.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов Ф. А. 372
Абрамович Р. А. 290, 291
Авербах Л. Л. 144, 326, 327
Аверченко А. Т. 177
Авксентьев Н. Д. 34, 222
Агеносов В. В. 163, 215
Агранов Я. С. 326, 327
Адамович Г. В. 31, 35, 158, 159, 170, 174, 175, 178, 197, 200, 225, 241, 289
Азадовский К. М. 32, 47, 86, 166, 167
Азадовский М. К. 47
Азеф Е. Ф. 235, 236, 243, 244, 342
Айхенвальд Ю. И. (Каменецкий Б.) 15, 175, 178, 213, 231, 240, 269
Алданов М. А. (Ландау) 31, 35, 61, 64, 134, 196, 198–200, 222, 225, 230, 240
Александра Федоровна, императрица 231
Александрова В. 292
Александровский В. Д. 362
Алексеев Н. Н. 208, 215
Аллой В. Е. 276
Алтаузен Я. М. 320
Алянский С. М. 105, 107
Ангерт 321–323
Андерсен Х. К. 373
Андреев В. Л. 173, 207, 212, 225
Андреев Л. Н. 80, 129
Андреев Н. Е. 149, 151, 153, 158, 215, 237
Андреева Е. Н. (Andreyev С.) 286
Андреева И. 276
Андреева О. В. (Чернова) 207, 212
Андреева-Карлайл О. В. (Carlisle) 18
Андреев М. 223
Андроников К. Я. 62
Анненков Ю. П. 295
Анненская Е. А. 374, 375, 377
Анненский В. И. (Кривич В.) 374, 377
Анненский И. Ф. 377
Антокольский П. Г. 362
Анциферов Н. П. 124, 157, 178, 181–184
Анциферова Т. Н. (Оберучева) 181, 183
Апостол П. 88
Аронсон Г. Я. 290–292
Арсеньев Н. С. 121, 123, 125, 149, 151
Артемов В. П. 286
Архангельский В. Г. 219, 223
Архипов Н. И. 347
Асеев Н. Н. 363
Аскольдов С. А. (Алексеев) 17, 334
Астров Н. И. 270, 272
Ауерган Я. 183
Ахматова А. А. 27–30, 32, 33, 44, 49, 61, 66, 86, 121, 123, 138, 140, 325, 336, 337, 361
Бабель И. Э. 140, 366
Базанова Д. В. 158
Байдалаков В. М. 19
Балтрушайтис М. И. 111
Балтрушайтис Ю. К. 9, 15, 51, 52, 110, 113, 114, 361
Бальзак О. 124
Бальмонт Е. К. (Цветковская) 60, 62
Бальмонт К. Д. 40, 42, 51, 52, 60, 62, 138, 140, 207, 213, 304, 344

- Барабанов Е. 192
Баранов В. 45
Баранова-Шестова Н. Л. 80, 252
Барсова Л. Г. 163
Бахрах А. В. 36, 295
Бахрушин С. В. 168
Бахтин Н. М. 133
Бедный Д. 337, 364
Безносов А. 117
Безродный М. В. 128
Белинский В. Г. 12, 49, 73, 126, 152, 176, 178, 206, 208, 214, 252
Белов С. В. 107, 157, 168, 183
Белошевская Л. Н. 150, 158
Белоус В. Г. 14–17, 59, 77, 104, 163, 221, 280, 377
Белый Андрей (Бугаев Б. Н.) 9, 12–14, 16, 21, 40, 44, 45, 66, 67, 69–72, 94, 107, 120–126, 128, 129, 174, 177, 206, 209, 216, 217, 220, 221, 229, 230, 239, 240, 249, 250, 307, 309, 310, 313, 326, 344, 361, 363, 364, 367–369
Бем А. И. (Омельяненко) 181, 266
Бем А. Л. 7, 10, 13, 14, 17, 20, 21, 35, 45, 67, 109, 122, 129, 131–133, 140, 150, 157–162, 164, 166–169, 171–173, 176, 178, 180, 182, 183, 190, 191, 194, 198–200, 202, 205, 206, 209, 210, 214, 218, 221, 224, 227, 237, 240, 245, 248, 249, 256, 257, 259, 261, 264–267, 271, 272, 276, 284, 286, 292, 294–296, 300
Бем И. А. (Голик) 227, 237
Бем Т. А. (Давыдова, Рейзер) 227, 237
Бенеш Э. (Beneš) 182
Бенуа А. Н. 295
Берберова Н. Н. 13, 14, 17, 18, 34, 35, 37–40, 42–47, 50–61, 64, 66, 67, 69, 70, 72, 92, 106, 108, 109, 112–114, 172, 179, 180, 187, 199, 200, 208, 210, 214, 225, 231, 232, 239–241, 279, 287, 288, 290, 291, 293, 294
Бердяев Н. А. 20, 31, 35, 36, 40, 41, 61, 69, 71, 119, 151, 206, 207, 210, 271
Бердяева Л. Ю. 36
Берия Л. П. 354, 356
Берсенева И. Н. (Павлищев) 350–353
Бетеа Д. (Bethea) 240
Бицилли П. М. 174, 177, 197, 200
Блинов С. Г. 187
Блок А. А. 9, 12, 14, 16, 20, 28, 33, 40, 62, 67, 69–72, 75, 85, 86, 89, 94, 106, 107, 124, 126, 128, 129, 209, 217, 224, 227, 228, 237, 238, 245, 248, 249, 258, 259, 261, 289, 291, 307, 308, 310, 313, 319, 323, 326, 332, 344, 345
Блок Л. Д. 85, 86, 94
Блюм А. В. 179
Блюменталь-Тамарин А. Э. 129
Блюменталь-Тамарин В. А. 126, 129, 141, 145
Блюменталь-Тамарина М. М. 129
Блюхер В. К. 342
Богомолов Н. А. 25, 28, 145, 172, 213
Бодлер Ш. 87
Бонч-Бруевич В. Д. 62, 204, 237, 327
Боранецкий П. С. 25, 26
Борзова Е. П. 163
Борисов-Мусатов В. Э. 67
Борман А. А. 18
Бородин А. П. 37
Бочаров С. 159
Брешко-Брешковская Е. К. 219, 223, 238, 243
Брешко-Брешковский Н. Н. 228, 239
Брунст Д. В. 19
Брюсов В. Я. 207, 208, 213, 214, 232, 259, 343, 344, 361
Бубеникова М. см. Bubeníková M.
Бугаева К. Н. (Васильева) 34, 45, 124, 125, 230, 239

- Букшпан Я. М. 271
Булгаков В. Ф. 196, 199
Булгаков М. А. 335, 336, 366
Булгаков С. Н. 40, 41, 148, 206, 210
Бунаков И. И. см. Фондаминский И. И.
Бунин И. А. 15, 31, 35, 40, 42, 44, 60, 61, 63, 64, 69, 126, 127, 129, 134, 138, 170, 195, 196, 198, 202, 224, 225, 228, 237, 238, 241, 289, 295
Бунина В. Н. 64, 68, 72
Бурцев В. Л. 145
Бухарин Н. И. 286
Бучина Л. И. 107
Бушман И. Н. 5, 370, 372, 377
- Вагнер Р. 87, 88
Вадимов А. (Цветков) 151
Ванечкова Г. 199
Ванчура В. 183
Варшавский В. С. 25, 34, 127, 241, 274
Варшавский С. И. 163
Васильев П. Н. 336, 362, 363
Васильева К. Н. см. Бугаева К. Н.
Васильева М. А. 34
Вахаловская Л. см. Vachalovská L.
Вахтель М. (Wachtel) 33
Введенский А. И. 270
Вельдинг О. Ф. (Welding) 12, 20, 55, 56, 113, 114, 277, 279, 377
Вельтман А. Ф. 87, 89
Венгеров С. А. 123, 157, 168
Вербловская М. Б. 183
Вергилий 110
Вергун К. Д. 19
Вернадский В. И. 184
Вернадский Г. В. 149, 184, 208, 215
Веселовский А. Н. 130
Виллон Ф. 28
Виноградов А. К. 249, 253
Витковский Е. В. 25
Витязев П. см. Седенко Ф. И.
Вишневецкий И. Г. 67
- Вишняк М. В. 34, 63, 218, 221, 222
Владимирцев Н. И. 188
Власов А. А. 286
Водовозов В. В. 270, 272
Водовозова О. А. 272
Войцеховский С. Л. 268
Волин С. Ю. (Левин) 290, 291
Волкова 80
Волошин М. А. 89, 361
Воронина Т. Л. 200
Воронович Н. 220
Воронский А. К. 192
Ворошилов К. Е. 346
Врангель П. Н. 129
Высоцкая О. 33
Высоцкий О. Н. 33
- Гаген-Торн Г. Ю. 17
Гаген-Торн Н. И. 17
Газданов Г. И. 197, 200
Гаккель С. (Hackel) 16, 211
Галушкин А. Ю. 192, 200, 286
Ганин А. 332, 345
Гегель Г. 176, 207, 211
Гейдрих Р. см. Heydrich R.
Гейне Г. 86
Гексли см. Huxley J. S.
Геллер Л. 192
Геллер М. 150
Геннадий (Эйкалович), игумен 41, 210
Герасимов М. П. 362
Герасимов Ю. К. 19
Герлит А. Р. см. Herlit A.
Герра Р. (Guerra R.) 59, 223
Герцен А. И. 49, 141, 146, 340, 348, 353
Гершензон М. О. 146, 210, 275, 276
Герштейн Э. Г. 33
Гессен Е. С. 158
Гессен И. В. 10, 17, 18, 230, 231, 240, 248, 252
Гессен С. О. 159, 207, 211, 228, 237
Гете И. В. (Goethe J. W.) 102, 104

- Гидаш А. 330
Гизетти А. А. 176, 178
Гизетти М. Р. 5
Гинс Г. К. (Guins C.) 278–280
Гиппиус Вл. В. 261
Гиппиус З. Н. (Антон Крайний) 11–13, 15, 20, 21, 25, 31, 34, 35, 51, 52, 75, 94, 106–108, 129, 134, 138, 140, 197, 200, 206, 209, 217, 222, 224, 226, 228, 232, 235, 237, 238, 243–245, 249, 253–256, 258, 259, 261, 295, 359
Гиппиус Н. Н. 91, 94, 106, 108
Гиппиус Т. Н. 91, 94, 106, 108
Гитлер А. 19, 38, 246, 252, 301
Гладков см. Гладцын И. Н.
Гладков Ф. В. 365
Гладцын И. Н. 282–284, 277
Гоголь Н. В. 87, 89, 93, 115, 168, 175, 177, 178, 207, 299, 357, 359, 364
Годунов Борис 87, 89
Голлербах Е. А. 39, 137
Голлербах С. 377
Голлербах Э. Ф. 251, 373, 377
Головина А. С. 158
Гончаров И. А. 152, 154–156, 197, 237
Горазд, епископ 182
Горак И. 269, 271
Гордиенко Т. В. 64
Горнфельд А. Г. (Огрон Б.) 180, 183, 249, 253
Горный Сергей см. Оцуп. А. А.
Городецкий С. М. 27, 339, 340
Горский И. 19, 92, 173
Горький М. 6, 21, 22, 44, 45, 67, 129, 143, 144, 152, 200, 207, 232, 237, 238, 240, 241, 244, 253, 269, 327, 328, 335, 340–342, 346, 358
Горяинов А. Н. 168
Готье Т. 28
Гофман М. Л. 88, 214
Грачева А. М. 5, 75, 76, 152
Гребенщиков Я. П. 85, 86
Гревс И. М. 183
Грегори Иоганн Готфрид 302
Греч Н. И. 87, 88, 97
Гречишкин С. С. 94
Гржебин З. И. 68, 70
Грибоедов А. С. 301
Григорьев А. А. 84, 87, 88, 258
Григорьев В. П. 129
Грин М. 64
Грин Ц. И. 108
Грифцов Б. А. 121, 124
Гронский И. М. 341
Грузинова М. 182
Гукасов А. О. 232
Гуковский А. И. 34
Гуль Р. Б. 23, 24, 242
Гумилев Л. Н. 33, 215
Гумилев Н. С. 23, 27, 28, 30, 32, 248, 323, 326, 332, 361
Гумилева Е. Н. 32
Гуро Е. Г. (Матюшина) 85, 86
Гутнер М. 144

Давыдов С. С. 5, 160
Давыдова Н. 188
Д'Актиль см. Сидорова Е. А.
Далин Д. Ю. (Левин) 290, 291
Даль В. И. (Луганский) 87, 89
Дальтон М. 25
Даманская А. Ф. 197, 200, 241, 247, 252
Д'Амелиа А. 97, 276
Даниил, пророк 63
Данилевский А. А. 74, 80, 97
Данилова И. Ф. 80
Данте 30, 334
Дворцова Н. П. 80
Дельвиг А. А. 83
Денике Ю. П. 290, 292
Деникин А. И. 314
Державин Г. Р. 170, 172, 181
Десницкий В. А. 168

- Деспотули В. М. (Влад. Неллин) 18, 19, 141, 145, 198, 262, 263, 267
Дешарт О. А. 72, 133, 237, 276
Дешевов В. М. 373, 377
Джунковский В. Ф. 342
Диккенс Ч. 359, 368
Дикман М.И. 250
Дистлер И. В. 152
Дмитренко А. Л. 145
Дмитриева О. 286
Добкин А. И. 184
Добролюбов Н. А. 252
Добронравов Л. М. 79, 197, 200
Добужинский М. В. 113, 278
Долинин А. С. (Искоз) 27, 47, 168
Домгер Л. (Domherr) 49
Дон-Аминадо (Шполянский А. П.) 233, 242
Достоевский М. М. 88
Достоевский Ф. М. 25, 115, 129, 130, 157–159, 162, 166–168, 172, 173, 175–177, 180, 181, 183, 184, 206, 210, 243, 269, 271, 272, 294, 295, 299
Дрыжакова Е. Н. 47
Дурновцев В. И. 215
Дьякова Е. А. 16
Дэвис Д. (Davis) 222
Дэйвис Р. (Davies) 5, 173
Дюма-отец А. 315, 316
Дягилев С. П. 232, 242

Евгеньев-Максимов В. Е. 247, 252
Евлогий (Георгиевский), митрополит 34, 134, 135, 139, 206, 210
Ежов Н. И. 328, 354
Екатерина I 350
Еленин Е. 184
Есенин С. А. 207, 216, 310, 313, 327, 332, 345, 361
Ефимов Б. 327, 328

Жемчужникова М. Н. 71, 124, 125
Живов В. М. 215
Жиглевич Е. В. 119, 192
Жид А. 271
Жуковский В. А. 59

Заболоцкий Н. А. 342, 354–356
Завадский С. В. 168, 270, 272
Завалишина Н. Г. 92, 122
Задражилова М. 158
Заика С. В. 152
Зайцев Б. К. 13, 16, 35, 40, 42, 46, 50–58, 60, 62–67, 70–72, 91, 94, 106, 108, 109, 111–114, 116, 122, 131, 132, 134, 138, 140, 167, 177, 178, 194, 198, 200–202, 216, 220, 221, 225, 232, 238, 287, 289, 292, 294
Зайцева В. А. 59, 68, 72
Зайцева Н. Б. (Соллогуб) 59, 72
Зайцевы 59, 65, 68, 72
Закревская-Бенкендорф-Будберг М. И. 39
Замалеев А. Ф. 163
Замятин Е. И. 9, 79, 80, 90, 92, 105, 107, 191, 192, 196, 199, 200, 218, 234, 241, 242, 310, 327, 334, 335
Замятина Л. Н. 105, 107, 192, 234, 242, 335
Зандер Л. А. 272
Зелинский К. Л. 360, 361
Зелинский Ф. Ф. 132, 133, 237
Зензинов В. М. 217, 220, 229, 247, 252, 290, 291
Зенкевич М. А. 27
Зеньковский В. В. 176
Зернова С. М. 291
Зерновы 291
Злобин В. А. 20, 140, 238
Зоргенфрей В. А. 30, 33
Зорин А. Л. 172
Зощенко М. М. 357, 359, 364, 366
Зубов В. П. 299, 300, 302

- Ибсен Г. 350
Иванов Вяч. Вс. 45
Иванов Вяч. И. 30, 33, 40, 42, 52, 61, 66, 72, 133, 198, 228, 237–238, 247, 252, 272, 275, 276, 344
Иванов Г. В. 23–35, 41–43, 62, 64, 68, 71, 83, 92, 106, 108, 123, 140, 159, 171, 172, 198–200, 208, 210, 214, 222, 225, 240, 246, 251, 289, 291
Иванов Д. В. 198
Иванов Л. Р. 85, 103–104, 374
Иванова В. Н. 9, 10, 76–78, 81, 83, 84, 85, 87, 95, 97, 99, 100, 104, 105, 107, 109, 110, 112, 114, 115, 117, 137, 145–147, 150, 154, 162, 186, 191, 193, 194, 196, 198, 208, 219, 224, 236, 253, 254, 258–260, 262, 266, 275–280, 282–287, 290, 292, 293, 295, 372
Иванова Е. В. 16, 22
Иванова И. Р. 85, 103, 104, 266–268, 373–374
Иванчин-Писарев А. И. 15, 247, 253
Изгоев А. С. (Ланде) 270, 273
Измайлов Н. В. 319
Ильин И. А. 205, 211
Ильф И. 366, 367
Ингаунис Ф. А. 342
Иоанн (Шаховской), архиепископ 5, 6, 11, 13, 18, 36, 39, 47, 89, 109, 134–140, 142, 145–147, 210, 279, 281, 282
Иогансон Е. И. 242
Ипатьев В. Н. 184
Ирвинг В. 337
Исаев М. М. 87, 88
Исаева М. Б. 87, 88
Каверин В. А. 366
Казанцев А. С. 19
Казин В. В. 336, 363
Казнина О. А. 143, 145
Калинников И. Ф. 228, 237
Кальвин (Calvin) 60, 62
Камендровская Т. Н. 181, 183
Каменецкий Б. см. Айхенвальд Ю. И.
Камерон Ч. 322
Каминка А. И. 240
Камков Б. Д. 236, 244
Камкин В. 37
Кантор М. Л. 34, 225
Капелюш Б. Н. 15, 85, 111
Карабинович Д. А. 283
Карпов В. С. 301
Карпович М. М. 241, 278
Карсавин Л. П. 19
Карташев А. В. 15, 106–108, 210
Кеда А. А. 243
Кейхель 120, 121, 123
Келли А. 41
Керенский А. Ф. 82, 222, 229, 233, 289, 291
Кизеветтер А. А. 270
Кирсанов С. И. 362
Кирион В. М. 329
Клевер М. Ю. 283
Клевер О. Ю. 283, 373, 375, 377
Клеверы 283
Климов А. Е. 72
Клычков Г. С. 167
Клюев Н. А. 9, 126, 129, 164, 166, 167, 313, 332, 342–348, 361–363
Книпович Е. Ф. 85, 86
Кнут Д. 225
Коган Л. 349
Кодрянская Н. В. 74, 79, 80, 106
Козаков М. Э. 366
Козлова М. Г. 124
Колбасина-Чернова см. Чернова-Колбасина О. Е.
Колеров М. А. 41
Колосов Е. Е. 48
Колчак А. В. 280, 314
Кольцов М. Е. 326–328

- Комнин, император 312
 Кондаков Н. П. 148
 Кондурушкин С. С. 368
 Конечный А. М. 183, 184
 Константинов Д. К. 22
 Копрживова-Вуколова А. 150
 Коростелев О. А. 158
 Коссович А. В. 238
 Костиков В. В. 198
 Костин В. И. 122
 Котрелев Н. В. 124
 Кравченко В. А. 37, 38
 Краевский Б. 145
 Крайний Антон см. Гиппиус З. Н.
 Красавченко Т. Н. 143
 Краснов П. Н. 177
 Крачковский И. Ю. 89, 315
 Крейд В. 33
 Кривич В. см. Анненский В. И.
 Кроленко А. А. 89, 314, 315
 Крыленко Н. В. 314, 342
 Крылов И. 146
 Крюков Ф. Д. 368
 Кублицкая-Пиоттух А. А. 85
 Кудрова И. В. 145
 Кузмин М. А. 23, 86, 145
 Кузьмина-Караваева Е.Ю. см. Мария,
 монахиня
 Кулешов С. В. 215
 Кумпан К. А. 183, 184
 Кун Бела 330
 Куняев С. Ю. 167
 Куприн А. И. 15
 Кусиков А. Б. 230, 239
 Кускова Е. Д. 219, 223, 233, 241, 242
 Кутепов А. П. 145

 Лавров А. В. 6, 14, 15, 17, 20, 22, 28, 32,
 40, 62, 71, 86, 94, 122, 124, 128,
 153, 237, 251
 Лавров П. Л. 178, 331
 Ладинский А. П. 34, 224, 226
 Лазарев Е. Е. 219, 223
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 63
 Лапшин И. И. 17, 148, 150, 161–163,
 218
 Лебедев В. И. 229, 234, 238
 Лебедев В. М. 158
 Лебедев-Кумач В. И. 249, 253
 Левина К. Н. 145
 Лежнев А. 329, 330
 Лежнев И. 330
 Лейбранд Р. А. 19
 Лейхтенбергские 136
 Ленин В. И. 111, 179, 314
 Леонидов В. 88
 Леонов Л. М. 105, 107, 197, 200, 361,
 366, 367
 Леонтьев К. Н. 207
 Леонтьев Я. В. 14–16, 48, 59, 187, 191,
 239, 243
 Лермонтов М. Ю. 52, 106, 115, 177,
 223, 225, 232, 241
 Лесков Н. С. 115, 299, 302
 Либединский Ю. Н. 368
 Лившиц Б. К. 33, 85
 Линник Ю. В. 135
 Лифарь С. М. 214, 232, 242
 Лихачев Д. С. 17, 183
 Ло Гатто Этторе (Lo Gatto) 58, 167,
 195, 198
 Лозинский Г. Л. 60, 62
 Лозинский М. Л. 27–30, 32, 62
 Ломоносов М. В. 124, 125
 Лосев А. Ф. 333, 334
 Лосский Б. Н. 149–151, 163
 Лосский Н. О. 35, 131, 133, 148–151,
 161–164, 169, 191, 201, 202, 206,
 210, 218, 273, 285, 286, 292, 294,
 296
 Луганский см. Даль В. И.
 Лукницкая В. К. 32
 Лукницкие 32
 Лукницкий П. Н. 33, 140

- Луначарский А. В. 204
Лундберг Е. Г. 16, 247, 252
Любимова М. Ю. 107
Любимцев С. С. 141, 145–147
Лютер 62
Лютер А. Ф. (Luther A.) 77, 78, 109, 117, 126, 127, 129, 130, 174, 177, 191, 192, 279, 297, 298–304
Ляцкая В. П. 155, 156, 264
Ляцкий Е. А. 8, 67, 150, 152–156, 178, 181, 183, 194, 195, 197, 198, 200, 227, 228, 237, 245, 256, 261, 262, 264, 268, 270, 272
- Макеев Н. В. 44, 45
Маковский С. К. 33, 95, 96, 295
Максимов Д. Е. 32, 64, 86
Малашкин С. И. 366
Малевич О. М. 158
Малышкин А. Г. 366
Мальмстад Дж. (Malmstad J.) 5, 6, 14, 21, 45, 71, 124, 159, 172, 192, 200, 213, 239
Мамченко В. А. 34
Мандельштам Н. Я. 29, 30, 32
Мандельштам О. Э. 27–30, 32, 47, 108, 140, 372
Мандельштам Ю. В. 34
Мансветов В. Ф. 158
Мария, монахиня (Кузьмина-Караваева, Скобцова Е. Ю.) 36, 207, 211, 259, 261
Марков В. Ф. 23, 128
Мартов Л. 291
Масанов И. Ф. 180
Масарик Т. (Masaryk) 148, 152, 237, 271
Матюшин М. В. 85
Маяковский В. В. 249, 253, 326, 357, 361, 363
Медведев П. Н. 72
Мейер А. А. 94, 183, 334
Мейер Г. А. 126, 128, 206, 209
Мейербер Дж. (Meyerbeer G.) 88
Мейерхольд В. Э. 342
Мельгунов С. П. 242
Менделеев Д. И. 324
Мережковский Д. С. 12, 13, 20, 21, 25, 31, 34, 35, 60, 62, 79, 108, 129, 138, 140, 166, 196, 199, 222, 228, 232, 235, 237, 238, 243, 244, 247, 258, 259, 304
Метальников С. И. 255
Метнер Э. К. 124, 128
Миллер В. Ф. 130
Миллер Е. К. 141, 145
Милюков П. Н. 172, 207, 212, 218, 222, 231–233
Минц З. Г. 20, 86
Миров М. 73
Миролюбов В. С. 15, 111
Миронов М. П. 238
Михайлов Н. П. 267
Михайловский Н. К. 175, 178
Михнюк Г. В. 6
Мнухин Л. А. 173
Могилянский Н. М. 271, 273
Модзалевский Б. Л. 319
Молас Б. Н. 319
Молотов В. М. 19, 309, 346, 358
Мольер 129, 329
Монс В. 349
Мор Е. см. Сидорова Е. А.
Морев Г. А. 145
Морковин В. В. 158, 173
Мстиславский С. Д. (Масловский) 9, 15, 93, 244, 247, 252, 253
Мунблит Г. Н. 144
Муравьева-Логинова Т. Д. 35
Муратов П. П. 58
Мусоргский М. П. 89
Мюллер Э. см. Müller E.
Мякотин В. А. 233, 242, 249, 271, 273

- Набоков В. В. (Сирин) 31, 35, 42, 44, 45, 61, 170, 172, 175, 178, 185, 196, 199, 212, 225, 231, 240
 Набоков В. Д. 44, 45, 231, 240
 Набокова В. Е. (Слоним) 240
 Навуходоносор 60, 62, 63
 Натансон М. А. 236, 244
 Неверов А. 366
 Некрасов К. Ф. 258
 Некрасов Н. А. 105, 106, 343
 Немирович-Данченко Вас. И. 219, 223
 Нива Ж. (Nivat G.) 243
 Нике М. (Niqueux) 45
 Никитин А. К. 136
 Никитин Е. Н. 180
 Николаевский Б. И. 64, 107, 182, 236, 244, 290, 291
 Николаенко П. 41
 Николай I 340, 348, 351
 Николай II 231
 Новгородцев П. И. 270, 273
 Новиков И. А. 61, 64, 66, 68
 Новиков М. М. 163
 Новиков-Прибой А. С. 369

 Обатнина Е. Р. 17, 73, 77, 221
 Оболенский А. П. 210
 Овчинников Ю. 184
 Огарев Н. П. 146
 Огрон Б. см. Горнфельд А. Г.
 Одоевцева И. В. (Гейнеке И. Г.) 23, 31, 35
 Оксман Ю. Г. 14, 29, 32, 46–49, 144, 176, 180, 329
 Окулич Д. О. 21
 Окулич И. К. 278
 Окулич С. Д. (Окша) 21
 Оленина д'Альгейм М. А. 129
 Олеша Ю. К. 366, 367
 Оливеры см. Клеверы
 Олонова Е. 64
 Онегин А. Ф. (Отто) 87, 88

 Орешин П. В. 332, 345
 Орлов В. Н. 209, 227, 237, 308
 Осипов С. Я. 105, 106
 Осоргин М. А. (Ильин) 195, 198, 200, 203–205, 216, 230, 233, 240, 263, 267
 Островский А. Г. 85
 Островский А. Н. 299
 Оцуп А. А. (Сергей Горный) 121, 123, 125, 127, 201, 202, 299, 301
 Оцуп Г. А. (Раевский) 123
 Оцуп Н. А. 123, 219, 222, 225, 250

 Павел, апостол 69
 Павленков Ф. 307
 Павлов Б. А. 304
 Павлов И. П. 255
 Павлова К. К. 302
 Павлова М. М. 122, 251
 Павлова Т. Ф. 188
 Пайпс Р. см. Pipes R.
 Панина С. В. 149
 Панферов Ф. И. 364, 365
 Папанин И. Д. 104, 105
 Парнис А. Е. 128
 Паскаль Б. 62, 210
 Пастернак Б. Л. 30, 32, 140, 248, 327, 354, 361, 372
 Паульманн И. 86
 Пахмусс Т. (Pachmuss) 62, 108
 Перов А. К. 238
 Перов Н. И. 19
 Перхин В. В. 143
 Петр I 349–352
 Петржек В. 182
 Петрищев А. Б. 233, 242
 Петров Евг. 366, 367
 Петрова М. Г. 14
 Петров-Водкин К. С. 55, 56, 122, 164, 167, 195, 198, 245, 255, 256, 258, 322, 373
 Петровский А. С. 121, 123–125

- Печерин В. С. 141, 146
Пешехонов А. В. 271, 274
Пильняк Б. А. 79, 200, 216, 217, 230, 239, 240, 275, 326, 366, 367
Пинес Б. М. 96
Пинес Д. М. 21, 86, 88, 96, 124, 125
Пичурин Л. 167
Платов М. И. 345
Платонов С. Ф. 251, 319, 348, 349
Платонова-Лозинская И. В. 28
Плеве В. К. 243
Плетнев П. А. 83
Плетнев Р. В. 123, 168
Плеханов Г. В. 82, 314
Плотников Н. С. 41
Плюшковы 374
Познер С. В. 250
Покровский К. П. 145
Покровский М. Н. 286
Полевой Н. А. 333
Полежаев А. И. 367
Поливанов К. М. 28
Половинкин С. М. 215
Полонская Е. Г. 340
Полторацкий Н. П. 72, 123, 226
Полякова В. П. 123
Полякова М. Я. 128
Полян П. М. 301
Поляновский Э. 29–30
Поплавский Б. Ю. 225
Попов А. В. 301
Поремский В. Д. 19
Постников С. П. 9–13, 15, 45, 58, 64, 67, 72, 81, 82, 92, 107, 109, 116, 117, 127, 129, 131, 132, 150, 161, 163, 164, 167, 169–171, 173, 174, 180, 181, 184, 186–189, 192–194, 197, 199, 201, 202, 204, 205, 209, 212–215, 220–222, 227, 232, 234, 235, 238–243, 251–268, 271, 274, 278, 279, 282, 284, 286, 287, 294, 296
Постникова Е. В. 9–13, 25, 67, 164, 187, 189, 191, 193, 194, 197, 201, 202, 204, 205, 208, 221, 237, 238, 240, 241, 253, 258–261, 266–269, 271, 272, 275, 277, 279, 282–287
Потемкин В. П. 309, 310
Презент М. 337
Прибылев А. В. 48
Пришвин М. М. 9, 47, 73, 77–84, 90–93, 105, 107, 253, 295, 320, 364, 369
Пришвина В. Д. 91–93
Пришвина Е. П. 91, 93
Прозаровский Ю. М. 95, 96
Прокофьева М. А. 235, 243
Проскурина В. 276
Пруст М. 175, 230
Прутков Козьма 351
Прянишников Б. В. 19, 145, 267, 268
Пушкарев С. Г. 149
Пушкин А. С. 42, 49, 62, 66, 68, 83, 88, 110, 115, 117, 137, 157, 177, 178, 181, 183, 184, 208, 214, 230, 237, 242, 273, 373
Пыпин А. Н. 237
Пыпина В. А. (Ляцкая) 237
Пяст В. А. (Пестовский) 362
Рабиновиц С. (Rabinowitz) 6, 77, 114, 250
Рабле Ф. 28, 87
Радищев А. Н. 162
Радлов С. Э. 144
Радлова А. Д. 141, 144, 145
Раевская-Хьюз О. П. 17, 64, 84, 100, 280
Райх З. Н. 342
Рамзин Л. К. 342
Растрелли В. 321
Ратгауз Т. Д. 158
Рафалович С. Л. 71
Рахманинов С. В. 96
Рахманинова И. С. 96

- Рахманинова Т. С. 96
 Резников Д. Е. 212
 Резников Е. Д. 75
 Резникова Н. В. (Чернова) 76, 79, 84, 96, 97, 106, 117, 212, 295
 Рейсс И. 145
 Ремизов А. М. 9, 19, 42, 43, 50–57, 60, 62, 66, 73–82, 84, 86–92, 94–99, 105, 106, 108, 109, 111–117, 129, 131, 132, 134, 139, 140, 152, 162, 164, 165, 171, 173, 177, 191, 199–203, 205, 206, 212, 216, 229, 242, 254, 258, 276, 279, 285–287, 289–295, 298, 310, 367
 Ремизова Н. А. 96
 Ремизова С. П. (Довгелло) 60, 62, 73, 74, 76–78, 80–86, 91, 95–100, 102, 104, 106, 108, 110–113, 115, 116, 140, 203, 229, 230, 292, 294
 Ремизовы 13, 65, 79, 89, 96, 107, 110, 117
 Ресневич-Синьорелли О. И. 58, 118, 119
 Решикова В. А. 151
 Рильке Р. М. 372
 Римские-Корсаковы 319
 Римский-Корсаков А. Н. 47, 86, 163, 320
 Римский-Корсаков Н. А. 162
 Роговин В. 244, 268
 Рождественский В. А. 362
 Рождественский С. П. 19
 Розанов В. В. 79, 259
 Розенберг А. 19, 246, 252
 Романов П. С. 365
 Романовы 311
 Ропшин В. см. Савинков Б.
 Рубинштейн Р. Г. 238
 Руднев В. В. 34, 61, 63, 127, 159, 197, 200, 218, 222, 233
 Рузвельт Ф. 314
 Русаков Ю. А. 122
 Русанов Н. С. (Кудрин) 190, 191, 234, 242, 271, 274
 Рылеев К. Ф. 333
 Рышанек М. 183
 Рязанова Л. А. 82, 92
 Сабашникова М. В. (Волошина) 125
 Савинков Б. В. (Ропшин В.) 235, 238, 243, 244
 Савинкова В. Г. 243
 Савинкова Е. И. (Зильберберг, Сомова) 243
 Савицкий П. Н. 208, 215, 216, 274
 Садовской Б. А. 172, 213, 239, 241
 Сакулин П. Н. 319
 Салтыков-Щедрин М. Е. 47, 126, 165, 167, 307, 321, 335
 Салье М. А. 89
 Светлов М. А. 320, 362
 Святополк-Мирский Д. П. (D. S. Mirsky) 47, 87, 89, 134, 138, 140, 143–145, 213, 325, 328
 Северянин И. (Лотарёв И. В.) 207, 213, 344
 Седельников В. 188
 Седенко Ф. И. (Витязев П.) 48, 176, 179, 180, 275, 276, 331, 332
 Седов Л. 268
 Седых А. (Цвибак Я. М.) 63
 Селизарова Е. Н. 122
 Сельвинский И. Л. 363
 Селюк М. Ф. 230, 239
 Семенов Ю. Ф. 240
 Серафим Саровский 124
 Сервантес 359
 Сергеев-Ценский С. Н. 369
 Сергей (Королев), епископ Пражский 149, 151
 Сергей Радонежский 59
 Сермус И. С. 213
 Сечкарев В. М. 25

- Сидорова Е. А. (Мор Е., Д'Актиль) 372, 373, 377
Сикорский И. И. 136
Симон Волхв (Simon Magus) 69, 71
Симонова З. 172
Синкевич В. А. 372
Синьорелли О. И. см. Ресневич-Синьорелли О. И.
Сири́н см. Набоков В. В.
Скалдин А. Д. 31, 33
Скворцов Л. А. 271
Скоблин Н. В. 145
Сковорода Г. С. 176
Скрябин А. Н. 162
Славик Я. 188
Слоним М. Л. 224–226, 229, 233, 234, 239, 241, 242
Слонимская Л. Л. 16
Слонимский М. Л. 366
Созонов Е. С. 235, 243
Сойкин 316
Солженицын А. И. 139, 210
Соловьев Вл. С. 16, 67, 71, 125, 210, 273, 299
Соловьев С. М. 66, 67, 69, 71, 206, 209
Соловьева Н. С. 67
Сологуб Ф. (Тетерников Ф. К.) 70, 72, 80, 96, 120, 122, 126, 129, 182, 184, 208, 214, 246, 249–251, 310–312, 316, 318–325, 336, 339, 344, 348, 358, 364
Солоневич Б. Л. 267
Солоневич И. Л. 267
Солоневич Т. В. 267, 268
Солоневичи 263, 267
Сомов О. М. 87, 89
Сонневенд Я. 182
Сорокин П. А. 180, 218, 221, 278
Сорокина О. Н. 41, 205
Сосинская А. В. (Чернова) 212
Сосинский В. Б. 207, 212, 213
Софиев Ю. (Бек-Софиев Ю. Б.) 225
Софокл 133
Спивак М. Л. 125
Спиноза Б. 210
Спиридонова М. А. 235, 243
Ставров П. С. 34
Ставский В. П. 341
Сталин И. В. 18, 32, 33, 37, 45, 253, 335–337, 341, 346, 350–353, 357
Сталинский Е. А. 229, 233, 239
Станиславский К. С. 302, 336
Стендаль 249, 253
Степанов Н. Л. 128
Степанова Н. Г. см. Чулкова Н. Г.
Степун Ф. А. 33, 34, 78, 109, 118–122, 125, 127, 128, 130, 131, 145, 146, 151, 162, 164, 167, 171, 172, 174, 177, 178, 195, 197–199, 202, 207, 209, 225, 249, 271, 279, 296–298, 301, 303, 304
Стороженко Н. И. 129
Струве Г. П. 14, 23, 29, 32, 34, 47, 48, 64, 127, 134, 144, 166, 167, 200, 203, 221, 238, 267, 291
Струве Н. А. 41, 205, 210
Струве П. Б. 7, 63, 64, 204, 205, 211, 218, 221, 240, 270, 272
Субботин С. И. 75, 88, 167
Сумеркин А. 19
Сурат И. З. 159, 183
Сургучев И. Д. 170, 172
Сулова А. А. 166, 168
Сухомлин В. В. 205, 229, 233, 234, 239, 242
Тарле Е. В. 309, 310
Тарасова Н. Б. 129
Твен М. (Twain) 43
Терапиано Ю. К. 25, 34, 62, 214, 225, 238
Терещенко М. И. 91, 93, 106, 107, 117
Терещенко П. И. 116
Тескова А. А. 135, 173

- Тименчик Р. Д. 6, 28, 124
Тимофеев Е. М. 238
Тихон (Белавин), патриарх 210
Тихонов Н. С. 342, 354–356, 361
Тоддес Е. А. 48, 49
Толстой А. Н. 79, 138, 220, 230, 240, 339, 348, 349, 358, 369, 373
Толстой Л. Н. 12, 115, 129–131, 139, 157, 178, 181, 199, 209, 210, 272, 315, 368
Толстой Н. И. 167, 215
Топоров В. Н. 86
Троицкий Н. А. 301
Троцкий Л. Д. 82, 264, 268
Трубецкой А. 123, 208
Трубецкой Н. С. 214, 215
Тумялис Ю. 111
Туниманов В. А. 168, 177, 192
Туполев А. Н. 342
Тургенев И. С. 59, 70, 115, 178, 185, 272
Тургенева А. А. 67, 71, 230, 239
Тургенева Т. А. (Соловьева) 67
Турков А. М. 111
Тухачевский М. Н. 267
Тынянов Ю. Н. 128, 230
Тыркова-Вильямс А. В. 18, 64
Тэффи Н. А. (Бучинская) 61, 63, 174, 177, 289, 359
Тютчев Ф. И. 304
- Угримов А. И. 151
Удушьев Ипполит (Иванов-Разумник) 338
Уксусов И. И. 365
Ульянкина Т. 255
Ульянова М. И. 179
Унковский В. Н. 172
Успенская В. Г. (Савинкова) 235, 243
Успенский Г. И. 243, 359, 360
Устинов А. Б. 6
Уткин И. П. 320, 362
Ушин Н. А. 315
- Фадеев А. А. 249, 253, 366, 368
Файнштейн М. Ш. 88
Федин К. А. 105, 107, 140, 354–356, 366, 368
Федоров А. М. 202
Федоров В. Г. 157, 158, 201, 202, 207, 212, 216, 217
Федотов Г. П. 26, 34, 127, 177, 210, 225, 241, 244
Федякин С. Р. 158, 251
Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н. Б.) 34, 219, 223, 225
Фельштинский Ю. Г. 244, 291
Филипп (Колычев), митрополит 177, 211
Филиппов Б. А. 17, 94, 166, 167, 192
Филосовов Д. В. 15, 228, 238
Флейшман Л. С. 6, 14, 29, 32, 47, 48, 64, 86, 128, 200
Флобер Г. 60
Флоренский П. А. 329
Флоровский Г. В. 207, 212
Фойер К. (Feuer K. B.) 47
Фойер Л. (Feuer L. S.) 47
Фойер-Миллер Р. (Feuer-Miller) 47
Фондаминский И. И. (Бунаков) 33, 34, 127, 207, 211, 222, 241
Форш О. Д. 90, 92, 197, 200
Фохт В. Б. 225
Франк С. Л. 7, 205, 210, 225, 271
Франс А. 368
Францев В. А. 64
Фрумкина Н. А. 128
- Хлебников В. В. 126, 128, 217, 221, 361
Ходасевич В. Ф. 23, 25, 37, 38, 40, 42, 43, 61, 62, 64, 65, 92, 138, 158, 159, 170, 172, 181, 183, 197, 200, 207, 208, 213, 214, 230–232, 239–242, 247, 252, 276
Хоружий С. С. 151

- Хоффманн Й. (Hoffmann J.) 286
Худяков П. К. 342
Хьюз Р. (Hughes) 6, 64, 159, 172, 183, 213, 239
- Царькова Т. С. 33
Цвейг С. (Zweig) 271
Цветаева М. И. 23, 44, 45, 61, 66, 67, 134, 135, 138, 140, 141, 145, 172, 173, 197, 200, 213, 216, 220, 225, 238, 239, 241, 258, 260, 261, 295, 325, 327
Цветковская Е. К. см. Бальмонт Е. К.
Церетели И. Г. 217, 220
Цетлин М. О. (Амари) 35, 218, 222, 261
Цетлина М. С. 261
Цявловский М. А. 168
- Чаадаев П. Я. 323, 333
Чайковский П. И. 37
Чапыгин А. 340
Чеботарева Т. 6, 199
Чеботаревская Ан. Н. 251, 323
Чегринцева Э. К. 158
Червинская Л. Д. 241, 295
Чернавин В. В. 264, 268
Чернавина Т. В. 264, 268
Чернавины 264, 267
Чернов В. М. 8, 9, 15, 82, 117, 212, 213, 217, 222, 234, 235, 242
Чернов С. Н. 371, 372
Чернова-Колбасина О. Е. 9, 116, 117, 205, 212, 213, 235, 242
Черносвитова О. Н. 251, 316, 222
Черный Саша (Гликберг А. М.) 174, 177, 217, 220
Чернышевский Н. Г. 152, 252
Чехов А. П. 14, 23, 35, 38, 59, 129, 198, 202, 299
Чехов М. А. 119, 124, 125, 350
Черчилль У. 314
- Чижевский Д. И. 119, 168, 174, 176, 177, 207, 212, 298–300, 302
Чикл В. 182
Чудакова М. О. 47–49
Чуковская Л. К. 30, 33, 49, 86, 140
Чулков Г. И. 61, 64
Чулкова Н. Г. (Степанова) 61, 64, 66
Чумандрин М. Ф. 87, 89, 315, 357, 365
- Шаляпин Ф. И. 87, 232, 241
Шамшула У. (Schamschula W.) 6
Шаршун С. И. 219, 222, 223
Шаховской Д. А. см. Иоанн, архиепископ
Шаховской Д. И. 323
Шаховской Д. М. 41
Шварц С. М. 19, 290, 291
Швейцер В. 239
Шевченко Т. Г. 341
Шекспир У. 28, 113, 145, 329
Шенталинский В. 276
Шенье Андре (Chénier) 326, 332
Шерон Ж. (Cheron G.) 16, 20, 21, 39, 59, 77, 107, 119, 122, 137, 160, 280, 377
Шестов Л. И. (Шварцман) 62, 65, 78, 80, 206, 209, 210, 247, 252, 258–261, 276
Шиллер Ф. 93, 94, 177
Шишков В. Я. 79, 90, 92, 373
Шишкова К. М. 92
Шкловский В. Б. 216, 286
Шлегель Ф. 178
Шмелев И. С. 40, 41, 61, 106, 108, 129, 138, 195, 198, 203, 205, 289, 291
Шнейдерман Э. 33
Шолохов М. А. 366, 368
Шостакович Д. Д. 358
Шпенглер О. (Spengler) 269, 272, 299
Шрейдер А. А. 235, 242, 252
Штейн Э. 157
Штейнберг А. З. 16, 92, 104, 200, 243
Штейнберг И. З. 235, 242, 243

Штейнер Р. (Штайнер, Steiner) 69, 71,
72, 125, 217, 221, 229, 239

Шумаков Ю. Д. 63

Шумихин С. 253

Шустов А. Н. 211

Шухаев В. И. 328

Шухаевы 328

Эйснер А. В. 158

Элиасберг А. С. 304

Эльзон М. Д. 63, 86

Энгельгардт А. Н. 32

Энгельгардт Л. 182, 238

Эндер З. 85

Эрберг К. (Сюннерберг К. А.) 16

Эренбург И. Г. 366, 368

Эткинд А. М. 144

Эфрон С. Я. 141, 145

Юденич Н. Н. 314

Юдина И. М. 15

Ягода Г. Г. 144, 326, 327, 329

Якоби А. Н. (Армадерева) 375, 377

Якоби Е. Н. 375, 377

Яковенко Б. В. 207, 211

Яковлев А. А. 41

Янгиров Р. М. 64, 192, 200, 226

Янковская М. Г. 5

Янковская-Лилеева Н. П. (Jankauskaitė) 54, 112, 113, 114, 283

Янковские 254, 277, 290

Янковский В. П. 283, 287

Янковский Г. П. (Jankauskas) 5, 279,
283, 293, 297, 303, 304

Янковский П. К. 113, 267

Янсен М. 238

Ященко А. С. 215

Anderson P. B. 210

Appel A. 23

Arland M. 97

Barmache N. 198

Barnford C. 124

Benz E. (Бенц) 299, 300

Berkenfeld W. 176

Bird T.-E. 123

Blane A. 212

Boyd B. 240

Bubeníková M. 157, 160, 168, 183

Cagnard J. 295

Chuzeville J. 295

Cristesco D. 35

Cristesco H. 35

Dandová M. 160

Davis D. см. Дэвис Д.

Davis R.-H. 187

Davies R. см. Дэйвис Р.

Deutscher I. 268

Diels P. 302

Dobringer E. 16

Eckardt H. von 301–304

Edgerton W. 49

Fanger D. 177

Field A. 240

Fiene D.-M. 198

Fischer G. 188

Frank J. 39

Garetto E. 58, 118

Gronicka A. von 300

Guerra R. см. Герра Р.

Hackel S. см. Гаккель С.

Hahn G. 199

Heiseler H. von 298–300

Herlit A. 250, 251

Heydrich R. 182, 261

Hufen C. 18, 19

Huxley J. S. (Гексли) 90, 93

- Karlinsky S. 23
Kasinec E. 187, 188
Kneeley R. J. 188
Kozlic F. 239
Kráčmar Č. 182
- Lampl H. 75
Lavroukine N. (Лаврухина) 144
Lowe D. 77
Lowrie D. 36
- Marsack R. 291
Maver G. 198
Müller E. 298, 300, 302, 303
- O'Brien K. 86
Ossorguine T. (Осоргина) 198
- Pipes R. (Пайпс) 205
- Raeff M. 34
Rayfield P.-D. 80
- Rhineland L.-H. 151
Riasanovsky N. 215
Ruhtenberg W. 199
- Schlögel K. 18
Shane A.-M. 192, 200
Smith G.-S. 143, 144
Stephan J.-L. 19
- Tchertkov L. (Чертков) 144
- Vachalovská L. 157, 160, 168, 183
Vinařová M. 153
Vivier R. 296
Vivier Z. 296
- Welding O. см. Вельдинг О. Ф.
West F. 71
Whitfield F. J. 144
Williams R. 19
Wisser A. 96

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

ВСТРЕЧА С ЭМИГРАЦИЕЙ. *Вступительная статья.* 7

Георгий Иванов 23

1. Г. В. Иванов — Иванову-Разумнику. 18 апреля 1942 г. 27

2. Иванов-Разумник — Г. В. Иванову. 25 апреля 1942 г. 28

3. Г. В. Иванов — Иванову-Разумнику. 26 мая 1942 г. 30

Нина Берберова 37

1. Н. Н. Берберова — Иванову-Разумнику. 30 апреля 1942 г. 40

2. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 11 мая 1942 г. 42

3. Н. Н. Берберова — Иванову-Разумнику. 26 мая 1942 г. 43

4. Н. Н. Берберова — Иванову-Разумнику. 3 сентября 1942 г. 46

5. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 30 сентября 1942 г. 50

6. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 23 декабря 1942 г. 51

7. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 19 марта 1943 г. 51

8. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 24 апреля 1943 г. 52

9. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 20 октября 1943 г. 53

10. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 21 декабря 1943 г. 54

11. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 20 февраля 1944 г. 55

12. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 26 февраля 1944 г. 56

13. Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 7 апреля 1944 г. 57

Борис Зайцев 58

1. Б. К. Зайцев — Иванову-Разумнику. 13 мая 1942 г. 60

2. Иванов-Разумник — Б. К. Зайцеву. 27 мая 1942 г. 65

3. Б. К. Зайцев — Иванову-Разумнику. 7 июня 1942 г. 68

Ремизовы. 73

1. А. М. и С. П. Ремизовы — Иванову-Разумнику. 20 апреля 1942 г. 77

2. Р. В. и В. Н. Ивановы — А. М. и С. П. Ремизовым. 1 мая 1942 г. 81

3. Иванов-Разумник — А. М. и С. П. Ремизовым. 4 мая 1942 г. 82

4. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику. 16 мая 1942 г. 84

5. С. П. Ремизова — В. Н. и Р. В. Ивановым. 18 мая 1942 г. 84

6. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику. 19 мая 1942 г.	86
7. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 27 мая 1942 г.	89
8. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 29 июня 1942 г.	94
9. А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику. 16 июля 1942 г.	96
10. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 5 августа 1942 г.	98
11. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 29 сентября 1942 г.	99
12. В. Н. Иванова — С. П. Ремизовой. 29 сентября 1942 г.	100
13. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 21 октября 1942 г.	105
14. Иванов-Разумник — С. П. и А. М. Ремизовым. 23 декабря 1942 г. ..	108
15. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 17 марта 1943 г.	109
16. Иванов-Разумник — С. П. и А. М. Ремизовым. 25 апреля 1943 г.	111
17. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 20 октября 1943 г.	112
18. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 2 февраля 1944 г.	112
19. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 26 февраля 1944 г.	114
20. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 7 апреля 1944 г.	115
21. Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 31 мая 1944 г.	116
Федор Степун.	118
1. Ф. А. Степун — Иванову-Разумнику. 14 мая 1942 г.	120
2. Иванов-Разумник — Ф. А. Степуну. 5 июня 1942 г.	125
3. Иванов-Разумник — Ф. А. Степуну. 10 ноября 1944 г.	131
Архимандрит Иоанн (Шаховской)	134
1. Архимандрит Иоанн — Иванову-Разумнику. 11 июня 1942 г.	138
2. Архимандрит Иоанн — Иванову-Разумнику. 27 июня 1942 г.	140
3. Архимандрит Иоанн — Иванову-Разумнику. 17 августа 1942 г.	147
РУССКАЯ ПРАГА	148
Евгений Ляцкий.	152
1. Е. А. Ляцкий — Иванову-Разумнику. 28 апреля 1942 г.	153
2. Иванов-Разумник — Е. А. Ляцкому. 7 мая 1942 г.	154
3. Е. А. Ляцкий — Иванову-Разумнику. 12 июня 1942 г.	154
4. Е. А. Ляцкий — Иванову-Разумнику. 29 июня 1942 г.	155
Альфред Бем	157
1. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику. 9 апреля 1942 г.	161
2. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику. 19 апреля 1942 г.	164
3. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику. 27 апреля 1942 г.	169
4. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику. 6 мая 1942 г.	169
5. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику. 25 мая 1942 г.	173
6. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику. 13 июля 1942 г.	180
7. А. Л. Бем — Иванову-Разумнику. 17 августа 1942 г.	184

Постниковы	186
1. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 9 апреля 1942 г.	189
2. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 14 апреля 1942 г.	193
3. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 20 апреля 1942 г.	194
4. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 25 апреля 1942 г.	201
5. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 28 апреля 1942 г.	202
6. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 7 мая 1942 г.	205
7. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 12 мая 1942 г.	216
8. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 14 мая 1942 г.	223
9. Е. В. Постникова — Иванову-Разумнику. 16 мая 1942 г.	226
10. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 24 мая 1942 г.	245
11. С. П. Постников — Р. В. и В. Н. Ивановым. 4 июня 1942 г.	253
12. С. П. Постников — Р. В. и В. Н. Ивановым. 5 июня 1942 г.	254
13. С. П. Постников — Р. В. и В. Н. Ивановым. 19 июня 1942 г.	256
14. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 22 июня 1942 г.	258
15. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 2 июля 1942 г.	259
16. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 8 июля 1942 г.	261
17. Е. В. Постникова — Р. В. и В. Н. Ивановым. 20 июля 1942 г.	262
18. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 29 июля 1942 г.	268
19. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 12 августа 1942 г.	274
20. С. П. Постников — Иванову-Разумнику. 8 сентября 1942 г.	275

ЭПИЛОГ 277

1 (4). Архимандрит Иоанн — Иванову-Разумнику. 7 марта 1945 г.	281
2 (21). Е. В. Постникова — Р. В. и В. Н. Ивановым. 8 марта 1945 г.	282
3 (22). С. П. Постников — Р. В. и В. Н. Ивановым. 27 марта 1945 г.	284
4 (23). Е. В. Постникова — Р. В. и В. Н. Ивановым. 14 февраля 1946 г.	284
5 (14). Иванов-Разумник — Н. Н. Берберовой. 7 апреля 1946 г.	287
6 (15). Н. Н. Берберова — Иванову-Разумнику. 3 мая 1946 г.	288
7 (22). Иванов-Разумник — А. М. Ремизову. 8 мая 1946 г.	292
8 (23). А. М. Ремизов — Иванову-Разумнику. 5 июня 1946 г.	293
9 (4). Иванов-Разумник — Ф. А. Степуну. 26 марта 1945 г.	296
10 (5). Иванов-Разумник — Ф. А. Степуну. 3 июня 1946 г.	297
Артур Лютер	298
11 (1). А. Ф. Лютер — Иванову-Разумнику. 24 февраля 1946 г.	298
12 (2). А. Ф. Лютер — Иванову-Разумнику. 10 апреля 1946 г.	301
13 (3). А. Ф. Лютер — Иванову-Разумнику. 6 мая 1946 г.	303

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Очерки Иванова-Разумника в газете «Новое слово»

1. Хожение над бездной	307
2. Две жизни султана Махмуда	313
3. Федор Сологуб	317
4. <Федор Сологуб: Окончание>	320
5. Писательские судьбы. I. Погибшие	325
6. <I. Погибшие: Окончание>	328
7. II. Задушенные	333
8. III. Приспособившиеся	338
9. Николай Клюев	343
10. Лакейство	348
11. Фантастическая история	353
12. «Пролетарская литература» и «социалистический реализм»	357
13. Советская литература. I. Поэзия	360
14. Советская литература. II. Проза	364

II. Ирина Бушман. Из воспоминаний о друзьях 370

III. Евгения Сидорова. Из встреч с друзьями 373

Указатель имен 378

Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника
В 85 1942–1946 годов / Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент.
О. Раевской-Хьюз. — М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press,
2001. — 400 с.

ISBN 5-85887-103-8

Известный литературный критик и историк общественной мысли Иванов-Разумник (псевдоним Разумника Васильевича Иванова, 1878–1946), оказавшись во время Второй мировой войны за границами Советской России, предпринял попытку связаться с русскими писателями в эмиграции. Подробно прокомментированная переписка с Г. В. Ивановым, Н. Н. Берберовой, Б. К. Зайцевым, четой Ремизовых, Ф. А. Степуном и другими, публикуемая в данном издании, представит несомненный интерес для исследователей.

ББК 83.3(2Рос)6

Встреча с эмиграцией:
Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов

Редактор *Т. А. Любимова*
Корректор *И. В. Луговая*
Верстка *П. А. Сандомирский*

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
ЛР № 040399 от 03.03.1998
109004, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1
Тел.: (095) 915-10-47

Подписано в печать 11.09.2001
Формат 60х90/16. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»,
141260, г. Красноармейск, ул. Центральная, д. 16

ISBN 5-85887-103-8

9 785858 871033 >